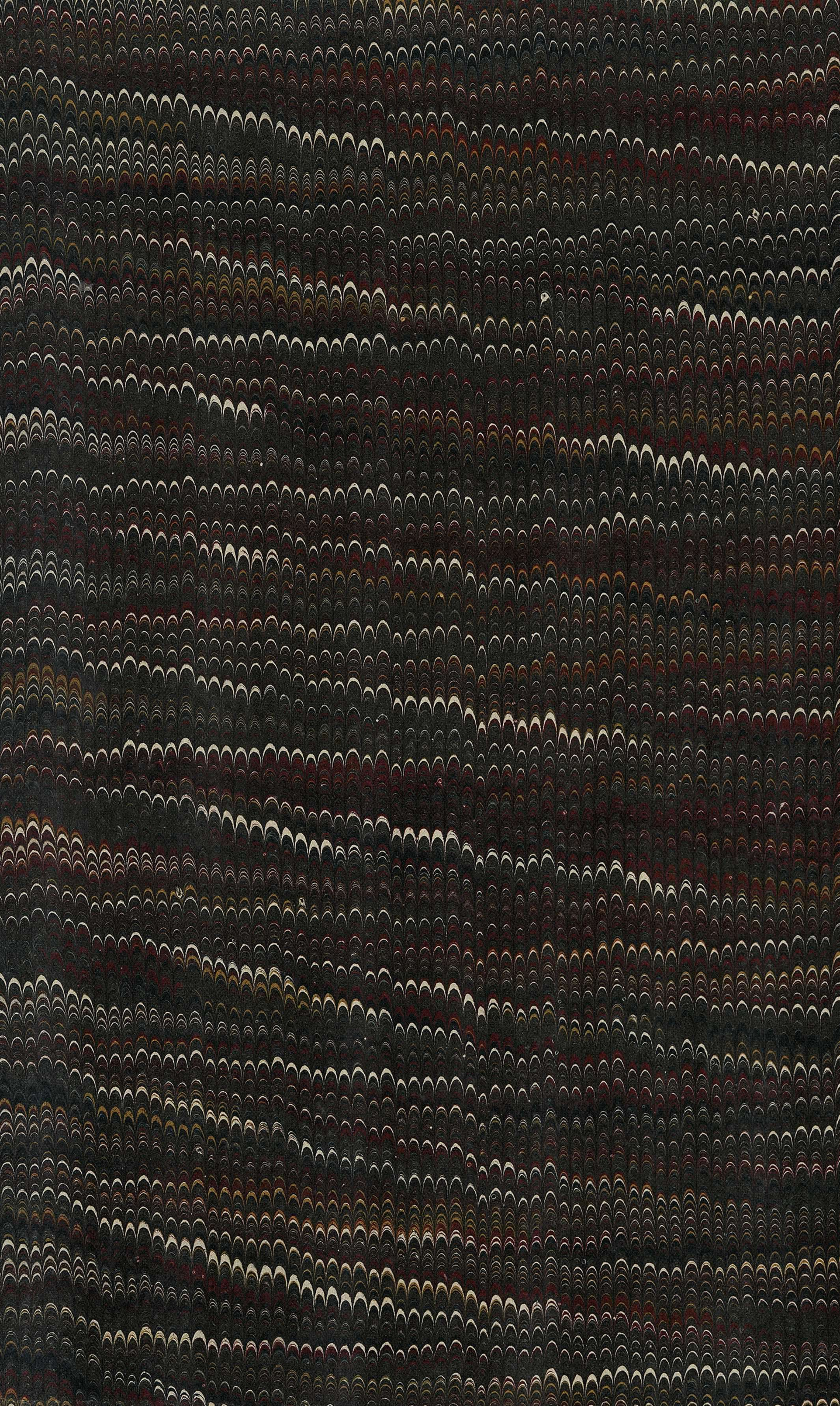
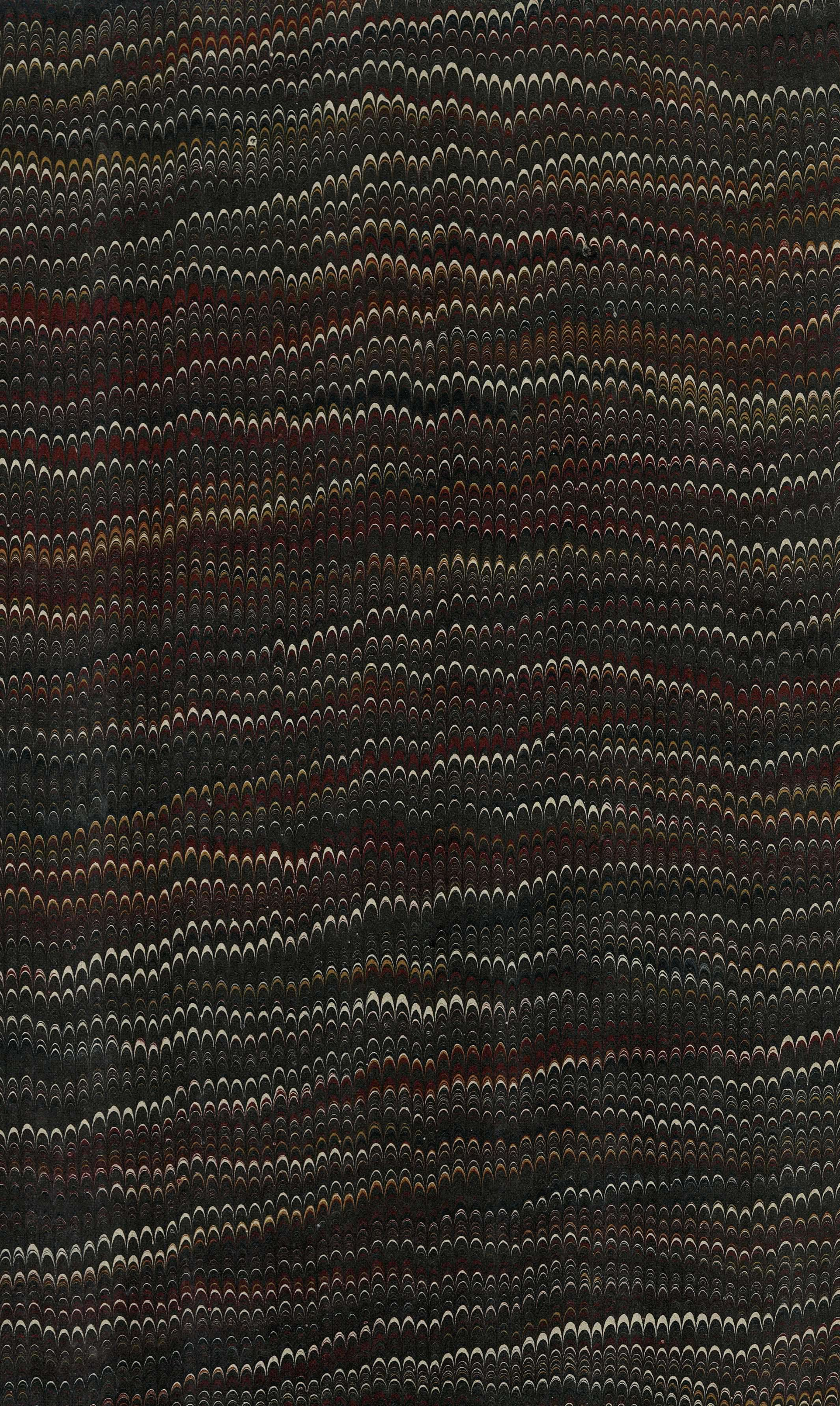
Z 80/94
T. 1





Z 80/94 1л. илл

5

Z 80/94

арх.

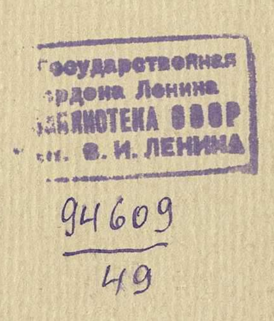
Сочиненія

И. Ѳ. Горбунова.

[I]

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1904.


Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА
94609
49

2022530733

ИЗДАНО

подъ наблюденіемъ Комиссіи при Комитетѣ Состоящаго подъ Высочайшимъ Государя Императора покровительствомъ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

Z 80/94 Гл. инв.

Сочиненія

И. Ѳ. Горбунова.

Z 80/94 1л. илл.

Арх

Сочиненія

И. Ѳ. Горбунова.

I

Библіотека № Л. П. Сколь-Энгберг

Л. Ст.-Эн.
№ 2911.

С.-Петербургъ
1904.

№ 96.

Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ, Звенигородская ул., № 11.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ИЗЪ МОСКОВСКАГО ЗАХОЛУСТЬЯ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Давно ужь это было, въ 30-мъ году, въ первую холеру. Тихо жили тогда въ Москвѣ. Вставали на восходѣ, ложились на закатѣ. Движенье было только въ городѣ, да на большихъ улицахъ, и то не на всѣхъ, а въ захолустьяхъ, особенно въ будни, цѣлый день ни пѣшаго, ни проѣзжаго. Ворота заперты, окна закрыты, занавѣски спущены. Что-то таинственное представляло изъ себя захолустье. Огромная улица охранялась однимъ будочникомъ. Днемъ онъ сидѣлъ на порогѣ своей будки, теръ табакъ, а ночью постукивалъ въ чугунную доску и по временамъ кричалъ во всю улицу: „по-сма-три-вай"!.. Хотя некому было посматривать и не на что: пусто и темно, только купеческіе псы заливались, раздражаемые его крикомъ. Полагалось четыре фонаря на всю улицу, и тѣ освѣщали только собственный свой столбъ, на которомъ были утверждены.

— Если ты такъ кричать будешь, я къ квартальному пойду... Всю ночь спать не даешь! замѣчалъ купецъ будочнику.

— Приказано, отвѣчалъ будочникъ, чтобы какъ можно кричать. Мало ли тутъ непутеваго народу.

— Въ нашей-то сторонѣ?!

— Бываетъ. Намедни тутъ днемъ у калачника тѣсто украли.

— Поймали?

— Гдѣ поймать—ушелъ!

— Что-жъ ты крикомъ-то испугаешь его, что ли?

— Все-таки опаска ему есть...

— Какая же ему опаска: ты кричишь „посматривай“, а въ переулкѣ кричатъ „караулъ“.

— Это не у насъ: въ Тупичкѣ извозчика грабили. Два часа голый у меня въ будкѣ сидѣлъ.

Былъ въ захолустьѣ домъ, очень красивый, старинной архитектуры, съ колоннами; онъ стоялъ пустой, заколоченный. Ходила молва, что въ немъ обитаетъ нечистая сила. Одинъ купецъ видѣлъ ее собственными глазами. Этому вѣрили всѣ—и Нѣмецкая Слобода, и Замоскворѣчье, и Сыромятники.

Горѣло захолустье очень часто. Эпохи его считались отъ пожаровъ.

— Это еще до большого пожара было.

Или:

— Это еще когда Балканъ не горѣлъ.

Ни врачей, ни аптекъ въ то время ни въ захолустьѣ, ни близко въ окружности не полагалось, да и незачѣмъ было: „всѣ подъ Богомъ“, говорили обыватели. Въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, и то къ очень богатымъ людямъ, приглашался штабъ-лекарь Воскресенскій. Болящіе прибѣгали или къ своимъ средствамъ—чередѣ, бузинѣ, бабковой мази, разнымъ ладонкамъ съ наговоромъ, или обращались къ капитаншѣ Мирзоевой—отъ золотухи и отъ ушибовъ лечила; къ сапожнику Разумову—отъ лихорадки пользовалъ и отъ килы зналъ лекарство; къ баньщику Ильичу—накожныя сыпи понималъ; къ цырульнику Ефиму Филиппову—отворялъ кровь „заграничнымъ инструментомъ“ и помогалъ отъ запоя—„пьянаго червяка“ замаривалъ. На вывѣскѣ у него значилось:

„Съ дозволенія правительства медицинской конторы засѣданія г-дъ врачей, въ семъ залѣ отворяютъ кровь заграничнымъ инструментомъ піявочную, баночную и жильную, прическа невѣстъ, бандо, стрижка волосъ, завивка и бритье и прочія принадлежности мужскаго туалета, по желанію на домъ, по соглашенію. Экзаменованный фельдшерный мастеръ Ефимъ Филипповъ и дергаетъ зубы“.

Жила въ захолустьѣ въ собственномъ домѣ привиллегированная повивальная бабка Юлія Янсонъ, но къ по-

мощи ея никто не обращался, и вывѣска у ней болталась для собственнаго удовольствія.

За воротами дома такъ же тихо и однообразно, какъ на улицѣ. Чисто выметенный дворъ, до того огромный, что на немъ можно выстроить свободно эскадронъ кавалеріи. Большой садъ, въ немъ рдѣютъ піоны, прозябаетъ калуферъ, Божье дерево, цвѣтутъ бархатцы, шапочки, анютины глазки; десятка два яблонь бѣлаго наливу, нѣсколько кустовъ крыжовника и смородины. Въ домѣ необыкновенная чистота, т. е. въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ не живутъ хозяева, а принимаютъ гостей. Мебель тяжелая, краснаго дерева; въ углу, въ большихъ раззолоченныхъ кіотахъ, Божье милосердіе; на стѣнѣ часы съ боемъ; на окошкѣ канарейка въ клѣткѣ. Вотъ и все украшеніе комнаты. Тишина... Установленный издревле порядокъ никогда не нарушался. Какъ въ прошломъ году на святкахъ ставили мѣломъ на дверяхъ кресты, такъ и въ этомъ году будутъ ставить; какъ въ прошломъ году 9 марта пекли изъ тѣста жаворонковъ, такъ и въ этомъ будутъ печь ихъ.

Я сказалъ, что въ рѣдкихъ случаяхъ въ захолустьѣ появлялся докторъ. Эти случаи бывали обыкновенно послѣ масляницы. Въѣзжала широкая масляница въ купеческій домъ

Съ пирогами, съ аладьями,
Съ блинами, съ орѣхами.

За недѣлю до ея прихода въ семьѣ устанавливался порядокъ встрѣчи ея и проводовъ. Съ котораго дня приступить къ блинамъ—вопросъ былъ важный; рѣшался онъ на семейномъ совѣтѣ и утверждался самимъ хозяиномъ.

— Ну, съ понедѣльника, такъ съ понедѣльника, пущай такъ, говорилъ онъ.

— А аладьи съ четверга, предлагала хозяйка.

— А то кухаркамъ не управиться, замѣчала бабушка.

— Ну, съ четверга, соглашался хозяинъ.

— А лещи каждый день пойдутъ.

— Само собой, что ихъ жалѣть-то...

Въ понедѣльникъ, рано утромъ, по всему дому распространяется блинный запахъ. Коты замурлыкали, даже въ щеляхъ тараканы зашевелились. Шарикъ давно ужь сидитъ въ кухнѣ, облизывается и поглядываетъ на кухарокъ.

— Блиновъ, старый чортъ, дожидаешься! говоритъ ему дворникъ.

Шарикъ ласково бросается къ нему на шею.

— Только я посмотрю, какъ ты опосля лаять будешь, а то опять я тебя на постную пищу.

Лица у кухарокъ отъ жару кажутся обтянутыми краснымъ сафьяномъ.

Столъ накрытъ. Выходятъ хозяева; ведутъ подъ руки разбитаго параличемъ дѣдушку, который только три раза въ годъ появляется въ обществѣ, а остальное время комнаты своей не покидаетъ; входитъ дальняя родственница Дарья Гавриловна, въ молодости имѣвшая романъ съ секретаремъ магистрата, который пропилъ все ея состоянiе и „на всю жизнь оставилъ только одну меланхолiю“.—„Бѣдная я женщина“, говоритъ она, „но во мнѣ столько благородства, хотя и купеческаго, что я никому не позволю“. За ней слѣдуетъ еще родственница Мареа Степановна; постоянное выраженiе ея лица такое, точно она проситъ милостыню; шествiе замыкаютъ купеческiй племянникъ Кирюша, съ одутловатой физiономiей, мужчина лѣтъ пятидесяти; наконецъ Анна Герасимовна, пожилая, бойкая купеческая вдова, имѣющая въ захолустьѣ домъ съ большимъ стариннымъ садомъ. Садъ этотъ она весь изрыла и ископала, отыскивая кладу, зарытаго кѣмъ-то въ 1812 году.

Свернувши блинъ въ трубку и обмакивая его въ сметану—„въ радости дождамшись“,—говоритъ хозяинъ.

Лица всѣхъ просiяли. Дѣдушка хотѣлъ было выразить удовольствiе улыбкой, но мускулы лица его не дѣйствовали, и онъ только пошевелилъ лѣвой рукой.

Мареа Степановна, взявши первый блинъ, прослезилась и глубоко вздохнула.

Сынъ Семушка взвизгнулъ.

Дѣдушка лѣвой рукой подбрасывалъ блинъ и хваталъ его на-лету, на подобiе собаки, ловящей муху.

Полное молчанiе.

Семушка сбился со счета.

— Манька, я забылъ, сколько съѣлъ.

— Грѣхъ, батюшка, считать-то, замѣтила ему бабушка:—кушай такъ, во славу Божью.

Глаза начинаютъ съуживаться; лица у всѣхъ сдѣлались влажными, утомленными. Къ послѣдней партiи блиновъ съ семгой никто не касается.

— Дай Богъ добраго здоровья, началъ Кирюша, вставая изъ-за стола.

— А ты бы еще ѣлъ.

— Много довольны... не могу!

— Что ты, Кирюша, подѣлываешь? обратилась къ нему Анна Герасимовна.

Кирюша глупо улыбнулся.

— Ничего!

— Я тебѣ говорила—женись.

— Жениться... по нынѣшнимъ временамъ...

— Ну, торговлю бы открылъ...

— Торговать тоже... по нынѣшнимъ временамъ...

— Куда жъ теперь пойдешь?

— Туда...

— Куда?

— Къ тетенькѣ Василисѣ на Зацѣпу спать пойду.

— Ты у ней живешь-то?

— Нѣтъ.

— А гдѣ же?

— Въ монастырѣ...

— Что-жь ты, душу свою соблюсти хочешь? вмѣшался хозяинъ.

— Звоню. Колоколъ у насъ большой, край только у него треснулъ... Шелапутиху хоронили, онъ и треснулъ...

— Какъ же, братецъ ты мой, продолжалъ хозяинъ:— купеческій ты племянникъ, на линіи, можно сказать, почетнаго гражданина, а какимъ пустымъ дѣломъ занимаешься, не купеческимъ...

Кирюша, уныло повѣсивъ голову, обтеръ рукавомъ скатившуюся слезу.

— Тетенька Василиса изъ дому выгнала... Ступай, говоритъ, вонъ!.. Холодно было... Всю ночь ходилъ по Яузѣ... Изъ Андроньева монахи взяли... „Звони", говорятъ... Сапоги дали. Теперь въ тепломъ соборѣ служатъ, а холодный который—запертъ... Вчера отецъ казначей на Солянку за рыбой ѣздилъ...

— Стало быть, вы тамъ хорошо ѣдите?

— Монахи ѣдятъ, поспѣшно подхватилъ Кирюша,— мы звонимъ. Сегодня раннюю звонилъ...

— Ну, ступай съ Богомъ! Не ближній тебѣ путь на Зацѣпу-то, сказала хозяйка.

Кирюша, положивши въ ротъ указательный палецъ, робко обвелъ всѣхъ глазами и, тихо пробираясь по стѣнкѣ, вышелъ изъ комнаты. Кухарка дала ему на дорогу пару лещей.

— Прими Христа-ради, сказала она.

Кирюша поклонился ей въ ноги, промолвивъ:

— Благодаримъ за неоставленіе.

Первый блинъ, какъ говорится, комомъ. Цѣлый день ходили всѣ вялые. Коты не сходили съ хозяйской постели. Ночь проведена безпокойно: хозяйка во снѣ вздрагивала, хозяинъ метался всю ночь, Семушка бился головой объ стѣну и неистово кричалъ; Шарикъ, къ величайшему огорченію дворника, всю ночь не лаялъ.

— Но ужъ только съ завтрашняго числа я тебя лаять заставлю! Ты у меня на разные голоса лаять будешь, думалъ дворникъ, перевертываясь съ боку на бокъ:—теперь дѣло масляничное, дворъ у насъ большой, улица глухая... Ужъ самъ я за тебя лаять не буду.

Въ слѣдующіе затѣмъ дни желудки попривыкли и стали ладить

Съ пирогами, съ оладьями,
Съ блинами, съ орѣхами.

Дворника все безпокоили лещи, которыхъ куплено было очень много.

— Какъ возможно такую силу лещей съѣсть, говорилъ онъ кухаркѣ:—никто не одолѣетъ. Порѣшили, что, должно быть, въ прощеный день раздадутъ нищимъ.

— А вотъ у Гужонкина мастеръ англичанинъ, замѣчалъ дворникъ,—весь постъ будетъ скоромное ѣсть. По нашей, говоритъ, вѣрѣ все возможно. Намедни ребята его спрашиваютъ:—„Ужли, говорятъ, Личарда Ѳомичъ, и на Страшной у васъ говядину ѣдятъ?“—„Съ великимъ, говоритъ, удовольствіемъ“. Вѣдь они въ пѣтуха вѣруютъ.

— Въ пѣтуха?! съ удивленіемъ воскликнула кухарка.

— Въ пѣтуха, вѣрно тебѣ говорю, окончилъ дворникъ.

Въ чистый понедѣльникъ жирный блинный запахъ смѣнился чѣмъ-то кисло-удушливымъ, отвратительно дѣйствующимъ на обоняніе. Рѣзкій переходъ къ постной пищѣ сильно подѣйствовалъ на бабушку. Она захворала. Прибѣгли къ домашнимъ средствамъ—не подѣйствовало. Послали за Ефимомъ Филипповымъ, тотъ сразу чикнулъ старуху заграничнымъ инструментомъ и выпустилъ ей фунтъ крови. Болѣзнь обострилась. Рѣшили пригласить доктора.

И вотъ вечеромъ къ воротамъ дома подъѣхала въ парныхъ саняхъ необыкновенно толстая фигура, въ медвѣжьей шубѣ, въ четырехугольномъ картузѣ уланскаго покроя, съ кисточкой. Это былъ штабъ-лекарь Иванъ Алексѣевичъ

Воскресенскій. Вѣра въ него въ захолустьѣ была необычайная по двумъ причинамъ: во-первыхъ, онъ имѣлъ право носить шпагу, а во-вторыхъ, онъ одному умершему купцу всыпалъ въ ротъ порошокъ, тотъ всталъ, подписалъ духовную и опять умеръ.

— Ну, что тутъ у васъ дѣлается? началъ онъ, входя въ переднюю.

Хозяинъ бросился помогать ему снимать шубу.

— Ни, ни, ни, остановилъ его докторъ:—всегда самъ— и надѣваю, и снимаю всегда самъ. Самъ себѣ господинъ, самъ себѣ и слуга. Старушка у васъ захворала. Вылечимъ. Тѣлеснаго вы врача пригласили, значитъ, за душевнымъ посылать еще рано. Посмотримъ, окончилъ онъ, вынимая изъ уха вату.

— Кровь мы ей отворили, чтобы дрянь-то очистить, робко сказалъ хозяинъ.

— Хорошо. Крови жалѣть не надо, матеріалъ недорогой. Максимъ Мудровъ говоритъ—крови не жалѣй.

Доктора ввели въ комнату, гдѣ лежала бабушка.

— Вотъ она гдѣ, божья-то старушка, началъ онъ ласково.

— Кровь, батюшка, отворяли, едва внятнымъ голосомъ произнесла старушка.

— Что-жь тебѣ, матушка, жалко ея что ли...

— Да вотъ пособороваться хочу.

— Рано. Я скажу, когда нужно. Вотъ мы узнаемъ въ чемъ дѣло и выпишемъ изъ латинской кухни порошковъ цѣлительныхъ.

Узнавши въ чемъ дѣло, докторъ вышелъ изъ комнаты. Въ залѣ его ожидала толпа паціентовъ. Благо пріѣхалъ, за одно ужь всѣхъ лѣчить-то. Первой подошла Дарья Гавриловна.

— У меня, начала она, господинъ докторъ:—по ночамъ подъ сердце подкатываетъ. Словно бы этакое забвеніе чувствъ и вдругъ этакъ... даже сама не понимаю... Вдругъ этакъ, знаете... даже удивительно! И такъ, знаете, вздрогнешь...

Докторъ, многодумно и терпѣливо выслушавъ, назначилъ лавровишневыя капли.

Подвели дѣдушку. Онъ потрепалъ доктора по плечу лѣвой рукой и промычалъ что-то непонятное.

— Какъ тебя, Савелій Захарычъ, ярманки-то уходили,—отнесся къ нему ласково докторъ.

Дѣдушка хотѣлъ улыбнуться, но не вышло.

— Онъ, батюшка, Иванъ Алексѣевичъ, все слышитъ, все понимаетъ, только Господь у него слова всѣ отнялъ, вмѣшалась хозяйка:—и отчего это съ нимъ?

— Пилъ, матушка, много... ну да и...

— Насчетъ нашей сестры большой былъ проказникъ,— ввернула Анна Герасимовна.

— Бывало говоритъ мнѣ: „ежели, Антоша, разлить теперь по бутылкамъ все, что я на своемъ вѣку выпилъ,— погребокъ открыть можно и торговать три года“.

Дѣдушка покачалъ головой въ знакъ согласія.

Приказано въ ѣдѣ не отказывать.

— Самому здоровенному плотнику не съѣсть столько, сколько нашъ дѣдушка обработаетъ, отозвалась кухарка, предъявляя обрѣзанный до кости палецъ.

Прописана примочка.

Силой притащили Семушку, у котораго голова была развита непропорціонально туловищу. Докторъ побарабанилъ по ней пальцами, оттуда раздались звуки, какъ изъ спѣлаго арбуза. Семушка заплакалъ.

Леченья никакого не назначено.

Хозяинъ спросилъ, на чемъ полезнѣе водку настаивать: на цапъ-цапарели или на милифоли?

И то и другое одобрено.

Прописавши рецепты и давши просто совѣты, докторъ вышелъ и сѣлъ въ сани. Въ воротахъ остановилъ его дворникъ: у него чесалось сердце и на лѣвомъ плечѣ вскочилъ вередъ. Приказано выпариться въ банѣ, а на вередъ положить сапожнаго вару.

Черезъ недѣлю весь домъ былъ здоровъ.

Ни внутренней, ни внѣшней политикой захолустье не занималось и подъ словомъ „политика" разумѣло учтивое обращеніе; политичный человѣкъ, политиканъ, сейчасъ видно, что политикъ. Жили всѣ изо дня въ день, день да ночь—сутки прочь, и не чаяли, что на Москву бѣда идетъ.

Дни, послѣ сильныхъ дождей, стояли жаркіе. Изъ Яузы, Самотеки и другихъ московскихъ источниковъ смердѣло. По переулкамъ захолустья ходить было невозможно—грязь невылазная.

Душно.

Воскресный день. Еще до благовѣста церковнаго на Серединкѣ, у трактира „Сѣверный Океанъ" стояли лоскутниковскіе пѣвчіе—сборная братія. Одинъ басъ безграмотный ходитъ съ хоромъ для октавы. Тенора одѣты франтами, альты и дисканты гладко выстрижены. Басы поправлялись въ трактирѣ.

— Безъ приготовки не выдержишь, говоритъ одинъ басъ, закусывая мятнымъ пряникомъ.

— Поворкуемъ, ничего, ободрялъ его другой. Я вчера у Спаса въ Наливкахъ апостолъ читалъ за ранней, да вечеромъ на свадьбѣ, а ничего.

Ударили въ колоколъ. Улица начинаетъ оживляться. Разряженные обыватели идутъ къ обѣднѣ.

Вотъ богатѣйшій купецъ Рожновъ идетъ съ своей семьей: три дочери и два сына. Отъ дочерей пахнетъ гвоздичной помадой. Сыновья глупые, бѣлокурые. Пробовали ихъ отдавать „въ ученье", но оказалось невозможнымъ. Старшій сталъ пугать мать членовредительствомъ, а у младшаго оказались припадки родимчика. По объясненію бабушки, это произошло отъ того, что его въ младенчествѣ опоили макомъ.

Плетется весьма почтенный, съ добрыми черными глазами, одѣтый въ рубище, проторговавшійся купецъ Дягилевъ, нѣсколько лѣтъ томившійся въ „ямѣ". Онъ почтительно поклонился купцу Рожнову, тотъ отвернулся отъ его поклона: „за низкость себѣ поставилъ кланяться горькому человѣку, вниманія не стоющему".

Старикъ проводилъ его своими добрыми глазами и съ горькой улыбкой, покачавъ головой, промолвилъ:

— Не воздымайся! Самъ, можетъ, хуже будешь.

Озорникъ фабричный, въ новомъ картузѣ, поддакнулъ своему хозяину: проходя мимо бѣднаго человѣка, онъ отвѣсилъ ему низкій поклонъ, промолвилъ:

— Милліонщику!

— Ахъ ты, пустой человѣкъ! Такихъ, какъ ты-то, я, можетъ, три тысячи кормилъ.

— Первостатейному! окончилъ фабричный, завернувъ за уголъ.

Распахнулись ворота; жирный жеребецъ вывезъ жирную купчиху Романиху. Первый человѣкъ она въ захолустьѣ по капиталу и по общественному положенію—кума частнаго пристава.

Изъ цырульни Ефима Филиппова несетъ паленымъ: приказчики завиваются.

— Продай, Петровичъ, соловья, обращается къ Дягилеву чиновникъ.

— Никакъ невозможно-съ!

— Я бы деньги хорошія далъ.

— Нельзя-съ этого. Это такой соловей, что, кажется, умереть мнѣ легче, чѣмъ его лишиться. Вчера онъ, батюшка, какъ пошелъ это вечеромъ орудовать, думаю—не въ царствѣ ли я небесномъ. Вотъ какой соловей! А переперловъ не видали?

— Нѣтъ!

— Тоже, я вамъ доложу, перепела! Вчера одинъ какой-то — „продай перепела“.—„Тутъ, говорю, два: вотъ перепелъ, и в о т ъ перепелъ“.—„Вотъ этого“, говоритъ. „Этому, говорю, цѣны нѣтъ“.—„Почему?“—„Потому, говорю, у этого раскатъ... и у э т о г о раскатъ“.

Старикъ воодушевился и началъ подражать перепелу.

— Вотъ вы, говорю, и знайте, какой это есть перепелъ. Птицу, батюшка, — ее любить надо, надо понимать ее. Скворецъ у меня говорилъ все одно, какъ человѣкъ, и любилъ меня, какъ отца родного... Будилъ меня утромъ. Бывало, сядетъ на подушку: „Вставай, Петровичъ, вставай, Петровичъ!“

Старикъ все болѣе и болѣе воодушевлялся, черные глаза его разгорѣлись.

— Дочь у меня въ родахъ мучилась, письмо написала: тятенька, помоги. Всю ночь я, батюшка, Василій

Егорычъ, проплакалъ. Утромъ всталъ, взялъ его, голубчика, закрылъ клѣтку платкомъ, да и понесъ въ Охотный рядъ. Несу, а у самаго слезы такъ въ три ручья и текутъ, а онъ оттуда, изъ клѣтки-то: „Куда ты меня несешь, куда ты меня несешь“, да таково жалобно...

Старикъ былъ убѣжденъ, что все это такъ было.

— Сѣлъ я на тумбочку, да и реву, какъ малый ребенокъ. Идетъ какой-то баринъ.—„Объ чемъ ты, старичекъ, плачешь?“—„Купите, говорю, сударь, скворца. Всю жизнь бы съ нимъ не разстался, да бѣда пришла“.—„Что, говоритъ, стоитъ?“—„Что дадите, говорю:—дочь помираетъ“. Далъ двѣ синенькихъ.—„Неси, говоритъ, его съ Богомъ домой“. Вотъ, батюшка...

Раздался трезвонъ. Собесѣдники скорыми шагами направились къ церкви.

Обѣдня кончена. Всѣ тѣмъ же порядкомъ возвращаются домой. Улица опустѣла.

Обѣдъ и сонъ. Но какой сонъ! Сонъ съ храпомъ, со свистомъ, со скрежетомъ зубовнымъ. Все спитъ! Спятъ хозяева, спятъ дѣти, спятъ коты, спятъ куры. На улицѣ жарко, тихо и мертво, ни малѣйшаго признака жизни, даже птицы попрятались, даже въ саду вѣтви деревъ не колышатся.

Бѣда идетъ...

II.

Послѣ вечеренъ, по Большой Мѣщанской улицѣ по направленію къ Сухаревой башнѣ, бѣжалъ, едва переводя духъ, парень, безсмысленно ища чего-то глазами.

— Гдѣ тутъ, сударь, аптека? торопливо спросилъ онъ, наткнувшись на какого-то прохожаго.

— А ты осторожнѣй! Выпучилъ бѣльма, да и летишь сломя голову.

— Намъ аптеку требовается, хозяинъ у насъ нездоровъ, отвѣчалъ парень, устремляясь впередъ.

— Служба, гдѣ тутъ аптека? обратился онъ къ стоящему на часахъ будочнику.

Будочникъ зѣвнулъ во весь ротъ такъ сильно, что лѣвая рука его непроизвольно приподняла алебарду на аршинъ отъ земли, а стоявшая рядомъ извозчичья лошадь вздрогнула.

— Проходи, проходи, промычалъ онъ.

— Давай пятачокъ, найдемъ, предложилъ извозчикъ.

Парень, махнувъ рукой, помчался дальше.

— Пожалуйте кровочистительныхъ капель на 20 копѣекъ, сказалъ онъ, переступивъ порогъ аптеки.

Аптекарь флегматически, не спѣша, взялъ стклянку, долго теръ ее полотенцемъ, налилъ туда какой-то жидкости, заткнулъ пробочкой, завернулъ бумажкой, запечаталъ сургучикомъ и отпустилъ.

Парень побѣжалъ обратно. У воротъ дома купца Рожнова онъ встрѣтился съ Ефимомъ Филипповымъ.

— Шабашъ, братъ, не поспѣлъ.

— А что?

— Хозяинъ твой порѣшился.

Парень остолбенѣлъ. Дворникъ стоялъ блѣдный, какъ смерть. Подошелъ священникъ съ дьякономъ и дьячками. Всѣ приняли благословеніе.

— Что плохо лечилъ, Филиппычъ? — началъ священникъ, обращаясь къ Ефиму Филиппову.

— Что дѣлать, батюшка, отвѣчалъ цырюльникъ:—въ четырехъ мѣстахъ кидалъ: инструментъ не дѣйствуетъ. Въ одномъ мѣстѣ, кажется, жилу пополамъ разсѣкъ. Это ужь не отъ насъ.

— Да, не отъ насъ. Всѣмъ намъ одинъ путь, окончилъ онъ, входя въ калитку.

Утро. Не поведу читателя туда, гдѣ теперь раздается надгробное рыданіе, гдѣ слышится раздирающій душу стонъ, гдѣ изъ глубины растроганнаго сердца льются горячія слезы; будемъ стоять у воротъ дома и смотрѣть, что происходитъ на улицѣ.

Вотъ въ калитку юркнули два худенькихъ человѣчка въ сибирочкахъ, а за ними еще двое... еще... Это гробовщики. Вышли всѣ назадъ, столпились въ кучу, постояли, поговорили, опять ушли въ калитку... опять вышли. Трое отдѣлились, взяли отступного и ушли.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ воротъ на тумбахъ расположились какія-то неопредѣленныя личности. Одинъ во фризовой шинели, другой въ длинномъ истрепанномъ халатѣ, третій въ истасканномъ до-нельзя вицъ-мундирѣ, четвертый... Это нищіе.

Фризовая шинель обращается къ дворнику:

— А что, почтенный, подавать ныньче будутъ?

— Что вы за народъ такой?— отвѣчалъ сердито дворникъ:—только-что панафиду начали, а ужъ вамъ подавать.

— Самое бы теперь настоящее время подавать.

— Есть которые благочестивые, поддакнула нищая женщина,—сейчасъ подаютъ.

— Можетъ и завтра-то подавать не будутъ. Вы не мѣшайтесь тутъ, отходите... Не до васъ теперь.

— Слушай команду — проходи, скомандовалъ вицъ-мундиръ.

— Ты бы самъ-то проходилъ, замѣтила фризовая шинель:—стыдился-бы! Пуговицы свѣтлыя имѣешь, а побираешься. Мы ночевать здѣсь будемъ, а не уйдемъ.

Около пяти часовъ вечера вся улица запружена была нищей братіей.

— Эко рвани-то, рвани-то что понаперло, пушкой не прошибешь, замѣчаетъ дворникъ.

— Кормимся, почтенный, кормимся, отвѣчаетъ фризовая шинель:—ты думаешь, лестно ходить по Москвѣ-то...

— Безъ нихъ и кабаки-бы не стояли, ввернулъ сидѣвшій на козлахъ кучеръ.

— Тебѣ, жирному чорту, хорошо тамъ сидѣть-то!..

— Мнѣ чудесно! Лучше требовать нельзя.

— Ну, такъ и сиди, тебя не трогаютъ.

— Еще бы ты тронулъ! Я те такъ трону... Тпру! Балуй! отнесся онъ къ безпокоившейся лошади.

Вицъ-мундиръ былъ уже пьянъ и ссорился съ своею братіею. Онъ разсказывалъ, какъ фризовая шинель по гостиному двору на мертвое тѣло сбиралъ и для этого носилъ съ собой деревянный ящикъ, въ которомъ лежала селедка. Селедка и изображала мертвое тѣло.

— А помнишь, какъ ты въ Ножовой линіи у разносчика блинъ стащилъ...

— Помню! А ты помнишь-ли, какъ тебя на цѣпи, какъ собаку, по всей Москвѣ провели.

— А ты вотъ что помнишь ли, какъ тебя за фальшивую присягу въ острогѣ гноили: животворящій ты крестъ цѣловалъ...

— Полноте вамъ, замѣтилъ благочестивый старичокъ-нищій:—Божьимъ именемъ пришли просить... Стыда-то въ васъ нѣтъ.

Отъ сильнаго напора нищихъ потребовалась вооруженная сила, которая и не замедлила явиться въ лицѣ двухъ будочниковъ. Сначала они увѣщевали разойтись, потомъ пригрозили холоднымъ оружіемъ—тесаками, или, по московскому выраженію, селедками—не подѣйствовало;

тогда воины врѣзались въ толпу и начали крушить направо и налѣво и, не кончивши кампаніи, отошли.

— Хошь бей, хошь нѣтъ—ничего съ нами не сдѣлаешь. Такіе купцы не каждый день помираютъ, замѣтилъ одинъ изъ нищихъ: — теперь не токмо вы — самъ частный ничего не сдѣлаетъ. Вишь народъ какъ разъярился—онъ всѣ три дня здѣсь стоять будетъ...

Но вотъ открылось окно, высунулась оттуда въ черномъ платкѣ голова старухи.

— Подходите которые, обратилась она къ толпѣ.

Нищіе хлынули къ окну. Давка, визгъ... крики.

— Поминайте въ вашихъ молитвахъ раба Василія, сказала она, залившись слезами.

— Дарья Карнѣвна, вамъ неспособно, позвольте, я буду, предупредилъ ее молодой приказчикъ: подходите помаленьку, не всѣ чтобы вдругъ, всѣмъ будетъ. За упокой души Василія, проговорилъ онъ, опуская въ руку нищаго мѣдный пятакъ.

Долго шла раздача, толпа мало по малу рѣдѣла.

— Ты сколько разъ подходилъ?

— Раза четыре. Въ послѣдній разъ не далъ, примѣтилъ.

Сосѣдній кабакъ торговалъ на славу. Цѣловальникъ съ чувствомъ принималъ нищихъ-гостей.

— Божьи люди, мои голубчики! Кушайте на доброе здоровье. Съ утра стояли, устали чай, да и бока-то вамъ понамяли, приговаривалъ онъ, отмѣривая крючкомъ пѣнникъ.

Вицъ-мундиръ бесѣдовалъ съ какими-то кабацкими завсегдателями.

— Неужели тебѣ не стыдно побираться?

— Стыдно! Очень стыдно! Мнѣ вотъ какъ стыдно: разрѣжь ты мою грудь да и посмотри, что у меня тамъ теперь. Горе!

— Вѣдь тебя изъ консисторіи-то выгнали.

— Выгнали! По третьему пункту! А ты знаешь, что это значитъ? Это значитъ: вотъ я теперь съ тобой говорю, а меня нѣтъ на свѣтѣ.

— Гдѣ-жъ ты?

— Меня нѣтъ! Нѣтъ меня! Вотъ что значитъ третій пунктъ.

— За что же это тебя?

— За добрыя дѣла! Каюсь!

— Такъ и быть, поднесемъ стаканчикъ, сказывай. Дай секлетарю стаканчикъ.

— Коллежскій секретарь!

— Богъ тебя знаетъ, какой ты тамъ есть, знаемъ, что секлетарь прокутимшій.

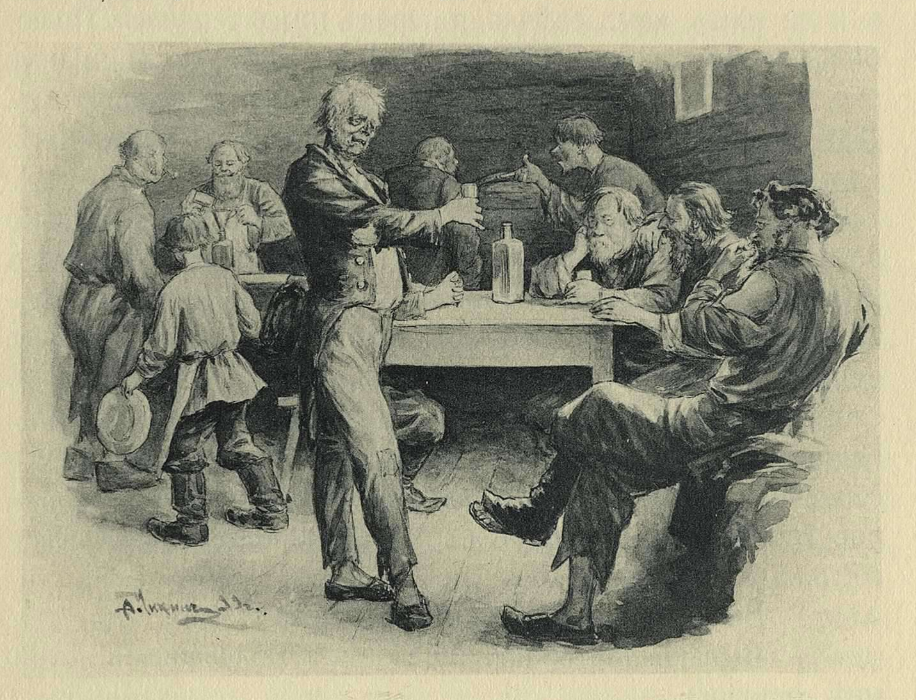
Мальчикъ поднесъ стаканъ водки и два сухарика. Вицъ-мундиръ, взявъ стаканъ, сталъ въ позу и началъ:

— Благоденственное и мирное житіе...

— Пей такъ, не безобразничай.

Выпивъ водки, онъ схватился за голову и забормоталъ:

— Стыдно, стыдно, стыдно! не осудите меня! Столоначальникъ говоритъ: „приходи, Куняевъ, по бѣдности твоей, въ судъ подшивать журналы". Могу я это?



— Дѣло не хитрое!

— А я что—портной? Портной я?

Я не портной журналы шить,
Не изъ такихъ я негодяевъ!
Никакъ портнымъ не можетъ быть
Коллежскій секретарь Куняевъ...

пропѣлъ вицъ-мундиръ торжественно.

— Такъ разсказывай, за что тебя выгнали-то?

— А вотъ видишь ты: нужно было купцу Кочеврягину... знаешь Ивана Семенова?

— Слыхали.

— Нужно было ему родственниковъ ограбить.

— Дѣло хорошее!

— Ну, на что ужь лучше! Вотъ вы и слушайте. А по ходу-то дѣла, надо было изъ консисторіи метрику украсть. Лишеніе всѣхъ правъ, Конная, Сибирь!.. Вотъ онъ къ Бабушкину:—тысячу рублей. Къ Захарычу:—двѣ тысячи. Къ тому, къ другому—всѣ на одномъ стоятъ. Ко мнѣ. Перекрестился я, да и думаю: возьмусь за это дѣло. Сойдетъ съ рукъ—въ монастырь уйду; не сойдетъ—туда мнѣ, собакѣ, и дорога.—„Извольте“, говорю, „за триста рублей оборудую“.—„Ну“, говоритъ, „орудуй, отъ меня забытъ не будешь“. И сталъ я орудовать. Первое дѣло—архиваріусъ. Онъ въ консисторію, и я за нимъ; онъ изъ консисторіи, и я за нимъ, какъ свѣчка, я передъ нимъ теплился. Полюбился я ему за это, позвалъ меня къ себѣ, на Якиманкѣ онъ жилъ. И сдѣлался я у него первымъ человѣкомъ. Дѣтей его сталъ грамотѣ учить, а старшенькаго на скрипкѣ.

— А ты и на скрипкѣ играешь?

— Я?! Я первый скрипачъ по Москвѣ былъ. Только вотъ теперь въ рукахъ трясеніе, смычка держать не могу. Вотъ разъ онъ мнѣ и говоритъ: „Тебя, Куняевъ, я выпросилъ у секретаря къ себѣ въ архивъ на подмогу“. Какъ вошелъ я туда въ первый-то разъ, такъ у меня сердце-то словно каленымъ желѣзомъ... Думаю, вѣдь я разбойникъ!.. Прошелся по алфавиту—есть! Что жъ вы думаете, други сердечные, я сдѣлалъ? Укралъ? Зачѣмъ воровать—за воровство бьютъ. А я вотъ передъ вами, какъ передъ Богомъ...

— Выпей еще стаканчикъ. Поднеси.

— Выпью! Ничтожный я человѣкъ, оплеванный... Одно мнѣ осталось...

Давайте веселиться,
Давайте пить вино!
Не грѣхъ вина напиться—
Оно на то дано.

— Тебѣ бы театры разыгрывать!..

Взявъ стаканъ, онъ съ чувствомъ произнесъ:

— Посторонись, душа, оболью!

— Такъ, что жъ ты сдѣлалъ-то?

— Не укралъ! Вотъ запекись моя гортань кровью, коли я укралъ. Я взялъ да въ эту папку, гдѣ значилась метрика, положилъ двѣ сальныхъ свѣчки. Какова штука! Умственная, а?

— Зачѣмъ же это ты?

— Постой! Ровно черезъ годъ изъ сиротскаго суда справка объ этой метрикѣ. Цапъ! а въ папкѣ-то дыра одна! Крысы за годъ-то все скушали. Налетѣли! Архиваріусъ-то какъ сидѣлъ, такъ и остался. Меня, раба божьяго, въ Тверскую часть... въ острогъ, въ уголовную!.. Дѣло-то до Правительствующаго Сената восходило, а Правительст...

Рѣчь разсказчика мгновенно прервалась, ротъ искривился, глаза помутились: точно пронизанный пулей, отшатнувшись въ сторону, онъ грохнулся на полъ. Собесѣдники вскочили и бросились вонъ. Цѣловальникъ загородилъ имъ дорогу.

— Нѣтъ, у насъ такъ дѣлается. Вмѣстѣ пили, вмѣстѣ и отвѣчать будете.

— Мы ни въ чемъ непричинны...

— Нѣтъ, позвольте! У насъ такіе разы бывали. Еще вы то возьмите въ разсужденіе: его теперича потрошить будутъ: какъ же его можно потрошить безъ свидѣтелевъ? Нѣтъ, ужь вы сдѣлайте милость! Вы думаете, мнѣ-то пріятность какая? Пріятности мнѣ никакой нѣтъ, а сущее разореніе! Никитка, бѣги на улицу, кричи „караулъ“. Водка, она тоже никого не помилуетъ, окончилъ онъ, закрывая трупъ грязной рогожей.

Цѣлые три дня около дома купца Рожнова толпились нищіе и по захолустью стали ходить безпокойные слухи, что скоропостижная смерть купца Рожнова не есть первая, что точно также окончилъ дни свои мѣщанинъ Заклюевъ, шорникъ изъ Тупого переулка, лавочникъ, а въ Хамовникахъ народъ такъ и валитъ. Слухамъ этимъ не придавали особенной вѣры; мало ли что народъ болтаетъ.

Не успѣли нищіе очувствоваться послѣ поминокъ Рожнова, какъ вновь были приглашены къ себѣ купчихою Романихою, которая, несмотря на усилія извѣстнѣйшихъ въ то время врачей Лоедера и Гааза, окончила жизнь въ нѣсколько часовъ. Слухи о чемъ-то неладномъ увеличивались. Рѣдкій день, чтобы по Серединкѣ не проводили отъ сорока до пятидесяти покойниковъ. Вдругъ дотолѣ неслыханное слово „холера“ разнеслось по захолустью. Народъ оцѣпенѣлъ!

Гнѣвъ Божій!

Полиція приколачиваетъ на заборахъ печатныя объявленія о предосторожности. Ихъ никто не читаетъ.

Ефимъ Филипповъ обезсилѣлъ отъ практики, онъ отворяетъ кровь на улицѣ. Церковные колокола не умол-

каютъ. Погребальныя дроги и просто фуры тянутся къ Пятницкому кладбищу съ утра до ночи. Гнѣвъ Божій! Нѣтъ помощи, нѣтъ спасенія! Захолустье потеряло больше половины своихъ обитателей. Осталось одно утѣшеніе — молитва.

И вотъ посреди улицы воздвигнули помостъ и пригласили духовенство сосѣднихъ церквей съ крестнымъ ходомъ. Лишь только пѣвчіе возгласили „Царю Небесный", народъ, измученный страхомъ и ожиданіемъ смерти, палъ на колѣни и зарыдалъ, какъ одинъ человѣкъ. Священнослужители не выдержали своего высокаго положенія —

тоже зарыдали. Протодіаконъ Успенскаго собора читалъ апостолъ и лишь дошелъ до словъ „да смертію упразднитъ имущаго державу смерти", съ ближайшей колокольни раздался троекратно ударъ колокола—вѣсть о смерти настоятеля—голосъ его прервался и онъ едва могъ кончить чтеніе.

Во время молебствія по захолустью проскакалъ взводъ казаковъ, съ полиціймейстеромъ во главѣ.

— Бунтъ! разнеслось по захолустью.

— Мастеровщина взбунтовалась, закричалъ лавочникъ.

Въ трактиръ Адріанополь собралась мастеровая чернь—шорники, сапожники, позументщики и т. п. Кто-то изъ компаніи сказалъ, что народъ морятъ. Пошелъ на эту тему разговоръ. Пьяный портняга сказалъ, что всему дѣлу

причина Ефимъ Филипповъ, что онъ все кровь отворяетъ, что предлагалъ и ему, да онъ не согласился.

— Развѣ возможно христіанскую кровь выпущать!

— Мы ему докажемъ!

— Ежели онъ, значитъ, кровь отворялъ и, значитъ... по какому праву? подхватилъ тщедушный, чахоточный сапожникъ:—надо, значитъ, къ нему и сейчасъ, значитъ...

— Своимъ судомъ!

— Покажи струментъ! По какому праву?

Трактирщикъ началъ было успокоивать, но избитый бросился въ кварталъ и донесъ о случившемся. Мастеровщина бросилась въ кабакъ, въ которомъ кончилъ дни свои коллежскій секретарь Куняевъ. Цѣловальникъ ничего не возражалъ.

— Лопайте, черти! Все равно вамъ издыхать-то, сказалъ онъ и вышелъ на улицу.

Обезумѣвъ отъ пѣнника, пьяная голь ринулась къ цырульнѣ Ефима Филиппова. У цырульни было тихо и не пахло, какъ бывало, паленымъ. Стеклянная дверь разлетѣлась въ дребезги и пьянымъ глазамъ представилось тяжелое зрѣлище.

Ефимъ Филлипповъ лежалъ на столѣ бездыханный и Петровичъ нараспѣвъ произносилъ стихъ изъ псалтиря: „яко духъ пройдетъ въ немъ, и не будетъ, и не познаетъ къ тому мѣста своего".

Толпа отхлынула и была окружена казаками.

— Ахъ, какъ это народъ-отъ мретъ! Господи, ты Боже нашъ! Царица ты наша небесная! говорилъ жившій въ захолустьѣ на большой улицѣ кривой купецъ, мимо дома котораго провозили жертву смерти.

— И что это теперича будетъ? Вся Москва, почитай, вымерла. Испытуетъ насъ Господь или наказываетъ—Его святая воля. Въ городѣ-то пусто; мимо Минина вчера проѣхалъ—хоть бы-те одинъ человѣкъ былъ... жутко; только заблудящій какой-то, Бога-то знать въ емъ нѣтъ, сталъ середь площади, да пѣсней такъ и заливается...—„Что", говорю, „просторно тебѣ?"—„Просторно", говоритъ, „господинъ купецъ! Никто не препятствуетъ". Индо руками я всплеснулъ!.. Этакое божеское наказаніе, а онъ...

— Что значитъ непутевый-то человѣкъ! замѣтила старуха жена...

— Диву я дался! Молодой парень—дворовый, али такъ какой...—„На смиреніе-то", говорю, „взять тебя не-

кому“.—„Живыхъ“, говоритъ, „теперича не трогаютъ, мертвыхъ подбирать впору“.

Старики въ глубокомъ молчанiи смотрѣли въ окно.

— Сиротъ-то, сиротъ-то теперича... Господи! сказала старуха.

— Сироты теперича много! отвѣчалъ старикъ:—столько теперича этой сироты... и куда пойдетъ она, кто ее вспоитъ-вскормитъ, одѣнетъ-обуетъ... Давеча я посмотрѣлъ... ребенокъ одинъ:—сколь мать свою любитъ, такъ подъ гробъ и бросается... Удивительно мнѣ это! Махонькой, отъ земли не видать, а сколь у него сердце это къ родительницѣ. Индо слеза меня прошибла! Ѣду, а у самого такъ слеза и бьетъ, ужь очень чувствительно мнѣ это... Махонькой, а любовь свою... подобно какъ...

Старуха прослезилась.

— Сама была сирота, безъ отца, безъ матери, безъ роду, безъ племени...

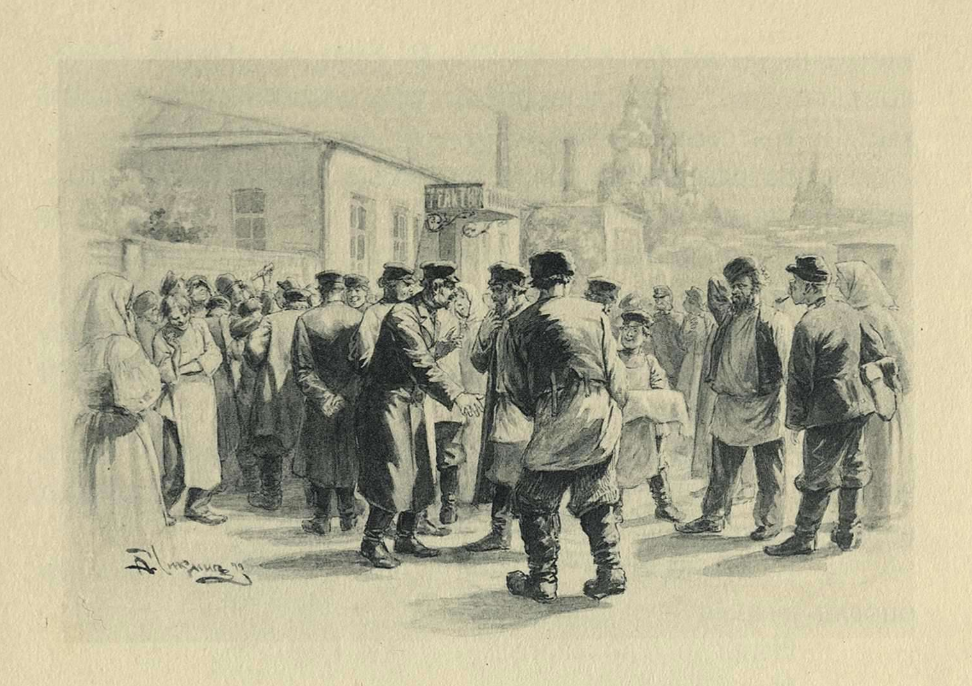
— И должна, значитъ, чувствовать сиротское дѣло. Самъ куска не ѣшь—сиротѣ отдай, потому сирота, она ни въ чемъ неповинная... Долженъ ты ее... Вотъ ты теперича плачешь, значитъ—это Богъ тебѣ далъ, чтобы народъ жалѣть. А ежели мы такъ разсудимъ: двое насъ съ тобою; домъ у насъ большой, барскiй, заблудиться въ емъ можно: ежели въ этотъ самый домъ наберемъ мы съ тобою ребятокъ оставшихъ, сироту эту неимущую, пожалуй, и Богу угодимъ. Своихъ-то нѣтъ—чужихъ беречи будемъ. И будетъ эта сирота въ саду у насъ гулять, да Богу за насъ молиться. Такъ что-ли?

Старуха перекрестилась.

— Дай тебѣ Богъ!

Старикъ исполнилъ свое предположенiе. По окончанiи холеры онъ пожертвовалъ свой домъ подъ училище, внесъ большой капиталъ на его содержанiе. Святитель Филаретъ благословилъ иконою добраго старца, а протодiаконъ провозгласилъ:

— Потомственному почетному гражданину, фридрихсгамскому первостатейному купцу Ѳеодору Ѳеодоровичу Набилкову многая лѣта...



ЗАТМЕНІЕ СОЛНЦА.

РАЗСКАЗЪ.

Московское захолустье, одно изъ тѣхъ, гдѣ деревянные заборы, деревянные дома на каменномъ фундаментѣ и гдѣ древность первопрестольнаго града доказывается пребываніемъ на улицѣ домашней птицы и свиней. На улицѣ толпа народа.

— Что это за народъ собрамши?

— Богъ ихъ знаетъ... съ утра стоятъ.

— Не на счетъ ли солонины?

— Какой солонины?

— Да вѣдь какже: этотъ хозяинъ кормилъ фабрику солониной, но только теперича эту самую солонину запечатали, потому ѣсть ее нѣтъ никакой возможности.

— Это вы на счетъ солонины-то? Нѣтъ, ужъ онъ имъ три ведра поставилъ: распечатали, опять жрутъ...

— Да, ужъ эта солонина!..

— Что это за народъ собрамши?

— Разно говорятъ: кто говоритъ—на́ небѣ не ладно, кто говоритъ—купецъ повѣсился...

— А мы изъ Нижняго ѣхали... пьяные... Ѣдемъ мы пьяные и сейчасъ эта комета прямо къ намъ въ таран-

тасъ... инда хмѣль соскочилъ!.. Я говорю: „Петръ Семеновъ, смотри!"—„Я", говоритъ, „ужъ давно вижу"... а самъ такъ и трясется...

— Затрясешься, коли, значитъ... Богу ежели что... Всѣ мы люди, всѣ человѣки...

—„Не оборотить ли", говоритъ, „намъ назадъ?"...— „Богъ милостивъ", говорю, „отъ судьбы не уйдешь, давай лучше выпьемъ, а она, матушка, можетъ, стороной пройдетъ. Хвостъ ужь очень разителенъ!.. Такой хвостъ, я тебѣ доложу, что просто"...

— Грѣхи наши тяжкіе... Слабъ есть человѣкъ! Вотъ хоть бы теперь! этакое наказанье божеское, а сколько народу пьянаго.

— Безъ этого нельзя: иной опасается, а другой такъ опосля вчерашняго поправляется...

— Нѣтъ, вы докажите!

— И докажу!

— Одно ваше невѣжество!

— Извольте говорить, мы слушаемъ. Вы говорите...

— Я васъ очень хорошо знаю: вы — московскій мѣщанинъ и больше ничего!

— Очення это можетъ быть, а вы про затменіе докажите. Вы только народъ въ сумнѣніе привели!.. Изъ-за вашихъ пустыхъ словъ теперича этакое собраніе!.. Городовой!.. Городовой!..

— Вотъ онъ тебѣ покажетъ затменіе!..

— Да, нашъ городовой никого не помилуетъ!

— Докажите!

— Живемъ мы тихо, смирно, благородно, а вы тутъ пришли—всѣхъ взбудоражили.

— Хозяйка наша въ баню поѣхала и сейчасъ спрашиваетъ: зачѣмъ народъ собирается? А кучеръ-то, дуракъ, и ляпни: затменія небеснаго дожидаются... Сырой-то женщинѣ!..

— Образованіе!

— Такъ та и покатилась! Домой подъ руки потащили...

— Онъ съ утра здѣсь путается. Спервоначалу зашелъ въ трактиръ и сталъ эти свои слова говорить. Теперича, говоритъ, земля вертится, а Иванъ Ильичъ какъ свиснетъ его въ ухо!..

— Дикая ваша сторона, дикая!..

— Мы довольны, слава тебѣ Господи!..

— Господинъ, проходите!

— Баринъ, ступай лучше, откуда пришелъ, а то мы тебѣ лопатки назадъ скрутимъ...

— Смотри-ко, что народу подваливаетъ.

— Горяченькіе пирожки! У меня со вкусомъ! Такъ и кипятъ!

— Что это за народъ собрамши?

— Вонъ пьяный какой-то выскочилъ изъ трактиру, наставилъ трубочку на солнышко, говоритъ — затменіе будетъ.

— А гдѣ-жъ городовой-то?

— Чай пить пошелъ.

— Надо бы въ часть вести.

— Сведутъ, ужъ это безпремѣнно...

— За такія дѣла не похвалятъ.

— Все въ трубку глядитъ; можетъ, что и есть.

— У насъ, на Капказѣ, на правомъ флангѣ, у ротнаго командира во какая труба была... все наскрозь видно... Ночью ли, днемъ ли—какъ наставитъ... шабашъ: что-нибудь да есть.

— Начало затменія! Вотъ, вотъ, вотъ... Сейчасъ, сейчасъ, сейчасъ...

— А вотъ и городовой идетъ.

— Сейчасъ выручитъ!

— Вотъ, господинъ городовой, теперича этотъ человѣкъ...

— Осади назадъ!

— Теперича этотъ человѣкъ...

— Неизвѣстный онъ намъ человѣкъ...

— Позвольте, спервоначалу здѣсь былъ... Вышелъ онъ, примѣрно, изъ трактира... но только народъ, извѣстно, глупый... и сталъ сейчасъ...

— Не наваливайте... которые!.. Осадите назадъ!

— Иванъ Павлычъ, ты нашъ тѣлохранитель, выручи! Выпилъ я за свои деньги...

— Вы тогда поймете, когда въ дискѣ будетъ.

— Почтенный, вы за это отвѣтите!

— За что?

— А вотъ за это слово ваше нехорошее...

— Выскочилъ онъ изъ трактира...

— Сейчасъ затмится!

— Можетъ и затмится, а вы, господинъ, пожалуйте въ участокъ... Этого дѣла такъ оставить нельзя.

— Какъ возможно!

— Можетъ хозяйка-то наша теперича на тотъ свѣтъ убралась по твоей милости.

— Хотѣлъ на божью планиду, а попалъ въ часть...

— На Капказѣ бы за это...

— Сколько этого глупаго народу на свѣтѣ!...

ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЬ.

СЦЕНА.

Около воздушнаго шара толпа народа.

— Скоро полетитъ?

— Не можемъ знать, сударь. Съ самыхъ вечеренъ надуваютъ; раздуть, говорятъ, невозможно.

— А чѣмъ это, братцы, его надуваютъ?

— Должно кислотой какой... Безъ кислоты тутъ ничего не сдѣлаешь.

— А какъ онъ полетитъ—съ человѣкомъ?

— Съ человѣкомъ... Самъ нѣмецъ полетитъ, а съ имъ портной.

— Портной!?

— Портной нанялся летѣть... Купцы наняли...

— Портной!

— Пьяной?

— Нѣтъ, черезвый, какъ слѣдоваетъ.

— Портной!.. Зачѣмъ же это онъ летитъ?

— Запутался человѣкъ, ну и летитъ. Вѣстимо, отъ хорошаго житья не полетишь, а, значитъ, завертѣлся...

— Мать его тамъ старушка у воротъ стоитъ, плачетъ... „На кого ты“, говоритъ, „меня оставляешь“.—„Ничего“, говоритъ, „матушка, слётаю, опосля тебѣ лучше будетъ. Знать, говоритъ, мнѣ судьба такая, чтобы, значитъ, летѣть“.

— Давай мнѣ теперича, при бѣдности моей, тысячу цѣлковыхъ, да скажи: „Пятровъ, лети“!..

— Полетишь?

— Я то?

— Ты то?

— Низачто! Первое дѣло—мнѣ и здѣсь хорошо, а второе дѣло—ежели теперича этотъ портной летитъ, самый онъ выходитъ пустой человѣкъ... Пустой человѣкъ!.. Я теперича осьмушечку выпилъ, Богъ дастъ—другую выпью и третью, можетъ, по грѣхамъ моимъ... а летѣть мы не согласны. Такъ ли я говорю?—Не согласны!..

— Гдѣ же теперича этотъ самый портной?

— А вонъ ему купцы водки подносятъ.

— Купецъ ублаготворитъ, особливо ежели самъ выпивши.

— Всѣ пьяные... Ужь они его и угощали, и цѣловать пробовали—все дѣлали. А одинъ говоритъ: „Ежели, Богъ дастъ, благополучно прилетишь, я тебя не забуду“.

— Идетъ, идетъ... Портной идетъ...

— Кто?

— Посторонись, братцы...

— Портной идетъ...

— Это онъ самый и есть?

— Онъ самый...

— Летишь?

— Летимъ; прощайте.

— Насъ прости, Христа ради, милый человѣкъ.

— Прощай, братъ!.. Кланяйся тамъ... Несчастный ты человѣкъ, вотъ я тебѣ что скажу! Мать плачетъ, а ты летишь... Ты хошь бы подпоясался...

— Это дѣло наше...

— Но только ежели этотъ пузырь вашъ лопнитъ, и какъ ты оттедова *ту́рманомъ*... въ лучшемъ видѣ... только пятки засверкаютъ...

— Смотри-ка, братцы, купцы его подъ руки повели; сейчасъ, должно, сажать его будутъ...

— Ты что за человѣкъ?..

— Портной...

— Какой портной?

— Портной съ Покровки, отъ Гусева. Купцы его летѣть наняли.

— Летѣть! Гриненко, сведи его въ часть.

— Помилуйте...

— Я-те полечу!.. Гриненко!.. Извольте видѣть!.. Летѣть!.. Гриненко, возьми...

— Поволокли!..

— Полетѣлъ голубчикъ!..

— Да, за этакія дѣла...

— Народъ-то ужь очненно избаловался, придумываетъ, что чуднѣй!..

— Что это, мошенника повели?

— Нѣтъ, сударь, портнова...

— Что же, укралъ онъ что?

— Никакъ нѣтъ, сударь... Онъ, изволите видѣть... бѣдный онъ человѣкъ... и купцы его наняли, чтобы сейчасъ, значитъ, въ шару летѣть.

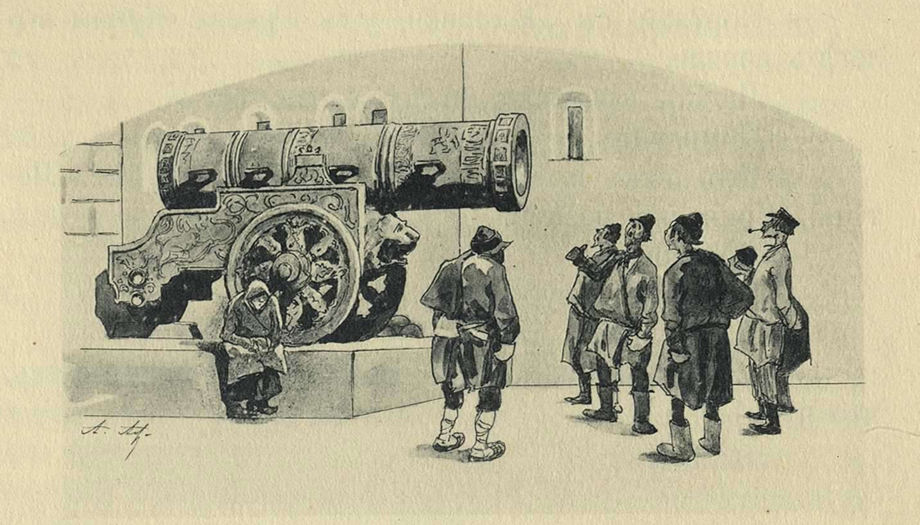
— На воздусяхъ...

— А квартальному это обидно показалось...

— Потому—безпорядокъ...

— Летитъ, братцы, летитъ... Трогай!..

— И какъ это возможно безъ начальства летѣть?!...



СЦЕНА У ПУШКИ.

— Ребята, вотъ такъ пушка!

— Да!..

— Ужь оченно, сейчасъ умереть, большая!..

— Большая!..

— А что, ежели теперича эту самую пушку, къ примѣру, зарядятъ да пальнутъ...

— Да!..

— Особливо, ядромъ зарядятъ.

— Ядромъ ловко, а ежели, бонбой, ребята, — лучше.

— Нѣтъ, ядромъ лучше!

— Да бонбой дальше.

— Все одно, что ядро, что бонба!

— О, дуракъ—чортъ! Чай ядро особь статья, а бонба особь статья.

— Ну, что врешь-то!

— Вѣстимо! Ядро теперича зарядятъ, прижгутъ: оно и летить.

— А бонба?

— Чаво бонба?

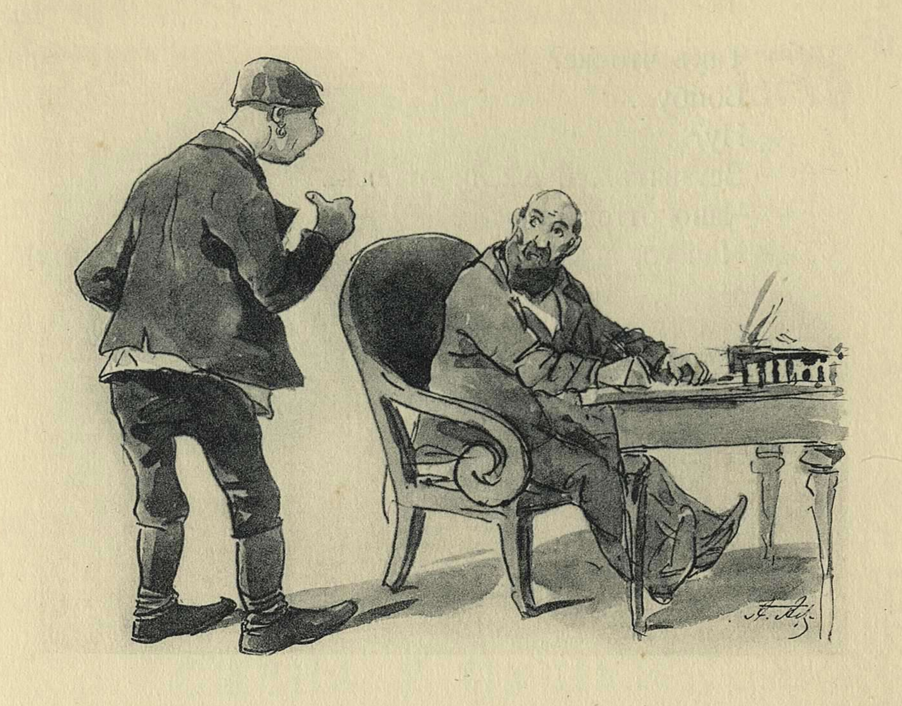
— Ну, ты говоришь—ядро летитъ... а бонба?

— А бонба другое.

— Да чаво другое-то?

— Бонбу ежели какъ ее вставятъ, такъ-то... туда...

— Такъ что-же?
— Бонбу...
— Ну?...
— Вставятъ... и ежели оттеда...
— Чаво оттеда?...
— Ничаго, а какъ собственно... Пошолъ къ чорту!



МАСТЕРОВОЙ.

Мастеровой пришелъ къ своему хозяину сказать, что онъ женится.

— Что ты?

— Да я, Кузьма Петровичъ, къ вашей милости...

— Что?

— Такъ какъ, значитъ, оченно благодарны вашей милостью... почему что съ-измальства у васъ обиходъ имѣемъ...

— Такъ что-же?

— Ничаво-съ!... Теперича я, значитъ, въ цвѣтущихъ лѣтахъ... матушку, выходитъ, схоронилъ...

— Ну, царство небесное.

— Вѣстимо, царство небесное, Кузьма Петровичъ... московское дѣло... за гульбой пойдешь...

— Да что-жъ ты лясы-то все точишь?

— Извѣстно, како наше дѣло...

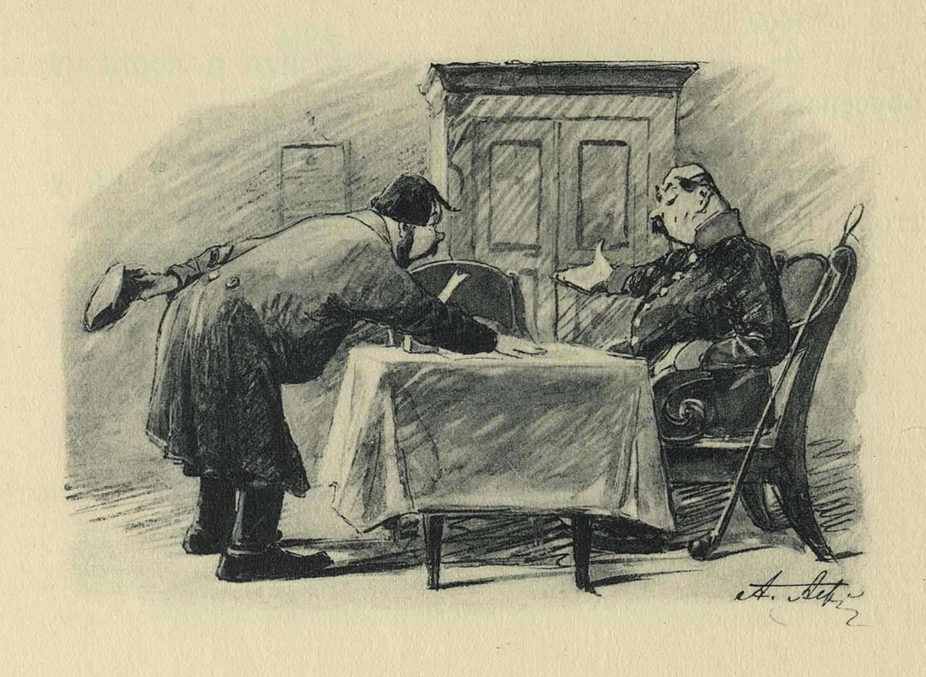
— Денегъ, что-ли?

— Благодаримъ покорно... Тутотка вотъ у Гужонкина ундеръ живетъ... у его, значитъ, сторожъ...

— Да.

— А она и его дочь...

— Ну?
— Въ прачешной должности состоитъ и портному обучена...
— Тебѣ-то какое-же дѣло?
— То-есть... выходитъ... по своему дѣлу, а онъ у его... сторожъ...
— Такъ тебѣ-то что-же?
— Законнымъ бракомъ хотимъ.
— Ну, такъ женись.
— То-то. Я вашей милости доложить пришелъ.



У КВАРТАЛЬНАГО НАДЗИРАТЕЛЯ.

Квартальный надзиратель.
Григорьевъ, его слуга.
Купецъ.
Иванъ Ананьевъ, фабричный.

Квартальный надзиратель (сидитъ утромъ въ канцеляріи и читаетъ бумаги).

„А посему Московская Управа Благочинія...“ Григорьевъ!

Григорьевъ.

Чого звольте, ваше благородіе.

Квартальный надзиратель.

Вели мнѣ приготовить селедку съ яблоками.

Григорьевъ.

Слушаю, ваше благородіе.

Квартальный надзиратель (читаетъ).

„Навести надлежащія справки...“

Купецъ (входитъ).

Квартальный надзиратель (оборачиваясь).

Кто тутъ?

Купецъ.

Это, батюшка, я-съ.

Квартальный надзиратель.

Что за человѣкъ?

Купецъ.

Я здѣшній обыватель.

Квартальный надзиратель.

Что тебѣ нужно?

Купецъ.

Я къ вамъ, батюшка, со всепокорнѣйшею просьбой.

Квартальный надзиратель.

Напримѣръ?

Купецъ.

У меня есть до васъ, батюшка, казусное дѣло.

Квартальный надзиратель.

Казусное? Какого роду?

Купецъ.

Дѣло, батюшка, вотъ какого роду: не безсудьте, ваше благородіе, позвольте вамъ для домашняго обиходу три рублика...

Квартальный надзиратель.

Прошу васъ садиться.

Купецъ.

Постоимъ, ваше благородіе... Постоять можемъ...

Квартальный надзиратель.

Какое ваше дѣло?

Купецъ.

Не безъизвѣстно вашей милости, что у меня въ вашемъ фарталѣ находится домъ и деревяннымъ заборомъ обнесенный...

Квартальный надзиратель.

Да.

Купецъ.

Въ оноемъ самомъ домѣ у меня призводится фабрика, ткутъ разныя матеріи.

Квартальный надзиратель.

Потомъ?

Купецъ.

Былъ я, сударь...

Квартальный надзиратель.

Садитесь, садитесь...

Купецъ.

Ничего-съ. Былъ я, сударь, въ субботу въ городѣ, да маленько, признаться, замѣшкамшись... Бѣгу изъ городу-то, почитай-что бѣгомъ, думаю, хозяйка ждетъ, по семейному дѣлу, чай пить...

Квартальный надзиратель.

Ну да, дѣло семейное...

Купецъ.

А на фабрикѣ у меня есть крестьянинъ Иванъ Ананьевъ...

Квартальный надзиратель.

Что-же онъ, пьянъ что-ли напился?.. буйства что-ли какія надѣлалъ?..

Купецъ.

Это-бы, сударь, ничего, это при емъ-бы и осталось: онъ у меня укралъ *срѣзку*.

Квартальный надзиратель.

Что такое—*срѣзку?*

Купецъ.

А это, выходитъ, какъ ежели теперича собственно матерія, которая, значитъ, по нашему дѣлу...

Квартальный надзиратель.

Понялъ!

Купецъ.

Я ему говорю: Иванъ Ананьевъ, пойдемъ къ фартальному. Я-ста, говоритъ, твоего фартальнаго не боюсь.

Квартальный надзиратель.

Какъ такъ? Григорьевъ!..

Купецъ.

Я говорю: какъ не боишься? Всякій благородный человѣкъ ударитъ тебя по мордѣ, и ты ничего не подѣлаешь, а наипаче фартальный надзиратель...

Квартальный надзиратель.

Григорьевъ!

Купецъ.

Вѣдь оно, ваше благородіе, нашему брату безъ сумлѣнія кажинную вещь пропущать нельзя, почему что всего капиталу рѣшишься...

Квартальный надзиратель.

Григорьевъ!

Купецъ.

Опять-же говорю, что фартальный у насъ, яко-бы значитъ... примѣрно... выходитъ...

ГРИГОРЬЕВЪ, потомъ ИВАНЪ АНАНЬЕВЪ.

Григорьевъ.

Чого звольте, ваше благородіе?

Квартальный надзиратель.

Дуракъ!

Григорьевъ.

Слушаю, ваше благородіе.

Квартальный надзиратель.

Дай мнѣ сюда Ивана Ананьева.

Григорьевъ (отворяя дверь).

Кондратьевъ! И де винъ тутъ Иванъ Ананьевъ... Который? Давай его къ барину... Иванъ Ананьевъ!..

(Иванъ Ананьевъ входитъ).

Квартальный надзиратель.

Какъ тебя зовутъ?

Иванъ Ананьевъ.

Сейчасъ умереть, не бралъ.

Квартальный надзиратель.

Чего?

Иванъ Ананьевъ.

Не могу знать чего.

Квартальный надзиратель.

Отправь его въ частный домъ.

Иванъ Ананьевъ.

Кузьма Петровичъ только мораль на меня пущаетъ, почему что какъ я ни въ какомъ художествѣ не замѣченъ...

Квартальный надзиратель.

Возьми его!

Григорьевъ.

Кондратьевъ!..

Купецъ.

Благодаримъ покорно. Больше ничего не требуется?

Квартальный надзиратель.

Тамъ въ канцеляріи напишите объявленіе.

Купецъ.

Слушаю (уходитъ).

Квартальный надзиратель.

Григорьевъ!

Григорьевъ.

Чого звольте, ваше благородіе?

Квартальный надзиратель.

Дай мнѣ мундиръ.

Григорьевъ.

Да винъ увесь у пятнахъ, ваше благородіе.

Квартальный надзиратель.

Какъ?!

Григорьевъ.

Не могу знать.

Квартальный надзиратель.

А можно ихъ вывести?

Григорьевъ.

Можно, ваше благородіе.

Квартальный надзиратель.

Чѣмъ?

Григорьевъ.

Не могу знать.

Квартальный надзиратель.

Я думаю, скипидаромъ.

Григорьевъ.

И я думаю, що скипидаромъ.

Квартальный надзиратель.

Да вѣдь вонять будетъ...

Григорьевъ.

Вонять будетъ, ваше благородіе.

Квартальный надзиратель.

А можетъ, не будетъ...

Григорьевъ.

Ничего не будетъ, ваше благородіе... (Приноситъ обратно). Готовъ, ваше благородіе.

Квартальный надзиратель.

Что?

Григорьевъ.

Ничого.

Квартальный надзиратель.

Воняетъ?

Григорьевъ.

Воняетъ, ваше благородіе.

Квартальный надзиратель.

Скверно?

Григорьевъ.

Скверно, ваше благородіе.

Квартальный надзиратель.

Да вѣдь, я думаю, незамѣтно.

Григорьевъ.

И я думаю, що незамѣтно. Звольте надѣвать.

ИЗЪ МОСКОВСКАГО ЗАХОЛУСТЬЯ.

I.

Иверскіе юристы.

> Не Богъ сотвори коммисара, но бѣсъ начерта его на песцѣ и вложи въ него душу злонравную, исполненну всякія скверны, и вдаде ему въ руцѣ крючецъ, во еже прицѣплятися и обирати всякую душу христіанскую.

Такъ начинается весьма рѣдкая раскольничья рукопись, озаглавленная такъ: о нѣкоемъ комиссарѣ, како стяжалъ, и о купцѣ. Въ ней разсказывается, какъ помощникъ квартальнаго надзирателя (въ тридцатыхъ-сороковыхъ годахъ они назывались комиссарами) притѣснялъ купца и какія купецъ принималъ мѣры противъ своего гонителя. Комиссаръ въ то время былъ для захолустья персона важная, важнѣе квартальнаго надзирателя, районъ дѣйствій котораго была канцелярія, а комиссаръ представлялъ изъ себя наружную полицію и обыватели находились въ полнѣйшей отъ него зависимости. Протоколовъ въ то время не было, а все рѣшалось на словахъ, по душѣ.

Сгородилъ купецъ у себя на дворѣ, по собственному рисунку, какую-нибудь невообразимую нескладную постройку: теперь—протоколъ... отступленіе отъ строительнаго устава...

Или: начнетъ тотъ-же купецъ выкачивать изъ своего погреба на улицу смрадную міазматическую жидкость и

распуститъ зловоніе по всему захолустью: теперь протоколъ... несоблюденіе санитарнаго устава... обязательное постановленіе и т. д.

А прежде:

— Что это, Иванъ Семенычъ, ты... тово...—говоритъ комиссаръ, самъ увидитъ—не хорошо!.. И мнѣ за тебя достанется.

Четыре стертыхъ или такъ называвшихся „слѣпыхъ" полтинника въ руку и строительный уставъ обойденъ.

Или: Что это, Иванъ Семенычъ, ты весь кварталъ заразилъ?..

— Мнѣ и самому, братъ, тошно,—отвѣчаетъ купецъ:— да что-же дѣлать-то! Три года не выкачивали. Капуста, Ермилъ Николаевичъ, дѣйствуетъ!.. Заходи ужо, милый человѣкъ... Портфеинцу по рюмочкѣ выпьемъ...

Санитарная часть обойдена.

Комиссаръ былъ на ногахъ чуть-ли не всѣ двадцать четыре часа въ сутки...

То онъ подойдетъ къ будкѣ и свистнетъ по зубамъ задремавшаго старика—будочника. Необыкновенный типъ представляли изъ себя будочники. Они выбирались изъ самыхъ неспособныхъ и безсильныхъ солдатъ. Мастеровой и фабричный народъ называлъ ихъ „кислой шерстью". То отколотитъ извозчика, приговаривая: я давно до тебя, шельма, добираюсь!

— Ваше благородіе, тамъ на Яузѣ мертвое тѣло къ нашему берегу подплыло. Пожалуйте! Хозяинъ къ вамъ послалъ... опасается. Мы было хотѣли его пониже, къ Устинскому мосту спустить, чтобы изъ нашего кварталу... А хозяинъ говоритъ: бѣги къ Ермилу Николаевичу. Надо полагать, давно утопилса, по той причинѣ—оченно ужъ распухъ...

Комиссаръ на мѣстѣ. Кричитъ, ругается, дерется, командуетъ...

— Давай багоръ! Тащи!..

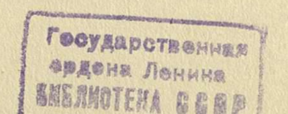
— Я не полѣзу!

— Что-жъ, самъ я что-ли долженъ лѣзть... Кто я?

— Мы знаемъ, что ты ваше благородіе, а только я ни въ какомъ случаѣ не полѣзу. Въ емъ теперича пудовъ двадцать есть, его и вытащить невозможно.

— Молчать! и т. д.

— Ермилъ Николаевичъ, хозяинъ приказалъ, какъ собственно завтрашняго числа у насъ поминки по Матренѣ


Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР

Герасимовнѣ, такъ вотъ именно приказали доложить... Архимандритъ хоронить будетъ...

— Стало быть обѣдъ рыбный будетъ...

— И рыбный, и такой—обыкновенный.

— Буду.

И сидитъ комиссаръ на почетномъ мѣстѣ съ духовенствомъ, отдавая предпочтеніе свѣжей икрѣ передъ паюсной.

— У кого какой вкусъ! По мнѣ свѣжая икра несравненно лучше паюсной, говоритъ онъ, забивая ротъ блиномъ, густо наслоеннымъ свѣжей икрой.

— И я того-же мнѣнія, соглашается съ нимъ отецъ протоіерей.

— Ермилъ Николаевичъ, не оставьте насъ своимъ посѣщеніемъ: дочку просватали. Завтра сговоръ.

— Всенепремѣнно!

И сидитъ комиссаръ на купеческомъ сговорѣ въ отдѣльной комнатѣ и дуется съ купцами въ трынку, принимая каждыя четверть часа по стакану лиссабонскаго.

„Предписываю вашему благородію съ полученіемъ сего немедленно произвести опись имущества и охранить оное, несостоятельнаго должника, московскаго третьей гильдіи купца“ и т. д.

И ѣдетъ Ермилъ Николаевичъ съ писаремъ, понятыми и добросовѣстными свидѣтелями творить волю пославшаго...

— Шуба соболья! выкрикиваетъ охранитель.

Писарь записалъ.

— Что ты, въ первый разъ что-ли на описи-то? говоритъ тихо Ермилъ Николаевичъ.

Писарь вытаращилъ глаза.

— Пиши: „мѣховая“.

— Ложекъ серебряныхъ...

Писарь записалъ.

— Да металлическихъ!.. чертъ тебя возьми! Металлическихъ... Я такого дурака еще не видывалъ!..

Онъ былъ въ своемъ кварталѣ мировой судья.

— Иванъ Семеновъ, помирись ты съ этой анафемой. Вѣдь тебѣ-же хуже будетъ, если она дѣло направитъ въ управу благочинія.

— Обидно, Ермилъ Николаевичъ, обидно мириться-то, вѣдь я по первой гильдіи.

— Ну, дай ты ей пятнадцать цѣлковыхъ...

— Ну, такъ и быть, получи! Только нельзя-ли ее хошь дня на три въ часть посадить...

— Ужъ сдѣлаемъ, что можно.

— Позвольте узнать, въ какомъ положенiи мое дѣло? спрашиваетъ, подходя къ столу, среднихъ лѣтъ женщина.

— Вы Анна Клюева? скроивши важную мину, спрашиваетъ комиссаръ:—вдова сенатскаго копiиста? По происхожденiю—дочь унтеръ-офицера карабинернаго полка.

— Да-съ.

— Тэкъ-съ. А вы давно кляузами изволите заниматься?

— Помилуйте, какiя-же это кляузы, когда онъ на паперти меня прибилъ...

— А свидѣтели у васъ есть? А докторъ васъ свидѣтельствовалъ?

— Помилуйте...

— Вы насъ, матушка, помилуйте! И безъ васъ у насъ дѣла много. Вы женщина бѣдная, возьмите пять рублей и ступайте съ Богомъ. А то мы васъ сейчасъ должны будемъ отправить къ частному доктору для освидѣтельствованiя нанесенныхъ вамъ побоевъ, тотъ раздѣвать васъ будетъ... Что хорошаго—вы дама.

Просительница начинаетъ всхлипывать.

— А какъ тотъ, съ своей стороны, продолжаетъ спокойнымъ тономъ, комиссаръ:—озлится, да приведетъ свидѣтелей, которые подъ присягой покажутъ, что его въ этотъ день не только въ церкви, а и въ Москвѣ не было, такъ васъ за облыжное-то показанiе...

— Помилуйте, прерываетъ просительница.

— Позвольте, дайте мнѣ говорить... останавливаетъ комиссаръ.—Вы не бывали на Ваганьковскомъ кладбищѣ?

— Мой мужъ тамъ схороненъ.

— Стало быть, мимо острога проѣзжали. Непрiятно вѣдь вамъ будетъ въ острогѣ сидѣть.

— Я правду говорю! Неужели за правду...

— А тѣ святой крестъ и Евангелiе будутъ цѣловать, что вы неправду говорите! Полноте, возьмите пять рублей. Василiй Ивановичъ, возьмите съ г-жи Клюевой подписку, что она дѣло прекращаетъ миромъ. Вамъ напишутъ, а вы подпишите.

— Извольте, я подпишу, только пяти рублей не возьму... Богъ съ нимъ!

— Ну, какъ хотите!

Онъ былъ въ своемъ кварталѣ и прокуроръ, только въ рѣдкихъ случаяхъ, это когда считалъ себя оскорбленнымъ кѣмъ-либо изъ купцовъ, обидѣвшихъ его „праздничными“ или иными установленными обычаемъ денежными взносами. Тутъ онъ являлся во всемъ величіи своей власти: вызывалъ въ кварталъ дворниковъ, находилъ въ колодцахъ у обывателей утопленныхъ котятъ, отыскивалъ непрописанные паспорты; простой пьяный шумъ на фабрикѣ принималъ за буйство съ сопротивленіемъ властямъ; но по свиданіи съ обвиняемымъ обывателемъ, преслѣдованіе прекращалось „по недостатку улики“.

Онъ былъ и судебнымъ слѣдователемъ:

„Во исполненіе приказанія вашего высокоблагородія, производилъ слѣдствіе съ прикомандированнымъ чиновникомъ (такимъ-то) объ ограбленіи купца (такого-то) въ Водосточномъ переулкѣ, причемъ грабители, употребивъ насиліе, скрылись, оставивъ на мѣстѣ, по всему вѣроятію, принадлежащій имъ ломъ и огарокъ стеариновой свѣчки. То и надо полагать, названные грабители изъ Москвы бѣжали, ибо нахожденіе ихъ въ Москвѣ, при опасности быть пойманными, при нашемъ совмѣстномъ заключеніи, невозможно. При чемъ, по долгу присяги, не могу не отнестись съ большою похвалою къ полицейскому служителю Гаврилову, трое сутокъ, несмотря на сырость и вѣтеръ, сидѣвшему на рѣкѣ Яузѣ, подъ полуярославскимъ мостомъ, выслѣживая злодѣевъ“.

Онъ былъ и защитникъ.

— Батюшка, ваше благородіе, защити ты меня, отецъ родной, голоситъ, валяясь въ ногахъ у комиссара, старуха... Все пропилъ...

— Кто пропилъ? грозно вскрикиваетъ Ермилъ Николаевичъ.

— Сынъ, батюшка, родной сынъ... Защити ты меня...

— Это ты? обращается комиссаръ къ молодому, щеголевато одѣтому мастеровому.

— Я, отвѣчаетъ нахально мастеровой.

— Ты кто такой?

— Цеховой кислощейнаго цеха.

— То-то у тебя и рожа-то кислая!.. Ты знаешь Божью заповѣдь: „Чти отца твоего и матерь твою“?

Бацъ!

Цеховой летитъ въ стѣну.

— Ты знаешь, что твоя мать носила тебя въ своей утробѣ сорокъ недѣль?

— Зн...

Бацъ!

— Ваше благородіе...

— Ступай съ Богомъ! На первый разъ съ тебя довольно. Василій Ивановичъ, возьмите съ него подписку, что впредь онъ будетъ оказывать матери сыновнее почтеніе.

Дѣлъ въ то блаженное время, требующихъ психическаго анализа, юридическихъ знаній, научной подготовки, не возникало. Всѣ дѣла были компетенціи комиссаровъ, квартальныхъ надзирателей, въ рѣдкихъ случаяхъ частныхъ приставовъ, а если дѣло восходило до оберъ-полиціймейстера и обращались въ управу благочинія, то сейчасъ-же переносились обвиняемыми на консультацію къ Иверскимъ воротамъ, въ институтъ иверскихъ юристовъ, дѣльцовъ, изгнанныхъ изъ московскихъ палатъ, судовъ и приказовъ. Въ числѣ этихъ дѣльцовъ были всякіе секретари—и губернскіе, и коллежскіе, и проворовавшіеся повытчики бывшіе комиссары, и архиваріусъ, потерявшій въ пьяномъ видѣ ввѣренное ему на храненіе какое то важное дѣло, и вѣдомые лжесвидѣтели, и честные люди, но отъ пьянства лишившіеся образа и подобія Божія.

Собирались они въ Охотномъ ряду, въ трактирѣ, прозванномъ ими „Шумла“. Ни дома этого, ни трактира, теперь уже не существуетъ. Въ этомъ трактирѣ и вѣдалось ими и оберегалось всякое московскихъ людей воровство, и поклепы, и волокита. Здѣсь они писали „со словъ просителя“ просьбы, отзывы, дѣлали консультаціи, бѣгали расписываться „за безграмотностью просителя“. И текла ихъ жизнь, полная лишеній, полная непробуднаго пьянства и угрызеній совѣсти, у кого она оставалась... Съ горечью взирали они на своего брата-дѣльца, подъѣзжавшаго къ сенату на своей лошади, привѣтствуемаго всей служившей братіей.

— Вотъ вѣдь по дѣлу Павла Матвѣича надо бы ужь давно ему въ Сибири быть, а онъ въ коляскѣ... замѣчаетъ одинъ изъ дѣльцовъ.

Suum quique! Не завидуй! успокаиваетъ его губернскій секретарь Никодимъ Кипарисовъ.—Всѣ сравняемся!

Безумцы станутъ съ мудрецами,
Съ ханжей столкнется изувѣръ.

— Эхъ, Петя, сразилъ насъ съ тобой этотъ центифарисъ! (Центифарисомъ иверскіе юристы называли водку). Не пей я—кто бы теперь я былъ? Можетъ быть, епископомъ, можетъ быть профессоромъ, можетъ быть гражданской палатой ворочалъ; а чѣмъ я кончилъ?—магистромъ, да и то съ такимъ формуляромъ, что самому въ него смотрѣть стыдно!

— Epistola non erubescit, а я какъ, глядя на нее, краснѣю!.. Двѣ диссертаціи написалъ по-латыни, да какія! Преосвященный предъ всей семинаріей меня въ примѣръ поставилъ. Кто, говоритъ, у васъ, отецъ ректоръ, писалъ диссертацію на тему: „Mens agitat molem?“ Никодимъ Кипарисовъ, сынъ заштатнаго дьячка. Велѣлъ мнѣ изъ за парты выйти и преподалъ благословеніе. Діогенъ въ бочкѣ не переносилъ такихъ лишеній, какія переношу я... У тебя хоть зимняя оболочка есть, а я съ ужасомъ ожидаю пришествія борея: не въ чемъ будетъ на улицу выдти. А никому я не завидую!.. Самъ себѣ такую дорогу проложилъ. Вѣдь, мнѣ придетъ время, „грядетъ часъ и нынѣ есть“—полетимъ мы всѣ внизъ какъ съ Тарпейской скалы и „пронесутъ имя наше яко зло“. Готовься къ этому и мужайся. Дальше идти нельзя! Другіе къ намъ на смѣну придутъ...

— А другіе-то лучше что-ли насъ будутъ? возразилъ дѣлецъ.

— Не знаю! „Темна вода во облацѣхъ воздушныхъ“. Но намъ конецъ! Не токмо сенатъ, но и уѣздный земскій судъ затворитъ намъ свои двери. Кромѣ образовательнаго—нравственный цензъ потребуется... Ну!

— Ну?

— Ну и умри!

„Правда и милость да царствуетъ въ судахъ“! раздалось съ высоты трона.

Оцѣпенѣли иверскіе юристы.

— „Да сбудется реченное“, воскликнулъ Никодимъ Кипарисовъ.

— Однако! произнесъ со вздохомъ квартальный надзиратель.

— Теперь ступай къ мировому, а не ко мнѣ, мы больше не годимся, иронически говорилъ комиссаръ просительницѣ.

— Самъ, батюшка, насъ разсуди! Зачѣмъ я полѣзу къ мировому... Еще кто онъ такой...

— Молодой... Съ золотой цѣпью на шеѣ сидитъ... Хе, хе, хе... да повѣреннаго возьми. Деньги-то есть, что-ли?

— Какія у насъ, батюшка, деньги.

— Ну, ужъ это твое дѣло... Теперь тамъ на лѣстницѣ повѣренные стоятъ. Да ты не бойся: не отъ иверскихъ,— тѣхъ ужь нѣтъ—теперь все новые, хе, хе, хе.

— Кипарисычъ, говоритъ молодой купецъ иверскому юристу, прозябшему до костей у воротъ московскаго трактира: — говорятъ, вашему брату послѣдній конецъ пришелъ.

— Вѣрно, господинъ коммерсантъ.

— Что-жъ, вѣдь замерзнешь безъ дѣла-то.

— По теоріи вѣроятностей долженъ замерзнуть.

— Ты бы къ чему нибудь пристроился. Говорятъ, еще на Хитровомъ рынкѣ вашимъ братомъ не гнушаются.

— Что-жъ ты смѣешься надо мной? Твой отецъ не только мной не гнушался, а когда его въ яму тащили— въ ногахъ у меня валялся. Выручи! Эхъ ты! Можетъ быть ты мнѣ обязанъ, что капиталъ у тебя есть. Погоди, вспомнишь и насъ! Мы самимъ Богомъ были устроены для вашего купеческаго нрава, а съ новыми вамъ придется побарахтаться. Dixi!

— Это насчетъ чего?

— А насчетъ того, что ты, немилосердный человѣкъ, смѣешься надъ умирающимъ.

И комиссары московскіе перемерли, и Кипарисычи, и всѣ члены иверской консультаціи отошли въ вѣчность, но на почвѣ, которую они воздѣлывали и удобряли, и на которой въ былыя времена произростало „крапивное сѣмя“—прозябло новое растеніе, не значившееся прежде въ юридической ботаникѣ и названное, при своемъ появленіи, „аблокатомъ“.

Аблокатъ не имѣетъ ничего общаго съ людьми, акредитованными судомъ и институтомъ присяжныхъ повѣренныхъ. Онъ торгуетъ безъ патента. Между ними есть незрѣлые шантажисты, дѣянія которыхъ не предусмотрѣны закономъ, но дѣянія эти заставили бы содрогнуться иверскаго юриста.

Объ этихъ общественныхъ дѣятеляхъ впереди мое слово.

II.

Широкія натуры.

Немилосердый коммерсантъ, смѣявшійся надъ умирающимъ иверскимъ юристомъ Никодимомъ Кипарисовымъ, принадлежалъ къ широкимъ купеческимъ натурамъ.

То время было время широкихъ натуръ, почти уже не существующаго теперь типа загульныхъ людей. Широкая натура появлялась тогда и въ образѣ промотавшагося интеллигента, прислонившагося къ загульному купцу въ качествѣ „дикаго барина", съ обязанностью откупоривать бутылки, играть на гитарѣ и „выкидывать колѣна" и т. п., и въ образѣ купца, разносившаго публичные дома, и въ образѣ художника, которому уже перестала повиноваться кисть, и въ образѣ высокодаровитаго артиста, пренебрегавшаго преклоненіемъ предъ его талантомъ народной массы, и даже въ образѣ басистаго дьякона. Широкую натуру въ Москвѣ уважали, она даже не теряла уваженія и тогда, когда, растративши матеріальныя, нравственныя и физическія силы, насидѣвшись въ ямѣ и навалявшись въ больницѣ, становилась съ нищими на паперти церковной.

— Ивана Семенова давеча видѣлъ: у Василья Блаженнаго на паперти стоитъ, говоритъ купецъ сосѣду своему по лавкѣ.

— Хорошъ?

— Весь распухъ, словно стеклянный сталъ, а духу своего не теряетъ. Увидѣлъ меня, словно бы маленько улыбнулся и сейчасъ опять въ серьезъ вошелъ. Мигнулъ я ему, дескать, приходи... Не знаю, понялъ ли.

— Значитъ, гордости своей съ себя не снимаетъ...

— Съ отвагой стоитъ!.. Ужъ и тузъ же былъ!..

— Богатырь!..

Всякія безобразія и буйства, несмотря на строгіе въ то время порядки, проходили широкимъ натурамъ даромъ. Развѣ какое-нибудь исключительное проявленіе дикаго нрава вызывало протестъ со стороны графа Закревскаго, да и то кончалось большею частію только отеческимъ внушеніемъ.

— Ты опять! — встрѣчаетъ строгій графъ широкую натуру, именитаго купца.

— Виноватъ, ваше сіятельство!..

— Пора исправиться. Ты дурной примѣръ подаешь своимъ дѣтямъ.

Молчаніе.

— Ты ужъ сѣдой!

— По родителю, ваше сіятельство: покойный родитель рано посѣдѣлъ.

— Ступай! Но чтобъ больше этого не было!.. Стыдно! Ты знаешь, я не посмотрю, что ты...

Послѣдняя фраза имѣла большое значеніе. Въ Москвѣ тогда убѣждены были, что графъ Закревскій имѣетъ какіе-то особенные бланки, по которымъ онъ можетъ ссылать въ Сибирь, постригать въ монастырь и т. п.

Приходитъ широкая натура послѣ генералъ-губернаторскаго внушенія въ клубъ.

— Ну, что? спрашиваютъ.

— Ничего, разговоръ былъ самый обыкновенный... Про матушку спрашивалъ,— церковь вѣдь она теперича строитъ... Ну, а послѣ про это дѣло... Мало ли что, говорю, ваше сіятельство, въ своемъ саду дѣлается... Ну, ничего, благородно обошелся... Мнѣ вотъ только дьякона жалко. Къ Николѣ на Перерву его на исправленіе послали.

— А дьякона-то за что?

— Да вотъ изволите видѣть: собрались мы у Назара Ивановича въ саду. Ну, шумъ былъ... Что за важность! Ну, дьяконъ намъ всѣмъ по очереди многолѣтіе сказывалъ.

— Насколько я знаю, вмѣшивается чиновникъ какой

то палаты: — онъ произносилъ многолѣтіе не такъ, какъ слѣдуетъ.

— Обыкновенно какъ: кричалъ многая лѣта, а мы пѣли пьяные.

— Да, все это хорошо! Благоденственное и мирное житіе — это бы ничего; а зачѣмъ онъ говорилъ: „на враги же побѣды и одолѣніе коммерціи совѣтнику"... Это весьма важно! Это вѣдь знаете...

— Да вѣдь вашъ братъ какъ пойдетъ привязываться...

— Да это не у насъ, это въ консисторіи.

— Ну, я тамъ не знаю гдѣ, а только очень жалко! Этакого, можно сказать, удивительнаго баса и нашего друга... Ну, конечно, мы на Перерву-то къ нему ѣздимъ, горевать тамъ ему не дадимъ.

Большая часть притоновъ, гдѣ собирались по вечерамъ широкія натуры, теперь уже не существуетъ; память объ нихъ сохраняется только въ устномъ преданіи. То были: трактиръ у Каменнаго моста „Волчья долина", трактиръ Глазова на окраинѣ Москвы, въ Грузинахъ; кофейная „справомъ входа для дворянъ и купцовъ", въ Сокольникахъ; трактиръ въ Марьиной рощѣ и разные ренсковые погреба. Въ этихъ притонахъ широкая натура пила „Лиссабонъ", приводившій человѣка въ неистовство; пила шампанское, приготовлявшееся въ гор. Кашинѣ, одной бутылки котораго достаточно было для того, чтобы привести человѣка въ остервененіе; била половыхъ, била маркеровъ, била посуду и зеркала, цѣловалась съ арфистками, становилась на колѣни передъ цыганками и щедро оплачивала зорко слѣдившаго за нарушеніемъ общественной тишины и спокойствія квартальнаго надзирателя.

Бывали и такія широкія натуры, которыя, какъ говорится, смѣшивали грѣхъ со спасеніемъ.

— Заходи завтра, Иванъ Левонтьевичъ.

— Нѣтъ, три дня чертили, отдохнуть надо.

— Да завтра ничего такого не будетъ. Весь хоръ прокофьевскихъ пѣвчихъ только... попоютъ... а чертить не будемъ. Признаться сказать, матушка коситься начинаетъ, въ Воронежъ на богомолье хочетъ ѣхать. На годъ, говоритъ, отъ васъ уѣду.

И вотъ собираются вечеромъ широкія натуры, садятся чинно въ залѣ. Налѣво въ углу въ золоченыхъ кіотахъ „Божье милосердіе", направо столъ, уставленный закусками и разной цвѣтной и безцвѣтной жидкостью акцизно-

откупного комиссіонерства. Выходитъ „сама“, внушительной полноты женщина, съ заплывшими глазами и тройнымъ подбородкомъ, а за ней „матушка“, худая, высокая старуха въ темномъ платьѣ и черномъ платкѣ, говоритъ на „о“.

— Фекла Семеновна, матушка... вскакиваетъ Иванъ Левонтьичъ.

— И ты, грѣшникъ, здѣсь? полусерьезно относится къ нему старуха:— ну, тѣ молодые ребята, ихъ и палкой можно, а ты ужъ...

— Матушка, Фекла Семеновна, одинъ разъ живемъ!.. Помремъ — все останется... Вѣдь не въ лаптяхъ ходимъ, голубушка: есть на что...

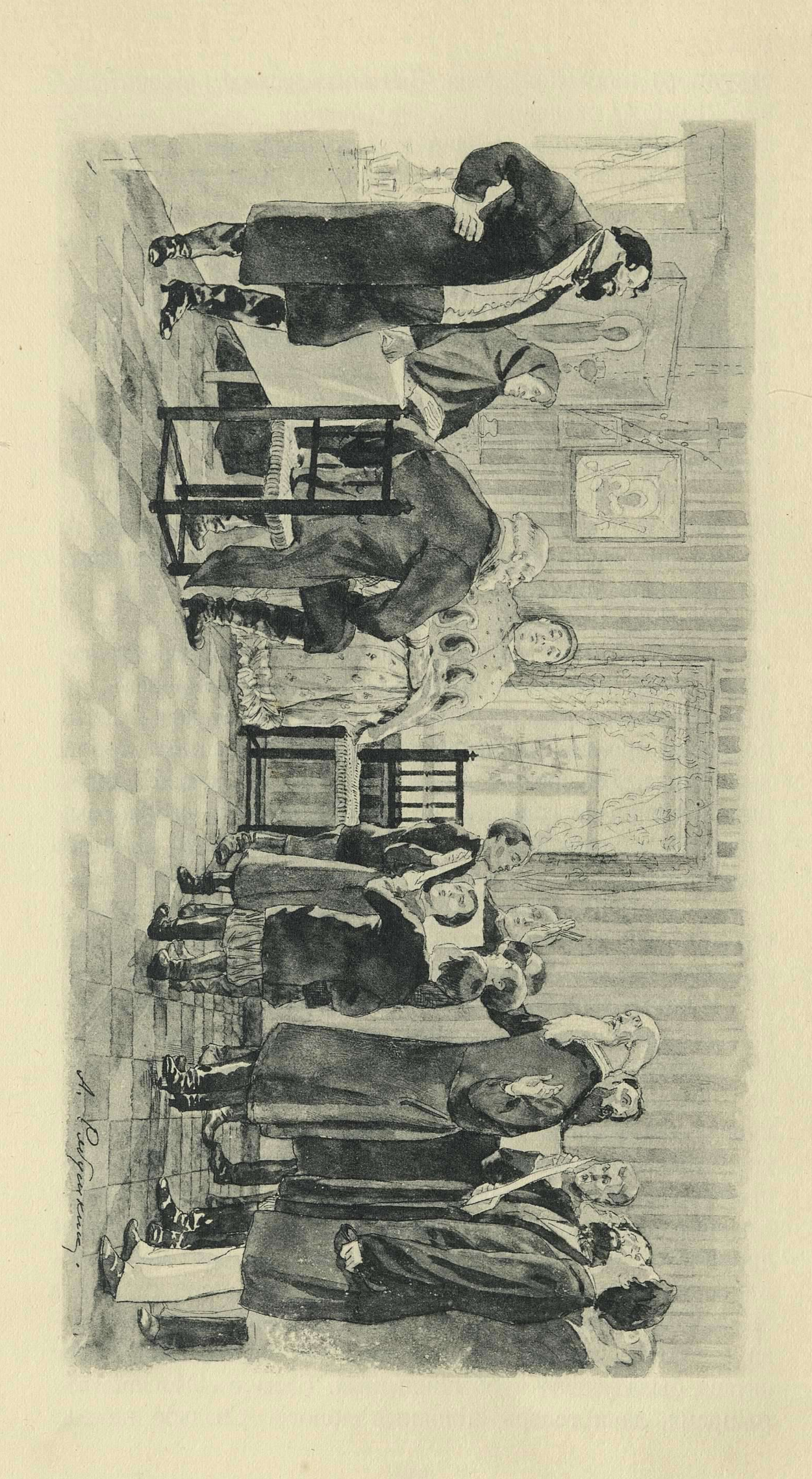
— Крутятся, крутятся... и лба-то перекрестить некогда. И домой-то васъ одна заря вгонитъ, другая выгонитъ. А ты что про лапти говоришь: я сама въ лаптяхъ хаживала. Ты лапти не кори...

— Я не къ тому.

— То-то — не къ тому! Покойникъ сертукъ-атъ надѣлъ, когда весь свой полный капиталъ скопировалъ, да и то, бывало, говорилъ: неловко, Семеновна; давай опять поддевку надѣну; поддевка-то, говоритъ, насъ съ тобой выкормила. Внучки-то вотъ тоже мои куцки себѣ понашили, дѣвки же говорить съ ними стыдятся, словно бы, говорятъ, облупленные сидятъ и приступиться-то къ нимъ стыдно.

— Матушка, пожалуйте садиться, прерываетъ сынъ:— сейчасъ весь составъ идетъ... Басы уже готовы—закусили въ саду.

И хоръ или весь составъ прокофьевскихъ пѣвчихъ входилъ, имѣя во главѣ своего хозяина и регента, ямщика Прокофьева. Хоръ этотъ гремѣлъ по Москвѣ; безъ него не обходился ни одинъ храмовой праздникъ, ни одна купеческая свадьба. Онъ былъ многочисленный, содержалъ его страстный любитель пѣнія, купецъ Прокофьевъ, по профессіи ямщикъ, содержатель лошадей и тарантасовъ. Спавшій съ голоса или отставленный по какимъ-либо причинамъ синодальный или чудовскій пѣвчій, любители пѣнія чиновники, мѣщане и всякаго званія люди въ хору были. Былъ даже одинъ пѣвчій безрамотный и становился на клиросѣ, чтобы, какъ говорили, „пущать октаву“. И октава была у него необыкновенная. Басы въ Москвѣ, въ то время, да и теперь, цѣнились дорого. Свадьба не въ



свадьбу, если апостолъ будетъ прочитанъ теноромъ. Жалко, что перомъ нельзя передать тѣхъ звуковъ, которые вылетали изъ груди прокофьевскихъ басовъ.

— Ты ужъ, Николай Иванычъ, къ завтрашнему дню „приготовься“, упрашивалъ старшій приказчикъ одного купца, на вѣнчаніи дочери котораго долженствовалъ читать апостолъ Николай Иванычъ:—то возьми во вниманіе: одна дочь, опять же и родство большое.

— Ужъ сдѣлаю, успокаивалъ его Николай Иванычъ: сегодня у меня у Троицы въ Вешнякахъ парамеи за всенощной, ну да я какъ-нибудь проворчу полегонечку, а у васъ завтра пущу во всю...

— Голубчикъ, грохни!

— У Егорья на Всполье на прошлой недѣлѣ вѣнчали; худенькая такая невѣста, на половинѣ апостола сморщилась, а какъ хватилъ я „жену свою сице да любитъ“, такъ она такъ на шафера и облокотилась...

— Нѣтъ, наша выдержитъ! Наша даже до пушекъ охотница... Вотъ когда въ царскій день палятъ... А ужъ ты дѣйствуй во всю, сколько тебѣ Господь Богъ голосу послалъ.

— Съ вечера-то я сегодня, можетъ, согрѣшу, а завтра утромъ „оттяну“, оно и будетъ такъ точно.

За человѣка становилось страшно, когда „оттянувшій“ по утру басъ, вечеромъ забирался въ верхніе слои своихъ голосовыхъ средствъ. Глаза его наливались кровью, грудь выступала впередъ, подымались плечи... Ужасно!

Пѣвчіе размѣстились по порядку: басы назади, тенора на правомъ крылѣ, альты на лѣвомъ, дисканты впереди. Прокофьевъ, сѣдой, почтенный, строгой наружности старикъ, вынулъ камертонъ, куснулъ его зубами, подставилъ къ уху... еще разъ... погладилъ по головѣ гладко выстриженнаго маленькаго мальчика, дисканта, нагнулся къ его уху и промычалъ ему нотку, потомъ обратился къ басамъ... „Соль-си-ре... си...“ потомъ громогласно сказалъ: „Покаянія отверзи ми двери“. Хоръ шевельнулъ нотами и запѣлъ очень стройно. Изрѣдка слышалось только дребезжаніе старческаго голоса самого регента, но оно тотчасъ-же покрывалось басами.

Кончили...

Басы откашлялись, тенора поправили волосы, альты завертѣли нотами, регентъ закусалъ камертонъ, опять по-

слышалось „Ля-до-ми...“ и торжественный концертъ Бортнянскаго „Кто взыдетъ на гору Господню“ огласилъ не только залу, но и улицу, и близъ лежащіе переулки. Мальчишки съ улицы прислонились къ окнамъ и приплюснули къ стекламъ свои носы.

Сильно подѣйствовала на душу матушки пропѣтая пѣснь. Она обтерла рукой увлажившіеся слезами глаза и посмотрѣла на сына. Сынъ глубоко вздохнулъ и, покачавъ головою, сказалъ: Да!..

Иванъ Левонтьичъ взялъ у регента камертонъ, повертѣлъ его въ рукахъ и отнесся къ матушкѣ:

— Фекла Семеновна, вотъ рогулька, ничего не стоющая, а безъ нея никакъ невозможно.

— У всякаго дѣла свой струментъ есть, замѣтила старуха.

Насладившись пѣніемъ, хозяинъ пригласилъ пѣвчихъ къ столу. Одинъ басъ закусилъ икрой, другой—мятнымъ пряникомъ, говоря, что „это очищаетъ“, третій ничѣмъ не закусывалъ, говоря, что послѣ закуски вторую рюмку пить непріятно; октава привела всѣхъ въ изумленіе - ничего не пила, несмотря на всѣ увѣщанія.

— Это даже удивительно, замѣтилъ Иванъ Левонтьичъ:—такой видный человѣкъ и не пьетъ!

— Прежде былъ подверженъ, объяснила ему октава: въ больницѣ разъ со второго этажа въ окошко выбросился. Докторъ больше не приказалъ.

Тенора выпили „легонькаго“, т. е. портвейну и хересу; мальчикамъ были бабушкой отпущены моченыя яблоки.

Послѣ угощенія хоръ разбрелся: кто пѣть всенощную на храмовомъ праздникѣ, кто пѣть на свадьбѣ. Самъ Прокофьевъ остался съ широкими натурами и, вручивши свой камертонъ своему помощнику, сказалъ: „Не потеряй! Сорокъ лѣтъ я имъ орудую! Да скажи тамъ: завтра въ мѣдномъ ряду молебенъ... „Царю“ и „Воспойте“. Чтобы утромъ пораньше спѣвались. Я самъ буду. Къ Троицѣ въ Сыморомятники къ „Взбранной воеводѣ“ тоже приду“.

Начался разговоръ о соборныхъ дьяконахъ, о пѣвчихъ, о томъ, что пѣвчимъ быть трудно, и т. п. Наконецъ хозяинъ обратился къ гостямъ съ предложеніемъ:

— А что, господа, не на воздухъ ли намъ перейти?

Рѣшили, что на воздухъ лучше, и перешли. Тамъ ихъ

ожидало новое удовольствіе. Ихъ встрѣчалъ пѣвецъ, отлично исполнявшій русскія пѣсни и романсы.

И пошло!..

Заложу я тройку борзыхъ
Сѣро-пѣгихъ лошадей
И помчусь я въ ночь морозну
Прямо къ Любушкѣ своей...

Золотое тогда время было для широкихъ натуръ, но и ему приближался конецъ.

— „Правда и милость да царствуютъ въ судахъ!“

И вмѣсто квартальнаго и коммиссара, съ которыми, совершивъ всякую „неправду“, можно было „сдѣлаться“,— является умягчающій поврежденные нравы мировой судья; вмѣсто отеческаго внушенія генералъ-губернатора, распахнулись для широкихъ натуръ двери знаменитыхъ Титовъ. Дрогнули широкія натуры, когда, на первыхъ же порахъ, одну изъ нихъ, не взирая на ея общественное положеніе и почти неприкосновенность, за содѣянное ею въ трактирѣ буйство, мировой судья пригласилъ на новоселье въ Титы.

— Ужъ теперь дѣло видимое, что прежніе порядки отошли, заключили въ захолустьѣ.

— Ужъ если этакой тузъ не отвертѣлся, значитъ, никакъ невозможно.

— Tempora mutantur, со вздохомъ произнесъ Никодимъ Кипарисовъ, выходя изъ камеры мирового судьи.

— Ничего! можно сказать, даже превосходнѣе, замѣтилъ одинъ обыватель захолустья:—по крайней мѣрѣ теперича знаешь, что драться невозможно.

— А прежде не зналъ?

— Зналъ, да никакой тебѣ остановки въ этомъ не было, никто не препятствовалъ...

Очень скоро примѣнилось захолустье къ новымъ порядкамъ и сознало, что существовать стало легче. Комиссаръ потерялъ свой престижъ и не имѣлъ уже прежняго значенія въ купеческихъ домахъ, ни на похоронахъ, ни на свадьбѣ. Ужъ его не подводилъ хозяинъ подъ-руку къ закускѣ, съ упрашиваніемъ выкушать на доброе здоровье, а предлагалъ ему просто, мимоходомъ: „Ермилъ Николаевичъ, ты бы водки выпилъ. Настойка тамъ есть“... Праздничныя его взиманія тоже умалялись. Давали обыватели по старой привычкѣ, но уже не въ прежнихъ размѣрахъ

и съ видимымъ неудовольствіемъ. А одинъ купецъ сталъ даже надъ нимъ подтрунивать:

— Однако у тебя, Ермилъ Николаевичъ, пузо-то подсыхать стало... при новыхъ-то порядкахъ... Какой ты прежде пузатый былъ — на удивленіе, а теперь ишь какъ тебя подвело...

— Да! съ горькимъ вздохомъ произносилъ комиссаръ:—не нужны мы стали!..

— Ну, какъ вы съ вашимъ мировымъ? скроивши саркастическую улыбку, спрашиваетъ частный приставъ обывателя.

— Во все вникаетъ, отвѣчаетъ обыватель.

— Вникаетъ? Ха, ха, ха... Вникаетъ! Это хорошо! Не получая ни отъ кого ни приказаній, ни предписаній, не рыская цѣлый день то съ рапортомъ на Тверской бульваръ, то на пожаръ, то въ нарядъ на гулянье,— можно вникать.

— Очень вникаетъ! Намедни на фабрикѣ у нѣмца одному шпульнику руку шестерней оторвало,— заплатить велѣлъ. Оно вѣдь, пожалуй, и справедливо. Опять же носовскіе фабричные на пищу жаловались. Самъ пріѣхалъ и сейчасъ: „Стыдно, говоритъ, вамъ! Вы почетный гражданинъ, а фабричныхъ вашихъ хуже собакъ кормите“. Тотъ было нравъ свой распустилъ: „По какому праву? Я, говоритъ, ихъ три тысячи продовольствую“... Но между прочимъ, говорятъ, въ Титахъ сидѣть будетъ. Ужъ трехъ аблокатовъ приспособилъ...

— Такъ, значитъ, вы довольны.

— Коли и впередъ такъ дѣла пойдутъ—довольны.

— Ну, и слава Богу, коли довольны, окончилъ иронически частный приставъ.

Впрочемъ, новые порядки неблагопріятно подѣйствовали на стариковъ и на среднее поколѣніе. Старикамъ не нравилось, что они уже больше не могли распоряжаться своимъ необузданнымъ характеромъ во всю мѣру, что въ лицѣ мирового въ примѣненіи этого характера они встрѣчали препоны; среднему поколѣнію казалось ужъ стыдно за какіе-нибудь пустяки, за трепку, напримѣръ, полового или маркера въ Волчьей долинѣ, предстать предъ лицомъ нелицепріятнаго судьи. Молодое поколѣніе, въ которомъ еще не проявилась „тятенькина натура“, осталось равнодушно. Да оно не было еще испорчено. Оно еще не вкусило сладости Волчьей долины, ренсковыхъ погребовъ

и пріютовъ Соболева переулка. Цѣломудріе его не было растлѣно общеніемъ съ арфистками и торбанистами. Предъ нимъ предстояло высшее эстетическое наслажденіе. И оно не замедлило явиться. Съ обнаженными чреслами показалась на сценѣ „la belle Hélène“. Не только молодое и среднее поколѣніе, встрепенулись и старцы.

— Очень хорошо!

Старики созерцали женщинъ въ такомъ видѣ, но только въ Кунавинѣ и то за большія деньги, и при закрытыхъ дверяхъ, а тутъ на сценѣ, и всего за полтора рубля.

— Превосходно!

И охватила оперетка все мое любезное отечество „даже до послѣднихъ земли“. Гдѣ не было театровъ, она располагалась въ сараяхъ, строила наспѣхъ деревянные павильоны, эстрады въ садахъ и т. п. Появились опереточные антрепренеры изъ актеровъ, изъ прожившихся помѣщиковъ, изъ артельщиковъ, былъ одинъ отставной унтеръ-офицеръ, одинъ лакей, три жида и т. п.

И на голосъ ласковой пери
Шелъ воинъ, купецъ и пастухъ.

Бросились въ ея объятія достойныя лучшей участи дѣвушки, повыскакивали со школьной скамьи недоучившіеся молодые люди, актеры всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ театровъ были „поверстаны“ въ опереточные пѣвцы, даже слава и гордость русскаго театра, П. М. Садовскій, уступая не духу времени, а требованію начальства, долженъ былъ напялить на себя дурацкій костюмъ аркадскаго принца.

Драма посторонилась.

На помощь опереткѣ вдругъ появляется куплетъ. Въ одинъ прекрасный вечеръ онъ выскочилъ на сцену въ черномъ фракѣ и запѣлъ:

Денегъ въ Россіи нѣтъ,—смѣло
Каждый готовъ произнесть.
Нѣтъ у насъ денегъ на дѣло,—
На безобразіе есть!

— Браво! закричали поврежденные нравы и задумались.

— А вѣдь правда, заговорили:—на безобразіе у насъ сколько угодно!..

Ходятъ больные, какъ трупы,
Просятъ голодные ѣсть;
Нѣтъ у насъ денегъ...

— Правда! Чудесно! закричалъ Назаръ Ивановичъ, поглядывая на Ивана Назарыча: — разчесывай, разчесывай хорошенько!

И сталъ куплетъ разчесывать поврежденные нравы. И распространился тоже по всему лицу земли русской и засѣлъ не только въ театрѣ, но и въ клубахъ, и въ трактирахъ, даже на открытомъ воздухѣ.

И полетѣлъ со своего пьедестала торбанистъ, услаждавшій отцовъ и дѣдовъ захолустныхъ обывателей и въ Ирбитѣ, и въ Нижнемъ, и въ Волчьей долинѣ, и во всѣхъ веселыхъ притонахъ государства россійскаго.

Почтительно отошелъ въ сторону и далъ дорогу куплету веселый водевиль, много лѣтъ царившій на сценѣ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

ОЧЕРКЪ.

Прямой линіей, отъ Курскаго вокзала по всему захолустью, вплоть до края Москвы, протянулась желѣзная дорога, снесла дома, домики и лачужки захолустныхъ обывателей, разорила ихъ насиженныя гнѣзда, уничтожила ихъ сады, полисадники и огороды, не пощадила даже памятниковъ захолустнаго зодчества,—полицейскія будки,—мимо которыхъ захолустный обыватель проходилъ съ трепетомъ и содроганіемъ.

— Кто идетъ?—раздавался сиплый голосъ будочника.

— Господи, прости Ты мнѣ мое великое согрѣшеніе,—мысленно произносилъ обыватель, прибавляя шагу.

Была у захолустья своя исторія, свои нравы, свои преданія, свои обычаи, было свое начальство: высшее—въ лицѣ частнаго пристава и непосредственное—въ лицѣ квартальнаго надзирателя. Все захолустье стояло въ непролазной грязи, просыхавшей только на нѣсколько дней въ іюлѣ мѣсяцѣ. Мутная, какъ священныя воды Ганга,

струилась Яуза, распространяя зловоніе по всей окрестности.

— Ты бы, Спиридонъ Савельичъ, мусоръ съ своего двора свезъ. Другой ужъ годъ я тебѣ говорю,—замѣчалъ квартальный почтенному обывателю-фабриканту.

— Думаю, Иванъ Ильичъ, ей-Богу, думаю. Погоди, вотъ послѣ праздника... Зайдемъ,—по рюмочкѣ, бѣлуга у насъ малосольная: сахаръ, а не бѣлуга.

Зашли, выпили по двѣ рюмочки, закусили бѣлугой.

— Я бы тебя не „безпокоилъ",—намъ предписываютъ. Вотъ получена бумага. Слушай: „Секретно".

„Надзирателю пятаго квартала: Въ виду могущей возникнуть въ Москвѣ холерной болѣзни, по примѣру 1830 г., предписываю вашему благородію осмотрѣть лично всѣ дворы во ввѣренномъ вамъ кварталѣ и озаботиться вывозомъ изъ оныхъ мусора, ибо, по предположенію врачей, оная болѣзнь можетъ произойти отъ неустраненія нечистоты".

— Ну да, ври больше! захохоталъ фабрикантъ:—нечего имъ дѣлать, вотъ они и притѣсняютъ обывателей. Ужь ежели что, такъ ужь это не отъ этого. Это воля Божья. Да ужь нечего дѣлать, вывезу, сдѣлаю тебѣ уваженіе.

— Не мнѣ, голубчикъ, не мнѣ! Слышалъ бумагу?

— Слышалъ... Давай еще по рюмочкѣ... Говорилъ у меня на фабрикѣ конторщикъ тоже объ этой самой болѣзни,—я его оттаскалъ за волосы, чтобы пустыхъ словъ не болталъ.

— Начинаютъ поговаривать,—произнесъ квартальный, проглотивши рюмку рябиновки.

— Даже очень,—подтвердилъ фабрикантъ, вручая квартальному трехрублевую ассигнацію.

— Напрасно!—меланхолично произнесъ квартальный, запихивая бумажку за тулью трехугольной шляпы.

— Не срывокъ ты съ меня берешь, а за твое милое обхожденіе и какъ у тебя семейство большое... Такъ будь покоенъ, дворъ и все прочее мы очистимъ.

— Пожалуйста, Спиридонъ Савельичъ, а то меня на гауптвахту посадятъ.

— Сказалъ,—очищу...

Двѣ недѣли не приступалъ Спиридонъ Савельичъ къ очищенію своего двора. Ему обидно было, что не по собственной инціативѣ онъ долженъ приступить къ этому,

а по принужденію, хотя въ мягкой и деликатной формѣ, а все-таки по принужденію. Наконецъ, рѣшился и исполнилъ требованіе полиціи. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ неприкосновенно лежавшій мусоръ былъ поглощенъ Яузой. Другіе обыватели тоже неохотно разставались съ накопленнымъ на дворахъ ихъ добромъ, сваливая въ тѣ же Яузскія струи возика по два, по три и оставляя большую часть для фонда.

Но вотъ грянулъ громъ! Холера! Взвыло захолустье, зазвонили церковные колокола, начались общественные молебны. Пошли разговоры и догадки, стали отыскивать причину смерти.

— Умеръ! Отчего? Съ пѣвчимъ, въ саду, на сырой травѣ лежали, мочеными яблоками закусывали.

— Моченый яблокъ къ водкѣ не идетъ,—замѣчалъ одинъ обыватель,—водка этой закуски не любитъ.

— Умерла! Почему?

— Въ горячей банѣ на полкѣ два ковшика холоднаго квасу выпила. Крыжовникомъ объѣлась. На босую ногу на погребъ ходила.

Пока шли догадки о причинѣ смерти, холера брала жертву за жертвой.

— Вотъ ты, Иванъ Ильичъ, говорилъ: „очищай дворъ"... Ну, и очистили, и видишь... только растревожили все.

— Да!—отвѣчалъ многодумно квартальный.—Не всегда врачи бываютъ правы.

— Предписали тебѣ, а ты и повѣрилъ... Нѣтъ ужъ, братъ, отъ воли Божьей не уйдешь. Отъ тебя я спрячусь такъ, что ты меня и не сыщешь, а отъ Бога, нѣтъ, братъ!

И много общественныхъ бѣдъ разражалось надъ захолустьемъ. Въ началѣ текущаго столѣтія оно выгорѣло все до тла, потомъ бывали частные большіе пожары; проносились надъ нимъ страшныя грозы, портившія сады и огороды; были солнечныя затменія, наводившія ужасъ на обывателей, выступала изъ береговъ Яуза и сносила заборы и лачужки, и снова захолустье возрождалось, и снова начинало вести жизнь и порядки, завѣщанные предками: солило огурцы, рубило капусту, не чистило своихъ колодцевъ, и съ трепетомъ въ сердцѣ посѣщало въ сумасшедшемъ домѣ дикаго умопомраченнаго „студента холодныхъ водъ", Ивана Яковлевича, ища въ немъ благодати, принимая безобразныя рѣчи за пророчество, и вос-

питывало дѣтей своихъ въ полномъ отчужденiи отъ образованія.

— На что намъ хошь бы это самое образованіе?— философствовала одна богатая обывательница!—держишь сына въ рукахъ, не спускаешь съ него глазъ, не даешь ему потачки, точишь его за всякую малость, онъ тебя и почитаетъ, и слушается, потому завсегда въ страхѣ находится; а образуешь его на дворянскую ногу—онъ пить начнетъ, да изъ дому, пожалуй, сбѣжитъ.

Но такое напряженное состояніе материнскихъ глазъ и рукъ продолжается не долго, до первой Нижегородской ярмарки. Воспитанный, не въ духовномъ смыслѣ, а въ физическомъ, т. е. откормленный, бѣлокурый, съ тупыми, безъ всякаго выраженія, глазами, робкій отъ постояннаго пиленья и точенья матери и безобразія отцовскаго, безъ всякаго понятія о нравственности, на ярмаркѣ онъ быстро перерождается. Кунавино вдыхаетъ ему новую жизнь: онъ начинаетъ бить стекла, посуду, обливаетъ шампанскимъ арфистокъ, мажетъ горчицей лицо трактирному слугѣ, заставляетъ въ трактирѣ за порцію селянки несчастнаго голоднаго человѣка ходить на четверенькахъ и, по возвращенiи въ Москву, ставитъ своимъ девизомъ: „Бей! Плачу!"

Дочери, пребывая въ полномъ невѣжествѣ, вели тихую, уединенную жизнь и были, по выраженію Котошихина, „разумомъ простоваты". Пансіоновъ и институтовъ для нихъ не полагалось.

— Намъ нужна,—говорила мать, - дочь покорная, которая бы изъ материнской воли не выходила,—что мать думаетъ, чтобы и она такъ думала.

А думъ-то своихъ она передать ей и не могла, потому что у ней самой никакихъ думъ не было: въ захолустьѣ у женскаго пола всякія думы прекращались по выходѣ замужъ.

— Я думаю, говорила жена мужу.

— Нѣшто ты можешь думать? Ты должна только распорядиться, я ужъ за тебя все выдумаю,—возражалъ ей мужъ:—ты ничего не можешь выдумать, потому ты къ этому дѣлу не приспособлена.

И прекращались думы, и обращалась женщина къ животной жизни—къ чревонасыщенію и сну, по русской поговоркѣ: „у бабы нѣтъ тягла, наѣлась да спать легла".

Впрочемъ, въ описываемое мною время, образованіе

ужь стало стучаться въ двери захолустья. Кромѣ „Сонника“, „Оракула“ и повѣсти „Битва русскихъ съ кабардинцами“, нѣкоторыя бойкія дѣвицы почитывали украдкой „Московскіе великосвѣтскіе романы Петра Машкова“.

Населеніе захолустья было, какъ говорится, разношерстное. Были чиновники разныхъ судовъ и палатъ, чиномъ не восходившіе дальше титулярнаго совѣтника; были купцы второй и третьей гильдіи; были мѣщане; была вдова маіора Мирзаева, лѣчила притекающихъ къ ней простецовъ и невѣждъ какимъ-то собственнаго издѣлія пластыремъ, результаты котораго приходилось исправлять въ больницахъ, и гадала купчихамъ на картахъ.

Былъ слегка помутившійся въ умѣ потомственный почетный гражданинъ Егорушка, не имѣвшій осѣдлости и опредѣленныхъ занятій, и питавшійся на купеческихъ кухняхъ. Въ молодости онъ былъ членомъ одной богатой купеческой фирмы и круглый годъ разъѣзжалъ по всѣмъ россійскимъ ярмаркамъ. Въ одно прекрасное утро фирма неожиданно рухнула, и онъ въ Коренной ярмаркѣ остался въ безвыходномъ положеніи. Сначала думалъ поступить въ Курскѣ въ актеры, но, по отсутствію не только таланта, но даже актерскихъ способностей не могъ привести свое желаніе въ исполненіе. Нищета довела его до того, что онъ въ одномъ изъ трактировъ въ той же Коренной ярмаркѣ сдѣлался маркеромъ. И тѣ же самые купцы, съ которыми онъ въ счастливые дни своей жизни водилъ хлѣбъ-соль и бурные загулы, заставляли его лазить подъ билліардъ и издѣвались надъ потеряннымъ человѣкомъ. Наконецъ, одинъ ремонтеръ изломалъ объ его грѣшное тѣло два кія и перешибъ ему ребро. Послѣ очень долгаго лѣченія въ больницѣ, одинъ добродѣтельный самарянинъ свезъ его въ Москву на старое пепелище. По старой привычкѣ, онъ сталъ выходить въ „городъ“ и здѣсь, въ рядахъ, его встрѣтили жестокіе, дикіе, не христіанскіе нравы рядскихъ торговцевъ, которые своими насмѣшками окончательно помутили его разсудокъ—онъ сталъ „заговариваться“.

— Ну-ка, Клопстосъ Егорычъ, сморозь что-нибудь, мы послушаемъ.

– Кій, что ли, покупать? На Кузнецкій ступай, здѣсь не продаютъ.

— Ты когда будешь въ театрѣ разыгрывать? Мы придемъ послушаемъ. Ты подъ Живокини старайся.

Натѣшившись надругательствомъ надъ несчастнымъ, рядскіе облегчали свою гнусную душу выдачей ему гривенника. Смерть Егорушки была трагическая: онъ сгорѣлъ во время пожара.

Жилъ въ захолустьѣ, на пустырѣ, въ собственномъ деревянномъ домикѣ, со старушкой сестрой, адвокатъ Иволгинъ, по тогдашнему — стряпчій по злостнымъ банкротствамъ (въ то время эти преступленія бывали нерѣдки) и пользовался, за свою уединенную и аскетическую жизнь, большимъ почетомъ. Темной профессіи его никто не зналъ, кромѣ тѣхъ, до кого она касалась. Въ свободное отъ „сквернаго дѣланія“ время, онъ, сидя подъ окошкомъ, читалъ „Четьи-минеи“, принималъ у себя монаховъ, всю обѣдню стоялъ не иначе, какъ на колѣняхъ и точилъ обильныя слезы, былъ первымъ гостемъ въ богатыхъ домахъ захолустья, велъ бесѣду съ купчихами „объ жизни“ и преподавалъ мудрые совѣты; ему ввѣрялись даже семейныя тайны, всѣ его называли благочестивымъ человѣкомъ. Но вотъ купецъ позвалъ своихъ кредиторовъ на „чашку чаю“ (эта фраза была страшная,—она означала, что купецъ платить не хочетъ), и благочестивый человѣкъ сразу превращался въ неописаннаго мошенника: церковь замѣняется московскимъ трактиромъ и Коммерческимъ судомъ, молитвы и воздыханія—подлогомъ и дутыми векселями. Наконецъ, хлопоты и ходатайства благочестиваго человѣка окончились съ успѣхомъ: одинъ мошенникъ признанъ должникомъ несчастнымъ, другой мошенникъ получилъ большой гонораръ и снова отошелъ къ созерцательной жизни. Кредиторы взвыли, мошенники возрадовались и взыграли.

Но вотъ наступили грозныя времена графа Закревскаго, и въ одну темную, осеннюю, дождливую ночь въ двери благочестиваго человѣка постучался квартальный надзиратель.

— Не угодно ли вамъ одѣться, Семенъ Васильевичъ, и ѣхать со мной.

— Куда? Куда?

— Въ Тверскую часть.

— За что? Почему?

— По приказанію графа. Крайне мнѣ это непріятно...

— Теперь я все понимаю!—проборматалъ растерявшійся стряпчій и безропотно покорился волѣ твердаго и рѣшительнаго администратора.

Въ темномъ, освѣщенномъ лишь сальнымъ огаркомъ, вонючемъ корридорѣ его встрѣтилъ мѣстный приставъ и, указывая на узкую дверь секретнаго номера, сухо сказалъ:

— Милости просимъ.

Съ этого момента, благочестивый человѣкъ кончилъ свое политическое существованіе, и въ преданіяхъ захолустья никакихъ о немъ свѣдѣній не осталось.

— Какъ въ тѣ поры схватили его, моего голубчика, такъ и шабашъ!—говорилъ его дворникъ.—Привозили какъ-то разъ ночью, бумаги разбирали, а тамъ и шабашъ! Словно бы какъ въ воду...

ПТИЦЕЛОВЪ.

День воскресный. Обѣдни отошли. Обыватели захолустья сѣли за столъ.

Паръ надъ щами тучей носится. Точно взбитая перина глядитъ жирная кулебяка, начиненная ливерами, сердцемъ, яйцами, кашей, куриными пупками и т. п.

— Чудесно!—говоритъ хозяинъ.

— Распревосходнѣйшая кулебяка,—поддакиваетъ ему одна изъ бѣдныхъ родственницъ: по всей Москвѣ такой не сыщешь. Я въ спасскія казармы къ одному маіору вхожа: на что, говорить, хорошія кулебяки бываютъ, намедни даже съ семгой была, а противъ этой ничего не стоютъ. Эту кулебяку царю не стыдно подать.

— На этой кулебякѣ спать можно, а не то что къ примѣру...

— Пухъ! перебиваетъ дѣдушка... — Намедни квартальный отъ обѣдни зашелъ, такъ его насилу оттащили отъ нея.—„Ну", говоритъ, „Семенъ Иванычъ, тебѣ меня хоронить послѣ придется".

— А что вы думаете?! Бываетъ!—подхватила родственница:—у насъ въ Вишнякахъ стряпчій одинъ, благочестивый человѣкъ былъ, сычугомъ объѣлся. До дому не доѣхалъ—померъ.

Отъ кулебяки остаются однѣ крошки. Остальныя блюда—гусь съ кашей—уже не производятъ никакого впечатлѣнія: его ѣдятъ только потому, что онъ поставленъ—не бросать же. Моченыя яблоки замыкаютъ трапезу. „Ухъ", да „охъ" вылетаютъ изъ груди отяжелѣвшихъ сотрапезниковъ.

— Что значитъ гусь-то!—замѣчаетъ хозяинъ, поковыривая пальцемъ въ зубахъ.

— А что?—спрашиваетъ хозяйка:—гусь, кажется, хорошій, жирный...

— Память отшибаетъ. Отъ обѣдни шелъ, помнилъ, какую батюшка проповѣдь говорилъ, за столъ сѣлъ—все въ размышленіи имѣлъ, а какъ этого гуська прикончилъ—все позабылъ.

— Боже, очисти меня грѣшнаго! перекрестивъ ротъ, произноситъ тихо дѣдушка.

Тоже самое совершилъ и купеческій сынъ, пропившійся до тла потомственный почетный гражданинъ Володя.

Вотъ его біографія (что я описываю—было въ концѣ сороковыхъ годовъ, въ дни достойныя памяти графа Закревскаго). Отецъ Володинъ былъ богатый купецъ, занимавшійся казенными подрядами. По обычаю того времени, одну дочь пристроилъ онъ за маіора, а другую сдалъ кому то изъ своей братіи богачей. Володя былъ единственный сынъ, надежда, какъ говорится, „прошеный-моленый“ и соотвѣтственное сему получилъ воспитаніе.

Съ семилѣтняго возраста онъ пристрастился къ птицамъ. Родитель устроилъ ему голубятню. И лежитъ себѣ Володя на спинѣ, да посвистываетъ, и вьются въ глазахъ его въ поднебесномъ пространствѣ турмана и чистые.

И ни для кого незамѣтно—ни для окружающихъ, ни для отца, ни для самого себя—просвисталъ онъ до двадцатилѣтняго возраста. Грамота едва коснулась его. Въ училище мать не хотѣла отдать—жалко; домой учителей приглашать тоже боялась—по головѣ будутъ бить. Читать его выучилъ дьячекъ, за что получилъ двѣ синенькихъ, да полубархату на жилетку; а писать—конторщикъ.

Имѣя постоянное общеніе съ голубятниками и птицеловами, онъ еще въ дѣтствѣ постигъ вкусъ въ мадерѣ, а къ совершеннолѣтію сталъ совершеннымъ пьяницей. Безжизненное, безъ всякаго выраженія лицо его опухло. Въ такомъ видѣ, безъ предварительнаго съ нимъ соглашенія, его привезли въ одинъ купеческій домъ смотрѣть невѣсту. Послѣ „политичнаго разговора“ о погодѣ, о томъ, что въ прошлую ночь подъ самыми окнами караулъ кричали, что въ крутицкихъ казармахъ одна вдовствующая купчиха кантониста украла и нигдѣ ихъ найти не могутъ, что одному барину въ пятницкой части бороду обрили—дѣло было порѣшено: Володя былъ объявленъ женихомъ.

Повѣнчали съ помпой. На правомъ клиросѣ пѣли въ полномъ составѣ чудовскіе, на лѣвомъ—синодальные пѣвчіе, апостола читалъ соборный протодіаконъ. Послѣ пиръ горой. Чиновники коммиссаріатскаго вѣдомства съ супругами, мѣстный полиціймейстеръ, частный приставъ со всѣми подвѣдомственными ему квартальными надзирателями и ихъ помощниками, совѣтники губернскаго правленія и управы благочинія, секретари магистрата, сиротскаго и иныхъ судовъ, духовенство близъ лежащихъ церквей, именитое купечество съ супругами и дочерями радушно были встрѣчены гостепріимнымъ хозяиномъ. Музыка „двухъ сортовъ", какъ говорилъ хозяинъ. Кулинарная часть во всемъ блескѣ, даже, рѣдкое въ то время блюдо, жареный лось былъ, къ которому, однако, рѣдко кто прикасался. Только частный приставъ съѣлъ два куска ошибкой, но, узнавши, что̀ это было за блюдо, обругалъ оффиціанта с—ъ сыномъ.

— Ты долженъ говорить, братецъ, что̀ подаешь...

Оффиціантъ „взялъ смѣлость доложить", что у графа Закревскаго очень часто подается лось.

— Графъ мнѣ не ука...

„Не указъ" разсчитывалъ сказать частный, но, спохватившись, остановился на полусловѣ и, обозвавши еще разъ оффиціанта „скотиной", приказалъ подать себѣ шампанскаго.

Балъ кончился. Всѣ съ благопожеланіями разъѣхались домой. Остались только одни ближайшіе родственники для исполненія нѣкоторыхъ статей уложенія Домостроя попа Сильвестра.

Печальные, горькіе дни наступили для молодой женщины. Дикій свекоръ, дура свекровь и безпросыпный пьяница мужъ. Не выдержала бѣдная, зачахла. Попробовали лечить подручными средствами: грудь какимъ-то масломъ смазывали, винными ягодами кормили, поили разными травами и какимъ-то цѣлебнымъ пескомъ; наконецъ, наканунѣ смерти пригласили доктора, т. е., собственно, подлекаря изъ какой-то больницы, имѣвшаго огромную практику въ купеческомъ сословіи. Докторъ выписалъ изъ аптеки шпанскую мушку, выпилъ съ мужемъ бутылку портвейна и рѣшительно сказалъ, что опаснаго ничего нѣтъ. На утро жертва родительскаго невѣжества и денежнаго разсчета тихо простилась съ жизнію. Похороны совершены были архіерейскимъ служеніемъ. Опять тотъ же составъ общества, который ликовалъ за свадебнымъ

столомъ, сѣлъ тѣмъ-же порядкомъ за поминальный столъ и съ чувствомъ соболѣзнованія по усопшей началъ трапезу миндальнымъ киселемъ и кончилъ какимъ-то кондитерскимъ печеньемъ. Ликовала нищая братія, получившая обѣдъ натурой. Радостно вздохнули въ острогѣ „тюремные сидѣльцы“: имъ послано было на поминъ души двѣсти бычачьихъ печенокъ. Выбывшій членъ семейства не произвелъ въ домѣ никакого безпорядка. Свекровь говорила, что покойницу Богъ наказалъ за непокорность. Свекоръ говорилъ, что у покойной были понятія не купеческія, своимъ умомъ хотѣла жить. Мужъ ничего не говорилъ. Смерть молодой кроткой жены не потревожила его сердца. Онъ только разсердился на подлекаря за то, что тотъ его обманулъ, сказавши, что опасности никакой нѣтъ, и за это публично въ трактирѣ оттаскалъ его за волосы.

— Самъ когда-нибудь издыхать будешь!—кричалъ обиженный врачъ.

— И буду!—шумѣлъ пьяный купецъ.

— И издохнешь!

— И издохну!

— Вызолоти ты меня тогда, такъ я къ тебѣ не приду.

— Да ты развѣ докторъ?

— А кто же я?

— Вродѣ какъ-бы словно коновалъ. Да и коновалъ-то лучше тебя! Ты сколько въ Таганкѣ народу-то перепортилъ? У всѣхъ зубы повыкрошились, кто у тебя лечился; а у Еремѣй Назарыча рыло на сторону свело отъ твоего лекарства.

Ссора, впрочемъ, продолжалась недолго. Поссорившіеся помирились и поѣхали въ Марьину рощу.

— Я зла не помню,—говорилъ въ дорогѣ Володя.— Давай, поцѣлуемся.

— Я тоже,—отвѣчалъ подлекарь,—съ удовольствіемъ! На васъ, вѣдь, купцовъ, и сердиться-то нельзя: очень ужь народъ-то дикій и необразованный. Еремѣй Назаровичу я микстуру прописалъ принимать по утру по одной ложкѣ, а онъ въ два дня всю выпилъ. Это и быку шею сведетъ. А меня ругаютъ, главному доктору хотятъ жаловаться. Съ вашимъ характеромъ ни одинъ докторъ не сообразится. Пропиши тебѣ средство, да чтобы въ водкѣ его принимать, да чтобы оно въ два дня подѣйствовало. Вѣдь, я мученикъ между вами. Вонъ, у Ѳедосьи Капитоновны чирій теперь: сидѣть не можетъ. Вытяжнымъ пластыремъ

пробовалъ—не помогаетъ. Позвольте, говорю, посмотрѣть. Что ты, говоритъ, очумѣлъ что-ли? Мой мужъ по первой гильдіи. Вотъ ты и поди съ ней!

Старикъ-отецъ не заговаривалъ съ сыномъ о второмъ бракѣ, да ему и не до того было: надъ его головой собиралась туча. Шла она изъ-за Москвы-рѣки, изъ московскаго коммиссаріата. Нагонялъ ее Зевесъ въ густыхъ эполетахъ, присланный изъ Петербурга. Къ старику по ночамъ приходили чиновники, читали объяснительныя записки, разсматривали какіе-то ордера, что-то переписывали, что-то подскабливали, вшивали въ „Дѣло" какіе то счеты и записки. Одинъ разъ привезли отставнаго губернскаго секретаря, согласившагося принять за пять рублей фальшивую присягу, которая, по ходу слѣдствія, могла оказаться нужной. Наконецъ, туча разразилась, грянулъ громъ! Ночью, подъ величайшимъ секретомъ, частный приставъ, съѣвшій на свадьбѣ по ошибкѣ кусокъ лося, свезъ старика въ тверскую часть. Надъ женой его и сыномъ „впредь до распоряженія учрежденъ полицейскій надзоръ", а „дворы и животы описаны по указу". Старуха не перенесла срама своего мужа и вскорѣ умерла. Петербургская слѣдственная коммиссія съ остервененіемъ набросилась въ московскомъ трактирѣ на уху, на растегаи, на раковый супъ. Три года она ѣла, три года писала, три года счеты сводила; наконецъ, кончила товарищескимъ обѣдомъ въ троицкомъ трактирѣ и уѣхала въ Петербургъ. Вскорѣ, по отъѣздѣ ея, стали попадаться на улицѣ коммиссаріатскіе чиновники, содержавшіеся въ теченіи трехъ лѣтъ въ секретныхъ номерахъ московскихъ полицейскихъ домовъ. На нѣкоторыхъ изъ нихъ одиночное заключеніе произвело сильное впечатлѣніе: одинъ похудѣлъ и осунулся, у другаго выступила просѣдь, а третій—пошелъ какъ встрепанный, точно онъ въ теченіи трехъ лѣтъ сидѣлъ не въ заключеніи, а въ московскомъ трактирѣ. Выпустили черезъ калитку частнаго дома одряхлѣвшаго и стараго подрядчика. Онъ былъ разоренъ совсѣмъ. Домъ, въ которомъ благодушествовали коммиссаріатскіе, полицейскіе и иныхъ вѣдомствъ чиновники, пришелъ въ полное разрушеніе и назначенъ былъ въ продажу за казенные долги. Добрые люди пріютили старика, обременившаго ихъ впрочемъ не надолго. Онъ умеръ на глазахъ своего духовника съ полнымъ сознаніемъ своей правоты и невинности. Впереди гроба съ образомъ шелъ, по собственному побужденію,

отставной губернскій секретарь, согласившійся принять, по просьбѣ чиновниковъ, фальшивую присягу. Онъ же разносилъ и кутью на бѣдныхъ поминкахъ.

Володя, во время ареста отца, перекочевывалъ изъ дому въ домъ: гдѣ переночуетъ, гдѣ пообѣдаетъ.

— Кто это тамъ въ кухнѣ на лавкѣ свернулся?—спрашиваетъ хозяйка.

— Это, матушка, почетный гражданинъ у насъ почиваетъ,—отвѣчаетъ кухарка:—вчера вечеромъ пришелъ мокрехонекъ. Губы посинѣли, дрожитъ. Ужь я согрѣшила, грѣшная:—шкальчикъ ему купила... Тоже жалко. Подумаешь: изъ этакого богачества... Ужь я и поплакала. Цѣлый часъ штаны выжималъ, а ужь сакъ-пальто его словно бы тебѣ кисель разсползся. Кучерамъ сушить отдала. Выжимали, выжимали... страсть!

На свадьбахъ и на поминкахъ у своихъ многочисленныхъ знакомыхъ по купечеству онъ всегда являлся безъ приглашенія и, разумѣется, не шелъ въ передній уголъ, а выбиралъ за столомъ позицію—на свадьбѣ около пѣвчихъ или бѣдныхъ родственниковъ, а на поминкахъ—около дьячковъ. Не смотря на голую нищету, въ душѣ его тлѣла поэтическая искра: онъ до обожанія любилъ птицъ, и по цѣлымъ недѣлямъ ловилъ ихъ въ заброшенныхъ барскихъ садахъ, раскинутыхъ по берегу рѣки Яузы.

Вотъ собралась цѣлая компанія ловцовъ: на лужайкѣ раскинулъ сѣтку отгуливающій уроки гимназистъ; подъ ракитовымъ кустомъ растянувшійся на брюхѣ отецъ дьяконъ подсвистываетъ синицу; Володя сосредоточенно смотритъ на западню. Въ кустахъ что-то щелкнуло,—это чижикъ влетѣлъ въ западню.

— Ты меня, подлецъ, вчера цѣлый день промаялъ,—кто-то говоритъ въ кустахъ.

— Что Богъ далъ?—спрашиваетъ отецъ дьяконъ.

— Чижъ!—отвѣчаетъ тотъ-же голосъ.

— Рѣдки здѣсь хорошіе. Вотъ, на Воробьевыхъ горахъ попадаются необыкновенные,—замѣчаетъ отецъ дьяконъ:—мѣсто высокое.

— Чижи-то настоящіе въ Разумовскомъ саду,—вмѣшивается Володя.

— Нѣтъ, вамъ неугодно-ли пройти съ западкомъ въ Тюфелеву рощу, такъ останетесь довольны... Три моихъ синицы и теперь въ Кудринѣ въ трактирѣ висятъ. Заглядѣнье! А ужь пѣночку какую въ Андроньевъ архиман-

дриту предоставилъ—невозможная!.. Благословилъ и полтинникъ далъ. Великое, говоритъ, это мнѣ утѣшеніе.

— Мнѣ Богъ помогъ въ этомъ году,—перебиваетъ Володя:—весной девять соловьевъ поймалъ.

— Почемъ взяли?—спрашиваетъ отецъ дьяконъ.

— Раздарилъ. Я не продаю, отвѣчаетъ Володя.

— Не основательно!—замѣчаетъ отецъ дьяконъ:—бѣдный вы человѣкъ и драгоцѣнную птицу дарите. Вѣдь попадаются такія, которымъ и цѣны нѣтъ.

— Это точно,—соглашается Володя:—голофтеевскому приказчику за соловья триста рублей даютъ, онъ говоритъ—тысячи не возьму. Въ жизнь я такого не слыхивалъ.

Наконецъ, отецъ дьяконъ перехитрилъ синицу: западня ее захлопнула.

— Вотъ вы изволите говорить про соловьевъ—началъ выходя изъ куста, худенькій человѣчекъ въ казинетовой сибирочкѣ.

— Нынче соловьи-то кусаются... Нынче ихъ поискать, да поискать хорошихъ-то, да гдѣ-то еще ихъ найдешь. Вотъ въ С.-Петербургѣ я жилъ, такъ у частнаго пристава, можно сказать, соловей былъ! Первый соловей по всей нашей енперіи! Нѣтъ такихъ соловьевъ!—всю жизнь я съ ними, а такого не слыхивалъ, да и не услышу. И, вѣдь, главная причина, даромъ ему достался.

— Потому—владыка, ну и дарятъ. Онъ, изволите видѣть, на садкѣ на живорыбномъ былъ у Ивана Кисилева. Ну-съ, хорошо-съ!.. Пришелъ частный приставъ, а онъ какъ на грѣхъ, и заливается. — „Чей, говоритъ, такой?“ —„Собственный нашъ“. — „Это, говоритъ, даже удивительно!.. Продай!..“—„Никакъ невозможно, въ томъ разсужденіи, что по всему Питеру одинъ соловей“.—„Подумай“, говоритъ, „потому, какъ очень мнѣ нравится“. Городовой пришелъ: „Тебѣ-бы, говоритъ, Киселевъ, лучше отдать, мало-ли что можетъ случиться: всѣ подъ Богомъ... все лучше!..“—„Жирно, говоритъ, будетъ“... Хорошо-съ!.. Недѣли черезъ двѣ, утромъ, только что садокъ отперли, а городовой на панели ужъ и стоитъ.—„Что это, говоритъ, Киселевъ, у тебя тутъ дѣлается?“—„А что?“ говоритъ. — „Посмотри-ка“. Глядь, около самаго садка ноги чьи-то торчатъ. Утопимшій!.. — „Какой“, говоритъ, „это человѣкъ?“ — „Не могу знать!“ — „Кто-же, говоритъ, знаетъ?“... Затряся мой Киселевъ... — „Нельзя-ли, говоритъ, Ермила Ив...“ — „Ступай скорѣй къ самому, а мы

покуда рогожкой прикроемъ, чтобы народъ не толпился". Прибѣжалъ — почиваетъ. Въ другой разъ толканулся — съ лепортомъ уѣхалъ, къ часу пожалуетъ. Въ часъ пришелъ — дома. Вышелъ, перышкомъ въ зубахъ поковыриваетъ. — „Что скажешь?" — „Соловья въ тѣ поры желали, ваше высокоблагородіе... Одумался, говоритъ. Сдѣлайте ваше такое одолженіе, важности это намъ не составляетъ". А у самого сердце на части разрывается! — „Спасибо, говоритъ, присылай"... Снесъ!.. Ну, ночью этого утопимшаго пониже по Фонтанкѣ перегнали, а на утро, при всемъ честномъ народѣ, вытащили да въ газетахъ публиковали: „всплыло мертвое тѣло, какого званія неизвѣстно". Вотъ-те и соловей!..

— А вотъ, теперича который у меня перепелъ — удивленія достойно: вабенье самое миніатюрное... органное... Опять-же и разстановистъ, и хрипецъ степной есть. Перепелъ во всей формѣ.

— Я вчера перепела поймалъ,—съ живостію отозвался гимназистъ.

— А неправда-ли, что оную птицу легче поймать, чѣмъ выучить спряженіе латинскаго неправильнаго глагола?—отнесся къ нему отецъ дьяконъ. По видимому, вы отъ оныхъ спряженій уклоняетесь, ибо я каждодневно встрѣчаю васъ здѣсь.

Гимназистъ зардѣлся.

— Я самъ въ семинаріи родителя обманывалъ и отбывалъ уроки на рыбной ловлѣ, но не столь часто.

Гимназистъ совсѣмъ растерялся.

— Конечно, продолжалъ дьяконъ: — Radix studiorum amara... Ну-ка, какъ genitivus-то отъ radix?

— Radicis, отвѣчалъ гимназистъ.

— A studiorum начало?

— Studium.

— Познанія у васъ есть. Это хорошо. Только одно другому мѣшать не должно: уловляя синицъ, должно памятовать, что наука тоже требуетъ непрестаннаго уловленія. Вы не огорчайтесь на меня: я простой человѣкъ, мнѣ жалко васъ стало. Дай, думаю, поговорю. Вижу, вы сконфузились. Большая мнѣ это радость. Значитъ, слова мои „не мимо идутъ". Приходите по праздникамъ, вмѣстѣ ловить будемъ. А теперь вотъ вамъ отъ меня парочку синичекъ.

— Зачѣмъ,—сквозь слезы произнесъ гимназистъ.

— Бери! Я вижу, ты охотникъ. Ну, уклоняетъ тебя охота отъ занятій... самъ я такой былъ!.. Если-бы не страсть моя, я бы давно въ фіолетовой щеголялъ.

СПИЧИ.

СЦЕНЫ.

Дѣйствіе въ ресторанѣ.

— Кому обѣдъ?

— Не могу доложить. Господа комерсаны даютъ какой-то громогласной особѣ изъ купечества. Сейчасъ ихъ цѣлая партія пришла: по рюмкѣ силь-вуплэ употребили, въ билліардную удалились.

— Рѣчи будутъ говорить?

— Безъ рѣчей никакъ невозможно.

— А устрицы есть?

— Съ морскими источниками, новаго полученія, дышатъ и родину вспоминаютъ.

— А сколько я вчера долженъ остался?

— Пустяки-съ! Не извольте безпокоиться. Позвольте намъ украсить нашу бухгалтерію вашимъ именемъ. Вчера вотъ къ Петру Петровичу ходилъ касательно бухгалтеріи, но только намъ полнѣйшій отказъ, потому какъ папаша ихній отправились украшать своей особой смоленское кладбище, а они, съ горя, третью недѣлю переполняютъ себя виноградными источниками. У Иванъ Ѳедоровича тоже кромѣ ласковаго пріема не воспослѣдовало, потому предки ихніе были очень скромныхъ правилъ—ничего имъ не оставили. Хоша и громогласная особа, а нужду терпятъ. Намедни на устрицы разсердились... Устрицы, точно, ужъ преклонныхъ лѣтъ были...

— Кто рѣчи говорить будетъ?

— Миша, скажи рѣчь... такъ молъ и такъ... живемъ хорошо, ожидаемъ лучше...—и главная причина, говори шибче: „Мм. Гг.!“

— Позвольте мнѣ сказать первому.

— Валяй!

— Какъ Прокофій Герасимовичъ уху разольетъ.

— Такъ мы ее сейчасъ ѣсть будемъ.

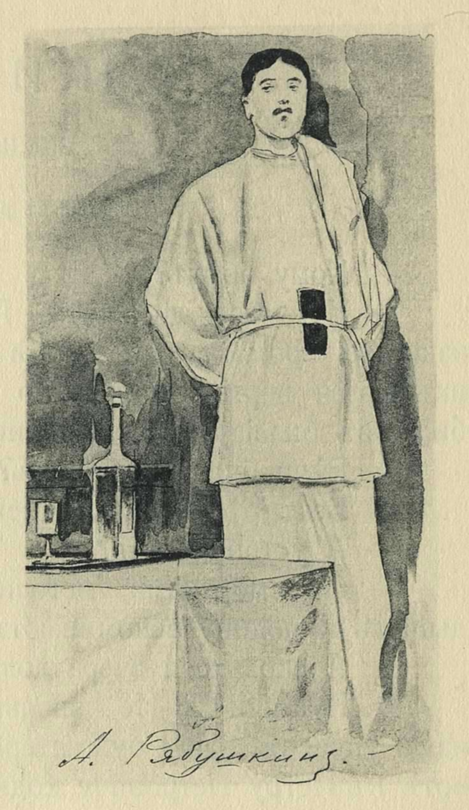
— Погоди! Какъ уху подадутъ...

— Да ты выпей для храбрости. Выпей листовочки, она полегче, не такъ разберетъ.

— Я буду константировать фактъ, что...

— За цыганами послать, много было-бы пріятнѣй.

— Я буду константировать фактъ, которую супсиндію мы получаемъ и теперича пакенты наши...



— Вотъ онъ и самъ пришелъ. Здравствуйте, ваше степенство. Съ котораго это этажа васъ спустили?

— Вчера дѣйствительно, ошибочка маленькая у насъ была, глазъ подбилъ.

— Такъ подходи, поправляйся, вонъ она. Давай вмѣстѣ. Мы съ тобой рѣчей говорить не будемъ, а вотъ ежели я пьяный буду какъ слѣдуетъ, я лучше вашего скажу. Я разъ въ Рыбинскѣ всѣхъ разогналъ, вотъ какую рѣчь сказалъ... вѣрно! На силу изъ-за стола вытащили. Да еще опосля того пѣть сталъ. Я пьяный всегда пою. Агличанину американскому на пристани обѣдъ давали.

— Пожаловали-съ. Прикажете уху подавать?

— Тащи прямо къ закускѣ и сей часъ рѣчь. Благодаримъ покорно за неоставленіе.

Входятъ разныя личности, занимаютъ мѣста за столомъ.

— Я очень счастливъ, что на меня выпалъ счастливый жребій выразить Вамъ благодарность отъ собравшагося здѣсь общества. Вы ни на минуту не можете сомнѣваться въ томъ... въ той искренности, которая... съ которою мы... Всякій изъ насъ очень хорошо знаетъ...

очень хорошо знаетъ, что вы... Скажу болѣе: намъ очень хорошо извѣстенъ тотъ фактъ, когда постройка...

— Браво!

— Шш!..

...И какъ прочіе, которые по купечеству, какъ самъ я есть подрядчикъ...

...Мы собрались сюда неоффиціально: мы собрались съ полнымъ упованіемъ, что вы...

— Браво!

— Шш!..

...Предлагаю, господа, тостъ за нашего дорогого гостя...

— За почетнаго гражданина... Вѣрно!

...Большому кораблю большое плаваніе, говоритъ русская народная мудрость... мудрость. Мудрость эта, милостивые государи, глубоко сидитъ въ русскомъ человѣкѣ; она, такъ сказать, срослась съ нимъ, составляетъ его основу...

— Очень хорошо!..

...Я, милостивые государи, потому привелъ эту пословицу, что она первая пришла мнѣ на память...

— Налей по бокальчику!

...Русскій человѣкъ всегда будетъ вполнѣ русскимъ человѣкомъ. Онъ смѣло и прямо идетъ къ предположенной цѣли. Выпьемъ, господа, за здоровье русскаго человѣка! Выпьемъ за здоровье Ивана Тарасовича, который...

— Браво!.. Браво!.. Браво!..

...Когда строили Николаевскій мостъ и нужно было...

— Браво! Браво! Браво!..

...Когда строили Николаевскій...

— Браво! Браво! Браво! За почтеннаго Ивана Тарасовича.

...Когда строили...

— Телеграмму въ Рыбинскъ! Прокофій, живо.

— Сей часъ будетъ готово.

...Милостивые Государи, въ средѣ нашей находится одинъ иностранецъ, который тоже желаетъ привѣтствовать Ивана Тарасовича...

— Валяй въ одно, за все заплочено!

(Подражаніе англійскимъ звукамъ).

[Купецъ, заснувшій сейчасъ послѣ закуски и проснувшійся отъ шума:]

— За здоровье Преосвященнаго!!!
— Шш!..

[Другой купецъ, приподымая свѣсившуюся на столъ голову, поетъ пьянымъ голосомъ:]

Ты спросишь: гдѣ-жъ моя мамаша?
Но не найдешь тогда меня...

ЖИВЕМЪ ВЪ СВОЕ УДОВОЛЬСТВІЕ.

СЦЕНЫ ИЗЪ КУПЕЧЕСКАГО БЫТА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Никонъ Никонычъ, купецъ, 45 лѣтъ. Говоритъ важно, притворяется умнымъ, ходитъ во фракѣ.

Василій Ѳиногеичъ, 30 лѣтъ, мелкій фабрикантъ.

Иванъ Трифонычъ, старикъ, почетный гражданинъ.

Николай Герасимычъ, 50 лѣтъ, судопромышленникъ.

Аристархъ Захарычъ, купеческій братъ, безъ занятій и безъ капитала.

Назаръ Артемьичъ, старичекъ, чѣмъ-то торгуетъ.

Семенъ Еремѣичъ, пожилой купецъ.

Яша, главный конторщикъ Никона Никоныча.

Гордѣй, пѣсенникъ, играетъ на бубнѣ.

Цыгане.

Слуга.

Дѣйствіе происходитъ на Нижегородской ярмаркѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

На сценѣ — комната въ гостинницѣ.

Иванъ Трифонычъ, Василій Финогеичъ и Николай Герасимычъ играютъ въ карты. Назаръ Артемьичъ сидитъ въ углу на стулѣ. Яша смотритъ на играющихъ.

Иванъ Трифонычъ.

Купилъ.

Николай Герасимычъ.

Пасъ.

Василій Финогеичъ.

Какими товарами торгуете?

Иванъ Трифонычъ (разбирая карты).

Товарами-то?... товарами-то?... А вотъ какими товарами... червонными.

Василій Финогеичъ.

Какую цѣну имъ поставите?

Иванъ Трифонычъ.

А цѣна имъ будетъ—семь.

Василій Финогеичъ (раздумываетъ).

Семь... семь... Это очень прекрасно... Это очень, превосходно... Такъ ваша игра семь?... Ну-ко, Николька, открой. Семь... (Ходитъ). Какъ поживаешь, дѣдушка? (Беретъ взятку; ходитъ). Семь... Домашніе ваши здоровы-ли? (Беретъ взятку; ходитъ). Семь... Этихъ вамъ не требуется?

Иванъ Трифонычъ (въ недоумѣніи).

Я полагалъ...

Василій Финогеичъ.

И я полагалъ! (Ходитъ). Восчувствуй! (Беретъ взятку; Иванъ Трифонычъ задумывается). Одной короче что-ли?

Иванъ Трифонычъ (бросаетъ карты).

Безъ двухъ.

Василій Финогеичъ.

Такъ мы въ книгу и занесемъ. Семь черви... (Записываетъ), да за безчестье...

Иванъ Трифонычъ (со вздохомъ).

Вотъ народъ-то!

Василій Финогеичъ.

Народъ плутъ!

Голосъ изъ другой комнаты.

Кого это вы нагрѣваете?

Василій Финогенычъ.

А вотъ по первой-то гильдіи... потомственнаго-то нашпариваемъ... медаль они получили...

Иванъ Трифонычъ (къ слугѣ).

Поднеси, что-ли.

Василій Финогеичъ.

Опосля этакого разу какъ не выпить,—всѣ выпьемъ. Съ наступающимъ, дѣдушка! Дай Богъ завсегда такъ. Яшенька, по рюмочкѣ.

Яша.

Во что это вы пьете-то?

Василій Финогеичъ.

Въ свое удовольствіе. (Ударяетъ его по животу). Эхъ ты, милый! Садись на счастье. Ну-ка, обидчикъ, сдавай.

Иванъ Трифонычъ (сдаетъ).

Обидишь васъ!

Василій Финогеичъ.

Н—да!...

Иванъ Трифонычъ.

Мы торговцы мелкіе!

Василій Финогеичъ.

Мелкіе!

Иванъ Трифонычъ (про себя).

Обидѣть насъ не долго.

Назаръ Артемьичъ.

Всякое дыханіе да хвалитъ Господа!

Василій Финогеичъ.

Вотъ оно что!

Назаръ Артемьичъ.

Немощи наши!

Василій Финогеичъ.

Немощи ваши! Ужь ты, братъ, не ворчи, ужь это до завтрашняго числа не поправишь. Только не шевелись, а то сей часъ замутитъ. Травникомъ, что-ли, ошибся-то?

Назаръ Артемьичъ.

Всего было!..

Василій Финогеичъ.

Травникъ этотъ—бѣда! Никого не помилуетъ!

Назаръ Артемьичъ.

Боже, очисти мя грѣшнаго!

Василій Финогеичъ.

Недостойнаго раба твоего. Ну, кто что? Купилъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Никонъ Никонычъ выходитъ изъ другой комнаты съ Семеномъ Еремѣичемъ.

Никонъ Никонычъ (важно).

Коли онъ не желаетъ, значитъ — промежду нами все

кончено. Я баловства терпѣть не могу и никому не позволю.

Семенъ Еремѣичъ.

Извѣстно, уваженіе должно сдѣлать.

Никонъ Никонычъ.

Бросьте-ко на время ваше занятіе. (Къ слугѣ). Подавай. Холодненькаго по стаканчику. Пожалуйте! Иванъ Трифонычъ... Николя... Василій Финогеичъ... милости просимъ. Яковъ!..

Яша.

Благодарю васъ, не пью.

Никонъ Никонычъ.

А еще въ коммерческомъ судѣ учился.

Яша.

Въ коммерческомъ училищѣ.

Никонъ Никонычъ.

Все одно, къ тому-же клонитъ.

Василій Финогеичъ.

Да ты хоть въ руку-то возьми. Возьми въ руки-то, подержись, что за важное дѣло!

Николай Герасимычъ.

Господа, позвольте предложить тостъ за здоровье хозяина. Онъ сдѣлалъ намъ уваженіе, собралъ наше общество, и мы должны ему эту политику соблюсти.

Всѣ.

Ура!

Никонъ Никонычъ.

Кушайте во здравіе.

Николай Герасимычъ.

Только чтобы, господа, условіе теперича такое, пить

не отставая отъ другихъ судопромышленниковъ; обгонять можно, а отставать нельзя, у насъ такъ и въ контрактахъ сказано. А то произойдетъ скопленіе судовъ, заднія баржи и коноводки, которыя будутъ имѣть притѣсненіе, а хозяевамъ, значитъ, ущербъ!

Никонъ Никонычъ.

Вѣрно!

Всѣ.

Ура!

ЯВЛЕНІЕ III.

Входитъ Аристархъ Захарычъ.

Всѣ.

А!!... Другу!...

Аристархъ Захарычъ.

Вижу — свѣтъ; думаю: не пьютъ-ли, не зайти-ли на всякой случай?

Никонъ Никонычъ.

Откуда, старый грѣшникъ?

Аристархъ Захарычъ.

Въ самомъ дѣлѣ что-ли пьете, али такъ, примѣръ одинъ?

Никонъ Нниконычъ.

Откуда, старый грѣшникъ? Въ непоказанный часъ... въ пьяномъ образѣ...

Аристархъ Захарычъ.

Нѣтъ, еще маковой росинки въ роту не было, а вотъ коли вы въ настоящую пьете, такъ мы подъ васъ подражать будемъ. (Смотритъ на всѣхъ). Сумнительно мнѣ что-то: лики-то у васъ у всѣхъ чистые...

Василій Финогеичъ.

Не отчего, любезненькій, загорѣть-то!

Назаръ Артемьичъ.

Господи, прости наше великое согрѣшеніе!

Василій Финогеичъ.

Главная причина, чтобы не умереть безъ покаянія.

Назаръ Артемьичъ.

Жизнь наша!

Василій Финогеичъ.

Жизнь хорошая! Лѣтнее дѣло, поѣдешь провѣтриться въ паркъ, али тамъ куда, ляжешь на травку: птички поютъ, цвѣтики пахнутъ, душенька твоя радуется... Думаешь: Господи, за что Ты взыскалъ меня, недостойнаго? Думаешь, думаешь...

Аристархъ Захарычъ.

Да и къ буфету!

Василій Финогеичъ.

Дѣло понятное! Налей!... А тутъ еще кто подъѣдетъ...

Аристархъ Захарычъ.

Да коли кто пьющій подвернется: дорогъ въ этомъ разѣ бываетъ.

Никонъ Никонычъ.

Первый человѣкъ!

Аристархъ Захарычъ.

Повымерли настоящіе-то пьяницы, мало ужь ихъ осталось. Бывало, въ Нижномъ-то земля стонетъ, какъ они разойдутся, а нынче ежели и пьютъ, такъ — одна политика.

Василій Финогеичъ.

Пьютъ, значитъ, положенное, кому сколько слѣдуетъ, для фантазіи; пріѣхали въ Нижній, безъ этого, словно, нельзя.

Семенъ Еремѣичъ.

Покойникъ дяденька тоже современемъ этими пустя-

ками занимались. Бывало, пріѣдутъ изъ Нижняго, лица ихняго распознать нельзя, синіе этакіе сдѣлаются, говорятъ все такое неподходящее...

Аристархъ Захарычъ.

На разные языки. Бываетъ! (Смѣется).

Семенъ Еремѣичъ.

И это даже удивительно: все будто по нимъ жуки ползаютъ; ничего мы этого не видимъ, а имъ все явственно. Сеня, говоритъ — въ тѣ-поры я еще маленькой былъ — задави жука. Гдѣ, говорю, дяденька? Вишь, говоритъ, ползетъ. Это, значитъ, окаянные къ нему свою привязку дѣлали.

Аристархъ Захарычъ.

Разно бываетъ: кому жуки, кому шмели, а кому, по грѣхамъ, и въ своемъ видѣ покажется.

Назаръ Артемьичъ.

Не къ ночи слово!

Василій Финогеичъ.

Что, али во ожиданіи? Къ концу-то ярманки, можетъ, навѣстятъ.

Назаръ Артемьичъ.

Все это отъ винъ, отъ сладкихъ... Это они меня... (Вздыхаетъ). Вотъ пакость-то, тьфу!...

Никонъ Никонычъ.

Что-жъ, господа, налито — простынетъ. Кушайте во славу Божью. (Всѣ берутъ стаканы и пьютъ). Блаженный!

Назаръ Артемьичъ (беретъ стаканъ).

Вотъ грѣхъ-то! Все неразуміе наше!.. Скотина—и та... (Пьетъ).

Никонъ Никонычъ.

А ты не думай!

Николай Герасимычъ.

Коли человѣкъ много думаетъ, это ему хуже, потому заберешь въ голову и никакъ сообразить невозможно, и сейчасъ на тебя страхъ нападетъ, все словно ты чего боишься, словно за тобой бѣжитъ кто...

Василій Финогеичъ.

Со мной было. Въ самой чистой понедѣльникъ на Москворѣцкомъ мосту караулъ закричалъ.

Аристархъ Захарычъ.

Послѣ заговѣнья это со многими.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Слуга.

Гордѣю приказывали придти: пришолъ-съ. (Гордѣй входитъ).

Никонъ Никонычъ.

Милости просимъ, Гордѣюшка. Поднеси ему. Выкушай. За общее, молъ, здоровье. (Слуга наливаетъ рюмку водки и подноситъ).

Гордѣй.

Водки я не кушаю-съ.

Никонъ Никонычъ.

Ну мадерцы, что-ли... (Слуга подноситъ).

Гордѣй.

Съ ярманкой честь имѣемъ поздравить.

Никонъ Никонычъ.

И тебя также, другъ сердечный.

Гордѣй (пьетъ).

Покорнѣйче благодаримъ.

Никонъ Никонычъ.

Дмитрій, перемѣни посуду.

Василій Финогеичъ.

Что-то это у тебя глазки-то?

Гордѣй.

У Семена Ивановича наскрось всю ночь.

Никонъ Никонычъ.

Публика была?

Гордѣй.

Персюковъ угощали. Изъ кіятра какой-то пѣсни пѣлъ. Семенъ Иванычъ гитару ихнюю сломалъ, только верешечки остались. Двѣ красненькихъ отдалъ, да плису на брюки приказалъ отрѣзать, а въ Москвѣ, говоритъ, новую купимъ. У артельщика опосля гармонію достали: подъ гармонію-то пѣть не сталъ... Семенъ Иванычъ два раза передъ ними на колѣнки становился—не сталъ.

Василій Финогеичъ.

Ну, а ты-то, голубчикъ, выручалъ-ли?

Гордѣй.

Три пѣсни сдѣлалъ, да опосля по Кунавину приказали съ бубномъ пройти.

Никонъ Никонычъ.

Все, значитъ, благородно, ничего такого не было?

Гордѣй.

Ничего-съ. (Ухмыляется). Семена Иваныча опосля въ полицію вытребовали.

Аристархъ Захарычъ.

Значитъ, загулъ какъ быть слѣдуетъ.

Никонъ Никонычъ.

Хорошо!

Аристархъ Захарычъ.

Битва была?

Гордѣй.

Битвы чтобы этой безобразной не было, а только, къ примѣру, они жида раздавили.

Никонъ Никонычъ.

До смерти?

Гордѣй.

Нѣтъ-съ, испугъ онъ только получилъ, а главное— сорвать захотѣлось. Играетъ онъ, это, примѣрно, на своихъ цинбалахъ, а Семенъ Иванычъ подошелъ къ нему, да были-то немножко...

Никонъ Никонычъ.

Понимаю...

Гордѣй.

Посклизнулся, да на него и упалъ. А жидъ этотъ самый, что ни на есть дрянной, выскочилъ на улицу, да на все Кунавино и кричитъ: „Помогите, купецъ мнѣ кишки выдавилъ“. Мы было за руки его ухватили, а Семенъ Иванычъ: „Бросьте“, говоритъ, „его, потому цѣна ему — грошъ“.

Назаръ Артемьичъ.

Пустите меня, пожалуйста, сдѣлайте милость... невозможно мнѣ!... Звѣрь, и тотъ теперича... тьфу!... Все нутро выжгло!... Горитъ!...

Василій Финогеичъ.

Погоди, еще не то будетъ. (Всѣ смѣются). Ну-ко, Гордюша, махни! Какъ бишь ее... (Запѣваетъ).

Какъ женила молодца
Чужа, дальня сторона.

Гордѣй (съ бубномъ подхватываетъ).

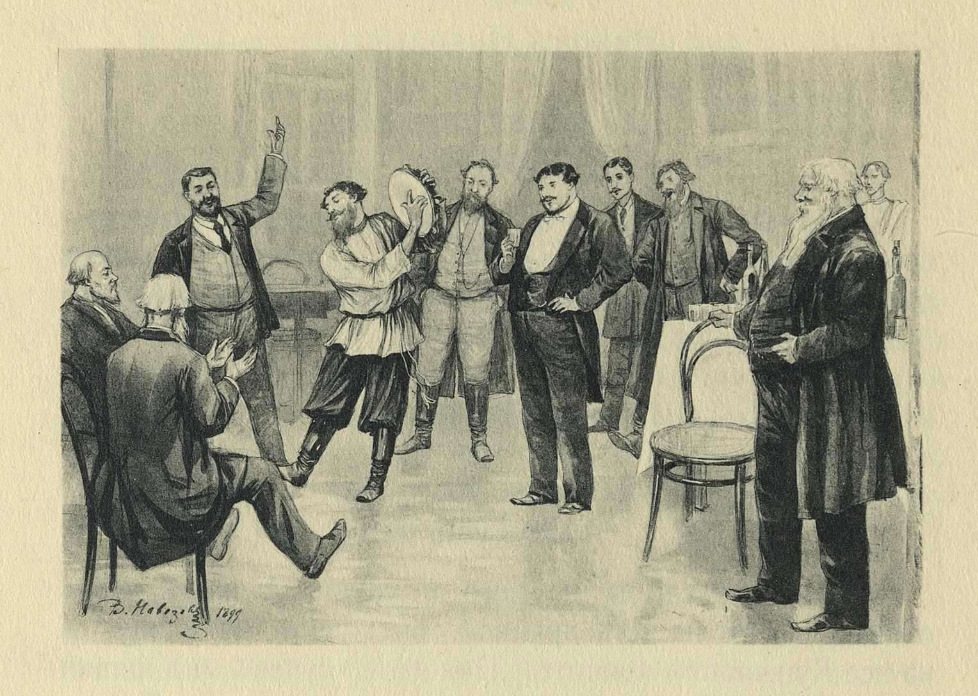
Чужа, дальня сторона
Макарьевска ярманка.

Василій Финогеичъ.

Дѣлай!

Гордѣй.

И солучилася бѣда
И у Сафронова купца.



Назаръ Артемьичъ.

Катай!...

Василій Финогеичъ.

Очуствовался!

Назаръ Артемьичъ.

Катай, катай!...

Гордѣй.

И не сто рублевъ пропало
И не тысяча его...

Назаръ Артемьичъ.

Тьфу!... Смерть моя!

Василій Финогеичъ.

Схоронимъ. (Вмѣстѣ съ Гордѣемъ).

Пропадала у него
Дочь любимая его.

Никонъ Никонычъ.

Дмитрій! Цыганъ сюда, чтобы всѣ... (Слуга уходитъ).

Василій Финогеичъ.

Этотъ бубенъ кому хошь сердце растопитъ. Грохни, Гордюша, грохни! (Поютъ вмѣстѣ).

Ужъ искали ту пропажу
По болотамъ, по лѣсамъ,
По макарьевскимъ кустамъ...

Никонъ Никонычъ.

Шшъ!... (Останавливаются). Не побрезгуйте. (Всѣ берутъ стаканы).

Василій Финогеичъ.

Эхъ, Гордюша! (Беретъ его за бороду). Цѣны ты себѣ не знаешь!

Николай Герасимычъ.

Да. Когда, напримѣръ, обчество... выпили и, значитъ, у всѣхъ меланхолія, и кто можетъ объ эту пору на какомъ струментѣ распорядиться—большихъ денегъ такой человѣкъ стоитъ.

Василій Финогеичъ.

Ну-ко, особенную.

Гордѣй (запѣваетъ).

Торжествуетъ вся наша...

ЯВЛЕНІЕ V.

(За дверью хохотъ, входятъ цыгане).

Василій Финогеичъ.

А, милые!... Къ самому разу.

Аристархъ Захарычъ.

А, чавалы!... Вотъ теперь пойдетъ самое настоящее!...

Никонъ Никонычъ.

Дмитрій! (Показывая на столъ съ закуской). Все съизнова и дверь... чтобы лишній кто не вошолъ.

КУПЕЧЕСКОЕ ЖИТІЕ.

I.

9-го Іюня.

Милка!

Я совершенно неожиданно получила мѣсто гувернантки въ отъѣздъ, въ провинцію. Это мнѣ устроила наша милая начальница. Мѣсто очень богатое, у одного богатаго купца, у котораго милліонъ денегъ, милліонъ дѣтей, милліонъ мельницъ и заводовъ. Подробно писать некогда, завтра выѣзжаю изъ Петербурга. Цѣлую тебя, моего милаго голубя, мою чернушку. Душой буду жить съ тобою.

Sophie.

II.

Зарѣченскъ. 5-го Іюля.

Ну вотъ, сокровище мое, я пріѣхала въ нашъ богоспасаемый городъ, осмотрѣлась, устроилась и пишу тебѣ. Вотъ какъ все случилось. Въ одно прекрасное утро, Аврора Карловна пригласила меня явиться къ ней немедленно.

— Хотите, ma chère, мѣсто?

— Хочу!

— На Волгу?

— Хоть на край свѣта!

— Мнѣ написалъ письмо —скій губернаторъ. Онъ проситъ рекомендовать гувернантку въ домъ одного почтеннаго купца въ его городѣ. Съ письмомъ этимъ была

у меня сестра этого купца. Я указала ей на васъ. Не бойтесь, вы будете находиться подъ покровительствомъ губернатора, съ женой котораго мы вмѣстѣ воспитывались. Я вамъ все это устрою.

Я заплакала, бросилась къ ней на шею и не успѣла еще успокоиться отъ волненія, какъ въ гостинную вошла необыкновенно толстая купчиха, на лицѣ у которой, вмѣсто носа, воткнута маленькая луковка (цыбулька), а вмѣсто глазъ—вложены двѣ испанскія вишни; отвислыя жирныя щеки и подбородокъ довершали ея безобразіе; но, не смотря на это, она не произвела на меня ничего отталкивающаго, напротивъ, показалась мнѣ очень симпатичной.

— Позвольте васъ познакомить, обратилась къ намъ Аврора Карловна, это ваша будущая гувернантка, а это ваша будущая хозяйка.

— Ну, хозяйка-то, матушка, еще далече, мы только сродственницы. Что-жъ, ежели вы согласны, милости просимъ, поѣдемте, обратилась она ко мнѣ.

— Угодно вамъ будетъ посмотрѣть мой дипломъ?

Аврора Карловна должна была объяснить, что значитъ дипломъ.

— Мы вамъ и такъ вѣримъ. Нашъ губерніи начальникъ зналъ, гдѣ васъ искать. Молодѐнька только, лукаво замѣтила она Аврорѣ Карловнѣ:—наши подростки ужъ большіе. А вы на фортопьянахъ можете распорядиться?

— Могу.

— У насъ старшая давно ужъ учится, только дойти никакъ не можетъ. А по нынѣшнимъ временамъ это требуется. Насъ вотъ ничему не учили, а, слава Богу, вѣкъ свой свѣковали. А нынче народъ-то другой сталъ—пляшутъ, поютъ, на разные языки... Выйдетъ замужъ и на купчиху-то не похожа: попадья—не попадья, барыня—не барыня и обществомъ своимъ торгующимъ гнушается. Много этой наукой нашей сестры перепортили.

И долго она говорила на эту тему, порицая образованіе, но очень наивно, безъ всякой злобы.

Вечеромъ, въ тотъ-же день, я была у ней. Она останавливалась въ Чернышевскомъ переулкѣ, въ какихъ-то меблированныхъ комнатахъ. Я пришла въ ужасъ! Грязнѣе, душнѣе, мрачнѣе комнаты никогда не рисовало мое воображеніе. Неужели, подумала я, здѣсь можетъ жить сестра милліонера? Что если и милліонеръ такъ-же живетъ?

— Клопы, матушка, ваши санктпетербургскіе очень

одолѣли! И какая ихъ у васъ сила!.. обратилась она ко мнѣ.

— Вы бы остановились въ другой гостиницѣ.

— Привычка, душечка моя, привычка. Всѣ съ нашей стороны здѣсь останавливаются. Первое дѣло—дешево, второе дѣло—знакомство: всѣ насъ здѣсь знаютъ—и хозяинъ и прислуга.

— А какъ-же клопы-то?

— Э, матушка, то-ли святые отцы терпѣли. На одного—житіе мы читали—жуки были напущены... Терпѣли! Точно что непріятно...

На сборы мнѣ дано было три дня и въ эти три дня, я, какъ говорится, не присѣла: бѣгала, ѣздила, укладывалась, покупала всякую дрянь, прощалась, плакала, смѣялась, наконецъ, совсѣмъ измученная, пріѣхала на желѣзную дорогу. Хозяйка моя, Дарья Ипатьевна, окруженная купцами „русскаго житія", какъ она выражалась, сидѣла въ залѣ на диванѣ.

— Поджидала васъ, встрѣтила она меня:—думаю, гдѣ моя красавица мыкается.

— Еще рано.

— Лучше оно... пораньше-то добраться... Мало-ли что...

Ты не подумай, чернушечка, что я шаржирую языкомъ, передавая рѣчь Дарьи Ипатьевны. Нѣтъ: здѣсь всѣ такъ говорятъ. Этотъ языкъ я усвоила въ совершенствѣ и могу на немъ говорить такъ-же свободно, какъ по-французски.

Передъ отходомъ поѣзда, на платформѣ показались Аврора Карловна съ Марьей Ивановной. Я не ожидала такой чести отъ моихъ наставницъ и совершенно растерялась. Аврора Карловна передала мнѣ письмо ея къ губернатору и обѣ меня перекрестили, а Марья Ивановна дала мнѣ маленькій медальончикъ съ образкомъ Божіей Матери. Чудная, высокая женщина! Всѣмъ я ей обязана.

Пока мы разговаривали на платформѣ, Дарья Ипатьевна сидѣла уже въ вагонѣ, у окна, и дѣлала наставленіе находившемуся въ числѣ ея провожатыхъ молоденькому, бѣлокуренькому, краснощекому, съ одутловатымъ глупымъ личикомъ купчику.

— Ты, Микитушка, старайся, становись на свои ноги. А вы его берегите, чтобы онъ тутъ въ Питерѣ-то у васъ не завертѣлся.

— Будьте покойны, матушка, Дарья Ипатьевна. Баловать не дадимъ, отвѣчалъ старый, солидный купецъ, погладивъ Никитушку по плечу:—у насъ на Калашниковой дѣла много, баловать некогда.

Когда я проходила въ вагонъ мимо провожавшихъ Дарью Ипатьевну, одинъ изъ нихъ сказалъ такъ громко, что я слышала: „Какую, Иванъ Семеновъ, важную штучку Дарья Ипатьевна приспособила“.

Наконецъ, поѣздъ тронулся. Я сѣла противъ Дарьи Ипатьевны, которая столько внесла въ вагонъ всякой рухляди, что мнѣ пошевелиться было невозможно: съ ней были мѣшки, узлы, узелки, двѣ огромныхъ подушки и т. п.

— Это вамъ сродственница будетъ толстенькая старушка? спросила она меня про Марью Ивановну.

— Нѣтъ, это моя воспитательница.

— Значитъ, вы сирота?

— Сирота. А кто этотъ молодой человѣкъ, который васъ провожалъ?

— Это нашъ племянникъ. Подросъ маленько—баловаться сталъ съ приказчиками, такъ вотъ мы его сюда къ знакомому купцу, на Калашникову, пускай въ чужихъ людяхъ поживетъ, очувствуется. Материно молоко еще на губахъ не обсохло, а ужъ онъ попивать сталъ. Нашъ ужъ и билъ и на баржу ссылалъ... Ну, придетъ маленько въ себя, одумается, да опять... Думали, думали, да и порѣшили отдать его на чужую сторону. Жалко было, поплакали. Маленькаго его макомъ опоили. Блажной былъ, не спалъ, кусался все—его макомъ на сонъ грядущій и поили. Одурманится и заснетъ. Не отъ этого-ли, думаемъ, и пить-то онъ сталъ. Сирота вѣдь онъ, голубушка, съ сестрой своей сиротами послѣ отца—матери остались.

— Стало быть, онъ у васъ въ опекѣ?

— Да, матушка, до полнаго возраста изъ нашей воли выходить не могутъ. Самъ-то ужъ немножко побаивается: капиталъ-то ихній весь у него въ торговомъ дѣлѣ, выйдутъ на свою волю и потревожить его могутъ... капиталъ-то. Одна скажетъ: я замужъ хочу—отдай мою часть, а другой скажетъ: своимъ дѣломъ основаться хочу—отдай! Народъ-то нынче никакого чувства не имѣетъ! Очень даже побаивается... Разорить могутъ.

Долго говорила Дарья Ипатьевна на эту тему, наконецъ, почувствовала голодъ и стала доставать изъ своихъ мѣшечковъ провѣсную бѣлорыбицу, яйца, какую-то вяле-

ную рыбу, достала изъ-подъ скамейки бутылку квасу и предложила мнѣ раздѣлить съ ней ея трапезу. Я отказалась, не потому, чтобы не чувствовала въ ней необходимости, но мнѣ совѣстно было окружающихъ. Дарья-же Ипатьевна не стѣснялась: лупила яйца, бросала скорлупу на полъ, пила квасъ прямо изъ бутылки черезъ горлышко, обсасывала пальцы... Просто прелесть!

— Ну, слава тебѣ, Господи! промолвила она, окончивши свою трапезу.—Богъ напиталъ, никто не видалъ.

Это она сказала не совсѣмъ справедливо: всѣ обращали на нее вниманіе, когда она кушала.

— Теперь и соснуть можно. Въ деревнѣ говорятъ: „У бабы нѣтъ тягла, поѣла да спать легла" и, склонивши голову на подушку, въ одинъ мигъ разлучилась съ окружающимъ міромъ.

„Неожиданный репримандъ", хлопоты по сборамъ не давали мнѣ времени сосредоточиться, теперь мнѣ вдругъ страшно стало! Куда я ѣду? Зачѣмъ я ѣду? Не смотря на усталость, я не могла спать, всю ночь меня бросало то въ жаръ, то въ холодъ.

Видѣла непроглядную темь, видѣла восходъ солнца, видѣла лѣса, рѣки, огромные мосты и, не смотря на то, что это случилось въ первый разъ въ моей жизни, я осталась совершенно равнодушной. Дарья Ипатьевна по временамъ просыпалась, пила квасъ и снова погружалась въ крѣпкій сонъ. Въ Клину она проснулась и съ необыкновенно ласковой улыбкой обратилась ко мнѣ: „Хорошо, піёнчикъ мой, спали?"

— Я совсѣмъ не спала. А вы?

— Какъ убіенная! Хошь укради меня, и не слыхала-бы. Вотъ мы и въ Москвѣ.

Здѣсь намъ была встрѣча болѣе торжественная, чѣмъ проводы: здѣсь насъ встрѣтили, если можно такъ выразиться, „очищенные" купцы, не длиннополые, какъ въ Петербургѣ, а франты — въ жакеткахъ, въ цилиндрахъ. Намъ подали коляску, въ которую, кромѣ меня и Дарьи Ипатьевны, положили весь нашъ скарбъ—подушки, мѣшки, корзинки и т. п. и повезли насъ въ Зарядье, такъ называется улица.

Москва произвела на меня очень сильное, подавляющее впечатлѣніе: на извозчикахъ странные поярковые цилиндры, пахнетъ вездѣ соленой рыбой, возы съ сѣномъ, возы съ живыми телятами, возы съ какими-то кулями,

крикъ разносчиковъ, трескъ извозчичьихъ экипажей, звонъ разнотонныхъ колоколовъ, пыль, препятствующая дыханію, изящныя зданія рядомъ съ развалившимися деревянными домишками; щегольскіе экипажи перегоняютъ ободранныхъ извозчиковъ, по узкимъ тротуарамъ бѣгутъ, толкаются, сталкиваются — ужасъ! Мы проѣхали Красныя ворота, вдали я увидала Сухареву башню, проѣхали мимо старинной городской стѣны, въѣхали въ ворота, надъ которыми поставлена большая чудотворная икона, и опустились подъ гору — это Зарядье, мѣсто моихъ двухъдневныхъ страданій.

Пока довольно, мой ангелъ. Хоть и въ три пріема я написала тебѣ это письмо, все-таки устала. На дняхъ буду продолжать. Крѣпко тебя цѣлую.

III.

Здравствуй, милая Танюша.

Ты не можешь себѣ представить, съ какимъ наслажденіемъ я сажусь писать тебѣ. Не сердись, что пишу длинно—это плодъ моей тоски и одиночества. Я съ отчаяніемъ гляжу впередъ и успокаиваюсь только тогда, когда бесѣдую съ тобой. Ты не знаешь что значитъ тоска, ты не испытала ее. Впереди я буду говорить о ней, а теперь продолжаю прерванное письмо.

По узкой, крайне неопрятной лѣстницѣ мы вошли въ зловонный корридоръ, черезъ который проникли въ четырнадцатый номеръ, считающійся по удобству и обстановкѣ самымъ лучшимъ въ гостиницѣ. Удобство его состоитъ въ томъ, что въ немъ двѣ комнаты — въ одной двухспальная кровать и тусклое, ничего не отражающее зеркало, а въ другой комодъ, грязный диванъ и нѣсколько такихъ же стульевъ. Дарья Ипатьевна мгновенно принялась за бѣлорыбицу, а мнѣ принесли полпорціи рыбной солянки и что-то еще, отъ чего я отказалась — кажется, телячьи ножки, но ужасныя!

Но Дарья Ипатьевна не побрезгала: съѣла все блюдо, обсосала косточки, облизала свои пальцы. Я все смотрѣла и удивлялась: можно-ли, думала я, при милліонномъ состояніи, быть такой круглой невѣжей?

Послѣ завтрака намъ стали дѣлать визиты. Первымъ пріѣхалъ солидный купецъ, сѣдой, какъ лунь, Иванъ

Осиповичъ, за нимъ молодой купецъ, одѣтый въ послѣднее слово парижской моды, но говорящій „оттеда“, „пакеда“, „теперича ежели трафится когда“, „теинька“ вмѣсто тетенька; пріѣзжали и еще какіе-то торговые люди.

Всѣ обращались съ Дарьей Ипатьевной необыкновенно почтительно: „Надолго сюда изволили пожаловать?“ „Смѣю ли васъ просить сегодня къ намъ кушать!“ „Оченно рады будемъ, если вы удостоите насъ своимъ посѣщеніемъ“. Всѣмъ она наотрѣзъ отказывала, ссылаясь на усталость; не устояла только предъ приглашеніемъ Ивана Осиповича.

— Такъ ты теперь, кума, въ монастырь панафиду служить?

— Первымъ долгомъ, батюшка.

— Ну, а по окончаніи всего этого, пріѣзжай къ Тѣстову въ трактиръ... Я къ тебѣ сейчасъ пришлю Петрушку съ экипажемъ: онъ тебя и въ монастырь доставитъ и въ трактиръ привезетъ. А мы тебя ублаготворимъ московскимъ поросенкомъ, да уху стерляжью составимъ съ растегаями, али солянкой ублажимъ. И васъ милости просимъ, обратился онъ ко мнѣ:—вы въ первый разъ въ Москвѣ?

— Въ первый.

— Вотъ и чудесно!

Черезъ часъ явился молодой приказчикъ, усадилъ насъ въ коляску, самъ вскочилъ на козла. Мы поѣхали по набережной Москвы-рѣки, долго ѣхали по какой-то улицѣ въ гору, наконецъ, подъѣхали къ старинному монастырю, съ колокольни котораго раздавался благовѣстъ къ вечернѣ. Видъ съ горы на Москву очаровательный, я ничего подобнаго не могла себѣ представить. Изъ-за зелени садовъ виднѣются дома, надъ садами высятся церкви и колокольни, съ ярко-освѣщенными солнцемъ золотыми главами и крестами. Такого сильнаго впечатлѣнія я никогда не испытывала. Мы вошли въ святыя ворота и направились прямо къ кладбищу. Дарья Ипатьевна остановилась у одного сѣраго гранита памятника, на которомъ и прочла слѣдующую надпись:

Господи пріими духъ мой съ міромъ.

Подъ симъ камнемъ погребено тѣло умершаго почетнаго гражданина, первостатейнаго фридрихсгамскаго

купца фабриканта, заводчика и оптоваго торговца Ильи Аксеновича Заваруева, родившагося въ городѣ Ярославлѣ, а скончавшагося въ семъ царствующемъ градѣ Москвѣ, 1839 года января 5-го дня, житія его было 75 лѣтъ.

О вы, друзья мои любезны,
Не ставьте камня надо мной:
Всѣ ваши бронзы безполезны,
Онѣ души не скрасятъ злой.

— Дѣдушка намъ по нашей матери доводится, сказала мнѣ Дарья Ипатьевна: богатѣйшій былъ человѣкъ, онъ и капиталъ-то весь нашъ скопировалъ... Онъ, матушка, все онъ... Нищую братію какъ обожалъ, сколько колоколовъ слилъ, по монастырямъ какой благодѣтель былъ, что этой бѣдности замужъ повыдалъ, а сродственниковъ всѣхъ въ люди повывелъ, которые даже ничего не стоющіе—и тѣмъ хлѣбъ далъ...

Послѣ вечерни монахи отслужили панихиду и „Петра“ повезъ насъ по назначенію. Мы ѣхали кривыми переулками, миновали нѣсколько великолѣпныхъ бульваровъ, очутились опять около древней городской стѣны, только съ другой стороны, и наконецъ подъѣхали къ трактиру Тѣстова. Представь себѣ, душа моя, я въ трактирѣ! Какое-то странное чувство овладѣло мной, когда мы шли по коридору и намъ почтительно кланялись мужики въ бѣлыхъ, необыкновенно чистыхъ, рубашкахъ—это трактирные слуги, которыхъ называютъ половыми. Насъ ввели въ отдѣльный большой кабинетъ, гдѣ мы встрѣтили общество человѣкъ изъ пятнадцати, все купцы. Начались представленія.

— Это, кума, говорилъ Иванъ Осиповичъ, Гаврила Мироновичъ, Мирона Карпыча сынъ... помнишь бакалейщика...

— Родителя-то помню... Сватался за меня.

— А ты и промигала!...

— Не судьба, значитъ...

— А это, знаешь-ли, кто? Иванъ Ильичевъ сынъ... Павлуша... въ коммерческомъ судѣ обучался...

Павлуша улыбнулся.

— Что вы, Иванъ Осиповичъ! Я учился въ коммерческомъ училищѣ...

— Все одно, къ тому-же клонитъ.

— Какъ-же Павлушеньку не знать! Махонькій-то такой вострый былъ, все кусался... А ужъ какой придумщикъ былъ, такія дѣла придумывалъ — я ужъ и сказать не умѣю.

— А теперь вотъ большимъ дѣломъ орудуетъ. Невѣсту сталъ приглядывать... Ну, теперь, кума, закусить милости просимъ.

Мы подошли къ столу, который представлялъ изъ себя гастрономическій магазинъ: осетрина, бѣлуга, бѣлорыбица, ветчина, сыръ, селедка, редиска, копченая стерлядь, цѣлый, неразрѣзаный вареный поросенокъ, на который Дарья Ипатьевна обратила особенное вниманіе.

— Ахъ какъ это безподобно! сказала она и на лицѣ ея проявилась такая милая улыбка, которая проявляется только на лицѣ нѣжной матери, смотрящей на свое спящее дитя.

Послѣ закуски подали стерляжью уху съ растегаями, потомъ какія-то особенныя котлеты, потомъ огромную разварную стерлядь, потомъ какую-то сладкую кашу съ фруктами. Я сидѣла рядомъ съ Павлушенькой, который втеченіи всего обѣда не обращалъ на меня никакого вниманія, не оказалъ мнѣ не только какой-нибудь любезности, даже не проронилъ ни одного слова; ухаживалъ за мной мой vis-à-vis, пожилой купецъ; онъ поминутно предлагалъ мнѣ пить шампанское и когда я отказывалась, онъ говорилъ, что „это не во вредъ“, разспрашивалъ, кто я, кто мои родители и т. п.

И когда я ему сказала, что вышла изъ института съ золотой медалью, онъ всталъ, съ особеннымъ уваженіемъ чокнулся со мной бокаломъ и крѣпко пожалъ мою руку.

— Значитъ, которымъ и изъ женскаго сословія даютъ медали?

— Да.

— Значитъ, вы всю науку произошли, теперь другихъ обучать будете... по писанію: ежели тебѣ много дано, подѣлись съ другимъ. Дай вамъ Богъ!

Иванъ Осиповичъ сидѣлъ рядомъ съ Дарьей Ипатьевной и очень фамильярно велъ съ ней разговоръ. Называлъ ее: „кума моя почтенная“... „Христова невѣста“... „какой товаръ-то залежался“... „И тебѣ бы, по твоему дѣвичьему положенію, въ монастырь-бы идти, — сейчасъ-бы тебя игуменьей сдѣлали, только по корпусу своему не подхо-

дишь—тѣ все тощія". Дарья Ипатьевна отвѣчала отрывистыми фразами: „Гдѣ ужъ намъ!.. Что ужъ я... Насмѣшникъ ты старый"!... Послѣ котлетъ она окончательно замолчала и только послѣ каши, глубоко вздохнувши, произнесла: „Слава тебѣ, Создателю... ухъ, тяжко!"

И я устала. Прощай...

СЪ ШИРОКОЙ МАСЛЯНИЦЕЙ!

Сцена представляетъ трактиръ въ московскомъ захолустьѣ. За столами сидятъ купцы, мѣщане, мастеровые и т. п.

— Съ широкой масляницей имѣю честь поздравить!

— И васъ также.

— Масляница—сила большая... Наскрозь всю имперію произойди—всякій ее почитаетъ. Хотя она не праздникъ, а больше всякаго праздника. Теперича народъ такъ закрутится, такъ завертится—давай только ему ходу... Сторонись, пироги: блины пришли! Кушай душѣ на утѣшенье, поминай своихъ родителевъ...

— Да ужъ, именно... увеселенье публикѣ большое.

— Вчера нашъ хозяинъ уже разрѣшеніе сдѣлалъ: часу до четвертаго ночи портеромъ восхищались.

— Православные, съ широкой масляницей! Дай Богъ всѣмъ... Теперича масляница, а посля того покаяніе. Ежели, примѣрно, воровалъ, али что хуже—во всемъ покаемся и сейчасъ съ сызнова начнемъ. Всѣ люди, всѣ человѣки... Трудно, а Богъ милостивъ. Мнѣ бы теперь кисленькаго чего... я бы, можетъ, человѣкъ былъ...

— Бѣдный я человѣкъ, неимущій гражданчикъ, можно сказать — горе-горецкое, а блинковъ поѣлъ... Благодарю моего Господа Бога. Такъ поѣлъ, кажется...

— Дорвался!

— Дорвался! Вѣрное твое слово — дорвался. Штукъ тридцать безъ передышки. Инда въ глазахъ помутилось.

— Что жъ, вѣдь обиды ты никому не сдѣлалъ...

— Кухарку, можетъ, обидѣлъ, заставилъ стараться, а то никого...

— Семенъ Иванычъ, блины изволили кушать?

— Да я крещеный человѣкъ, али нѣтъ? Эхъ ты... образованіе!..

— Что у васъ: сюжетъ насчетъ масляницы? Такъ я вамъ могу доложить, что супротивъ прежнихъ годовъ обстоятельства ея оченно измѣнились, и ежели гдѣ справляютъ ее по настоящему, такъ это у папы рымскаго, но только, между прочимъ, за мѣсто блиновъ, конфеты ѣдятъ.

— Тьфу! Развѣ можетъ конфета противъ блина выстоять?

— Блинъ покруче конфеты; какъ возможно! Конфетѣ съ человѣкомъ того не сдѣлать, что блинъ сдѣлаетъ.

— Блинъ, ежели онъ хорошій, толстый, да ежели его ѣсть безъ разума — объ душѣ задумаешься.

— Человѣкомъ! Иному ничего, ѣшь его только съ чистымъ сердцемъ...

— Я больше со сметаной обожаю...

— И сейчасъ это папа рымскій выдетъ на балконъ, благословитъ публику съ широкой масляницей, и сейчасъ всѣ начнутъ дѣйствовать, кто какъ умѣетъ: которые колесомъ ходятъ, которые пѣсни поютъ, которые на гитарѣ стараются, а которые въ умѣ помутятся — мукой въ публику кидаютъ, и обиды отъ этого никому нѣтъ, потому всѣмъ разрѣшеніе, чтобы—какъ чуднѣй. Огни разложатъ... Превосходно...

— Въ старину и у насъ было весело. Идешь, бывало, по улицѣ-то—чувствуешь, что она, матушка, на дворѣ... Воздухъ совсѣмъ другой: такъ тебя блинами и обдаетъ, такъ тебя и обхватываетъ... На послѣднихъ-то дняхъ одурь возьметъ... Постомъ-то не скоро на путь истинный попадешь...

— Послѣ хорошей масляницы человѣкъ не вдругъ очувствоваться можетъ: и ликъ исказится, и все...

— Съ широкой масляницей! Можно мастеровому человѣку себѣ отвагу дать? Гг. купцы, есть я мастеровой человѣкъ и, значить, трудящій... Можно ему? Какой мнѣ отъ васъ отвѣтъ будетъ? Вотъ вы и не знаете... А я вамъ сейчасъ предъясню... Масляница для всѣхъ пріустановлена. Видите! И значитъ, я долженъ всѣ порядки соблюсти. Вѣрно я говорю? Наскрозь всю масляницу! Безъ купцовъ

намъ жить невозможно, голубчики... Не осудите меня. Запили заплаты, загуляли лоскутки...

— Въ балаганахъ-то теперь стонъ стоитъ...

— Ужъ теперь народъ сорвался...

— И что значитъ этотъ блинъ... лепешка и больше ничего. А вотъ ежели нѣтъ его на масляницѣ—словно бы человѣкъ самъ не свой.

— Ужъ бѣдный который—и тотъ...

— Семенъ! Графинчикъ, да поподжаристѣй пяточекъ, только чтобы зарумянилъ хорошенько.

— А вѣдь за масляницу-то одолѣютъ эти блины... Мы съ понедѣльника благословились...

— У насъ, бабушка, въ перемежку: день блины, да день оладьи—оно и не такъ чувствительно.

— У меня къ блинамъ больше пристрастія. Снетокъ ежели хорошій...

— Съ лукомъ тоже прекрасно... Глазками его нарѣзать... ароматъ...

— У насъ Домна Степановна кадушку-то сперва-наперво святой водой сполоснетъ, положитъ муку-то да молитвы начнетъ шептать, такъ у ней блинъ-то... Господи!.. такъ самъ тебѣ въ душу и лѣзетъ. Въ понедѣльникъ архимандрита угощали:—„Ну“, говоритъ, „Домна Степановна, постный я человѣкъ, а возношу вамъ мою благодарность“. А дьяконъ только вздыхалъ...

— Отъ хорошаго блина глаза выскочатъ. А вотъ я посмотрю на господъ... Какіе они къ блинамъ робкіе: штуки четыре съѣстъ и сейчасъ отстанетъ...

— Кишка не выдерживаетъ!

— Нашъ лекарь Василій Петровичъ сказывалъ: кто ежели, говоритъ, мозгами часто шевелитъ, значитъ, по книгамъ доходитъ, али выдумываетъ что — тому блины вредъ. Потому, говоритъ, разнесетъ человѣка, распучитъ, воздуху забрать въ себя не можетъ, ну и кончено, дѣйствоваться ужъ и не можетъ...

— А вотъ мы не думамши живемъ, а, слава тебѣ Господи, не хуже другихъ! И капиталъ скопировали и народъ по своимъ достаткамъ кормимъ... Богу онъ за насъ молитъ. И какое есть намъ отъ Бога положеніе — блины, все прочее...

— У насъ безъ сумлѣнія...

— Да объ чемъ сумлѣваться-то? Одинъ разъ живемъ.

— Маланья Егоровна, по корпусу-то своему, свинья

сущая, едва ходитъ, съ лѣстницы подъ руки водятъ, а какой умъ въ себѣ имѣетъ. Намедни протопопу какое слово брякнула. Камилавку снялъ: „Ну“, говоритъ, „мнѣніе ваше необыкновенное“... А вѣдь никакихъ книгъ не читала и ни объ чемъ никогда не думала, а ужъ, значитъ, Богъ вложилъ... Любопытно это, съ учителемъ она вчера за блинами сцѣпилась на счетъ разговору. Тотъ говоритъ: „У васъ“, говоритъ, „въ помышленіи все на счетъ ѣды...“ А она говоритъ: „Мы“, говоритъ, „творимъ еже предуставлено. Какъ старики наши жили, такъ и мы живемъ. Вы, говоритъ, кушайте во славу Божію, коли епекитъ у васъ есть, а нашимъ порядкамъ не мѣшайте. Вы, говоритъ, молодой человѣкъ, а я и въ Кіевѣ была, и у Соловецкихъ сподобилась“... Тотъ прикусилъ языкъ-то, да такъ и остался.

— Оборвать слѣдовало. Человѣкъ за блинами, плоть этого требуетъ, а онъ съ пустыми словами...

— Слова самыя пустыя, нестоющія... Человѣку надо раздышаться, тогда съ нимъ говори...

— Бывало теперешнее дѣло подъ Новинскимъ стонъ стоитъ...

— Мелокъ народъ сталъ.

— Т. е. такъ народъ измельчалъ, хуже быть нельзя...

— Подъ другія націи больше потрафляютъ... Отъ родителевъ-то какіе порядки, заведены, бросили, а въ новыхъ-то запутались. Форму-то, значитъ, потеряли: купецъ не купецъ, баринъ не баринъ, а такъ, примѣрно.

— Все одно—ничего.

— Вѣрно ваше слово — ничего! Оттого и масляницы настоящей нѣтъ, и соблюдать ее некому.

— Ваше степенство, мы соблюдаемъ! Видите... До послѣдняго грошика все пропилъ... Вотъ что значитъ московскій мѣщанинъ... Вы души нашей не знаете... У насъ душа вотъ какая: графинъ на столъ... Живо!.. Запили заплаты, загуляли лоскутки...

СЦЕНЫ ИЗЪ КУПЕЧЕСКАГО БЫТА.

I.

СМОТРИНЫ.

Еремей Терентьевичъ Смѣсовъ, купецъ лѣтъ 50.
Марья Ивановна, его жена.
Душа (Авдотья), ихъ дочь, 17-ти лѣтъ.
Ѳекла Ѳедосѣевна (бабушка), мать Смѣсова.
Анна Петровна, купеческая дочь, дѣвица 40 лѣтъ.
Вѣрочка, подруга Души.

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ, въ Рогожской улицѣ. Небольшая комната, меблированная безъ вкуса.

Бабушка и Анна Петровна.

Бабушка.

Съ этакимъ человѣкомъ и говорить-то пріятно, потому у него всякое слово на пользу. По всѣмъ мѣстамъ ходилъ, все видѣлъ... Такіе, говоритъ, мѣста есть—кормятъ какъ, трапеза какая—рай земной!..

Анна Петровна (вздыхаетъ).

Есть, есть; не всякій только, по грѣхамъ по своимъ, сподобится увидать-то ихъ.

Бабушка.

Мы, говоритъ, въ семъ мірѣ только плоть свою тѣшимъ... Да вѣдь и правда!

Анна Петровна.

Все правда!

Бабушка.

Я, говоритъ, не то что къ примѣру, это зря говорю: все это я изъ книгъ... по книгамъ все...

Анна Петровна.

Вотъ-бы его, Өекла Өедосѣевна, насчетъ нашего Демьяшки-то спросить...

Бабушка.

А что?

Анна Петровна.

Въ умѣ помутился отъ книгъ-то.

Бабушка.

Зачитался?

Анна Петровна.

Третій годъ, матушка, мы съ нимъ маемся. Чего, чего не дѣлали—и въ пустынь-то возили, и на дому-то отчитывали — ничего не помогаетъ. Доктора какъ-то звали. Пріѣхалъ, посмотрѣлъ.—„Давно-ли?“ говоритъ.—„Такъ и такъ“ говоримъ: „три года“.—„Поздно“ говоритъ:—„кабы вы попервоначалу ко мнѣ пріѣхали, я-бы поставилъ его на ноги, а теперь нельзя“. Сестра Домна говоритъ: „это мы, говоритъ, оттого полагаемъ, что онъ книгъ зачитался, потому, онъ съ малыхъ лѣтъ все въ книжку читалъ“. Ну, онъ засмѣялся. Нешто они понимаютъ! Измучилъ онъ насъ совсѣмъ, хоть-бы поскорѣй прибралъ его Богъ. Третій годъ не встаетъ съ постели, дадутъ ежели поѣсть—поѣстъ: нѣтъ—ему все равно—не спроситъ. И вѣдь это, Өекла Өедосѣвна, дивное дѣло: ума-бы, кажется, у него совсѣмъ

нѣтъ, потому, говоритъ все это несообразно, одежу на себѣ рветъ, пѣсни поетъ, а какъ посты всѣ знаетъ, праздники... уму непостижимо! Сестра Домна когда это спроситъ: Демьяша, какой нынче праздникъ—сейчасъ скажетъ.

Бабушка.

Да онъ у васъ, должно, блаженный.

Анна Петровна.

Богъ его знаетъ.

(Входитъ Смѣсовъ).

Бабушка.

Послушай-ко, Еремей Терентьичъ, что Аннушка про племянника разсказываетъ.

Смѣсовъ.

Слушать-то нечего, знаемъ! Уморили парня, да теперь разговариваютъ.

Анна Петровна.

Чѣмъ мы его уморили-то?

Смѣсовъ.

Молчи лучше! Скажу—стыдно будетъ.

Анна Петровна.

Сестра Домна...

Смѣсовъ.

Разсказнить надо твою сестру Домну-то!

Анна Петровна.

Да коли-бы ежели въ тѣ-поры не она...

Смѣсовъ.

Всѣхъ она васъ послѣ родителя-то оболванила. Который отъ покойника Петра Савича капиталъ-то остался—гдѣ онъ? Сколько страму-то было,—помнишь, аль нѣтъ? Все быть барыней хотѣлось, эниральшей! Хоть-бы теперь, дура, грѣхъ-то прикрыла... не молоденькая!..

Анна Петровна.

Не намъ судить.

Смѣсовъ.

Нѣтъ, намъ судить. Страмъ! Вамъ теперь ѣсть, поди, нечего, а она въ колясках разъѣзжаетъ. Надо полагать, парень отъ ея безобразія-то и помутился. Помутишься! Жилъ, можно сказать, въ довольствѣ, да въ роскоши, къ наукѣ себя приспособить хотѣлъ, а опосля покойника вы его на кухню прогнали.

Анна Петровна.

Что-жъ, коли мы въ бѣдность произошли...

Смѣсовъ.

Учить-то ее некому! Намедни, говорятъ, съ сожителемъ-то своимъ въ Марьиной такой кранболь сдѣлали, что-любо два! Всѣ съ фонарями оттеда пріѣхали.

Бабушка.

Ну, Богъ съ ней! Она въ грѣхѣ, она и въ отвѣтѣ.

Смѣсовъ.

Да парня-то жалко. Ты-бы, бабушка, туда пошла. Скоро, чай, пріѣдутъ.

Бабушка.

Пойдемъ, Аннушка.

(Всѣ уходятъ; входятъ Вѣрочка и Душа).

Душа.

Ты знаешь, Вѣрочка, отчего у насъ такъ въ залѣ убрано?

Вѣрочка.

Нѣтъ, не знаю.

Душа.

Меня сватаютъ.

Вѣрочка.

Что-жъ, это дѣло хорошее.

Душа.

Мнѣ очень совѣстно!..

Вѣрочка.

Тутъ нечего совѣсть наблюдать, а вышла поскорѣй,— и конецъ...

Душа.

Страшно на первой-то разъ.

Вѣрочка.

Смотрѣть, что-ли прiѣдетъ?

Душа.

Ждутъ.

Вѣрочка.

Меня четыре раза смотрѣли: я тебя научу,—тутъ важности нѣтъ; другое дѣло, когда подъ вѣнецъ везутъ— тутъ совсѣмъ другiя чувства нужны, а это очень просто. Онъ благородный?

Душа.

Нѣтъ, купецъ.

Вѣрочка.

Что-жъ, съ купцомъ особенной и политики не нужно. Не смотри ему только въ глаза, чтобъ не зазнавался.

Душа.

А ну, какъ онъ говорить будетъ?

Вѣрочка.

Они не говорятъ. Онъ только вопьется въ тебя глазами...

Душа.

Ужасно конфузно!

Вѣрочка.

Это съ непривычки.

Душа.

А что ты думала, Вѣрочка, когда тебя смотрѣли?

Вѣрочка.

Извѣстно, все разное думала... обо всемъ. Только ко мнѣ все нехорошіе сватались; а одинъ такъ пьяный пріѣхалъ, все целоваться лѣзъ, насилу выжили.

Кухарка (впопыхахъ).

Барышня, приготовься, матушка, оправься!.. Вѣра Митривна, обдерни ей платье-то... Ѣдутъ!.. (убѣгаетъ).

(Входятъ Смѣсовъ, Дарья Ивановна, бабушка).

Дарья Ивановна.

Готова-ли ты?

Душа.

Готова, маменька.

Бабушка (плачетъ).

Твори молитву... читай про себя молитву.

Душа.

Лучше бы, Вѣрочка, въ другой разъ...

Вѣрочка.

Не бойся...

(Входятъ: Иванъ Гавриловичъ, молодой человѣкъ, въ голубыхъ брюкахъ съ лампасами, въ палевомъ жилетѣ и пестромъ галстухѣ; Гаврила Прокофьичъ, его отецъ, лѣтъ подъ 60; Домна Семеновна, его мать, въ повязкѣ).
(Продолжительное молчаніе).

Гаврила Прокофьичъ.

Ѣхали мимо...

Смѣсовъ.

Благодаримъ покорно, что не побрезговали.

Домна Семеновна (сыну тихо).

Смотри, тебѣ съ ней жить-то...

Иванъ Гавриловичъ.

Понимаю, маменька.

(Смѣсовъ подноситъ вино къ Гаврилѣ Прокофьичу; тотъ пьетъ и откланивается, потомъ къ Домнѣ Семеновнѣ).

Домна Семеновна (отстраняя рукой рюмку).

Благодаримъ покорно!

Смѣсовъ.

Это легкое-съ.

Домна Семеновна.

Развѣ что легкое... (отпиваетъ половину рюмки).

Дарья Ивановна (поспѣшно).

Всю, всю, всю-съ... (Домна Семеновна допиваетъ).

(Смѣсовъ передаетъ рюмку Душѣ, та подноситъ жениху).

Иванъ Гавриловичъ.

Сдѣлайте ваше одолженіе, увольте великодушно—не употребляю.

Дарья Ивановна.

Нѣтъ, ужъ выкушайте!

Иванъ Гавриловичъ.

Ей-Богу, не могу!

Смѣсовъ.

Нѣтъ, вы ужь сдѣлайте милость.

Домна Семеновна.

Онъ еще у насъ не набалованъ.

(Иванъ Гавриловичъ беретъ рюмку и пьетъ; кухарка приноситъ самоваръ; Душа обноситъ всѣхъ чаемъ: продолжительное молчаніе).

Гаврила Прокофьичъ.

Это у васъ какое производство?

Смѣсовъ.

Фабричку небольшую держимъ. (Молчаніе).

Домна Семеновна.

Варенье-то сами варите, аль покупаете?

Дарья Ивановна.

Сами. (Молчаніе).

Иванъ Гавриловичъ (подходитъ къ канвовой картинкѣ).

Это вы изволили эту самую кошечку вышивать?

Душа (вся вспыхнувъ).

Я.

Иванъ Гавриловичъ.

Сами?

Душа.

Сама.

Иванъ Гавриловичъ.

Это вы какъ изволили вышивать—изъ головы, аль съ картинки какой-съ?

Душа.

Съ узора.

Кухарка (въ дверяхъ).

За экимъ кавалеромъ никому не стыдно быть... Ишь ты!.. На что лучше!..

(Душа отходитъ съ Вѣрочкой въ сторону).

Бабушка (тихо).

Поди, стой на глазахъ... Куда ушла-то?

Вѣрочка.

Ей дурно.

Бабушка.

Отчего, матушка?

Вѣрочка.

Разумѣется, отъ воображенія.

(Смѣсовъ и Дарья Ивановна подходятъ къ дочери).

Гаврила Прокофьичъ.

Ну что, какъ на твои глаза?

Иванъ Гавриловичъ.

На все есть воля ваша, тятенька, а мнѣ лучше не требуется; это вы совсѣмъ по моимъ чувствамъ потрафили—какъ на счетъ разговору и на счетъ всего-съ.

Гаврила Прокофьичъ.

Мать, какъ дѣла?

Домна Семеновна.

Что-жъ, я съ него воли не снимаю. Коли ему по нраву пришла, я дамъ свое благословеніе... Потолще-бы маленько... виднѣй-бы была.

Иванъ Гавриловичъ.

Въ толстыхъ-то, маменька, тоже большаго проку нѣтъ-съ...

Домна Семеновна.

Какъ хотите съ отцомъ... мнѣ все равно...

(Всѣ встаютъ).

Гаврила Прокофьичъ.

Прощенья просимъ. Заѣзжайте, потолкуемъ, (отводитъ Смѣсова въ сторону). Объявите, что нашему сыну оченно ваша барышня пондравилась. А тамъ насчетъ росписи у насъ разговоръ будетъ...

(Всѣ уходятъ).

Вѣрочка.

Что, Душа, понравился?

Душа (покраснѣвъ).

Еще не знаю.

Бабушка.

Это опосля все узнаешь.

II.

СГОВОРЪ.

(Въ конюшнѣ).

Макаръ — кучеръ жениха; Ѳедосѣй—кучеръ Смѣсова.

Макаръ (входя).

Честь имѣемъ поздравить!

Ѳедосѣй.

Благодаримъ покорно!

Макаръ.

Закрутили вы нашего Ивана Гавриловича.

Ѳедосѣй.

Это дѣло хорошее, дай Богъ всякому.

Макаръ.

Значитъ, мы съ имъ таперича будемъ жить какъ должно.

Ѳедосѣй.

Да, ужь баловство всякое надоть бросить, потому мы вамъ такую кралю отдаемъ—энаралу не стыдно.

Макаръ.

Нашему Гаврилѣ Прокофьичу все одно; ему, главная причина, насчетъ денегъ,—а что на этихъ краль мы не смотримъ... Сватали ужь намъ всякихъ.

Өедосѣй.

Пожалуй, другая и съ большими деньгами, да что въ ней!.. Вонъ у Сизова дочь...

Макаръ.

Знаемъ; мы и къ ней сватались. Иванъ Гаврилычъ въ тѣ-поры отъ ней въ бѣгахъ находился, въ Грузинахъ проживалъ. Дѣло-то до графа доходило, графъ ужь имъ раздѣлюцію сдѣлалъ. Вы меня, говоритъ, тятенька, хоть на поселенье сошлите, а ужь на этой вашей невѣстѣ я жениться несогласенъ. Такъ ужъ онъ его точилъ, точилъ... цѣлый годъ въ деревнѣ на фабрикѣ держалъ.

Өедосѣй.

Ишь онъ у васъ какой!

Макаръ.

Бѣдовый! Онъ только кажется-то подхалимомъ, а блажной старикъ. (Молчаніе). Старше-то вотъ сталъ тише, а то, бывало, что дѣлалъ—страсть! Стекла, посуду въ трактирѣ перебьетъ: „получай“, говоритъ, „капиталы за все, что стоитъ, а ндраву моему не препятствуй“!.. Разъ онъ у насъ безъ вѣсти пропадалъ.

Өедосѣй.

Ну!

Макаръ.

Съ нѣмцемъ, съ красильщикомъ, запили, а куда-же ихъ чортъ, съ пьяныхъ-то глазъ, дернулъ? въ Ростовъ уѣхали, да двѣ недѣли тамъ и хороводились. Бабушка выручать ѣздила, обманомъ его оттеда въ пустынь увезла, тамъ только очувствовался... Крутой человѣкъ. Съ нѣмцемъ это они разъ было домъ сожгли. Тотъ ему, болтали тогда, какую-то химію показывалъ. А мадамъ у нѣмца жила молоденькая, при дѣтяхъ была приставлена насчетъ науки, такъ захворала со страху: „я“, говоритъ, „такихъ людей съ роду не видывала“. (Молчаніе). Коли ежели за нимъ не усмотрятъ, онъ и нонѣ какое ни на есть колѣно выкинетъ, ужь онъ это разрѣшеніе себѣ сдѣлаетъ... Сына женитъ—нельзя.

Өедосѣй.

Ну, а теперича съ Иваномъ-то Гавриловичемъ они въ ладахъ, аль нѣтъ?

Макаръ.

Простилъ. Батюшка, сказываютъ, на духу уговорилъ. Сама ѣздила, батюшку просила.

Өедосѣй.

Мы вчера съ хозяйкой къ ворожеѣ ѣздили, такъ не насчетъ-ли этихъ дѣловъ она гадала? Куфарка сказывала, что хозяйкѣ не совсѣмъ ладно вышло...

Макаръ.

Объ немъ, это вѣрно.

Өедосѣй.

По твоимъ рѣчамъ, надо полагать, такъ. Пойти велѣть дворнику ворота запереть, а то лишняго народа много наберется.

Макаръ.

Это ничего, пущай смотрятъ.

Өедосѣй.

А что, въ самомъ дѣлѣ, пущай смотрятъ.

Макаръ.

Ужь это вездѣ такіе порядки.

Өедосѣй.

Ну, ладно.

Небольшая комната, оклеенная желтыми обоями.

Душа и Иванъ Гавриловичъ сидятъ на диванѣ.

Душа.

А послѣ сговора вы къ намъ каждый день будете ѣздить?

Иванъ Гавриловичъ.

Не токма̀ что каждый день, а коли-бы ежели какая возможность была, я бы совсѣмъ отъ васъ не поѣхалъ.

Душа.

Скажите мнѣ откровенно: вы въ меня очень влюблены?

Иванъ Гавриловичъ.

Какое-жъ въ этомъ есть сумнѣніе? Поэтому самому я и жениться на васъ хочу. (Цалуются. Продолжительное молчаніе).

Душа.

Можетъ быть, съ вашей стороны это только одинъ разговоръ, а на умѣ вы совсѣмъ другое держите.

Иванъ Гавриловичъ.

Я только одно въ умѣ содержу: поскорѣй-бы мнѣ отъ тятеньки на свою волю выдти. Ежели я буду жить самъ по себѣ, тогда совсѣмъ другая статья будетъ. А то какъ раздумаешься иной разъ, и выходитъ, что я самый несчастный человѣкъ въ своей жизни. Вы, можетъ, по вашимъ чувствамъ ко мнѣ, не видите, въ какой меня строгости тятенька содержитъ. Давеча я папироску закурилъ: кажется, ничего тутъ нѣтъ такова, особеннаго, а ужь онъ косится, и должонъ я этотъ взглядъ понимать, къ чему онъ клонитъ... А клонитъ онъ къ тому, что это имъ не нравится, что я папироску закурилъ. Ну, я и бросилъ, сдѣлалъ имъ это удовольствіе. (Молчаніе).

Душа.

А вы прежде были влюблены?

Иванъ Гавриловичъ.

При этакой жизни, какая тутъ любовь: больше все худое на умъ идетъ. Иной разъ и не хотѣлъ-бы чего сдѣлать, и противно-бы, кажется, а дѣлаешь, потому самому, что грустно,—думаешь: легче будетъ. А женить-то меня давно собирались; невѣстъ-то мы штукъ шесть пересмотрѣли: то самому не понравится, то самой не приглянется. Самъ-то больше насчетъ денегъ—чуть что̀—и ко-

нецъ!.. а сама,—Богъ ее знаетъ чего хочетъ. Спросишь, бывало: „что, маменька, какъ?"—„Боюсь", говоритъ: „почитать меня, пожалуй, не будетъ". Шабашъ! Другую, значитъ, надо смотрѣть. Когда мы къ вамъ-то прiѣхали, я и говорить-то ничего не могъ, боялся, что вы имъ не понравитесь.

Душа.

А если-бы я имъ не понравилась, что-бы вы сдѣлали?

(Входятъ Смѣсова и Марья Ивановна, чиновница).

Душа.

Ахъ, маменька, вы помѣшали нашему разговору.

Смѣсова.

Говорите, миленькiе, говорите.

Душа.

Нѣтъ, ужь мы послѣ окончимъ, а теперь лучше пойдемъ въ залу.

Марья Ивановна.

Объ любви, чай, больше толкуете?

Иванъ Гавриловичъ (смѣется).

И объ любви, и обо всемъ-съ.

Марья Ивановна.

Ужь, извѣстно, у жениха съ невѣстой другова разговору и быть не можетъ.

Душа.

Мало-ли есть разнаго разговору...

Марья Ивановна.

Нѣтъ ужь, Авдотья Еремеевна, вы меня извините, а я очень хорошо понимаю ваше положенiе: я вѣдь тоже замужъ выходила.

Душа.

Это вы по себѣ судите, а я про любовь совсѣмъ напротивъ понимаю.

Смѣсова.

Что тутъ понимать-то? Понимать-то нечего... пустяки-то... А ты молись Богу, чтобы Богъ далъ счастья... (плачетъ).

Иванъ Гавриловичъ.

Это, маменька, первое дѣло!

Марья Ивановна.

Первое дѣло.

Душа.

Пойдемте въ залу. (Уходитъ съ Иваномъ Гавриловичемъ).

Марья Ивановна.

Что это вы такія нынче грустныя?

Смѣсова.

Будешь грустная, какъ...

Марья Ивановна (съ любопытствомъ).

Слухи развѣ какіе есть?

Смѣсова.

Слуховъ, слава Богу, никакихъ нѣтъ, а вотъ ворожея меня больно обезкуражила, и сама теперь не рада, что поѣхала къ ней—и грѣхъ вѣдь это...

Марья Ивановна.

Да вы не безпокойтесь, вѣдь онѣ больше врутъ.

Смѣсова.

Богъ ее знаетъ... все-таки думается. Слово она одно сказала, да такое что-то...

Марья Ивановна.

Вы завтра молебенъ отслужите.

Оффиціантъ (въ дверяхъ).

Пожалуйте, сударыня, въ залу.

Марья Ивановна.

А вы не безпокойтесь: можетъ, это и такъ пройдетъ (уходятъ).

Зала; на стѣнѣ два портрета—хозяина и хозяйки. У хозяина въ правой рукѣ книжка, а большой палецъ лѣвой руки заложенъ за пуговицу; хозяйка на колѣняхъ держитъ ребенка, у котораго въ рукахъ розанъ. По портрету нельзя узнать—къ какому полу принадлежитъ ребенокъ. Направо, въ углу, играютъ въ трынку, налѣво—въ преферансъ. Вдоль стѣны сидятъ гости, больше дамы; барышни, обнявшись, расхаживаютъ по залѣ. У дверей оффиціанты. Въ окнахъ виднѣются головы и приплюснутые носы смотрящихъ.

Молодой человѣкъ съ проборомъ назади.

Прикажете кадрель?

Барышня въ палевомъ платьѣ.

Если вамъ угодно, такъ отчего-же... можно.

Молодой человѣкъ съ проборомъ назади.

По-крайней-мѣрѣ, препровожденіе времени...

Очень молодой человѣкъ въ пестрыхъ брюкахъ (къ музыкантамъ).

Французскую кадрель изъ русскихъ пѣсенъ!

1-я гостья.

Не люблю я этихъ танцевъ, ничего нѣтъ хорошаго.

(Уходятъ: за ней слѣдуютъ еще двѣ-три гостьи; входятъ Иванъ Гавриловичъ и Душа).

Иванъ Гавриловичъ (съ безпокойствомъ).

Что, маменька?

Домна Семеновна.

Кажется, еще ничего... да нешто за нимъ усмотришь.

(Становятся пары, начинается кадриль. Во время второй фигуры, въ дверяхъ показывается Гаврила Прокофьевичъ).

Гаврила Прокофьевичъ (къ оффиціанту).

Шпунту-бы ты мнѣ еще далъ.

Оффиціантъ.

Слушаю-съ.

Иванъ Гавриловичъ.

Вамъ-бы, кажется, тятенка, довольно.

Гаврила Прокофьевичъ (строго).

Молчать—твое дѣло!

Иванъ Гавриловичъ.

Да мнѣ Богъ съ вами! Кушайте, сколько хотите, развѣ жалко что-ли,—срамъ только.

Гаврила Прокофьевичъ.

Никто мнѣ указывать не можетъ!

Одинъ молодой человѣкъ въ пестрыхъ брюкахъ.

Нѣтъ, ужь сдѣлайте одолженіе, отъ шестой фигуры меня увольте.

Гаврила Прокофьевичъ.

Постой, я встану. (Всѣ смѣются).

Одинъ изъ гостей.

Нѣтъ, ты не мѣшай; мы съ тобой опосля.

Оффиціантъ.

Пуншу приказывали.

Гаврила Прокофьевичъ.

Спасибо тебѣ, другъ великій! Поцалуй меня. (Обнимаетъ оффиціанта).

Домна Семеновна.

Шелъ-бы ты лучше на улицу, не страмился-бы здѣсь.

Гаврила Прокофьевичъ.

Это не твоего дѣла ума!

Домна Ивановна.

Да что—ума!.. До ужина не дотерпѣлъ...

Гаврила Прокофьевичъ.

За ужиномъ это само по себѣ. А ты молчи, коли я не приказываю! (Уходитъ).

Бабушка входитъ и говоритъ что-то гостьямъ на ухо; всѣ одна за другой выходятъ; кадриль конченъ).

Молодой человѣкъ съ проборомъ назади (оффиціанту).

Куда это всѣ идутъ?

Оффиціантъ.

Должно быть, закуску въ спальню пронесли. Дамамъ все больше въ спальню подаемъ, потому по купечеству есть, которыя водку кушаютъ: ну, такъ на виду-то не хорошо. Вы, значитъ, еще порядковъ здѣшнихъ не знаете.

Смѣсовъ (входитъ).

Вы-бы, барышни, повеличали теперь жениха съ невѣстой.

Оффиціантъ (тихо Ивану Гавриловичу).

Пожалуйте, сударь, уймите родителя-то. На дворѣ съ народомъ бушуетъ. Пляски затѣялъ—всѣ смѣются!..

Иванъ Гавриловичъ.

Господи, что-же это такое! Маменька, пожалуйте!

Домна Семеновна.

Что съ тобой, что ты?

Иванъ Гавриловичъ.

Самъ загулялъ. (Бѣгутъ).

Въ конюшнѣ.

Ѳедосѣй.

Макаръ, вставай скорѣй...

Макаръ (просыпаясь).

Подавать что-ли?

Ѳедосѣй.

Хозяинъ твой...

Макаръ.

Стекла бьетъ?

Ѳедосѣй.

Нѣтъ, на дворѣ въ присядку дѣйствуетъ.

ПРОСТО — СЛУЧАЙ.

СЦЕНЫ ИЗЪ КУПЕЧЕСКАГО БЫТА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Иванъ Петровичъ Вихровъ, купецъ, 50-ти лѣтъ.
Настасья Климовна, жена его.
Дарья Спиридоновна, двоюродная сестра его.
Акулина Андреевна, купчиха, вдова.
Петръ Амосовичъ, обѣднѣвшій купецъ, проживающій въ домѣ Вихрова.
Щурковъ, неопредѣленная личность.
Кухарка въ домѣ Вихрова.

ЯВЛЕНІЕ I.

Настасья Климовна сидитъ за столомъ и плачетъ. Дарья Спиридоновна входитъ.

Настасья Климовна.

А ужь я, кумушка, за тобой посылать хотѣла.

Дарья Спиридоновна.

Что это вы, сестрица? Что съ вами?

Настасья Климовна.

Нужна ты мнѣ больно. Садись-ка.

Дарья Спиридоновна.

Крестникъ вамъ кланяется, сестринька. Вѣдь ужь онъ у насъ, сестрица, на Покровъ сталъ дыбочекъ стоять... А я всѣ эти дни-то измучилась, сестринька: вѣдь у меня, внизу, жилецъ третiй мѣсяцъ ни копѣечки не платитъ.

Настасья Климовна.

Что твое горе, кумушка!.. Моего-то ты горя не знаешь.

Дарья Спиридоновна (съ удивленiемъ).

Да что у васъ такое?

Настасья Климовна (сквозь слезы).

Вѣдь Иванъ-то Петровичъ четвертый день домой глазъ не показываетъ.

Дарья Спиридоновна.

Что вы? Да какъ-же это?

Настасья Климовна.

Такъ. Уѣхалъ къ городовому *), да вотъ...

Дарья Спиридоновна.

На своей лошади-то?

Настасья Климовна.

На своей. Да и лошади-то нѣтъ. Богъ знаетъ, что съ нимъ дѣлается теперь. (Плачетъ).

Дарья Спиридоновна.

Что-жъ вы такъ убиваетесь-то, сестрица? Его дѣло мужское: можетъ что и нужное дѣлаетъ.

Настасья Климовна.

И вѣдь никогда съ нимъ этого не было. Вотъ двадцать лѣтъ живемъ—въ первой такая оказiя.

---

*) Городовыми называются иногородные купцы въ Москвѣ.

Дарья Спиридоновна.

Вы-бы, сестрица, на картахъ разложили.

Настасья Климовна.

Раскладывала, да ничего не дѣйствуетъ. Вѣришь-ли Богу, кумушка, вся душенька-то у меня выболѣла. Чего-чего ужь я не придумала: и убили-то его, и утонулъ-то онъ, и съ Ивана Великаго какъ не упалъ-ли...

Дарья Спиридоновна.

Что это вы какія мнительныя! Молоденькій, что-ли, онъ?.. Пойдетъ онъ на Ивана Великаго!.. Его и на парадное крыльцо ведутъ подъ руки...

Настасья Климовна.

Да вѣдь все можетъ быть... Вотъ нонче сонъ опять какой страшный...

Дарья Спиридоновна.

А вы что видѣли, сестрица?

Настасья Климовна.

Охъ!.. Вотъ вишь ты: будто-бы я стою на горѣ...

Дарья Спиридоновна.

Да-съ.

Настасья Климовна.

Только будто-бы Иванъ-то Петровичъ, пьяный-распьяный, стоитъ да на меня пальцемъ грозитъ.

Дарья Спиридоновна.

Ишь страсти какія!

Настасья Климовна.

А лошадь-то, будто бы...

Дарья Спиридоновна.

Вы бы, сестрица, къ Ивану Яковлевичу съѣздили. Я къ нему за всякимъ дѣломъ хожу. Вотъ, бывало, мой

покойникъ запьетъ—я и къ нему. Бывало, только и спросишь: Иванъ Яковлевичъ, что будетъ рабу Симіону? Сейчасъ скажетъ, али такъ на бумажкѣ напишетъ.

Настасья Климовна.

Боюсь я одного, кумушка, какъ онъ да нехристіанскою смертью померъ-то. (Плачетъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же и Акулина Андреевна.

Настасья Климовна.

Матушка, Акулина Андреевна, не знаешь ты моего горя... не пожалѣешь ты меня.

Акулина Андреевна.

Пожалѣла бы я тебя, когда бы не такъ глупа была.

Настасья Климовна (вскакивая со стула).

Да вы развѣ, голубка, слышали что?

Акулина Андреевна.

Это вотъ ты тутъ на боку-то лежишь, а я всѣ документы развѣдала.

Настасья Климовна (бросаясь къ ней).

Матушка, успокой ты меня, скажи, что съ нимъ сдѣлалось? Какой онъ смертью-то померъ?

Акулина Андреевна.

Еще онъ насъ съ тобой переживетъ... Да кабы на мой ндравъ такія дѣла, да я бы его... На что это похоже? Пристало-ли старику...

Настасья Климовна.

Да гдѣ-же онъ?

Акулина Андреевна.

Да у меня волосъ дыбомъ сталъ, какъ мнѣ сказали... И ты дура будешь, если не сдѣлаешь помоему. Да я бы

изъ его бороды весь пухъ повыщипала! Онъ, матушка ты моя, не тебѣ будь сказано, изволитъ въ Марьиной рощѣ съ цыганками...

Настасья Климовна.

Ахъ!..

Акулина Андреевна.

Все съ себя пропилъ. Лошадь-то ваша теперь въ депѣ, вчера въ депо взяли: пьяный Тимошка задавилъ кого-то.

Дарья Спиридоновна.

Что это вы, Акулина Андреевна, во снѣ, или къ зубамъ? Да развѣ братецъ пьетъ?

Акулина Андреевна.

Ужь молчи, коли тебя Богъ обидѣлъ... Потакай пьяницамъ-то! Твой такой же соколъ былъ, вспомни-ка, сколько разъ.

Дарья Спиридоновна.

Ужь вы всегда бѣдныхъ-то людей.

Акулина Андреевна.

Да ты роли-то не представляй! (Обращаясь къ Настасьѣ Климовнѣ). Ну, что ты, матушка, стоишь-то? Одѣвайся. Тащи его домой, да опозорь его хорошенько, да въ бороду-то ему наплюй при всемъ честномъ народѣ, чтобъ онъ блажь-то въ голову не запускалъ.

Дарья Спиридоновна.

Что-жъ, сестрица, поѣзжайте! Можетъ съ братцемъ, въ самомъ дѣлѣ, какое несчастіе: онъ васъ-то скорѣе послушаетъ?

Настасья Климовна.

А ну, какъ онъ да безъ насъ сюда пріѣдетъ.

Акулина Андреевна.

Точи лясы-то! (Беретъ ее за руку и уводитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Кухарка (изъ дверей).

Что, матушка, искать поѣхали? Да ужь гдѣ найтить! Ты, Спиридоновна, этому не дивуйся: это онъ отъ ней и бѣдствуетъ-то. Я, матушка, у господъ жила, да такой маи-то не привидывала. Бывало, барыня прикажетъ тебѣ распорядиться тамъ, а эта день-то-деньской торчитъ все въ кухнѣ, да по горшкамъ нюхаетъ. А ругаться-то пойдетъ... да я такой обидчицы въ жизнь мою не привидывала! И такая-то ты, и сякая-то ты... тьфу! Вѣдь у нихъ, матушка, за что дѣло-то вышло: намедни сидятъ они такъ-то за чаемъ, а она ему все въ уши: пиши, говоритъ, духовную: не ровенъ часъ — помрешь, меня по міру пустишь. А онъ такъ-то залился слезами: да что-жъ, говоритъ, ужь ли тебѣ, говоритъ, моей смерти пожелалось?.. Ужь она у насъ, матушка, такая клятая; у нихъ и родъ-то весь такой. Вотъ когда сестра ея придетъ, семь разовъ въ день самоваръ поставишь...

Дарья Спиридоновна.

Вижу, красавица, сама вижу, какія она съ нимъ язвы-то дѣлаетъ. Ужь она испоконъ вѣку такая мытарка была: черезъ ея милость и мы въ бѣдность произошли. Это братца Богъ наказываетъ за то, что онъ родныхъ не послушалъ, противъ нашей воли женился. Мы ему тогда говорили: погодите, братецъ, мы вамъ худа не желаемъ, свѣтъ-то вѣдь не клиномъ сошелся, мы вамъ найдемъ невѣсту богатую, изъ хорошаго рода. — Нѣтъ, говоритъ, не могу съ своимъ сердцемъ управиться. Вотъ теперь и управляйся!

Кухарка.

Да она, должно, приворожила его.

Дарья Спиридоновна.

Нѣтъ, матушка, ему судьба такая, его опутали. Взялъ-то онъ ее въ одномъ платьишкѣ; обулъ, одѣлъ ее, салоповъ ей разныхъ нашилъ. Какъ поступила она въ богатство-то — и давай мудровать! И то не такъ, и другое не такъ. Иванъ-то Петровичъ терпѣлъ,—терпѣлъ, да съ горя-то, должно быть, и запилъ.

Кухарка.

Э!

Дарья Спиридоновна.

Такъ мы, матушка, и обмерли! Да четыре года послѣ этой оказiи и курилъ. Чего-чего тогда съ ними не дѣлали, чѣмъ-чѣмъ не лечили...

Кухарка.

Какъ-же остановили-то?

Дарья Спиридоновна.

А вотъ, вишь ты. Сидимъ мы такъ-то разъ да и плачемъ. Экое, я говорю, нашему роду пострамленiе! А молодая-то хозяюшка стоитъ передъ зеркаломъ да ломается. Я и говорю: „Что это, говорю, Настасья Климовна, неужели на тебѣ креста-то нѣтъ! Мы, говорю, всѣ въ такомъ несчастiи находимся, а тебѣ и горюшка мало!“ Она, этакъ, вывернулась фертомъ: „Мнѣ-ста, говоритъ, что за дѣло? Я его не неволю пить-то...“ Такое-то меня зло взяло! Я, съ сердцовъ-то, и наступила на нее.—„Да отъ кого-жъ онъ, говорю, пьетъ-то? Ты, говорю, въ нашъ домъ несчастье принесла!“ Только мы кричимъ, а Иванъ-то Петровичъ что-то и застучалъ. Я къ двери-то, думаю, не померъ-ли. А онъ, матушка ты моя, ходитъ по горницѣ, да все руками отмахивается... такъ-то все отмахиваетъ... Махалъ, махалъ, да какъ грохнется!.. и сдѣлался вотъ, надо-быть, мертвый. Какъ очнулся-то и говоритъ: „Мнѣ, говоритъ, было видѣнiе?“—Я и говорю: „Какое-же вамъ, братецъ, было видѣнiе?“—„Не велѣно, говоритъ, сказывать. Все, говоритъ, можно сказать, только одного слова нельзя говорить?“

Кухарка.

Да, вотъ тоже, какъ я у господъ жила, такъ барской камардинъ такъ-то померъ,—запилъ тоже, да на другой день и очнулся. Стали его допрашивать,—все сказалъ, только одного слова не допросили.

ЯВЛЕНIЕ IV.

Тѣ-же и Амосовичъ.

Амосовичъ.

Что, матушка, не слыхать-ли чего?

Дарья Спиридоновна.

Ахъ, Амосычъ, пропала наша головушка! Вѣдь запилъ!

Амосовичъ.

Въ такую, знать, компанію попалъ... въ пьющую... Эхма! Слабостямъ-то мы, матушка, больно подвержены; тѣшимъ плоть свою на семъ свѣтѣ, а объ часѣ-то смертномъ не подумаемъ. А вѣдь окаянному это на руку: онъ въ тѣ-поры такъ за нами и ходитъ, такъ въ грѣховныя узы-то насъ и опутываетъ.

Дарья Спиридоновна.

Давно я тебя не видала, Петръ Амосычъ. Что дочка-то твоя?

Амосовичъ.

Ничего... живетъ. Видѣлъ намедни въ соборѣ. Хотѣлъ-было подойти, да боюсь огорчишь: вѣдь барыня; противъ другихъ совѣстно будетъ, вишь я какой! А то вотъ зимой-то ходилъ съ ангеломъ поздравить, да на глаза-то не приняла: гостей, говоритъ, много. Посидѣлъ тамъ у нихъ на кухнѣ, погрѣлся. Спасибо, кухарка у нихъ такая добрая, рюмочку поднесла, да обѣдать съ собою посадила... А экономка съ лакеемъ двугривенничекъ выслала... все добрые люди, матушка. Вотъ теперь хоть-бы Иванъ Петровичъ: фатеру мнѣ даетъ, все у меня свое тепло есть, а то, зимнее-то дѣло, ложись да помирай. Что говорить, матушка, не легко ѣсть чужой хлѣбъ, коли самъ народъ кормилъ... Совѣстно, матушка! Иной разъ пораздумаешься — кусокъ въ горло нейдетъ...

Дарья Спиридоновна.

Что-жъ вы у дочери-то не живете? Неужели на ней креста-то нѣтъ, что она васъ на старости и согрѣть не хочетъ? Неужели она не боится божескаго наказанія?

Амосовичъ.

Ну, Богъ съ ней! Вѣдь Богъ все видитъ!.. Отецъ и денно и нощно пекся объ ней, а она противъ родителя... Захотѣлось вишь благородной, барыней быть захотѣлось!.. Вѣдь она, матушка, безъ моего благословенія съ бариномъ подъ вѣнецъ-то пошла (плачетъ). Да я ей,

матушка, и то простилъ. Я ей все отдалъ: все, что еще старики накопили, я ей отдалъ. На, дочка, живи, да нашу старость покой, а она... ну, Богъ съ ней! Ты подумай, матушка, кабы я пьяница былъ...

(За сценой голосъ Ивана Петровича): „Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше“.

ЯВЛЕНІЕ V.

Вихровъ очень навеселѣ и Щурковъ.

Вихровъ (входя).

Ты, Настасья, ты, Настасья,
Отворяй-ка ворота.

Вотъ мы къ тебѣ вся компанія!

Амосовичъ.

Эхъ, Иванъ Петровичъ, на старости-то лѣтъ...

Вихровъ.

Что ты мнѣ можешь препятствовать? Вонъ сейчасъ! Ты моей милостью на свѣтѣ живешь. Я тебя съ лица земнаго сотру! Вонъ!

Дарья Спиридоновна.

Здравствуйте, братецъ.

Вихровъ.

А, сестрица любезная! А гдѣ жена?

Дарья Спиридоновна.

Ея нѣтъ, братецъ.

Вихровъ.

Зачѣмъ-же ты на мои глаза показалась?

Дарья Спиридоновна.

Я навѣстить васъ пришла, братецъ.

Вихровъ.

Ладно, ступай въ свое мѣсто. (Обращаясь къ Щуркову). Ну, ты, прощалыга! представляй кіятры.

Щурковъ.

Это можно-съ, только гитарки-то нѣтъ-съ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Настасья Климовна (вбѣгаетъ).

Да что это ты, батюшка, вздумалъ на старости лѣтъ крамбольничать-то?

Вихровъ.

Молчать! Ходи въ страхѣ! Топну ногой—понимай что значитъ.

Настасья Климовна (къ Щуркову).

Ты что за человѣкъ?

Вихровъ.

Гони его по шеѣ: это грабитель.

Щурковъ.

Въ гости звали, да и гнать-съ!

Вихровъ.

Сволочь! Вотъ мы какъ объ тебѣ понимаемъ опускаетъ голову на столъ).

Настасья Климовна.

Вонъ, вонъ!..

Щурковъ.

Конечно, сударыня, средства мои не позволяютъ мнѣ быть хорошо одѣтымъ, но и въ несчастномъ положеніи я сохранилъ благородныя чувства. Конечно, благодѣтель мой въ такомъ видѣ, и отрекомендовали меня...

Настасья Климовна.

Ступай, ступай!

Щурковъ.

Позвольте мнѣ, какъ благородному человѣку, просить рюмку водки.

Настасья Климовна.

Да съ чего ты взялъ? Пришелъ въ чужой домъ незваный и непрошеный...

Щурковъ.

Въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ съ вами проститься.

Настасья Климовна.

Прощай, батюшка, ничего...

Амосовичъ.

Ступай, коли говорятъ, ступай... (Щурковъ подходитъ къ Настасьѣ Климовнѣ и протягиваетъ ей руку).

Настасья Климовна.

Это ты что еще выдумалъ?

Щурковъ.

Я уважаю васъ, какъ строгую женщину, а потому прошу позволенія поцѣловать вашу руку.

Настасья Климовна.

Нѣтъ, батюшка, мы отродясь такими дѣлами не занимаемся.

Щурковъ.

Какъ вамъ угодно-съ. Впрочемъ, если вамъ не будетъ составлять безпокойства, позвольте мнѣ рюмку водки.

Настасья Климовна.

Вонъ!

(Щурковъ медленно уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ-же безъ Щуркова.

Вихровъ (подымая голову).

А гдѣ мои гости? Давай намъ музыку. Аленка, валяй въ присядку.

Ты, Настасья, ты, Настасья,
Отворяй-ка ворота...

Настасья Климовна.

Опомнись, Иванъ Петровичъ...

Вихровъ.

Прочь! Гдѣ моя подруга жизни?

Настасья Климовна.

Досталось твоей подругѣ-то жизни; тебя-бы...

Вихровъ.

Меня? Не смѣй!.. Меня грабить!.. Я загулялъ; а меня грабить!.. Дарья Спиридоновна, я въ Марьину рощу попалъ, а за что они меня били? Деньги были мои... три тысячи серебромъ денегъ-то было... За что они меня били?..

Всѣ.

Кто-же тебя билъ-то?

Вихровъ.

Всѣ меня били!.. Тимошка, ты хочешь лошадь пропить, потому хозяинъ этого чувствовать не можетъ... Врешь!.. Меня ограбили!.. Меня ядомъ напоили, я помереть долженъ!.. Я пропащій человѣкъ! За что они меня били?.. Цыганка... она меня у... уду... удушить хотѣла!.. За что они меня били? (Опускаетъ голову на столъ).

Дарья Спиридоновна.

Должно быть, сестрица, и впрямь его опутали.

Настасья Климовна.

За что-же они его били-то?

Амосовичъ.

Такая ужъ компанія... пьющая!

Дарья Спиридоновна.

Да ничего, сестрица. Съ моимъ покойникомъ часто бывали такія оказіи-то. Пройдетъ!

НА ЯРМАРКѢ.

СЦЕНЫ ИЗЪ КУПЕЧЕСКАГО БЫТА

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Яковъ Савельичъ Наконечниковъ } купцы.
Илья Демьяновичъ Вострюковъ } купцы.
Половой.
Гитаристъ Петруха.
1-й купецъ.
2-й купецъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Трактирная зала. 1-й купецъ пьетъ чай; половой стоитъ почтительно.

Половой.

Да, ужъ времена не тѣ.

1-й купецъ.

Жидокъ народъ сталъ, и купечество все смѣшалось, такъ-что настоящихъ то и не видать совсѣмъ. Бывало въ ярмарку то отъ самой Москвы вплоть до Нижняго стонъ стоитъ. Купецъ то, бывало, всю душу выкладаетъ. На, говоритъ, смотри, какая она такая есть.

Половой.

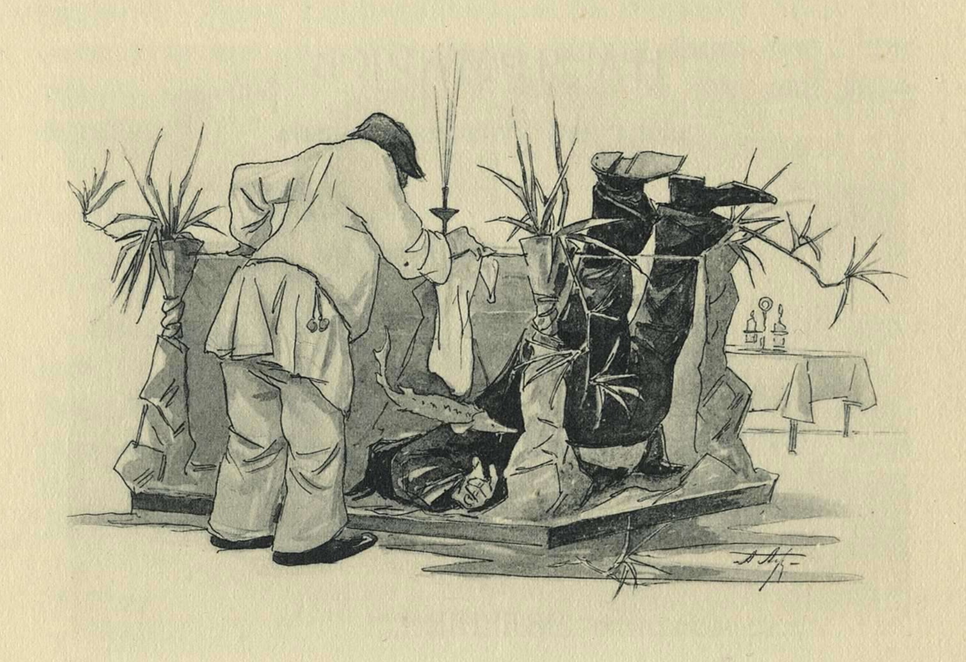
Много веселѣй было. Бывало, руки оттягиваетъ отъ откупорки, а теперь, помилуйте... какъ возможно! Пришелъ, ткнулъ рюмочку, другую, третью—и кончено.

1-й купецъ.

Бывало, ѣдешь въ ярмарку то, по дорогѣ тамъ лошадь замучена, тамъ лошадь замучена—значитъ, купецъ дѣйствовалъ. А на станціяхъ то нищая да калѣка всякая безрукая-безногая... Кормиться всѣ пришли, чувствуютъ, что купецъ ѣдетъ.

Половой.

Много народу кормилось.



ЯВЛЕНІЕ II.

2-й купецъ (входитъ).

А, и самъ материкъ подвалилъ. Давно ли?

1-й купецъ.

Вчерашняго числа. Садиться милости просимъ. Ну что наши? Иванъ Анисимычъ?

2-й купецъ.

Колесомъ ходитъ на разные фасоны. Вчера въ Кунавинѣ пухъ изъ подушекъ на улицу выпущали. Большое стеченіе публики было.

1-й купецъ.

А Прокофій Иванычъ?

2-й купецъ.

Два раза у себя въ палаткѣ монахомъ облачался. Изъ напитковъ больше лиссабонскаго придерживается; тепери бороду спалилъ—третій день не выходитъ. Вчера исторія случилась: какой-то сибирякъ въ трактирѣ въ акваріи утонулъ—стерлядей хотѣлъ полюбопытствовать. Утромъ смотрятъ — торчатъ его ноги купеческія. (Къ половому). Поди-ка, накрой въ отдѣльной. Пожалуйте. Еще наши подойдутъ (уходитъ).

Половой.

Слушаю-съ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Илья (входя).

А, наше вамъ-съ!

Половой.

Давно-ли изволили пожаловать?

Илья.

Прибыли въ сію столицу!.. Какъ-то ты насъ подчивать будешь?

Половой.

Чѣмъ прикажете просить?

Илья.

Да спервоначалу этимъ самымъ—какъ она у васъ прозывается... Полынная что-ли? Полынной графинчикъ!

Половой.

А закусить чѣмъ прикажете? Свѣженькой икорки, балычка...

Илья.

Что ты, что ты! Мы не первостатейные, изъ-за хлѣба

на квасъ торгуемъ, у насъ и касса-то вся въ голенищѣ. Сейчасъ чтобы селянку горячую, да проворнѣй!

Половой.

Слушаю-съ!

Илья.

А сорта есть на ярмаркѣ?

Половой.

Есть-съ.

Илья.

Хорошiе?

Половой.

Одобряютъ-съ. Съ Ирбитской компанiя арфистокъ. Цыгане курскiе... опять же эти пѣсенники московскiе съ дѣвицами. Хорошо поютъ-съ.

Илья.

А Петруха здѣсь?

Половой.

Безъ него ярмарка не бываетъ. Флаговъ безъ него поднять нельзя. Только прихварывать что-то сталъ.

Илья.

Попей съ его-то, такъ скрючитъ.

Половой.

А эта бѣлокуренькая—Катя-то... въ запрошломъ году на скрипкѣ-то играла...

Илья.

Ахъ, это та... (поетъ).

Хочешь любишь,
Хочешь нѣтъ,—
Ни копѣйки денегъ нѣтъ!

Половой.

Да-съ.

Илья.

Что-же?

Половой.

Несчастіе съ ней. Въ Лебедяни убили.

Илья.

Убили?! За что?

Половой.

Купецъ бушевалъ въ трактирѣ—бутылкой ее прикончилъ. Очення публика огорчается. Много спрашиваютъ. Такъ что гости которые ходить перестали. По нашему заведенію такая музыкантша большихъ денегъ стоитъ. Есть и теперь, да не тотъ сортъ... Привлекательности той нѣтъ.

Илья.

Хорошо дѣлала:

Хочешь любишь,
Хочешь нѣтъ,—
Ни копѣйки денегъ нѣтъ.

А какъ Спирю ходила?..

Ахъ, Спирюшка,
Спиридонушко!
Спиря въ Питерѣ бывалъ...

Никто такъ дѣйствоваться не можетъ. Искры изъ глазъ сыпала. Я помню, пьяный я разъ...

Половой.

Актриса превосходнѣйшая!

Илья.

Ну живо! Да тамъ въ залѣ ежели народъ есть знакомый—здѣсь, молъ, прибыли. Милости просимъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Яковъ (входитъ).

А, шаршавый, не нашей державы! Богъ еще твоимъ грѣхамъ терпитъ — не издохъ... Путаешься на бѣломъ свѣтѣ...

Половой.

Якову Савельичу!

Илья.

Яковъ Савельичъ, Катерину Петровну эту помните, арфистку-то... въ Лебедяни убили: купецъ бутылкой долбанулъ.

Яковъ.

Ну, теперь, значитъ, не мается. Жизнь ихняя тоже...

Илья.

Жалко! Помните...

Хочешь любишь,
Хочешь нѣтъ,—
Ни копѣйки денегъ нѣтъ.

Ну, давай живо! (Половой уходитъ).

Яковъ Савельичъ! Хоръ цыгановъ изъ Курска, московскіе пѣсенники съ дѣвицами, арфистки изъ Ирбита... Петруха гитаристъ... (Звонитъ). Дай афишу кіятральную. Ужъ нынче, Яковъ Савельичъ, по всѣмъ мѣстамъ. Тамъ дѣло дѣломъ, а что это удовольствіе надо... Я такъ полагаю: спервоначалу Петруху сюда, чтобы на дудкѣ распорядился. Хорошо, подлецъ, дѣйствуетъ, а тамъ, на гитарѣ чтобы сдѣлалъ. Вечеромъ въ кіятръ, а изъ кіятра куда поглуше. (Читаетъ афишу). Ночь въ замкѣ Жермона или Фамильный склепъ. Фельбертона въ цѣпяхъ. Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ и 8-ми картинахъ. (Вносятъ водку). Съ пріѣздомъ, Яковъ Савельичъ!

Яковъ.

Будьте здоровы, Иванъ Демьяновичъ, дай Богъ, чтобъ все благополучно... съ начатіемъ дѣла...

Илья (читаетъ).

Картина 1-я: Отравленный кинжалъ. Картина 2-я: Привидѣніе. Картина 3-я: Ядъ дѣйствуетъ. Картина 4-я: Она похищена.

Яковъ.

Кто?

Илья.

А эта, должно быть, самая. Тутъ такъ обозначено. (Читаетъ). Картина 5-я: Таинственные незнакомцы... Должно быть, чудесно. Всенепремѣнно надо идти. (Читаетъ). Въ заключеніе при полномъ освѣщеніи бенгальскаго огня... Наливайте, Яковъ Савельичъ. Супругъ нашихъ нѣтъ. Худаго ничего не дѣлаемъ и не дай Господь, а что времяпрепровожденіе чудесно... Напримѣръ, вчерашняго числа были выпивши въ полный серьезъ, а ничего-съ. Ежели опять придется—на доброе здоровье. Мнѣ докторъ сказывалъ: ежели, говоритъ, твоя натура выдерживаетъ—пей въ свое удовольствіе. Что-жъ, моя натура, слава тебѣ Господи. Ежели чтò—лежу себѣ смирно, въ потолокъ смотрю, пока не пройдетъ... Никого я не трогаю. Одно мое удовольствіе, чтобы по всему дому лампадки горѣли. Любезно!.. Ужъ этого дѣла не поправишь, ну и лежи. А это, Яковъ Савельичъ, удивительно, что я разъ на потолкѣ видѣлъ. Были мы на мининахъ у Ивана Максимыча. Ну, все честь честью, какъ быть слѣдуетъ. Сѣли за столъ. Ну, обыкновенно ветчина съ горошкомъ, все-прочее, осетрина съ хрѣномъ... все по порядку. Противъ меня сидѣлъ отецъ дьяконъ и наливаетъ мнѣ портфейну, настоящаго заграничнаго.—„Не вкушаю", говорю, „отецъ дьяконъ".—„А можетъ быть", говоритъ.—„Для васъ", говорю, „извольте, не суть важное дѣло". Бокальчикъ за бокальчикомъ... Къ концу-то ужина я ужъ дьякона не вижу, а только руку наливающую; да и думаю: рука его здѣсь, а самъ-то гдѣ отецъ дьяконъ? Какъ домой попалъ—не помню, жена говоритъ, дорогой охалъ немножко. Помню только: съ протоіереемъ по двѣ рябиновки, съ Иваномъ Максимовичемъ по три на звѣробоѣ, а тамъ и счетъ потерялъ. Не

могу сосчитать, да и кончено!.. Легъ, сударь ты мой, смотрю на потолокъ: лежитъ Герасимъ Николаичъ; говорю: „Вы?“—„Я“, говоритъ. Такъ явственно говорилъ: „Я“... и руками такъ...

(Петръ въ дверяхъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Петръ.

Именитымъ гражданамъ...

Илья.

Ручку, милый человѣкъ.

Петръ.

Съ прибытіемъ!

Яковъ.

Грабителю почтеніе. Я такъ понимаю, въ Сибири тебя давно дожидаются.

Петръ.

Мѣсто хорошее.

Яковъ.

Для вашего брата первое мѣсто.

Петръ.

Мы нигдѣ не пропадемъ.

Яковъ.

Ахъ ты каторжный! Прикладывайся—стòитъ.

Петръ (пьетъ).

Съ пріѣздомъ! Вотъ вы изволите все браниться, а нашего мѣста обойти вамъ невозможно. Актеровъ сколько теперича понаѣхало. А мы живемъ, слава тебѣ Господи, лучше требовать нельзя. Дѣйствительно, актеры эти кричатъ шибко, а складу настоящаго нѣтъ. Публика очень обижается. Опять и игра у нихъ не смѣшна...

Илья

На дудкѣ можешь?

Петръ.

Съ великимъ удовольствіемъ. Для такихъ дорогихъ гостей все возможно; дѣйствительно, отъ хозяина намъ запретъ, чтобъ въ номерахъ не играть, потому что гость черезъ это балуется: другой позоветъ въ номеръ, да бокаликъ хересу, пѣсни три прослушаетъ. Хозяину это не выгодно. Изъ Фауста прикажете?

Илья.

Знаемъ. Въ балаганѣ куклы этого Фауста представляли. Видали...

Илья (въ томленіи).

Яковъ Савельичъ! Вотъ бы теперь гдѣ нибудь въ рощѣ съ любимой женщиной бутылочку хереску выпить. Лестно! Подъ музыку... Хорошо!.. Ну на гитарѣ.

(Петръ играетъ).

Яковъ (воодушевляясь).

Дѣлай, дѣлай!.. Ухъ!.. На зелененькую... на всю!..

Зятюшка-батюшка,
Что я тебѣ сдѣлала?

Подсинимъ! Катай, катай!.. Перемѣни посуду, оглашенный! Что ты, какъ статуй, стоишь? Мадеры давай!..

Во лѣсу было, лѣсу,
Во двѣнадцатомъ часу...

Старайся, отъ насъ забытъ не будешь!

Илья.

Тротуаромъ стороной
Ходи, милый, Богъ съ тобой...

Половой.

Дебошъ въ залѣ про между купечества.

Илья.

Дебошъ? Гдѣ дебошъ?

Половой.

Дѣло изъ-за пустова вышло.

Илья.

Мирить надо?

Половой.

Мирить невозможно, очень ужъ разошлись: ушибутъ.

(Петръ играетъ. Купцы пляшутъ).

САМОДУРЪ.

КАРТИНЫ ИЗЪ КУПЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Данило Григорьичъ Балясниковъ, купецъ 50 лѣтъ.
Матрена Панкратьевна, его жена.
Даша, ихъ дочь.
Татьяна Матвѣевна, жена ихъ сына.
Бабушка, мать Балясникова.
Егорушка } племянники Балясникова.
Луша }
Абрамъ Васильевичъ, бывшій главный прикащикъ.
Зоя Евграфовна, мѣщанка, другъ дома Балясниковыхъ.
Иванъ Прохоровъ, прикащикъ.
Сергѣй Ильичъ.
Петръ Савичъ Разсыпной.
Калинъ Власовъ, подрядчикъ.
Маіоръ Карташевъ.
Кухарка въ домѣ Балясниковыхъ.
Подруги Даши, дѣвушки, гости разнаго званія, оффиціанты.

Дѣйствіе происходитъ въ домѣ Балясникова.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

На сценѣ—гостиная.

ЯВЛЕНІЕ I.

Зоя Евграфовна (отворяетъ двери).

Можно грѣшной душѣ въ рай войти? Здравствуй, Авдотья Алексѣевна! (цѣлуется). Здравствуй, красавица ты моя! (цѣлуется). Вѣрно, ужъ не ждали меня—не чаяли.

Авдотья.

Съ диву мы дались, куда ты только это запропала.

Зоя Евграфовна.

Въ Кіевѣ, голубушка моя, была, въ Кіевѣ. Невступно два года путешествовала. Ну, ужъ, матушка, сподобилась! Этакого, можно сказать, благолѣпія...

Авдотья.

То-то не видать тебя было. А у насъ безъ тебя тутъ...

Зоя Евграфовна.

Что?

Авдотья.

И!.. Хуже чего быть нельзя... все въ разсыпную пошло! При тебѣ мы Семена-то Данилыча женили, аль нѣтъ? Нѣтъ, тебя ужъ не было.

Зоя Евграфовна.

Безъ меня, матушка, безъ меня.

Авдотья.

Ну, вотъ, голубка, женили мы его; годикъ онъ пожилъ у насъ съ молодой-то супругой, да убѣгъ... Не втерпежъ вишь ей жить стало. Да оно и правда: не всякая можетъ по здѣшнему безобразію, надо дѣло говорить.

Зоя Евграфовна.

Батюшки!

Авдотья.

Да, къ матери его и увела, теперича у тещи живутъ. И прежде у насъ въ домѣ каранболь былъ, а теперь хошь святыхъ вонъ понеси.

Зоя Евграфовна.

Вотъ такъ оказія!

Авдотья.

Самъ-то лютѣй волка сталъ! День-деньской ходитъ, не знаетъ—на комъ зло сорвать. Кабы Егорушки не было, бѣда бы намъ всѣмъ пришла; тотъ хоть своими боками отдувается, до полусмерти парня заколотилъ.

Зоя Евграфовна.

Кто это Егорушка?

Авдотья.

А сиротка тутъ у насъ живетъ, племянникъ, покойника Пантелѣя Григорьича — братъ нашему-то будетъ — сыночикъ.

Зоя Евграфовна.

Знаю, матушка, знаю; я къ покойнику-то хаживала. Вѣдь у него и дочка еще была.

Авдотья.

Лушенька. И та у насъ. Мать крестная въ пансіонъ ее къ мадамѣ отдавала на выучку. Только, матушка ты моя, померла она, а Данила Григорьевичъ денегъ не захотѣлъ платить, ее оттедова назадъ къ намъ и оборотили. Эдакая-то раскрасавица, эдакая-то ангельская душа!

Зоя Евграфовна.

И покойникъ-то былъ: эдакого, кажется, добраго человѣка...

Авдотья.

А какъ ему, голубушка, помирать-то не хотѣлось, какъ онъ плакалъ-то!.. Дѣтокъ-то ему жалко было. — „Братъ!“ нашему-то говоритъ: „коли Богъ меня приберетъ, не бросай моихъ сироточекъ“. А тотъ: „видишь“, говоритъ, „Владычицу? Хошь со стѣны сниму ее, матушку? Все одно: твои дѣти—мои дѣти. Съ мѣста мнѣ не сойти!“ А покойникъ-то залился слезами: „ну, говоритъ, дѣтушки, почитайте дядю все одно — меня“. А ужъ какая, матушка, у насъ жизнь, какая мука-то мучинская!..

Зоя Евграфовна.

Говорили тогда, что самъ послѣ покойника-то попользовался.

Авдотья.

Было! Съ приказчикомъ своимъ, Абрамомъ Васильичемъ, они всѣ дѣла обдѣлали, ни синя пороха малолѣтнимъ-то не оставили. Много грѣха на ихней душѣ, много, голубушка, ахъ, много! Да то ли еще у насъ, какъ тебѣ разсказать... Вѣдь у насъ скоро сватьба.

Зоя Евграфовна.

Сватьба?!

Авдотья.

Какъ же, матушка, сватьба. Ерцогиню свою мы за маіора просватали.

Зоя Евграфовна.

Да полно!

Авдотья.

Какъ есть маіоръ... значительный.

Зоя Евграфовна.

Вотъ громъ-то гремитъ не изъ тучи! Скажите, пожалуйтса!

Авдотья.

Теперь ты насъ голыми-то руками не хватай!

(За сценой голосъ Матрены Панкратьевны).

Гдѣ Егорушко? Пошли его хозяину.

Авдотья.

Они, матушка, съ Володей ушли подъ Симоновъ синицъ ловить; домой, говорили, ближе вечера не потрафятъ. Да ужъ теперь скоро и вечерни. Ты погляди-ко, Матрена Панкратьевна, кто у насъ-то...

(За сценой голосъ Матрены Панкратьевны).

Кто тамъ такое?

Авдотья.

Пропащая пришла!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же и Матрена Панкратьевна.

Матрена Панкратьевна (входя).

Ахъ, ты, Господи Боже мой! Вотъ кому не пропасть-то!

Зоя Евграфовна.

Именно ужъ, ангелъ мой, Матрена Панкратьевна (цѣлуется). Богъ милости вамъ прислалъ... всѣмъ вамъ и вашему семейству, ангелы вы мои! (плачетъ). Вѣдь эдакіе вы, Матрена Панкратьевна, ей Богу!.. Точно въ святое мѣсто придешь къ вамъ... Пошли вамъ Господи... (цѣлуетъ въ плечо).

Матрена Панкратьевна.

Откуда притрепала?

Зоя Евграфовна.

Душу свою грѣшную, ангелъ мой, Матрена Панкратьевна, соблюдала... изъ Кіева.

Матрена Панкратьевна.

Плохо, знать, ты молилась объ насъ!

Зоя Евграфовна.

Да за кого-же мнѣ больше молиться, голубь вы мой! Кого больше благодарить-то, матушка! Въ печь огненную велите броситься — брошусь! Вотъ какъ я васъ, можно сказать, почитаю. Я вамъ правду говорю, Матрена Панкратьевна: мнѣ душа нужна, не продамъ своей души!

Матрена Панкратьевна.

Горе-то у насъ какое, слышала?

Зоя Евграфовна.

Нѣтъ, голубь мой, а что?

Матрена Панкратьевна.

Какъ-же, матушка, вся Москва про нашъ срамъ знаетъ?

Зоя Евграфовна.

Да что вы говорите?

Матрена Панкратьевна.

Семенушку-то мы женили, а онъ отъ насъ и сбѣжалъ.

Зоя Евграфовна.

Ахъ!

Матрена Панкратьевна.

Да, вотъ ты и подумай, каково въ нынѣшнемъ свѣтѣ родителямъ-то!

Зоя Евграфовна.

Истинно, можно сказать, искушеніе вамъ Господь посылаетъ.

Матрена Панкратьевна.

Я его и не виню, потому, ему Богъ понятія не далъ: все женушка его, она все...

Зоя Евграфовна.

Откуда вы, Матрена Панкратьевна, такую сокровищу выкопали?

Матрена Панкратьевна.

Богатая, матушка, съ деньгами, только ужъ такая-то идолъ, такая-то огневая баба, словно не изъ купеческаго рода.

Зоя Евграфовна.

Изъ чего, голубушка, дѣло вышло?

Матрена Панкратьевна.

Самъ-то былъ не въ духѣ, драка у нихъ что-ли была, не умѣю сказать. Сѣли ужинать, а она, матушка, и надулась: не пьетъ, не ѣстъ, словно ночь темная сидитъ. Данило Григорьичъ косился, косился, да какъ крикнетъ: „что ты, говоритъ, словно на менинахъ сидишь?“ Да на Семенушку: „чему ты, дуралей, свою жену учишь?“ Она какъ вскочитъ! И пошла, и пошла!—„Я“, говоритъ, „не такого воспитанія, чтобы надо мной командовали, да помыкали мной. Я, говоритъ, свой капиталъ имѣю.“ Тотъ, послѣ этихъ словъ, какъ вскинется на нее: „кто, говоритъ, смѣетъ въ моемъ домѣ такъ со мною разговаривать!“ Ну, разъ и ударилъ, не то чтобы шибко, а такъ, для острастки. Та, матушка, ни слова, посоловѣла вся, словно каменная сдѣлалась, пошла и заперлась въ спальнѣ. Ну ужъ, Данило Григорьичъ, да при своемъ-то характерѣ... мы думали, что и живы не останёмся. Утромъ встали, хвать, анъ ихъ и слѣдъ простылъ.

Зоя Евграфовна.

Да что-жъ это такое? Да какъ же это возможно?

Матрена Панкратьевна.

И не знаю, что теперь будетъ. Весь родъ нашъ острамила. Самъ-то ходитъ, да поѣдомъ всѣхъ ѣстъ. А кто виноватъ? Спьяну женилъ парня-то, ей-Богу, и со мной не посовѣтовался. А теперь, говоритъ, брошу все да въ Америку уѣду.

Зоя Евграфовна.

Въ Америку?

Матрена Панкратьевна.

Въ Америку, матушка, какую-то... Кто его знаетъ, что ему на умъ придетъ.

Зоя Евграфовна.

Ну, а Дмитрій-то Данилычъ?

Матрена Панкратьевна.

О, матушка, Дмитрій Данилычъ такихъ бѣдъ настряпалъ, такихъ чудесъ натворилъ... Какъ же матушка, въ газетахъ распечатали! Поѣхалъ онъ, отецъ послалъ въ чужіе края по машинной части. На разные-то языки онъ не умѣетъ, переводчика, жиденка какого-то куцаго, нанялъ, по Москвѣ безъ дѣла шлялся. Ну, вотъ, матушка ты моя, пріѣхали они въ какой-то городъ нѣмецкій, а тамъ для короля ихняго, али прынецъ онъ што-ли какой, фѐверики приготовили. У Дмитрія-то Данилыча въ головѣ-то должно быть было: „зажигай, говоритъ, скорѣй". А тамъ и говорятъ: „погодите, почтенный, когда прынецъ пріѣдетъ". — „Я, говоритъ, московскій купецъ, за все плачу". Тѣ, голубушка, заглядѣлись, а онъ цыгарку туда, въ фѐверку-то, и сунулъ, — такъ все и занялось! Самъ ужъ просьбу подалъ, чтобы по этапу его оттеда сюда предоставили. Да какъ поѣхалъ-то, изъ выручки хватилъ; стали лавку-то считать...

ЯВЛЕНІЕ III.

Выходитъ Егорушка.

Матрена Панкратьевна.

Что ты шляешься безъ пути?

Егоръ.

Что-жъ, я мѣшаю что-ли кому?

Матрена Панкратьевна.

Какъ ты это можешь говорить мнѣ! Пошелъ сейчасъ къ хозяину, ищетъ тебя. (Егоръ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ-же безъ Егорушки.

Зоя Евграфовна.

Что, Матрена Панкратьевна, на какомъ онъ у васъ положеніи?

Матрена Панкратьевна.

Какое его положеніе! Голубей гоняетъ... Да вотъ, пить обучился; мальчишка молодой, присмотрѣть-то некому — и пьетъ. На фабрику посылали, — фабрика у насъ подъ Троицой: пристращали его тамъ, а онъ, со злости, въ озеро бросился... на силу раздѣлались.

Зоя Евграфовна.

Ну, Матрена Панкратьевна, истинная вы, ангелъ мой, страдалица. Именно ужъ Богъ... (Плачетъ).

Матрена Панкратьевна.

Самъ, никакъ, идетъ (встаетъ). Пойдемъ отсюда; можетъ, не въ духѣ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ-же, Данила Григорьичъ и Абрамъ Васильичъ.

Данила Григорьичъ.

А, живая душа!

Зоя Евграфовна.

Здравствуйте, батюшка Данила Григорьичъ! Богъ вамъ милости прислалъ (цѣлуетъ въ плечо).

Данила Григорьичъ (обращаясь къ Абраму Васильичу).

Ступай съ Богомъ, ступай.

Матрена Панкратьевна.

Шелъ-бы лучше, старикъ, домой, что толчешься-то тутъ? Помогали вамъ — будетъ. Что у насъ богадѣльня, что-ль?

Абрамъ Васильичъ.

Матушка, Матрена Панкратьевна, вы дѣловъ нашихъ не знаете. У насъ большія дѣла были.

Матрена Панкратьевна.

Не знаю я твоихъ дѣловъ, а что надоѣлъ ты намъ хуже горькой полыни. Пойдемъ, Евграфовна. (Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Данила Григорьичъ и Абрамъ Васильичъ.

Абрамъ Васильичъ.

Съ малыхъ лѣтъ въ вашемъ домѣ... старался ужъ, кажется... душу свою положилъ.

Данила Григорьичъ.

Вѣрю, братецъ, я вѣрю.

Абрамъ Васильичъ.

И радъ бы работать — зрѣнія нѣтъ, наказалъ меня Богъ.

Данила Григорьичъ.

Абрамъ Васильевъ, ты меня, кажется, долженъ знать: я сказалъ...

Абрамъ Васильичъ.

Батюшка, Данила Григорьичъ, что-же мнѣ дѣлать-то съ малыми-то дѣтьми? Отецъ родной... хоть для нихъ-то. Надѣть нечего. Не для себя я прошу. Самъ я буду терпѣть, такъ мнѣ и надо. Еще мало мнѣ наказанія; можетъ, больше Богъ пошлетъ. Для дѣтей, батюшка, для ребятъ малыхъ. Богу за тебя помолятъ. Вѣдь я по улицѣ хожу— милостыньку прошу (плачетъ). Вѣдь меня за это два раза въ часть на веревкѣ водили!

Данила Григорьичъ.

По теперешнимъ временамъ ничего не могу.

Абрамъ Васильичъ.

Голубчикъ, съ голоду помираютъ. Жену въ больницу положилъ, другой годъ, голубушка, мается. Вѣдь за грѣхи за мои. А грѣхи-то я для кого дѣлалъ? Взгляни-ка на Бога-то?

Данила Григорьичъ.

Что-жъ, тебѣ легче, что-ли, отъ этого будетъ?

Абрамъ Васильичъ.

Можетъ совѣсть тебя зазритъ, можетъ ты очуствуешься. Вспомни-ка, что я для тебя сдѣлалъ! Что я сдѣлалъ-то для тебя! Вѣдь я отъ этого ослѣпъ, зрѣніе у меня Богъ за это отнялъ. Не одна сотня, можетъ быть, изъ-за моихъ дѣловъ по Москвѣ по міру ходитъ. А для кого я старался-то?

Данила Григорьичъ.

Ты, братецъ, въ грѣхѣ, ты и въ отвѣтѣ.

Абрамъ Васильичъ.

Да грѣхъ-то нашъ одинъ и дѣла-то наши одни... Фабрику-то сожгли...

Данила Григорьичъ.

Кто жегъ-то?

Абрамъ Васильичъ.

Я жегъ! Для тебя это я! Какъ собака я тебѣ преданъ былъ.

Данила Григорьичъ.

Ты вотъ что: ты старыхъ дѣловъ не трогай. Ныньче не тѣ порядки. Ныньче вашего брата, кляузника, сотнями на каторгу гонятъ. Пора отъ васъ Москву очистить. Туда улетишь...

Абрамъ Васильичъ.

Нѣтъ, ужъ если летѣть, такъ полетимъ вмѣстѣ, врозь намъ съ тобой невозможно. Свидѣтели-то которые живы, по трактирамъ ихъ разыскать можно, да и наслѣдники-то...

(Егорушка показывается въ дверахъ).

Данила Григорьичъ.

Что ты шляешься!.. (Егорушка скрывается). Понимаю! Это ты насчетъ... Это дѣло темное.

Абрамъ Васильичъ.

Высвѣтлютъ, свѣтло будетъ.

Данила Григорьичъ.

Что-жъ ты, слѣпой чортъ, пугать меня пришелъ что-ли?

Абрамъ Васильичъ.

Кто тебя теперича съ твоимъ капиталомъ испугаетъ? Кого ты испугаешься? Дѣло сдѣлано: душу мы съ тобой продали, наслѣдниковъ ограбили, концы схоронили. Работа наша чистая! Малымъ дѣтямъ моимъ помоги: ни въ чемъ они не повинны.

Данила Григорьичъ.

Сказано и сдѣлано.

Абрамъ Васильичъ.

Ну, человѣкъ! Господи! Правъ твой судъ надо мною. Сказано: зубы грѣшниковъ сокрушу. Сокруши меня, Господи! сокруши меня за мои дѣла неправыя. Кирюша! (входитъ мальчикъ). Пойдемъ, батюшка. (Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Данила Григорьичъ одинъ.

Ишь ты, подхалимъ какой! Смиреніе напустилъ! Пользовался, — будетъ. Бывало, сундукъ трещитъ, успѣвай только для него деньги подкладывать. Знаемъ мы тебя, выжигу: очення намъ хорошо всѣ твои дѣла извѣстны. Да-съ! Ишь, лазаря поетъ: другой какой, можетъ, и повѣритъ. Не въ тѣ ворота ходите, напротивъ пожалуйте, тамъ подаютъ, а у насъ всѣ живы. Да-съ! (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Даша, Бабушка, Егорушка и Дѣвушки.

1-я дѣвушка.

Сейчасъ Сергѣй Ильичъ мимо насъ въ коляскѣ пролетѣлъ... Сидитъ такъ важно.

Даша.

Его танцмейстеръ училъ.

Егорушка.

Въ коляскѣ-то сидѣть? (Смѣется).

Даша.

Что-жъ ты смѣешься?

Егорушка.

Чему-жъ тутъ учиться?

Даша.

Что съ тобой, дуракомъ, говорить? ты развѣ что понимаешь?

Егорушка.

Ты много понимаешь!

Даша.

Ну, можешь-ли ты въ коляскѣ проѣхать, чтобы не смѣшно было?

Егорушка.

Я лучше его проѣду. (Всѣ смѣются). Онъ глаза-то какъ-то выворотитъ, руки растопыритъ, словно его казнить везутъ.

Даша.

Егорка, пошелъ вонъ!

Егорушка.

Что-жъ тебѣ мѣста мало, что-ли?

Даша.

Мѣста много, а потому что ты невѣжа, не знаешь обращенія.

Егорушка.

О!

Даша.

Егорка, ты не груби! Знаешь, что тебѣ за это?

Егорушка.

Ухъ, какъ страшно!

2-я дѣвушка.

Егорушка, вамъ бы жениться пора. (Егоръ ухмыляется). Право! Что вы не женитесь?

Егорушка.

Еще невѣста не выросла.

2-я дѣвушка.

А когда выростетъ, вы не прочь?

Егорушка.

Что-жъ, извѣстно.

1-я дѣвушка.

Женитесь на мнѣ. (Егоръ хохочетъ). Чему-же вы смѣетесь?

Егорушка.

Да какъ-же такъ сразу...

1-я дѣвушка.

Мы бы съ вами въ паркъ въ коляскѣ поѣхали.

2-я дѣвушка.

Вотъ опять Сергѣй Ильичъ ѣдетъ. (Всѣ смотрятъ въ окно).

Егорушка.

Стрюцкой!

Даша.

Егорка, разозлишь ты меня... смотри!

Егорушка.

Ну, Богъ съ тобой, не буду (идетъ).

2-я дѣвушка.

Куда же вы идете изъ нашей компаніи? Значитъ, вамъ съ нами непріятно?

Егорушка.

Нѣтъ, ничего, да надо голубямъ корму задать.

1-я дѣвушка.

Стало быть, вы барышенъ на голубей хотите промѣнять! Хорошъ кавалеръ!

Егорушка.

Да вѣдь голуби-то что дѣвицы — тоже ѣсть хотятъ (уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ-же безъ Егорушки.

1-я дѣвушка.

Какой онъ у васъ чудной!

Даша.

На него находитъ. Бываетъ, что онъ по три дня не говоритъ ни съ кѣмъ.

Бабушка.

Били его больно махонькаго-то. Столько этотъ парень побой принялъ,—какъ еще онъ живъ-то! Бывало, Данило Григорьичъ, выпивши когда, начнетъ на немъ зло срывать—парень почернѣетъ весь. Разъ до смерти было убилъ, за попомъ посылали, причащали и исповѣдывали.

2-я дѣвущка.

Сирота вѣдь онъ?

Даша.

Онъ намъ двоюродный братъ (молчаніе).

1-я дѣвушка.

Мы зимой Еруслана и Людмилу въ театрѣ видѣли: какъ отлично разыгрываютъ, какъ танцуютъ!

Бабушка.

Заиграешь, матушка, затанцуешь, какъ жрать-то нечего. Куда только душу-то свою уготоваютъ.

2-я дѣвушка.

Да вѣдь въ этомъ, бабушка, грѣха нѣтъ.

Бабушка.

Почитай въ умныхъ книжкахъ, что тамъ про это. Почитай-ка, да чтобы съ чувствомъ, такъ узнаешь. Намедни

Володя читалъ эту книжку, да послѣ сталъ у воротъ, да всякому, кто ни пройдетъ—мужикъ-ли, баринъ-ли, всѣмъ въ ноги кланялся, плачѐтъ да кланяется: „простите, говоритъ, меня окаяннаго“.

1-я дѣвушка.

Зачѣмъ-же онъ въ ноги кланялся?

Бабушка.

Книжка ужъ такая. „Все“, говоритъ, „Ѳекла Герасимовна, мое сердце растопилось“. Ужъ и я-то, на его глядя, наплакалась.

1-я дѣвушка.

А кто это Володя?

Бабушка.

Старичокъ тутъ у насъ... Почетный гражданинъ, потомственный, большой капиталъ имѣлъ, только разумомъ помутился; въ ямѣ онъ долго сидѣлъ,— отъ этого, говорятъ.

Даша.

Да полноте! Это онъ отъ бѣлой горячки. Докторъ сказалъ, что у него бѣлая горячка, онъ все и безобразничаетъ.

Бабушка.

А блаженные-то люди...

ЯВЛЕНІЕ X.

Кухарка (въ попыхахъ).

Барышня! Татьяна Матвѣевна пріѣхала! Ѳекла Герасимовна, упреди ты ее, матушка! Данила-то Григорьичъ еще не уѣхалъ.

(За сценой голосъ Матрены Панкратьевны).

Батюшка, Данила Григорьичъ, не убей ты ее!

Кухарка.

Ну, на самого, знать, наткнулась.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Данила Григорьичъ и Татьяна Матвѣевна.

Матрена Панкратьевна.

Батюшка!

Данила Григорьичъ.

Вонъ всѣ отсюда!

Бабушка.

Полно, батька, что съ тобой!

Данила Григорьичъ.

Маменька, я себя понимаю! Кто я и что я—очення я это хорошо знаю. Это до васъ не касающее.

Бабушка (къ Татьянѣ Матвѣевнѣ).

Покорись, матка:—нехорошо, грѣхъ.

Данила Григорьичъ.

Подите всѣ вонъ. (Всѣ уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Данила Григорьичъ.

Такъ вы вотъ какъ! Ловко! Что-жъ мнѣ теперича... Что долженъ дѣлать? Убить, напримѣръ, тебя, такъ ты этого не стоишь...

Татьяна Матвѣевна.

Убить вамъ меня не за что.

Данила Григорьичъ.

Гм! Я такъ понимаю: когда ежели я съ кѣмъ говорю, стоять долженъ такой человѣкъ передо мною.

Татьяна Матвѣевна.

Я женщина.

Данила Григорьичъ.

Ты-то? Развѣ есть тебѣ какое званіе окромя...

Татьяна Матвѣевна.

Я къ вамъ пришла не ссориться, я пришла къ вамъ за дѣломъ.

Данила Григорьичъ.

А я полагалъ за другимъ чѣмъ. Я полагалъ: ежели меня кто острамилъ...

Татьяна Матвѣевна.

Никто васъ не срамилъ.

Данила Григорьичъ.

Кто ежели меня на всю Москву ославилъ...

Татьяна Матвѣевна.

Что вы кричите!

Данила Григорьичъ.

Ты мнѣ не смѣй указывать! Что ты меня учить что-ли пришла?

Татьяна Матвѣевна.

Я пришла къ вамъ за дѣломъ, а вы не хотите меня слушать.

Данила Григорьичъ.

Какія промежду насъ могутъ быть дѣла? Я васъ знать не знаю! Ежели вы, теперича, умнѣй меня стали, значитъ мнѣ до васъ дѣла нѣтъ. Ступайте на всѣ четыре стороны. Промежду нами все кончено! А съ Сенькой мы разсчитаемся. Я ему покажу!

Татьяна Матвѣевна.

Да онъ ни въ чемъ не виноватъ.

Данила Григорьичъ.

Дѣло понятное! Гдѣ ему, дураку, такое колѣно выдумать! Знаемъ, что ты эту статью обработала.

Татьяна Матвѣевна.

Да, я.

Данила Григорьичъ.

Ну, такъ и проваливай, никто тебя за хвостъ не держитъ. Наше вамъ-съ! А за непочтеніе родительское мы съ нимъ раздѣлаемся.

Татьяна Матвѣевна.

Я пойду, только отдайте мои деньги.

Данила Григорьичъ.

Какія деньги?

Татьяна Матвѣевна.

У васъ мои деньги.

Данила Григорьичъ.

Что ты очумѣла что-ль? Какъ воры какіе изъ дому родительскаго ушли... вѣдь вы воры!..

Татьяна Матвѣевна.

Не обижайте меня, Данила Григорьичъ.

Данила Григорьичъ.

Ушли, напримѣръ...

Татьяна Матвѣевна.

Я ушла потому, что жить у васъ невозможно.

Данила Григорьичъ.

Да, безобразничать нельзя. Этого я не люблю. Дѣйствительно, вамъ жить у меня дѣло неподходящее, на слободѣ вамъ лучше. Ежели теперича со стороны кто послушаетъ: взяли ее въ домъ, можно сказать, какъ дочь, а она сейчасъ завела разстройство, сына напротивъ отца научила, благо дуракъ, и за это самое чтобъ ей денегъ! Ты очумѣла, братъ.

Татьяна Матвѣевна.

Я вашихъ не прошу, я хочу получить свои.

Данила Григорьичъ.

Да я у тебя бралъ?

Татьяна Матвѣевна.

Да я вамъ на другой день послѣ сватьбы своими руками отдала деньги, которыя мнѣ бабушка подарила.

Данила Григорьичъ.

А свидѣтели у тебя есть?

Татьяна Матвѣевна.

Какъ свидѣтели, зачѣмъ свидѣтели? Я при мужѣ вамъ отдала.

Данила Григорьичъ.

А развѣ можетъ ему довѣріе быть, если онъ напримѣръ, отъ отца своего убѣжалъ?

Татьяна Матвѣевна.

Данила Григорьичъ!

Данила Григорьичъ.

И ежели я вамъ въ своемъ домѣ все скопировалъ, напримѣръ, въ лучшемъ видѣ.

Татьяна Матвѣевна.

Послушайте!

Данила Григорьичъ.

Слушать мнѣ тебя нечего, потому какъ ты есть пустая баба, и разговаривать я съ тобой не согласенъ.

Татьяна Матвѣевна.

Что-же это такое?

Данила Григорьичъ.

Ничего! Ступай откуда пришла. Мужъ хоша и дуракъ, а умнѣе тебя, чувствуетъ свою провинность — не лѣзетъ, а ты лѣзешь—значитъ, ты пустая баба и есть.

Татьяна Матвѣевна.

Да вѣдь нельзя-же такъ, Данила Григорьичъ!

Данила Григорьичъ.

Денегъ нѣтъ.

Татьяна Матвѣевна.

Маменька знаетъ, что деньги вамъ отданы.

Данила Григорьичъ.

Нѣтъ у меня денегъ никакихъ. Ступай откуда пришла.

Татьяна Матвѣевна.

Я не знаю... Какъ-же это такъ? Я попрошу дяденьку Артемья Сергѣича. Я его къ вамъ пришлю.

Данила Григорьичъ.

Да, присылай, да только поскорѣе, а то его въ яму посадятъ: пожалуй, не успѣешь. Покуда на слободѣ-то, пусть придетъ, провѣтрится, ему это въ пользу. А этому бѣлогубому-то, мужу-то своему, скажи, чтобы онъ мнѣ и на глаза не попадался.

Татьяна Матвѣевна.

Прощайте.

Данила Григорьичъ.

Да и матери-то своей скажи: стыдно ей на старости лѣтъ. Чѣмъ лясы-то точить со странниками-то, она-бы лучше тебя добру учила.

Татьяна Матвѣевна.

Маменька дурному меня не учитъ.

Данила Григорьичъ.

Дѣло это на виду, чему она тебя обучила-то.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ-же и Матрена Панкратьевна.

Матрена Панкратьевна.

Другая-бы хорошая баба, на твоемъ мѣстѣ, въ ногахъ досыта навалялась, а ты фыркаешь.

Данила Григорьичъ.

Пусть поломается, ничего. За деньгами пришла. Ты это какъ понимаешь?

Матрена Панкратьевна.

Какія деньги, безстыдница! Какія твои деньги? Даромъ что-ли васъ съ мужемъ-то...

Татьяна Матвѣвна.

Прощайте. (Поспѣшно уходитъ).

Матрена Панкратьевна.

Полно ботвить-то! Ужли ты взаправду... Тьфу тебѣ... Чтобы и духу твоего здѣсь не было! Да вотъ, Данила Григорьичъ, воля твоя, а съ Егоркой сладу нѣтъ. Вчера напился, да съ фабричными сталъ въ присядку плясать.

Данила Григорьичъ.

А вотъ послѣ сватьбы его на фабрику, а Лукерью замужъ.

Матрена Панкратьевна.

Что-жъ на фабрику: опять уйдетъ. Теперича въ кухнѣ какими-то деньгами похваляется; у меня, говоритъ, скоро свой капиталъ будетъ.

Данила Григорьичъ.

Какой капиталъ?

Матрена Панкратьевна.

Кто его знаетъ, какія его рѣчи. Пригрози ты ему, чтобъ не болталъ пустаго. Народу у насъ всякаго много. (Подходитъ къ двери). Кликните энтого оглашеннаго-то.

Данила Григорьичъ.

Это ужь, напримѣръ, день такой вышелъ, всѣ меня разстроиваютъ. Словно сговорились всѣ.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ-же и Егорушка.

Данила Григорьичъ (становится въ важную позу).

Ты кто такой? (Егоръ молчитъ). Я тебя спрашиваю: что ты за человѣкъ?

Егорушка.

Что-жъ, человѣкъ, обнаковенно.

Матрена Панкратьевна.

Какой такой у тебя капиталъ? (Егорушка улыбается). Что зубы-то скалишь? Покажи, коли есть. (Молчаніе). Отодрать-бы тебя хорошенько, чтобъ не болталъ зря.

Данила Григорьичъ.

Егоръ, ты меня знаешь. Ты знаешь, что я, ежели кто пустыя слова какія говоритъ...

Матрена Панкратьевна.

Абрамка что-ли тебя...

Данила Григорьичъ.

Молчи! (Подходитъ близко къ Егорушкѣ). Про какія, значитъ, ты это деньги говорилъ?

Егорушка.

Что-жъ, бей!

Матрена Панкратьевна.

Экая эхида мальчишка!

Егорушка.

Бей! ну!

Матрена Панкратьевна.

Вотъ злющій-то!

Данила Григорьичъ.

Съ кѣмъ ты это такъ говоришь?

Егорушка.

Съ тобой говорю. Ну!

Данила Григорьичъ.

А я кто такой?

Егорушка.

Воръ! (Прыгаетъ въ окно).

Матрена Панкратьевна.

Батюшки! Опять, пожалуй, утопится!

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Зала, убранная для бала.

ЯВЛЕНІЕ I.

Алешка и официантъ.

Алешка.

Вчера нашего хозяина судили... при всей публикѣ! Что страму было! Всѣ медали надѣвалъ, думалъ, страшно будетъ.

Официантъ.

Засудили?

Алешка.

Само собой! Потому, у Татьяны Матвѣвны деньги зажилилъ, и сейчасъ всѣ отдать велѣно. Какъ сталъ онъ тамъ говорить, такъ публика вся и покатилась со смѣху, словно въ кіатрѣ. Разозлился, борода распушилась!.. Пріѣхалъ домой — ужь онъ меня лупилъ, лупилъ, за то, что я на его срамъ глядѣть ходилъ. Я, говоритъ, тебя живаго въ гробъ заколочу... Невозможно!.. (Хохочетъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Данила Григорьичъ и Иванъ Прохоровъ.

Данила Григорьичъ.

Скажи ему: хоша окружной судъ и засудилъ меня, но что, молъ, это неправильно, и денегъ я ей не отдамъ. И какъ, напримѣръ, теперича у меня сватьба...

Иванъ Прохоровъ.

Онъ говоритъ, коли ежели хозяинъ платить не хочетъ, такъ на воротахъ объявленіе прибьютъ.

Данила Григорьичъ.

Это очень хорошо будетъ. По крайности, народъ будетъ видѣть, какъ ныньче съ родителями-то... Гдѣ онъ?

Иванъ Прохоровъ.

Въ конторѣ сидитъ.

Данила Григорьичъ.

Я самъ пойду переговорю съ нимъ. (Къ офиціанту). Чтобы все было въ аккуратѣ... И какъ сейчасъ женихъ пріѣдетъ, долженъ ты докладать.

Офиціантъ.

Слушаю-съ. Порядки знаемъ. (Уходятъ—офиціантъ, Алешка и Иванъ Прохоровъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Матрена Панкратьевна и Даша.

Матрена Панкратьевна.

Данила Григорьичъ, что съ дѣвкой-то сдѣлалось? Ревмя-реветъ.

Данила Григорьичъ.

Терпѣть я этого не могу!

Матрена Панкратьевна.

Разговори ты ее.

Данила Григорьичъ.

Дарья, какъ я долженъ это понимать?

Даша.

Мнѣ скучно! (Плачетъ).

Данила Григорьичъ.

Дарья!

Матрена Панкратьевна.

Что ты, Богъ съ тобой! За маіора за военнаго выходитъ, да скучно. Да другая-бы, на твоемъ мѣстѣ, такъ-бы носъ-то вздернула, да хвостъ растопырила...

Даша.

За чтó-жъ я должна за старика идти?

Данила Григорьичъ.

Это не твое дѣло! Значитъ, мнѣ это нужно, для моихъ дѣловъ. (Даша плачетъ). Что я задумалъ, никто этого знать не можетъ. А ваше дѣло, что я приказываю—кончено! Не мерзавецъ я въ своей жизни, я чувствую свою дѣятельность. Учить вамъ меня нечего. Отецъ съ матерью должны за дѣтей своихъ Богу отвѣчать, стало быть, они знаютъ.

Матрена Панкратьевна.

Вотъ ты и слушай, что отецъ-то тебѣ говоритъ.

Даша.

Полноте, маменька! (Плачетъ).

Данила Григорьичъ.

Дарья, чтобъ я этого не видалъ, слышишь? (Къ женѣ). Это твое дѣло; ты должна все произвести. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Зоя Евграфовна (входя).

Это она, ангелъ мой, просто отъ волненія. Какъ готовится Дарьѣ Даниловнѣ перемѣна въ жизни, опять же эдакое счастіе — за военнаго выходитъ, такъ они этого равнодушно перенести и не могутъ. Это я вамъ вѣрно говорю. Да вотъ я на Угрешу ходила, такъ одна дама...

Даша.

Ахъ, батюшка! (Уходитъ съ Матреной Панкратьевной).

Зоя.

Скажите, пожалуста! Кто со стороны посмотритъ, можетъ, и повѣритъ. Терпѣть я не могу, какъ эти лапотницы привередничаютъ. Ну, что разрюмилась-то! Мало ей, видишь, маіора! Что-жъ тебѣ, генерала что-ли?.. А можетъ, я и грѣшу; можетъ, ей, и вправду не нравится; хошь и маіоръ, а не подъ кадрель онъ ей! Что за женихъ... такъ бодрится только, а ужь, пожалуй, на два аршина въ землю смотритъ... Господи, прости ты мое великое согрѣшеніе! Сказано: не суди...

ЯВЛЕНІЕ V.

Егорушка (входитъ).

Зоя.

Здраствуйте, батюшка Егоръ Пантелѣичъ.

Егорушка.

Здравствуйте.

Зоя.

Что это вы, батюшка, какой невеселый?

Егорушка.

Радоваться-то нечему.

Зоя.

Какъ нечему, ангелъ вы мой! Сватьба у васъ въ домѣ. (Егорушка смѣется). Чему же вы, батюшка, смѣетесь?

Егорушка.

Потому, смѣшно! (Передразниваетъ жениха).

Зоя.

Именно, батюшка, именно! (Хохочетъ). Ахъ вы, потѣшникъ эдакой! Ну, что, красавецъ, какъ вы поживаете? (Егорушка оглядывается кругомъ). Вы меня, голубчикъ, не бойтесь, я жалѣючи васъ спрашиваю.

Егорушка.

Въ острогѣ лучше.

Зоя.

Содомъ у васъ въ домѣ-то, какъ я посмотрю. Вамъ я, знаете, что-бы посовѣтовала. (Входитъ официантъ. Егорушка уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Зоя Евграфовна и офиціантъ.

Зоя.

Ахъ, вотъ мой батюшка... ты кандитеръ?

Офиціантъ.

Офиціантъ... все одно-съ.

Зоя.

Скажите мнѣ, сударь ты мой, что къ ужину наготовлено?

Офиціантъ.

Первое дѣло — ветчина.

Зоя.

Съ горошкомъ?

Офиціантъ.

Съ горошкомъ.

Зоя.

Ну, а второе?

Офиціантъ.

Галантиръ будетъ.

Зоя.

Вотъ это, сударь ты мой, я очень люблю — этотъ галантиръ. Ежели его оттянуть хорошенько...

Офиціантъ.

Повара̀ оттягиваютъ.

Зоя.

А больше ничего?

Офиціантъ.

Какъ возможно-съ! Жаркое фазаны...

Зоя.

Какъ это все безподобно!

Официантъ.

Пирожное мислероде и померанцовые зефиры.

Зоя (Ударяя его по плечу).

Расчудесно, милостивый государь! Вотъ что теперь, батюшка, имени отечества я вашего не знаю.

Официантъ.

Осипъ Яковлевъ.

Зоя Евграфовна.

Осипъ Яковличъ! Попрошу я у тебя. (Оглядывается кругомъ и шепчетъ на ухо).

Официантъ.

Съ великимъ удовольствіемъ! Сколько угодно-съ...

Зоя.

Такъ, небольшую. Оно-бы и не слѣдовало мнѣ... ну да по немощамъ по моимъ.

Официантъ.

Это завсегда можно-съ.

Зоя.

Я въ садъ пройду... туда.

Официантъ.

Слушаю-съ (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

(Черезъ сцену проходятъ гости; нѣкоторые остаются на сценѣ).

Дама.

Что вы къ намъ никогда не зайдете?

Кавалеръ.

Это зависитъ, если вы меня пригласите.

Дама.

Пріѣзжайте къ намъ въ воскресенье на дачу.

Кавалеръ.

Коли случай выдетъ—пріѣду. (Проходитъ важная купчиха старуха, одѣта по-русски).

Кавалеръ.

Наше почтеніе, Домна Степановна!

Купчиха.

Здравствуй, батька! Ишь ты кортеколъ какой напялилъ...

Кавалеръ.

Что вы, Домна Степановна, это спинжакъ.

Купчиха.

Одна ему цѣна-то. (Уходитъ).

Кавалеръ.

Не любитъ! По старой вѣрѣ, по преображенскому. (Изъ боковой двери входятъ дѣвицы и мужчины).

Иванъ Макаровичъ.

Нѣтъ, политика-съ!

Дѣвица.

Никакой въ этомъ политики нѣтъ.

Иванъ Макаровичъ.

Коли ежели не политика — докажите! А я вамъ сейчасъ докажу. Давеча Прасковья Титовна говоритъ...

Прасковья Титовна.

Вы меня, пожалуйста, въ ваши дѣла не путайте. Я себя очень хорошо понимаю.

Иванъ Макаровичъ.

Ну, значитъ, и разговору конецъ! А между прочимъ, я все-таки буду говорить, коли человѣкъ съ чувствомъ, онъ завсегда женскія дѣла понимать можетъ.

Дѣвица.

Не всякая женщина дастъ понимать себя.

Иванъ Макаровичъ.

Надо, чтобы взаимнообразно. Мы и это можемъ.

Дѣвица.

Вы женились бы лучше, чѣмъ изъ пустаго въ порожное пересыпать.

Иванъ Макаровичъ.

Нѣтъ, ужъ это зачѣмъ же-съ!

Дѣвица.

Что вы это говорите! Всѣ люди женятся. Вы богатый женихъ, можете составить партію...

Иванъ Макаровичъ.

Въ пирамиду, пожалуй, а на эти дѣла я не согласенъ. Такъ помаемся, пока Богъ грѣхамъ терпитъ.

Дѣвица.

Ну, давайте, мы васъ величать будемъ, хоша и не стоите вы этого.

Иванъ Макаровичъ.

Я не стою?

Прасковья Титовна.

Не стоите.

Иванъ Макаровичъ.

Да опосля этого...

(Дѣвушки запѣваютъ).

Царскій сынъ королекъ,
Войди, сударь, въ городокъ.
Стань, низко поклонись,
Любешенько поцалуй.

Иванъ Макаровичъ.

Всѣхъ цаловать, али кого на выборъ? (Всѣ смѣются).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Калинъ Власовъ (входитъ, обнявши чиновника); официантъ (вноситъ мороженое).

Калинъ Власовъ.

Мы, вишь ты, простые мужики, а вы благородные.

Чиновникъ.

Все равно, Калинъ Власьичъ! Кто имѣетъ благородную душу...

Калинъ Власовъ.

Это дѣйствительно! Кто ежели что умѣетъ, онъ сейчасъ! Вѣрно? А женихъ пріѣдетъ, я ему сейчасъ въ ноги. Потому, какъ родитель нашъ былъ простой мужикъ, и мы, значитъ, мужики простые. Дѣло я говорю? Ваше благородіе, вѣрно? Ахъ, ты мой батюшка! Поцалуй ты меня, мужика простаго, неучонаго...

Чиновникъ.

Что вы, Калинъ Власьичъ! (Цѣлуются).

Калинъ Власовъ.

Ахъ, ты мой голубчикъ!.. А живемъ мы, слава тебѣ Господи! Дай Богъ всякому... и капиталъ имѣемъ... и большой мы капиталъ имѣемъ.

Иванъ Макаровичъ.

Въ три вѣка вашего капиталу-то не прожить, Калинъ Власьичъ.

Калинъ Власовъ.

Вѣрно! Видишь? (Показываетъ на медаль). Не простой я человѣкъ, а? А я казну знаю... наскрось я ее, матушку, знаю! Дѣвушки, повеличайте меня... мы заплатимъ. А это дочка моя... вишь, желтинькая-то... Парашей прозывается. Параша, какъ ты своего отца понимаешь?

Дѣвушка.

Что вы ее конфузите?

Калинъ Власовъ.

Ничего, пущай скажетъ, какъ она меня понимаетъ. Дѣти должны своихъ родителевъ... Она у меня неучоная, не то, что какъ другія прочія, а дѣвушка настоящая, во всей формѣ.

Офиціантъ.

Иванъ Макаровичъ, пожалуйте!

Иванъ Макаровичъ.

Готово? До пріятнаго свиданія.

Дѣвица.

Что-жъ вы, Иванъ Макаровичъ, оставляете нашу компанію?

Иванъ Макаровичъ.

Да вѣдь ужъ подано. Пропустить этого никакъ невозможно. Съ градомъ! Стоятъ двѣ рядомъ! (Уходитъ).

Дѣвица.

Ну, и мы пойдемъ съ вами. (Уходитъ).

Калинъ Власовъ.

Баринъ, я тебя полюбилъ! Будешь жениться, приходи ко мнѣ, я тебѣ помогу. Не то, что къ примѣру... денегъ дамъ, за простоту за твою. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Сергѣй Ильичъ и Зоя Евграфовна.

Сергѣй Ильичъ.

Ты, Зоя Евграфовна, кажется, тамъ на вольномъ-то воздухѣ рюмочку протащила?

Зоя.

Не солгу: былъ грѣхъ! Что-жъ за важное дѣло! Вѣдь экіе вы, право! (Сергѣй Ильичъ пристально смотритъ на нее). Что это вы на меня такъ смотрите?

Сергѣй Ильичъ.

Такъ, я... (Ухмыляется).

Зоя.

Ей-Богу, только одну маленькую.

Сергѣй Ильичъ.

Нѣтъ, я не насчетъ этого, а что ты тамъ на молодыхъ ребятъ больно засматривалась.

Зоя.

Что вы, ангелъ мой, куда мнѣ! Иногда и придетъ эдакая мечта, да сейчасъ и разсыплется, словно облако. Да полноте на меня такъ смотрѣть! Эдакой у васъ взглядъ язвительный! Ужъ вѣрно задумали что-нибудь.

Сергѣй Ильичъ.

Задумать-то я задумалъ, только будешь ли ты для меня стараться-то?

Зоя.

Для эдакаго красавчика-то! Всю землю наскрось произойду.

Сергѣй Ильичъ.

Всю?

Зоя.

Съ этого мѣста мнѣ не сойти.

Сергѣй Ильичъ.

Коли все сдѣлаете такъ точно—сто серебра... сотельную. Да не токма сотельную, а приходи въ контору, открой сундукъ, да и бери, сколько захватишь.

Зоя.

Ухъ, какой ты тонкій молодецъ-то!

Сергѣй Ильичъ.

Поняла?

Зоя.

Толковать еще! Ахъ ты, Господи. Какія этимъ мужчинамъ могутъ приходить мысли въ голову.

Сергѣй Ильичъ.

Ну, да ужъ тамъ... Такъ вѣрно?

Зоя (ударяя по рукѣ Сергѣя Ильича).

Кончено!

Сергѣй Ильичъ.

Кабы этой бабы на свѣтѣ не было, нашему бы брату въ тѣ-поры совсѣмъ погибать надо. Просто ложись да умирай. Пойдемъ еще по рюмочкѣ, по одной.

Зоя.

Нѣтъ, соколикъ, я ужъ и такъ согрѣшила. Эхъ, кабы этотъ раскрасавецъ жениться задумалъ, какую бы я ему невѣсту!..

Сергѣй Ильичъ.

Баловство-то меня, Зоя Евграфовна, ужъ больно одолѣло! Опять-же, по моей простотѣ...

Зоя.

Скажите! Кабы всѣ такіе простые-то были...

Сергѣй Ильичъ.

Что вы! Я простой человѣкъ! Что — вы смѣетесь? Ей-Богу! Я самый простой, во мнѣ этой хитрости никакой нѣтъ. Меня малый ребенокъ обманетъ. Отъ этого отъ самаго я и жениться-то боюсь... пожалуй такъ налетишь...

Зоя.

А сколько изъ-за васъ, изъ-за холостежи, дѣвокъ даромъ пропадаетъ. Вотъ хоть-бы Лукерья Пантелевна. Положимъ, сирота, приданаго нѣту...

Сергѣй Ильичъ.

Ну, коли хочешь, чтобъ женился—жени на этой. Эта вотъ совсѣмъ по мнѣ, въ самую препорцію. Ужъ давно я на нее зарюсь.

Зоя.

Такъ что-жъ ты чешешься-то? Кто-жъ тебѣ мѣшаетъ?

Сергѣй Ильичъ.

Да смѣлости во мнѣ нѣтъ! Опять-же и бабъ кругомъ себя не имѣю, некому похлопотать за меня. Вѣдь одинъ въ домѣ-то, инда страшно... Просто бѣда моя!..

Зоя.

За что-жъ тебя мужчиной-то зовутъ? Да ты... Ну, ужъ ей-Богу!.. видно, придется мнѣ тебя въ руки взять.

Сергѣй Ильичъ.

Да возьми! Сдѣлай милость, возьми! Дѣлай со мной, что хочешь, только не обманывай—терпѣть не могу!

Зоя.

Ну, хочешь, я насчетъ Луши все тебѣ оборудую? Женишься?

Сергѣй Ильичъ.

Глазомъ не моргну!.. А съ чортомъ-то какъ-же?

Зоя.

Да тебѣ что съ чортомъ-то разговаривать! Чортовы-то дѣла теперича плохи. Онъ не знаетъ, какъ и свою дочь съ рукъ сбыть. Маіоръ-то теперича думаетъ, что за ней денегъ много, а онъ его смазать хочетъ, денегъ-то за ней онъ ни гроша не дастъ. Опять-же Егорушка его теперь безпокоитъ. Слышалъ?

Сергѣй Ильичъ.

Нѣтъ. А что?

Зоя.

Вѣдь Данила Григорьичъ послѣ покойника Пантелѣя Григорьича все къ рукамъ прибралъ, да послѣ колоколъ въ монастырь слилъ, кунпулъ позолотилъ—молитесь, говоритъ, братія, за раба грѣшнаго Даніила. Теперича Егорушка-то всѣ эти дѣла прозналъ, да и позоритъ его гдѣ ни попало. Онъ хоть и дурашный, а продувной парень... Ухъ, какой прожжоный!

Сергѣй Ильичъ.

Ну, такъ сватай, что-ли! Тысячу тебѣ серебра! Человѣкъ, молъ, смирный, капиталъ большой...

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ-же и Егорушка (вбѣгаетъ).

Егорушка.

Да за что это такая мука мученская! Что я кому сдѣлалъ? (плачетъ).

Зоя.

Должно быть, опять побилъ.

Сергѣй Ильичъ.

Что ты, Егорушка?

Егорушка.

Батюшки! Смерть моя!

Сергѣй Ильичъ.

Экой злодѣй!

Зоя.

О, батюшка, есть ли еще такіе! Извергъ рода человѣческаго!

Егорушка.

Издохнуть бы скорѣй, легче-бы было.

Зоя.

Полно, Егорушка, не грѣши!

Егорушка (рыдаетъ).

Да, вѣдь больно! Какъ голова-то моя держится!..

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ-же и Луша (входитъ).

Луша.

Егорушка, пойдемъ отсюда. (Беретъ его за руку).

Егорушка.

Опять меня, голубушка, избили.

Луша.

Что-жъ дѣлать, Богъ съ нимъ! Ну, что-жъ ты плачешь-то, какъ тебѣ не стыдно!

Сергѣй Ильичъ.

Егорушка, пойдемъ жить ко мнѣ, будешь все одно, какъ у отца родного.

Зоя.

Вотъ это бы расчудесно было! Человѣкъ ты холостой, деньжищевъ этихъ у тебя пропасть...

Сергѣй Ильичъ.

Коли хочешь, я съ великимъ удовольствіемъ. Лукерья Пантелеевна, позвольте...

Луша.

Благодарю васъ, Сергѣй Ильичъ, только я не знаю... Мнѣ кажется, что сдѣлать это нельзя.

Сергѣй Ильичъ.

Да что-жъ за важное дѣло! По крайности, мы не однѣхъ синицъ ловить, а, можетъ, дѣло будемъ съ нимъ дѣлать: я его въ амбаръ посажу. Егорушка, пойдемъ. Я вѣдь, Лукерья Пантелеевна, не то что такъ, а вѣрно.

Луша.

А какъ-же дяденька-то?

Зоя.

Да что̀ дяденька! Можетъ, у васъ такое дѣло выдетъ... Мало-ли что? — ей-Богу! Ты дѣвушка молодая, онъ человѣкъ самъ по себѣ.

Луша (сконфузясь).

Что вы, Зоя Евграфовна?

Зоя.

Да я бы на вашемъ мѣстѣ и думать-то долго не стала...

Сергѣй Ильичъ (ухмыляясь).

Полноте, Зоя Евграфовна...

Зоя.

Да что̀, полноте! Извѣстно, ужъ это не отъ насъ, а какъ Богу угодно. Я только къ примѣру говорю. А ты вотъ что: тащи ты его отсюда.

Луша.

Онъ разсердится.

Сергѣй Ильичъ.

Въ судъ ужъ его разъ сволокли, еще стащимъ, коли что. Не прежнее время! Это прежде, бывало, коли человѣкъ съ деньгами, хоть всю Москву разнеси: нынче и на своемъ дворѣ бунтовать-то не велятъ.

Зоя.

Это истинно! Вотъ Иванъ Назарычъ, богачъ, именитый, кучеру своему плюху закатилъ... (За сценой смѣхъ и голосъ Данилы Григорьича): Эй, официантъ! (Луша и Егорушка уходятъ). Поди въ садъ поговори, можетъ, что... Наше женское дѣло — чуть мужчина глазъ накинулъ—тутъ она и есть... Да ступай, что зѣваешь-то! (толкаетъ его).

Сергѣй Ильичъ.

А коли мнѣ отъ нея конфузъ будетъ, ты ужъ лучше такъ и умирай, пока я тебя не убилъ. (Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ XII.

На сцену входятъ гости.

Данила Григорьичъ (официанту).

Ты обнесъ бы гостей-то мадеркой, али тамъ чѣмъ можетъ, которые и выкушать желаютъ. Али вотъ что: давай сюда шампанскаго. Полагаю, теперь время самое настоящее. Садиться милости просимъ. Мы будемъ пить, а насъ будутъ величать, а можетъ кто и проплясать вздумаетъ. Матрена Панкратьевна, что-жъ твоя команда плохо дѣйствуетъ? Барышни, что-же намъ почету отъ васъ не будетъ? (Дѣвушки запѣваютъ пѣсню, по окончаніи которой за сценой музыка играетъ персидскій маршъ. Всѣ встаютъ).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Официантъ (громко).

Маіоръ Карташевъ!

Маіоръ (въ дверяхъ).

Какую мнѣ парадную встрѣчу! Съ музыкой! (Цѣлуется).

Данила Григорьичъ.

Это ужъ у насъ такіе порядки, чтобы, напримѣръ, съ музыкой. Милости просимъ. Домна Степановна, пожалуйте рядомъ. Милости просимъ. (Усаживаетъ). Это значитъ, Домна Степановна, первая по нашему дому, можно сказать...

Купецъ.

Основанія...

Маіоръ (протягивая руку).

Прошу принять меня въ ваше расположеніе. Я цѣню расположеніе людей пожилыхъ и опытныхъ.

Данила Григорьичъ.

Это первое дѣло! Это я завсегда говорю: коли человѣкъ, къ примѣру, пожилой, и, значитъ, имѣетъ...

Купецъ.

Достатки... это такъ, то истинно.

Данила Григорьичъ.

Я такое разсужденіе имѣю: ежели человѣкъ... (Офиціантъ подаетъ вино). Пожалуйте! Домна Степановна! (Отказывается). Нельзя! Хоть пригубить надо.

Купецъ (беретъ бокалъ).

Примѣръ этотъ соблюсти.

Данила Григорьичъ.

Невѣста, и ты должна откушать.

Маіоръ.

Прошу меня не конфузиться.

Данила Григорьичъ.

За здоровье дорогого жениха! (Музыка играетъ тушъ).

Маіоръ.

Нѣтъ, ужъ теперь музыку въ сторону.

Данила Григорьичъ.

Это дѣйствительно! Дѣвицы! Что-же вы? Вашъ чередъ. (Дѣвушки поютъ).

Маіоръ.

Я въ полной мѣрѣ доволенъ! Я истинно доволенъ! (Домнѣ Степановнѣ). Я ужасно люблю русскую пѣсню. Во время моей боевой службы, я только и любилъ лихую тройку и русскую пѣсню.

Купецъ.

На тройкѣ важно!

Маіоръ.

Какъ-то увлекаешься! Что-то этакое необъяснимое! (Дѣвицамъ): Еще разъ благодарю и прошу принять отъ меня мою благодарность. (Дѣвушка подходитъ, онъ даетъ деньги). Вы вполнѣ ее заслужили.

Калинъ Власовъ.

Она заслужитъ! Параша, ты у меня старайся (треплетъ по плечу). Это, ваше превосходительство, дочка мнѣ будетъ.

Маіоръ.

Очень пріятно.

Калинъ Власовъ.

А это, Домна Степановна, тоже намъ сродственница. Ваше превосходительство, такъ будемъ говорить: простые мы мужики, только съ деньгами.

Маіоръ.

А это главный рычагъ въ жизни и есть. Слава что? Слава—дымъ!

Петръ Савичъ.

Въ клубѣ этто у насъ разговоръ былъ...

Калинъ Власовъ

Домна Степановна, матушка! Изъ чего мы съ твоимъ покойникомъ произошли? Изъ мужиковъ изъ простыхъ...

Офиціантъ.

Лименацію зажгли.

Данила Григорьичъ.

Въ садъ, на вольный воздухъ, пожалуйте... милости просимъ... и чтобы музыку туда. (Всѣ уходятъ. Маіоръ и Даша остаются).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Маіоръ.

Скажите мнѣ откровенно: чувствуете вы ко мнѣ расположеніе?

Даша.

Да-съ.

Маіоръ.

Я не столь молодъ, какъ бы, можетъ быть, вы желали, но я вамъ замѣню отца. Я вамъ буду отецъ, а не мужъ.

Даша.

Мнѣ все равно.

Маіоръ (обнимая).

Ваше сердце, можетъ, ужъ занято?

Даша.

Совсѣмъ напротивъ.

Маіоръ.

Выслушайте меня...

Даша.

Пойдемте въ садъ.

Маіоръ.

Зачѣмъ-же въ садъ?

Даша.

Какъ-же можно, здѣсь никого нѣтъ.

Маіоръ.

Готовъ! Ваше дѣло теперь приказывать,—мое исполнять. (Уходятъ; сцена остается пуста).

ЯВЛЕНІЕ XV.

Луша, Сергѣй Ильичъ и Зоя Евграфовна.

Луша (сквозь слезы).

Голубчикъ, Сергѣй Ильичъ, дѣлайте со мною, что хотите, только, ради Бога, возьмите меня отсюда.

Сергѣй Ильичъ.

Конечно!

Зоя.

Вотъ мы съ тобой какъ живо эту статью-то обработали. Только пока ни гу-гу! (Уходитъ).

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Авдотья и Зоя Евграфовна.

Зоя.

Что-жъ теперь будетъ-то?

Авдотья.

А то и будетъ... сказала-бы... тьфу!.. Только дѣвушку раздразнили. Ужъ она выла—выла, ревѣла—ревѣла.

Зоя.

Да какъ не выть-то, сама посуди! Развѣ это шутка? Дѣвушка ко всему приготовилась...

Авдотья.

Что говорить!

Зоя.

Это и въ наши года возьми... Вотъ такъ разъ! (Хохочетъ).

Авдотья.

Да! Вотъ ты и думай!

Зоя.

Шаферъ-то пріѣхалъ къ нему: „пожалуйте, говоритъ, Ардаліонъ Ардаліонычъ, невѣста готова“.—„А деньги, говоритъ, готовы?“—„Данила Григорьичъ приказалъ сказать, что послѣ они съ вами расчетъ сдѣлаютъ, имъ теперь недосугъ“.—„И мнѣ, говоритъ, тоже некогда: я, говоритъ, въ Сокольники долженъ ѣхать“. Нѣтъ, голубушка, это—военный человѣкъ, не нагрѣешь. Его вся Москва знаетъ, вѣдь онъ въ комитетѣ по снабженію служитъ.

Авдотья.

Такъ, такъ! Нашъ туда сукно ставилъ. А ужъ какіе пріятели-то были! Какъ-то въ саду это запили, ужъ они цѣловались, цѣловались, словно-бы вотъ мужъ съ женой. Помнишь, говоритъ: тебѣ было хорошо и мнѣ было хорошо.

Зоя.

Я вѣдь была у него послѣ.

Авдотья.

Была?

Зоя.

Какъ же, была. Просвирку снесла. Вошла я въ залу-то, а на меня, матушка ты моя, огромная собака: такъ я и затряслась вся, а онъ и выходитъ... Орелъ, голубушка ты моя! Картина!—„Не бойтесь, говоритъ, почтеннѣйшая, эта собака даже къ женскому полу привязана. Что, говоритъ, скажете хорошенькаго?“—Богъ, говорю, милости вамъ прислалъ, Ардаліонъ Ардаліонычъ“.—„Благодарю васъ, садитесь“. И пошелъ, и пошелъ!.. „Что онъ, говоритъ, шутить со мной вздумалъ! Развѣ онъ не знаетъ, кто онъ и кто я!“—„Я, говоритъ, 15 лѣтъ на конѣ сидѣлъ! Хоша я теперь по непріятностямъ въ отставку и вышелъ, а я, говоритъ, срамить себя не позволю. Безъ денегъ-то, говоритъ, всякая-бы дворянка за меня съ радостью пошла. Ежели я жениться вздумалъ, то это потому, что дѣла мои разстроились“. А я ему, будто спроста: „полноте, говорю, сударь, безпокоиться, развѣ мало по Москвѣ этого товару“.—„Нѣтъ, ужъ я, говоритъ, обжогся, теперь я буду умнѣе; теперь ужъ я, говоритъ, какъ посмотрѣлъ невѣсту, такъ и деньги, сейчасъ деньги, сію минуту, вотъ сюда на столъ... всѣ...“ Да по столу-то кулачищемъ какъ грохнетъ! Думаю: какъ звизнетъ онъ меня съ сердцовъ этимъ кулачищемъ—на мѣстѣ оставитъ. Смотрю, матушка, чай подаютъ. Я, со страху-то оскоромилась—со сливками выпила, ей-Богу! забыла, что и пятница-то на свѣтѣ. Ужъ онъ, матушка ты моя, ругалъ-ругалъ, срамилъ-срамилъ.—„Я, говоритъ, его подлеца“—Господи, прости ты мое великое согрѣшеніе—„я, говоритъ, его, подлеца этакого, отъ каторги спасъ! Да, ладно, говоритъ: я про него еще одно дѣло знаю; только-бы, говоритъ, оно наружу вышло, съ колокольнымъ звономъ подъ присягу пойду“. Ей-Богу! Это онъ, должно быть, насчетъ Егорушки.

Авдотья.

Тотъ теперь, матушка, такъ въ трубу и трубитъ. Вотъ-тѣ и Егорушка, вотъ-тѣ и дуракъ! Вчера мимо насъ разъ двадцать на извозчикѣ проѣхалъ. Ужъ ловить прималиcь, да въ трактирѣ у Серпуховскихъ спрятался.

Зоя.

А хоть бы и поймали, что съ нимъ сдѣлаешь? Не родной сынъ.

Авдотья.

Ничего не сдѣлаешь: два судейскихъ съ нимъ ѣздятъ. Вѣдь ужъ, говорятъ, гербовую бумагу подалъ. Да вѣдь я такъ полагаю, что нашъ откупится.

Зоя.

Нѣтъ, голубушка, невозможно. При мнѣ вѣдь просьбу-то писали. Такого сутягу нашли, изъ острога недавно выпустили. Первое за жестокое обращеніе, а второе, что имущество послѣ покойника Пантелея Григорьича скрылъ. И свидѣтели, матушка, есть, свидѣтели. Такую бумагу написали, что волосы у меня дыбомъ стали. Какъ покойникъ-то захворалъ, такъ Абрамъ Васильичъ три недѣли въ подвалѣ сидѣлъ, книги какія-то переписывалъ: съ чиновникомъ это они орудовали. И чиновника-то этого разыскали, въ писаряхъ въ кварталѣ служитъ. Такую кашу заварили, страсть! Абрамъ-то Васильичъ говоритъ: „терять мнѣ нечего, я слѣпой человѣкъ, пускай меня судятъ“.

Авдотья.

Ишь ты! Ахъ ты, батюшки!

Зоя.

Да еще... ужъ тебѣ по секрету скажу: вѣдь ужъ у Луши съ Сергѣй-то Ильичемъ все покончено; хочетъ жениться на Лушѣ-то, нынче объявлять пріѣдетъ.

Авдотья.

Что ты?! Ну, на части разорвутъ теперь дѣвку! (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же и Матрена Панкратьевна.

Матрена Панкратьевна.

Такъ вотъ и хожу, какъ полоумная! Ничего не вижу, ничего не слышу! Экой стыдъ, экой страмъ! Вотъ до чего мы дожили, подумай-ка!

Зоя.

Нехорошо, Матрена Панкратьевна, нехорошо! Нехороши дѣла! А Егорку этого, Матрена Панкратьевна, прости ты, Господи, мое великое согрѣшеніе... удавить мало... мало его удавить! А ужъ Абрамку...

Матрена Панкратьевна.

Вотъ какого аспида выростили, какого изверга вынянь-чили на свою голову... И что онъ затѣялъ, что онъ затѣялъ.

Зоя.

Подучили, моя красавица, подучили; гдѣ ему, дураку. самому выдумать!

Матрена Панкратьевна.

Лушка эта смирная была, теперь тоже себя показываетъ. Я, говоритъ, тиранить себя не позволю. А кто ее тиранитъ, кто?

Зоя.

Ахъ, враговъ у васъ много, Матрена Панкратьевна, много у васъ враговъ! А все это Татьяна Матвѣевна: она у васъ все мутитъ. Дочь она ваша, хошь и не родная, а, извините вы меня, этакая ядовитая бабенка, этакая-то...

Матрена Панкратьевна.

Она, матушка, она...

Зоя.

Ахъ, кабы я была на мѣстѣ Данилы Григорьича, вотъ-бы какъ я скрутила, вотъ-бы какъ всѣхъ перевернула, ни одинъ-бы не пикнулъ. Господи, прости ты мое великое согрѣшеніе! можетъ, я и грѣшу, а ей-Богу...

Матрена Панкратьевна.

Самъ-то худой такой сталъ, ходитъ словно ночь черная и угодить ему не знаешь чѣмъ. Взглянешь на него: „что ты, говоритъ, смотришь — на меня? узоровъ не написано". Не глядишь—опять бѣда: „что я звѣрь, что-ли, въ своемъ семействѣ, съѣлъ я, что-ли, кого?" А вчера ночью... (плачетъ) боюсь, чтобъ съ нимъ недоброе что нибудь не сдѣлалось.

Зоя.

Что это вы, Матрена Панкратьевна?

Матрена Панкратьевна.

Вчера ночью пѣсню запѣлъ!

Зоя.

Какую пѣсню?

Матрена Панкратьевна.

Протяжную такую затянулъ...

Зоя.

Что-жъ за важность такая?

Матрена Панкратьевна.

Да вѣдь никогда отъ роду, вотъ двадцать лѣтъ живемъ, никакихъ онъ этихъ пѣсенъ не пѣлъ, пьяный никогда голосу своего не давалъ. Вотъ до чего его довели. (Плачетъ). Вотъ до какого разстройства! Егорку теперь другую недѣлю ловятъ, поймать не могутъ. И Абрамку этого не найдутъ нигдѣ; то, бывало, отъ воротъ не отгонишь, а вотъ какъ нужно-то, его и нѣту.

Зоя.

Я вчера его у Скорбящей видѣла, съ нищими стоялъ. Онъ завсегда тамъ. Совсѣмъ опустился, потерянный сталъ человѣкъ, даже жалко. Благоденствовалъ прежде, а теперь... Это мнѣ даже удивительно! Что значитъ Богъ... если кого захочетъ. Вотъ она гордость-то, Матрена Панкратьевна...

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же и Данила Григорьичъ.

Данила Григорьичъ.

Ты по всей Москвѣ день-то деньской снуешь, не видала-ли этого прощалыгу-то?

Зоя.

Много я, Данила Григорьичъ, непутнаго народу знаю: тебѣ кого нужно-то?

Данила Григорьичъ.

Абрашку... Абрамъ Васильева.

Матрена Панкратьевна.

У Скорбящей, говорятъ, побирается съ нищими.

Зоя.

Вчера я за ранней тамъ была — видѣла!

Данила Григорьичъ.

Слетай-ка завтра туда опять, чтобъ сюда пришелъ. (Молчаніе). Фу!... Дѣла, дѣла.

Зоя.

Что-жъ вамъ безпокоиться, ваше дѣло правое. Ужъ, неужли, прости ты, Господи, мое великое согрѣшеніе, всякой рвани повѣрятъ!

Данила Григорьичъ.

Вѣдь это, къ примѣру, грабежъ!

Зоя.

Именно, грабежъ!

Данила Григорьичъ.

Денной разбой!

Зоя.

Какъ есть разбой!

Данила Григорьичъ.

Опосля этого на свѣтѣ жить нельзя.

Зоя.

Ежели всякаго именитаго почетнаго гражданина, да всякая голь, можно сказать, будетъ въ судъ таскать. Да по какому праву? Да что это за времена пришли?

Данила Григорьичъ.

Времена пришли тяжкія! Не то что, напримѣръ, что, а всякій норовитъ, какъ бы тебя за воротъ, да къ мировому. Грѣшнымъ дѣломъ загуляешь, въ газетахъ отпечатаютъ. Развелось теперича этой сволочи: за рубль серебромъ такъ тебя опозоритъ, и въ городъ не показывайся. По ряду-то идешь, словно сквозь строй, всѣ на тебя смотрятъ, чуть не подсвистываютъ. Читали мы. Одумаютъ, про твои дѣла! А какія дѣла? За свои деньги пошумѣли. Экія дѣла важныя!

Зоя.

Про нашу сестру тоже описываютъ.

Данила Григорьичъ.

Въ старину, бывало, на перекресткахъ шарманки игрывали, али кто раекъ показывалъ: извольте, городъ Парижъ, какъ доѣдешь, угоришь... Никому обиды не было. А нынче на перекресткахъ-то, какъ собаки, на тебя бросаются съ этими газетами. Извольте получить описаніе, какъ вчерашняго числа такіе-то купцы въ Сокольникахъ всю посуду перебили. Занятное происшествіе, оттого и дѣти къ родителямъ страху не имѣютъ. Сынъ не долженъ знать, что отецъ дѣлаетъ. А теперича онъ прочитаетъ въ газетахъ... „Про тятеньку-то вонъ что̀ означено, говоритъ, вонъ какія дѣла: стало быть и мнѣ можно“, и давай чертить. Отъ этого отъ самаго.

Зоя.

Ужъ именно, Данила Григорьичъ, можетъ я и грѣшу, а что... ей-Богу!..

Данила Григорьичъ.

А этотъ, маіоръ-то! Вотъ выжига-то! Какъ было онъ меня смазалъ-то? На какую штуку поддѣть-то хотѣлъ.

Зоя.

Ужъ захотѣли вы!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Кучеръ (входитъ).

Какъ угодно, а поймать нѣтъ никакой возможности... одинъ страмъ.

Данила Григорьичъ.

Гдѣ-же онъ теперь?

Кучеръ.

Въ Роговскую ударился, тамъ гдѣ-нибудь. Городоваго просили, чтобъ подержалъ. Намъ, говоритъ, невозможно. Коли ежели онъ что̀ укралъ, объявку подайте, а ежели по своей волѣ идетъ — ничего. Намъ, говоритъ, притѣснять публику не велѣно. Пущай, говоритъ, ходитъ: Москва велика.

Данила Григорьичъ.

Дуракъ! Ты долженъ былъ говорить, что этотъ молодецъ отъ своего хозяина скрывается.

Кучеръ.

Говорили, да ничего не подѣлаешь. Мы, говоритъ, подозрительныхъ людей останавливаемъ. Ежели-бы, говоритъ, онъ ночью, напримѣръ, шелъ... съ узломъ...

Данила Григорьичъ.

Вотъ, пошли дурака-то.

Кучеръ.

Какъ угодно, а что невозможно... (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Данила Григорьичъ.

Одинъ сынъ распутный, другой изъ дому родительскаго убѣгъ, племянникъ говоритъ, что я его ограбилъ... Что же я, напримѣръ? Какъ ты меня понимаешь?

Зоя.

Одна неблагодарность! Истинно, можно сказать...

Данила Григорьичъ.

Молчи! (Къ женѣ). Какъ по твоему?

Матрена Панкратьевна.

Что съ тобой, батюшка?

Данила Григорьичъ.

Это я къ тому, напримѣръ, что всѣ противъ меня пошли. (Матрена Панкратьевна плачетъ). Эти самыя твои слезы съ дѣтей взыщутся, потому все это они...

Матрена Панкратьевна.

Батюшка, Данила Григорьичъ, послушай ты моего бабьяго разуму: выгони ты изъ нашего дому это отродье проклятое, пущай хошь по-міру ходятъ.

Зоя.

Вотъ тогда и узнаютъ, что̀ вы для нихъ значили. Этакая неблагодарность, этакая черная неблагодарность! Господи, прости ты мое великое согрѣшеніе...

Данила Григорьичъ (къ женѣ).

Это ты такъ точно! Конченое дѣло! Эй, кто тамъ? (Показывается въ дверяхъ дѣвушка). Этакъ будетъ вѣрнѣе. (Къ Зоѣ Евграфовнѣ). Такъ ты лети сейчасъ, тутъ недалеко. (Женѣ). Дай ей два пятиалтынныхъ на извозчика. Можетъ, онъ тамъ за вечерней. Лети, и чтобы онъ, напримѣръ, сюда шелъ: молъ, Данила Григорьичъ пристроить хочетъ, будетъ, молъ, шляться... Чтобы безпремѣнно.

Зоя.

Мигомъ я тебѣ это дѣло обработаю.

Данила Григорьичъ.

Старайся. Ты меня знаешь?

Зоя.

Если бы, кажется (Махнувъ рукой)... Ну да ужъ что говорить!.. (Утираетъ слезы).

Данила Григорьичъ.

Лукерью давай.

Матрена Панкратьевна.

Лушу?

Данила Григорьичъ.

Дѣло понятное! Живо!

Матрена Панкратьевна.

Пойдемъ, матушка. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Данила Григорьичъ и Иванъ Прохоровъ.

Данила Григорьичъ.

Конченое дѣло! Ежели теперича это дѣло такъ оставить... (Въ размышленіи). Шабашъ! Объявку сейчасъ, что, напримѣръ, укралъ и скрывается. (Иванъ Прохоровъ входитъ). Ты мнѣ, братецъ, здѣсь не нуженъ, на твое мѣсто я нашелъ другого.

Иванъ Прохоровъ.

Кажется, я ни въ чемъ не причиненъ. Старался, кажется...

Данила Григорьичъ.

Я тебя на фабрику, тамъ тебѣ мѣсто очистилось. И чтобы, напримѣръ, какъ ты молодой человѣкъ, долженъ ты жениться. Первое дѣло — баловства меньше, а второе дѣло—будешь ты подъ главнымъ приказчикомъ, значитъ, безъ этого тебѣ невозможно.

Иванъ Прохоровъ.

Вся ваша воля хозяйская, только жениться по нынѣшнимъ временамъ...

Данила Григорьичъ.

Ну-да, вотъ ты еще разговаривать будешь!

Иванъ Прохоровъ.

Я не къ тому, а что боязно безъ привычки. Въ головѣ опять-же этого не держалъ, все больше, главная причина, такую центру имѣешь, какъ бы хозяину угодить, а на то, чтобы, напримѣръ, что-нибудь... пустяки какіе...

Данила Григорьичъ.

И какъ я теперича свою племянницу отдаю за тебя, значитъ, будешь ты мой сродственникъ, (Иванъ Прохоровъ кланяется въ ноги) и, стало быть, долженъ все это ты понимать и, главное, чувствовать, что какъ ничтожный ты, можно сказать, человѣкъ: Христа ради, за материны слезы, я тебя взялъ и въ люди вывелъ...

Иванъ Прохоровъ.

Оченно я это чувствую (кланяется въ ноги).

Данила Григорьичъ.

По бѣдности твоей, тебѣ бы въ солдатахъ быть, а я за тебя охотника нанялъ. (Иванъ Прохоровъ кланяется въ ноги). Теперича какъ ты сейчасъ женишься, поѣдешь на фабрику, возьми съ собой Егорку и чтобы строго съ нимъ, чтобы не болталъ лишняго.

Иванъ Прохоровъ.

Главная причина, не въ рукахъ онъ здѣсь; въ руки ежели теперича взять его, онъ смирный будетъ.

Данила Григорьичъ.

Это уже твое дѣло.

Иванъ Прохоровъ.

У меня онъ, Данила Григорьичъ, мягче пуху будетъ. Вашей милости, извѣстно, по вашимъ дѣламъ, некогда съ нимъ заниматься, а у меня онъ взгляду бояться будетъ. Какъ, значитъ, всѣ я его достоинства знаю и болтать ему невозможно, потому онъ у меня, первымъ долгомъ, будетъ въ струнѣ находиться.

Данила Григорьичъ.

А коли ежели что, я съ тебя взыщу.

Иванъ Прохоровъ.

Будьте-же покойны-съ. Выправимъ... не такихъ учили. И ежели которые онъ пустяки говорилъ — больше не будетъ (молчаніе). Прикажите написать въ деревню къ матушкѣ?

Данила Григорьичъ.

Объ чомъ?

Иванъ Прохоровъ.

Такъ какъ ваша такая милость, на счетъ Лукерьи Пантелевны... Чтобы ей на старости лѣтъ...

Данила Григорьичъ.

Пиши.

Иванъ Прохоровъ.

А имъ теперича что я долженъ говорить?

Данила Григорьичъ.

Кому?

Иванъ Прохоровъ.

А Лукерьѣ Пантелевнѣ? Какъ есть теперича ваше приказанiе и какъ имъ будетъ угодно?

ЯВЛЕНIЕ VII.

Тѣ-же, Матрена Панкратьевна и Луша.

Данила Григорьичъ.

Гдѣ братъ-то?

Луша.

Я не знаю.

Данила Григорьичъ.

А кто-жъ знаетъ? Вѣдь ему за его дѣла въ острогѣ сидѣть придется, я такъ полагаю.

Матрена Панкратьевна.

Экихъ бѣдъ натворилъ этотъ парень!

Данила Григорьичъ.

Ежели его теперича поймаютъ...

Иванъ Прохоровъ.

Поймаютъ—бѣда! Потому, безъ пачпорта по Москвѣ ходитъ. По какимъ дѣламъ? По какому праву? (Молчанiе).

Данила Григорьичъ.

Что̀-жъ ты молчишь?

Луша.

Что̀-жъ мнѣ говорить?

Данила Григорьичъ.

Родной братъ тебѣ: должна бы, кажется, отвести его отъ худаго.

Луша.

Я его худому не учила.

Данила Григорьичъ.

Не учила?! Кажется, пора понимать тебѣ, не маленькая, въ какомъ ты есть положенiи. Сиротъ васъ взяли, одѣваютъ, обуваютъ... Собаку ежели кормятъ, и та благодарность чувствуетъ, а то на-поди!

Луша.

Я вамъ очень благодарна.

Данила Григорьичъ.

Развѣ въ этомъ благодарность состоитъ, что по Москвѣ бѣгать, да кляузы распущать?

Луша.

Я никогда не бѣгаю и никакихъ кляузъ не распускаю.

Данила Григорьичъ.

Да я не про тебя и говорю.

Матрена Панкратьевна.

Про Егорку толкуютъ. Ты слушай, что говорятъ.

Луша.

Я за него не отвѣчаю.

Данила Григорьичъ.

А я долженъ за всѣхъ за васъ отвѣчать. Ты вотъ теперича на возрастѣ, и, напримѣръ, сирота круглая: кто объ тебѣ подумаетъ? Пристроить теперича надо: чье это дѣло?

Луша.

Объ этомъ вы не безпокойтесь.

Данила Григорьичъ.

Должòнъ безпокоиться, потому вы безъ меня по мiру пойдете. Безъ меня ты бы, можетъ, теперича на Кузнецкомъ у портнихи у какой сидѣла, али-бы...

Луша.

Дяденька!

Данила Григорьичъ.

Что, тетенька? А я объ васъ забочусь. Жениха тебѣ подыскалъ. Легко мнѣ все это? Хорошо, что добрый человѣкъ нашолся, съ рукъ моихъ взять тебя хочетъ.

Матрена Панкратьевна.

Да ужъ и пора.

Данила Григорьичъ.

Я полагаю отдать ее за Ивана Прохорова: ты какъ?

Матрена Панкратьевна.

Ну что-жъ! Ну, и... вотъ и слава Богу! Зачѣмъ дѣло стало! (Иванъ Прохоровъ кланяется въ ноги Матренѣ Панкратьевнѣ).

Луша.

Я за него не пойду.

Данила Григорьичъ.

Какъ не пойдешь?

Луша.

Такъ, не пойду.

Иванъ Прохоровъ.

Лукерья Пантелевна!.. Ваше дѣло сиротское...

Луша.

Ну-съ?

Иванъ Прохоровъ.

Я къ тому, напримѣръ...

Луша.

Къ чему?

Иванъ Прохоровъ.

Какъ вамъ угодно-съ. Вся воля хозяйская.

Данила Григорьичъ.

Иванъ Прохоровъ, ступай въ свое мѣсто. Позову, когда нужно будетъ. (Иванъ Прохоровъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ-же безъ Ивана Прохорова.

Матрена Панкратьевна.

Да какъ-же это ты не пойдешь-то?

Данила Григорьичъ.

Постой, постой. Словно я не все понялъ, что она говоритъ. Ежели, напримѣръ, я тебѣ приказываю.

Луша.

Вы не имѣете права мнѣ приказывать идти замужъ за кого вздумается.

Матрена Панкратьевна.

Да какъ-же это ты можешь такъ говорить? Это ее Татьяна Матвѣевна настроила!..

Луша.

У меня есть женихъ, я себѣ выбрала.

Данила Григорьичъ.

Женихъ есть! (Къ женѣ). Ты чего-жъ смотришь?

Матрена Панкратьевна.

Чортъ за нимъ усмотритъ, прости ты меня Господи! Не разорваться мнѣ стать. Цѣльный день подъ окошкомъ торчитъ; можетъ и правду навернулся какой проходимецъ. Мало-ли ихъ въ нашей сторонѣ шляется.

Луша.

Напрасно вы обижаете моего жениха: онъ не проходимецъ.

Данила Григорьичъ.

Такъ вотъ какія дѣла завелись у меня въ домѣ! Дѣвки сами начинаютъ жениховъ себѣ подбирать! Этакъ пожалуй, и дочери мои... Это очень прекрасно!

Матрена Панкратьевна.

И та, глядя на нее, словно сбѣсилась! Вечеромъ изъ саду домой не загонишь. Ты бы вотъ велѣлъ щели въ заборѣ всѣ заколотить.

Данила Григорьичъ.

Такъ вотъ что!

Матрена Панкратьевна.

Ну, кто-жъ твой женихъ—сказывай.

Луша.

Сергѣй Ильичъ.

Матрена Панкратьевна.

Да что ты, бѣлены, что-ль, объѣлась? Возьметъ тебя Сергѣй Ильичъ!

Луша.

Возьметъ.

Матрена Панкратьевна.

Да что за тобой есть-то? Дымъ да копоть! Ему нужна невѣста богатая, а не голь какая, прости Господи! Да ежели бы онъ за мою дочь присватался, такъ я бы неугасимую лампаду повѣсила, а то возьметъ онъ тебя!

Луша.

Возьметъ.

Матрена Панкратьевна.

Да что-жъ, Дарья-то Даниловна хуже тебя что-ли? По Москвѣ, можетъ, первая невѣста, и съ большимъ капиталомъ, и сватали за него... Ишь ты, что въ голову забрала! Милліонщикъ на тебѣ женится! Нѣтъ, голубушка, очень для тебя это высоко, очень высоко! Всякая бы этакъ-то захотѣла, да руки коротки.

Данила Григорьичъ.

Это дѣло разобрать надо.

Матрена Панкратьевна.

Вотъ и разбери! Этакое-то ты зелье, Лукерья Пантелевна, этакая ты неблагодарная!

Луша.

За что-жъ вы меня браните, что я вамъ сдѣлала?

Матрена Панкратьевна.

Да какъ-же, мать моя! Опять-же и то: кто тебя отдастъ за него?

Луша.

Я сама пойду.

Матрена Панкратьевна.

Сама? Ну, не зелье ты? Да какъ ты можешь такъ говорить? Что я воли что-ли надъ тобой не имѣю?

Луша.

Никакой.

Матрена Панкратьевна.

Господи! Да что же это такое? Данила Григорьичъ, тутъ что-нибудь да есть.

Данила Григорьичъ.

Стачка. Очченно я это хорошо понимаю. Дѣло это теперича на виду. Это съ Егоркой одна компанія. Значитъ, ты теперича ступай вонъ изъ моего дому.

Луша.

Хорошо. (Идетъ).

Матрена Панкратьевна.

Куда-жъ ты, безпутная, пойдешь-то? (Луша уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ-же, Даша, Сергѣй Ильичъ и Петръ Савичъ.

Матрена Панкратьевна.

Тьфу ты, пакостница этакая! (Къ мужу). Ужли это она и взаправду, аль тамъ какое ехидство придумала?

Данила Григорьичъ.

Это дѣло надо разобрать.

Даша (вбѣгаетъ).

Маменька! Сергѣй Ильичъ съ Петромъ Савичемъ пріѣхали.

Матрена Панкратьевна.

Вотъ и допроси его.

Данила Григорьичъ.

Все это дѣло сейчасъ обозначится (идетъ къ двери). А, милости просимъ!

Матрена Панкратьевна.

Рады дорогимъ гостямъ.

Петръ Савичъ.

Рады не рады, а ужъ мы тутъ... ха, ха, ха!

Сергѣй Ильичъ.

Извините, можетъ, не во-время.

Петръ Савичъ.

Вотъ-те еще разговаривать — не во-время! Для насъ съ тобой, для такихъ орловъ, всегда время. Такъ я говорю, Матрена Панкратьевна?..

Матрена Панкратьевна.

Это ужъ именно, завсегда рады... Это ужъ что говорить.

Данила Григорьичъ.

Садиться милости просимъ! Чѣмъ подчивать дорогихъ гостей.

Петръ Савичъ.

Окромя ласки намъ ничего не требуется. Намъ чтобы уваженіе только... Такъ я говорю, Матрена Панкратьевна? Опять же мы за дѣломъ пріѣхали. Вотъ ежели дѣло кончимъ, тогда другой разговоръ будетъ... а пока такъ. (Садятся). Я полагаю намъ сразу!.. Ну, начинай, Господи, благослови!

Сергѣй Ильичъ.

Постой!

Петръ Савичъ.

За постой деньги платятъ, чего стоять! Катай сразу.

Данила Григорьичъ.

Ты все балагуришь!

Петръ Савичъ.

Нѣтъ, не то, а у него до тебя дѣло есть, а человѣкъ онъ смирный. Денегъ много, а разговаривать не умѣетъ. Гмъ! Вчера энто мы были въ клубѣ... говорить, что-ли?

Сергѣй Ильичъ.

Говори.

Петръ Савичъ.

Были, значитъ, въ клубѣ, выпили, сколько намъ нужно, и впослѣдствіи времени—поѣхали въ паркъ. Дорогой онъ мнѣ и говоритъ: жениться, говоритъ, задумалъ. Такъ я говорю?

Матрена Панкратьевна.

Это доброе дѣло, Сергѣй Ильичъ.

Данила Григорьичъ.

Будетъ болтаться-то!

Петръ Савичъ.

Хочу, говоритъ, я жениться и безпремѣнно на Лукерьѣ Пантелевнѣ. Съ ней ужъ, говоритъ, я все обдѣлалъ, только самому сказать надо. (Молчаніе).

Данила Григорьичъ.

Да вѣдь ты, можетъ, думаешь, что она при деньгахъ? Денегъ за ней нѣтъ.

Петръ Савичъ.

У насъ своихъ много. Такъ я говорю, Матрена Панкратьевна? Своихъ много.

Данила Григорьичъ.

Развѣ, что такъ, а то...

Матрена Панкратьевна.

А мы такъ полагали, Сергѣй Ильичъ, что вамъ богатая невѣста нужна.

Петръ Савичъ.

Зачѣмъ богатую? Бѣдную дѣвушку осчастливить: та, по крайности, будетъ вѣкъ Бога молить. Такъ я говорю? Потому, она понимать это будетъ. Опять же и Богъ заплатитъ за это, что онъ сиротой не погнушался. Сиротская слеза, Матрена Панкратьевна (показываетъ наверхъ), вонъ она гдѣ! Я самъ на сиротѣ женатъ и въ лучшемъ видѣ!..

Матрена Панкратьевна.

Ваше дѣло, я ничего не знаю.

Данила Григорьичъ.

Очённо я всему этому, что ты мнѣ теперича говорилъ, вѣрю, только дать ей свое разрѣшеніе не могу.

Матрена Панкратьевна.

Хоша одна наша и племянница, а она въ сиротскій судъ приписана...

Петръ Савичъ.

Ты объ этомъ не сомнѣвайся: ужъ она такую бумагу составила, чтобы тебя прочь, а его, значитъ, попечителемъ.

Матрена Панкратьевна.

Какъ? Дядю-то прочь? Чужому человѣку...

Петръ Савичъ.

Да онъ свой будетъ... значитъ, мужъ.

Матрена Панкратьевна.

Вотъ это хорошо! Это за нашу-то хлѣбъ-соль?

Петръ Савичъ.

Да вѣдь съ рукъ долой, это вамъ лучше.

Матрена Панкратьевна.

Отстань-ко, Петръ Савичъ, не съ тобой говорятъ. Батюшка, Данила Григорьичъ, что это у насъ дѣлается?

Сергѣй Ильичъ.

Кажется, съ нашей стороны обиды вамъ нѣтъ никакой.

Матрена Панкратьевна.

Какъ нѣтъ обиды, помилуйте? Я мать дѣтей... Покорно васъ благодаримъ, Сергѣй Ильичъ! Очень мы вамъ благодарны!

Данила Григорьичъ.

Молчи, не суйся не въ свое дѣло!

Матрена Панкратьевна.

Да кто я такое? Что же это, ей-Богу!..

Данила Григорьичъ.

Лукерью сюда!

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же Зоя Евграфовна и Абрамъ Васильевичъ (въ попыхахъ).

Зоя Евграфовна.

Приволокла?

Данила Григорьичъ.

Вонъ!

Зоя Евграфовна (Петру Савичу).

Пойдетъ баталія! Я старичонку-то настрочила.

Абрамъ Васильичъ.

Кого вонъ? Меня, что ли? Нѣтъ, ужъ я теперь отсюда скоро не уйду.

Данила Григорьичъ.

Не уйдешь?!

Абрамъ Васильичъ.

Не уйду! Я тебя страмить буду. Мнѣ терять теперь, братъ, нечего, я все потерялъ, и честь потерялъ, и зрѣніе потерялъ, и жену вчера схоронилъ. Ничего у меня теперь нѣтъ, только душа въ тѣлѣ осталась, и та поганая: опоганилъ я ее съ тобой. Ничего, стало-быть, ты мнѣ не сдѣлаешь!..

Данила Григорьичъ.

Ахъ, ты пьяница! Смѣешь такія слова говорить со мной!

Абрамъ Васильичъ.

Это еще что за слова! Такія ли я тебѣ слова говорить пришелъ. Разбойникъ ты — разбойникъ! Господи! Какъ это ты насъ, этакихъ людей, огнемъ не спалишь? Видно, еще слезы-то до тебя не дошли.

Данила Григорьичъ.

Абрамъ, полно!

Матрена Панкратьевна.

Батюшка! Онъ помутился!

Абрамъ Васильичъ.

Не помутился я, врешь ты! Я не помутился! Матушка, Лукерья Пантелевна, не вижу я тебя (Становится на колѣни). Голубица ты моя чистая, прости ты меня, матушка.

Луша.

Полноте, Абрамъ Васильичъ, вы ничего не сдѣлали.

Абрамъ Васильичъ.

Какъ, голубушка! Мы тебя ограбили съ дядей твоимъ. У покойника твоего большой капиталъ былъ. Каюсь передъ тобой! Передъ всѣми каюсь! Много мы съ Данилой Григорьевымъ народу ограбили.

Данила Григорьичъ.

Извольте видѣть, какъ онъ меня конфузитъ!

Абрамъ Васильичъ.

Надъ покойникомъ-то, Пантелѣемъ Григорьичемъ, псалтырь читали, душенька-то еще, голубчика, не остыла, а мы...

Петръ Савичъ.

Будетъ, Абрамъ Васильичъ! Что старое вспоминать...

Абрамъ Васильичъ.

Никакъ, Петръ Савичъ? Батюшка, Петръ Савичъ, вотъ до чего я дошелъ! И смерти-то Господь за грѣхи мои не даетъ, велитъ на землѣ мучиться.

Петръ Савичъ.

Слова эти самыя твои теперича не къ разу, потому какъ Лукерья Пантелевна замужъ выходитъ, значитъ и шабашъ, все кончено! Мало кто что сдѣлалъ.

Данила Григорьичъ.

Да что же это, напримѣръ? Нашло въ мой домъ чужаго народу и теперича могутъ они командовать! Да кто жъ я такой! Сманили дѣвку... Матрена Панкратьевна! Да кто жъ я? Всѣ вонъ изъ моего дому!

Петръ Савичъ.

Что ты расходился-то? Коли не нравится—мы уйдемъ. Только худаго отъ насъ тебѣ ничего не было.

Данила Григорьичъ.

Вонъ всѣ!

Петръ Савичъ.

А ты пошибче, а то нестрашно.

Данила Григорьичъ (къ Лушѣ).

Пошла въ свое мѣсто!

Луша.

Я пойду къ Петру Савичу.

Данила Григорьичъ.

Нѣтъ, ужъ ты не пойдешь. Коли я, напримѣръ, что хочу, такъ это ужъ и будетъ по моему. (Беретъ за руку; Луша вырывается).

Петръ Савичъ.

Ты только это себѣ хуже, потому теперича тебѣ ничего невозможно. Ежели она что желаетъ, значитъ, ея это дѣло. Опять же мы не позволимъ.

Данила Григорьичъ.

Да ты кто такой?

Петръ Савичъ.

Я-то?

Данила Григорьичъ.

Ты-то?

Петръ Савичъ.

Петромъ Савичемъ прежде звали. Почетный гражданинъ. Довольно хорошо! Ты думаешь, на тебя суда, что-ли, нѣтъ? Нынче судъ есть.

Данила Григорьичъ.

Что ты судомъ-то мнѣ тычешь! Что мнѣ судъ, ежели я въ своемъ домѣ...

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же и Иванъ Прохоровъ.

Иванъ Прохоровъ.

Объявку отъ судебнаго слѣдователя принесли, чтобы завтрашняго числа...

Данила Григорьичъ.

Матрена Панкратьевна! За нашу-то хлѣбъ-соль вотъ съ нами какую статью обработали.

Матрена Панкратьевна.

Батюшка! что у тебя глаза-то какіе страшные?

Данила Григорьичъ.

Вѣдь тебя за это въ Сибирь рѣшатъ.

Матрена Панкратьевна.

Господи! Меня-то, за что же?

Данила Григорьичъ.

Всѣхъ насъ эти разбойники подвели. (Къ Абраму). А тебя, выжигу, уморю въ острогѣ. (Уходитъ съ женой).

Абрамъ Васильичъ.

Самъ прежде сядешь.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Сергѣй Ильичъ.

А, ты, дѣдушка, ступай жить къ намъ—мѣста много. Помаялся, будетъ. А дѣтей пристроимъ.

Абрамъ Васильичъ.

Голубчикъ ты мой, Сергѣй Ильичъ! Пошли тебѣ, Господи!

Луша.

Успокойтесь, Абрамъ Васильичъ.

Зоя Евграфовна. (Ивану Прохорову).

А ты-было и слюни распустилъ на Лукерью Пантелевну.

Иванъ Прохоровъ.

Намъ все единственно... воля хозяйская. (Уходитъ).

Алешка.

Петръ Савичъ, когда его судить будутъ? Я опять пойду (смѣется). Очечно я это люблю.

ЖЕСТОКІЕ НРАВЫ.

СЦЕНА ИЗЪ КОМЕДІИ.

Васинька, молодой купецъ, щеголевато одѣтый, бѣлокурый, выраженіе лица тупое.

Настенька, его жена, красавица, лѣтъ 19-ти.

Настенька.

Вася, да полно же, наконецъ! Вѣдь это ужастно скучно!

Васинька.

А мнѣ весело!

Настенька.

Пріятно что ли терпѣть твое безобразіе-то? Два мѣсяца какъ женился и ни одной почти ночи даже не ночевалъ.

Васинька.

Какъ ни одной? Третьяго дня не ночевалъ, это точно. Ну, сегодня...

Настенька.

Ну вотъ сегодня: въ которомъ ты часу пріѣхалъ?

Васинька.

Въ раннюю обѣдню. На Болвановкѣ ударяли, какъ я подъѣхалъ. У Никона Никоныча страженье было и засидѣлись.

Настенька.

Какое сраженье?

Васинька.

Обнаковенно какое: въ трынку играли. Послѣ на тройкѣ сдѣлали... у Натрускина цыганъ послушали. Все честь честью, какъ слѣдуетъ. Дай только Богъ, чтобы это не въ послѣдній разъ въ сей нашей кратковременной жизни.

Настенька.

Ну, ужъ и жизнь... Господи!

Васинька.

Тяжелая! Такъ вчерашняго числа наша компанія лики свои растушевала, такіе на нихъ колерà навела, даже до невозможности. До саней-то насилу доползли.

Настенька.

И ты такъ говоришь объ этомъ спокойно...

Васинька.

Что жъ плакать, что-ли? Ну, напились, что за важность! Мадера такая попалась, въ нее не влѣзешь: чертъ ихъ знаетъ, изъ чего они ее составляютъ. Пьешь—ничего, а какъ всталъ—кусаться хочется. Обозначено на ярлыкѣ „Экстра", этикетъ утвержденъ", ну и давай. Послѣ къ Яру заѣзжали. Иванъ Гаврилычъ пѣвицу чуть не убилъ.

Настенька.

Фу, какая гадость!

Васинька.

Ничего тутъ нѣтъ особеннаго, цѣловаться лѣзъ, а та препятствовала. Счастья своего не понимала. Поцѣловала бы разъ, другой—сотенная и въ карманѣ.

Настенька (съ отвращеніемъ).

Тьфу!

Васинька.

Да и человѣка-то острамила: протоколъ составили, къ мировому потащутъ.

Настинька.

Ахъ, какъ я рада!

Васинька.

Чему радоваться-то? Съ человѣкомъ несчастье, а она радуется. Ежели у него такой характеръ?

Настинька.

Обижать женщину?!

Васинька.

Да какая въ этомъ есть обида? За свои деньги...

Настинька съ упрекомъ:

Вася, зачѣмъ ты женился?

Васинька.

Что жъ мнѣ, вредъ что-ли отъ этого? Окромя удовольствія, ничего!

Настинька.

А мнѣ-то какое удовольствіе?

Васинька поетъ:

Что мнѣ до шумнаго свѣта,
Что мнѣ друзья и враги...

— Обожаю! Растопится твое сердце... Да полно плакать ты, дура!

Что мнѣ до шумнаго свѣта...

Настинька.

Скоро же твоя любовь прошла...

Васинька.

Да она не проходила! Развѣ въ этомъ любовь состоитъ, чтобы дома сидѣть. Любовь въ томъ состоитъ — взвился теперь, закружился, выпилъ, что слѣдуетъ, удовольствовалъ свою душу—домой! все у тебя тихо, смирно, хорошо. Вотъ это любовь.

Настинька.

Да я-то при чемъ же тутъ?

Васинька поетъ:

Что мнѣ до шумнаго свѣта,
Что мнѣ друзья и враги...

... Теперь бы хорошо мочененькаго яблочка. Душа послѣ вчерашняго ноетъ. Порфирій, скажи бабушкѣ, чтобы моченыхъ яблочекъ...

СПРЯТАЛСЯ МѢСЯЦЪ ЗА ТУЧИ.

ОБИДНО.

Вотъ она жизнь-то моя какая! Капиталу много, а тоски и еще больше!

Спрятался мѣсяцъ за тучи,
Больше не хочетъ гулять.

Кабы въ этомъ разѣ цыгановъ не было—помирать бы пришлось. Фараоны, въ линію! Конокрады, по мѣстамъ!

Спрятался мѣсяцъ за тучи,
Больше не хочетъ гулять.

За любовь претерпѣлъ! Такъ, нашего брата, дурака, и надо. Отдай деньги, да и пошелъ прочь! Поцѣлуй пробой, да и ступай домой. То-есть такъ обидно, кажется... Фараоны! Веселую!

Ай, береза, ты моя береза!

Иду я довольно равнодушно по улицѣ, никого не трогаю, смотрю: изъ окна высунулась барышня... Словно она меня кипяткомъ ошпарила. Тутъ, думаю, вся моя погибель!..

Всѣ свои глупости бросилъ, только по три раза на день въ цырульню завиваться ходилъ, на ликъ красоту наводилъ. Собаку ихнюю прiучилъ, чтобы не лаяла, а съ кухаркой дружбу завелъ, чтобы записки носила. Путался, путался—надоѣло: сваху подослалъ.

Приняли меня отличнѣйшимъ манеромъ. Дяденька ихнiй сталъ со мной въ трынку играть, а маменька съ

дочкой на фортопьянахъ меня учить, а опосля того маменька приказали домъ въ голубую окрасить: „очень я“, говоритъ, „нѣжный цвѣтъ люблю“. Что этой слякоти сродственниковъ повылѣзало—все на мой счетъ. Жри! купецъ заплатитъ.

Порѣшили—опосля ярманки свадьба. Проводили меня въ Нижній честь честью. Маменька два раза плакать принималась, спиртъ для воодушевленія нюхала. Такая въ Нижнемъ-то меня тоска взяла; подойду къ буфету-то, посмотрю, какъ бутылки стоятъ, да и прочь: боялся сорваться на прежнее положеніе.

Насилу дотерпѣлъ до конца ярманки. Пріѣхалъ въ Москву, завился и сейчасъ къ невѣстѣ. Не дождались меня—за повѣреннаго выдали!

Какъ чумовой бросился въ Грузины, да двѣ недѣли безъ просыпу тамъ и орудовалъ. Отъ коньяку шею свело!... Два протокола составили!... Въ тюрьмѣ сидѣлъ за безобразіе!... Въ сѣромъ пальтѣ ходилъ!...

Одно только теперича и осталось: фараоны въ линію! Конокрады, по мѣстамъ...

Спрятался мѣсячъ за тучки,
Больше не хочетъ гулять...

ТЕНЕРИФЪ.

ОТЪ МИРОВОГО.

РАЗСКАЗЪ КУПЦА.

Какое вчерашняго числа съ нами событіе случилось... Просто на удивленье міру. Въ нашемъ купеческомъ сословіи много разныхъ дѣловъ происходитъ, а еще этакой операціи, такъ думаю, никогда не бывало...

Зашли мы къ Москворѣцкому мосту въ погребокъ. Намъ сейчасъ новый прейсъ-курантъ поднесли. Иванъ Семеновъ взялъ, читаетъ:

„Давно желанное сліяніе интеллигенціи съ капиталомъ въ настоящее время уже совершается: интеллигенція идетъ на встрѣчу капиталу, капиталъ, въ свою очередь, не остается чуждъ взаимности.

Въ этихъ видахъ наша фирма настоящаго русскаго шампанскаго и прочихъ виноградныхъ винъ, къ предстоящей масляницѣ, приготовила новую марку шампанскаго, не бывалую еще въ продажѣ и отличающуюся отъ другихъ марокъ своею стойкостію и нектоpальнымъ вкусомъ.

Москворѣцкій монополь, № 1. Игристый.

№ 2. Самый игристый, пробка съ пружиной. При откупориваніи просятъ остерегаться взрыву.

№ 3. Пли! свадебное.

№ 4. Нижегородскій монополь съ краснымъ отливомъ. Высокій.

Въ нашемъ же складѣ продаются слѣдующія иностранныя вина:

Борисоглѣбская мадера съ утвержденнымъ этикетомъ, мѣстнаго разлива.

Хересъ Кашинскій, въ кувшинахъ, Аликантъ. Старый.

Ромъ Ямайскій. Тройной. Жестокой.

Тенерифъ купца Зайцева...“

Вотъ на Тенерифъ-то мы и приналегли и такъ это свои лики растушевали, такіе колера на нихъ навели, что Иванъ Семенычъ всталъ, да и говоритъ:

— Долженъ я, говоритъ, константировать, что всѣ мы пьяные и по эвтому прейсъ-куранту пить намъ больше невозможно, а должны мы искать другого убѣжища. А самъ плачетъ...

Мы испугались, а приказчикъ, „не сумлевайтесь, говоритъ, это отъ Тенерефу: эту марку не многіе выдерживаютъ, потому, онъ въ чувство вгоняетъ человѣка“.

Вышли мы, сѣли на тройку, да и взвились поперекъ всей Москвы...

По сторонамъ народъ такъ и мечется, не можетъ себѣ въ понятіе взять, что, можетъ, вся наша жизнь рѣшается... Городовые свистятъ... околоточные озираются... А Иванъ Семенычъ плачетъ навзрыдъ... Яша кричитъ ямщику: „вези прямо къ мировому: все равно, завтра къ нему силой потащатъ“...

Пріѣхали въ Стрѣльну, сдѣлали тамъ что-то такое, должно быть, не хорошее. Помню, что шумъ былъ большой, арфистка плакала... Околоточный протоколъ составлялъ.

Черезъ три дня—пожалуйте!

Вышелъ мировой, солидный человѣкъ, сѣдой наружности:

— Не угодно ли вамъ, господа стрѣленскіе, сюда къ столу пожаловать?

Публика срамъ!

— Швейцаръ, разскажите все, какъ было.

Тотъ сейчасъ показываетъ на меня: „они мнѣ, говоритъ, ухо укусили“.

— Не помню, говорю. Да ежели бы и помнилъ, такъ непріятно объ этомъ разсказывать. Въ изступленіи ума находился отъ Тенерифу.

— А вы зачѣмъ этотъ Тенерифъ пьете?

— А зачѣмъ начальство этотъ Тенерифъ въ продажу допущаетъ? Потому отъ его не токмà что ухо, а и человѣка вовсе загрызть можно...

— А онъ что дѣлалъ? показываетъ на Ивана Семенова.

— Не могу, говоритъ, при публикѣ доложить. Всѣ прочіе, которые только шумѣли, а они... просто, говоритъ, выразить не могу.

Потомъ писалъ, писалъ этотъ мировой...

— Прошу, говоритъ, встать.

Всѣ встали.

По указу... тамъ все прочее... На двѣ недѣли и посадилъ въ казенномъ халатѣ ходить...

Иванъ Семеновъ:—ну, а ежели у меня, говоритъ, двѣ медали на шеѣ?

— Жалко, говоритъ, вы раньше не сказали: я бы васъ на мѣсяцъ посадилъ.

Вотъ тебѣ и Тенерифъ! Изъ-за пустого дѣла, а какой срамъ вышелъ...

У МИРОВАГО СУДЬИ.

Камера мироваго судьи. Передъ столомъ стоятъ два приказчика изъ Апраксина двора.

Мировой судья.

Вы обвиняетесь въ томъ, что въ гостинницѣ „Ягодка" вымазали горчицей лицо трактирному служителю...

Первый.

Бушевали мы—это точно.

Мировой судья.

Разбили зеркало...

Первый.

За все за это заплачено и мальчишкѣ дадено, что слѣдуетъ.

Мировой судья.

Такъ вы признаете себя виновнымъ?

Первый.

Какая же въ этомъ есть моя вина?.. Ежели я за свои деньги...

Мировой судья.

Вы вмѣстѣ были?

Второй.

Такъ точно!..

Мировой судья.

Признаете себя виновнымъ?

Второй.

Никакъ нѣтъ-съ!

Мировой судья.

Въ протоколѣ написано, что вы...

Второй.

Что жъ, я за два двугривенныхъ какой угодно протоколъ напишу.

Мировой судья.

Вы такъ не выражайтесь.

Второй.

Тутъ выраженьевъ никакихъ нѣтъ.

Мировой судья.

Разскажите, какъ дѣло было.

Свидѣтель.

Про которыя они про деньги говорятъ, я ихъ не получалъ. А что какъ они пришли и между прочимъ выпимши и сейчасъ приказали, чтобы селянку и большой графинъ, а опосля того бутылку хересу. Какъ сейчасъ выпили, такъ и закуражились...

Первый.

Ежели я тебѣ лицо мазалъ...

Мировой судья.

Молчите.

Первый.

Какъ угодно, только онъ все вретъ...

Защитникъ.

Позвольте предложить свидѣтелю вопросъ.

Мировой судья.

Вы кто такой?

Защитникъ.

Въ качествѣ защитника.

Мировой судья.

Послѣ.

Свидѣтель.

Сейчасъ закуражились и сейчасъ стали меня терзать.

Мировой судья.

Какъ терзать?

Свидѣтель.

За волосы.

Мировой судья.

Кто изъ нихъ?

Свидѣтель.

Вотъ они.

Первый.

Собственно, все это пустяки.

Защитникъ.

Позвольте предложить вопросъ свидѣтелю.

Мировой судья.

Я вамъ сказалъ, что послѣ.

Свидѣтель.

Ну, опосля того мазать меня горчицей стали. Гость одинъ и говоритъ: „что вы, господа купцы, безобразничаете". А они говорятъ: „мы за свои деньги".

Мировой судья.

Такъ это было?

Первый.

Можетъ, я былъ очень выпимши, не помню. А что ежели и смазали маленько — бѣды тутъ большой нѣтъ; если бы мы его скипидаромъ смазали... опять и деньги мы за это заплатили. Коли угодно, виноватымъ я буду.

Мировой судья.

А вы?

Второй.

Мы остаемся при своемъ показаніи.

Защитникъ.

Теперь можно защитнику?

Мировой судья.

Можно.

Защитникъ.

Г. мировой судья! Чистосердечное раскаяніе, принесенное въ судѣ, на основаніи новаго законоположенія, ослабляетъ... Законъ разрѣшаетъ вамъ по внутреннему убѣжденію...., а потому я прошу васъ судить моего довѣрителя по внутреннему убѣжденію. Я отвергаю здѣсь всякое преступленіе. Я долго служилъ въ Управѣ Благо...

Мировой судья.

Позвольте, г. защитникъ. Вы въ какомъ видѣ?

Защитникъ.

Чего-съ?

Мировой судья.

Вы въ какомъ видѣ пришли сюда?

Защитникъ.

Въ какомъ-съ?

Мировой судья.

Я васъ штрафую тремя рублями. Извольте выйти вонъ!

Защитникъ.

Скоро, справедливо и милостиво.

СТАРОЕ ВИНО.

КИНАРЕЕЧКА.

СЦЕНА.

Идетъ молодой купецъ. Изъ окна слышится пѣсня:

А-д-ин-окъ сто-итъ
До-микъ куо-шечка.
Онъ на всѣхъ гля-дитъ
Въ три-и око-ше-чка.

Останавливается.

— Чудесно! Даже, можно сказать, очаровательно.

На одномъ изъ нихъ
За-навѣ-сочка,
А за ней ви-ситъ
Съ пт-и-и-ичкой кьѣ-точка...

— То-есть, убиться можно отъ восторга.

Чья-то рручка тамъ
Держитъ ле-ич-ку,
Знать, водой па-итъ
Ки-наре-ичку...

Опера!.. Въ этомъ положенiи, въ какомъ я теперь нахожусь—жениться бы надо, потому сердце мое растопилось какъ воскъ... Ей Богу, вотъ сейчасъ, съ мѣста: обручается рабъ Божiй... Что значитъ это—музыка.

Ки-наре-ичку!...

— Что, Гаврюшенька, мечтаешь?

— О женитьбѣ было размечтался, звуки изъ окна очень хороши... чувствительны.

— Такъ женись.

— Можетъ, по возвращеніи отъ мирового этой мечтой сурьезно займемся. Пора, должно быть, все бросить. То-есть вѣришь — какое несчастье! Только пошевелишься, дать своему сердцу отвагу — къ мировому. Ужъ Иванъ Семеновъ думаетъ по близости отъ него квартиру нанять.

— Что же, опять процессъ?

— Опять.

— Уголовный?

— Чертъ его знаетъ, подъ какой подведетъ! Извольте видѣть. Прошлись мы это съ приказчикомъ по Зоологическому саду: все обошли честь честью, какъ полагается... Иванъ Семеновъ, изъ Перинной линіи, льва подразнилъ... слона погладили... двумъ облизьянамъ по яблоку вручили, медвѣдю, Михаилу Ивановичу, почтеніе отдали, смотримъ, дама благотворительную лотерею разыгрываетъ... Давай, говоритъ, Иванъ Семеновъ, на наше счастье кинемъ: можетъ, что и выграемъ... Семъ серебра прокидали: резинчатую калошу выиграли... Такъ время провели, лучше требовать нельзя.

Поѣхали въ Аркадію, по дорогѣ погребокъ. Иванъ Семеновъ говоритъ: не передохнуть-ли? Разгонную бутылочку выпьемъ.

Зашли...

Ну, намъ сейчасъ полное уваженіе. Приказчикъ говоритъ: не прикажете-ли особенной?

— Какова?

— Да, говоритъ, фундамѐнтъ мы перекладàли, погребку нашему восемьдесятъ годовъ, фундамѐнтъ перекладàли, такъ десять бутылокъ нашли, въ стѣнѣ заложены, и сами не знаемъ, какое оно такое. Возьмите тó во вниманіе — восемьдесятъ годовъ лежало. Другому, которому не подадимъ, потому, безъ понятія его пить невозможно, а кто понимать можетъ — вино дивное! Словно бы, говоритъ, на манеръ Амонтилады, только поэфектнѣе, подушистѣе.

— Давай!

Приносятъ бутылку — вся въ грязи...

— Извольте, говоритъ, видѣть, въ какомъ она положеніи.

Только откупорилъ, стали наливать, вдругъ оттедова живая муха, такъ и дрыѓаетъ...

Иванъ Семеновъ вскочилъ.

— Чтожъ ты говоришь: бутылка восемьдесятъ годовъ лежала, а между прочимъ муха! Ты, говоритъ, честнòй народъ обманываешь?

— Помилуйте, говоритъ, фундамèнтъ перекладàли, восемьдесятъ годовъ...

— А муха?

— А муха, говоритъ, ничего... Потому она въ спирту живетъ...

Ну, натурально: хлясь!

Шумъ, крикъ, городовой, свистокъ, околоточный...

Бутылку описали...

Муху къ дѣлу припечатали...

— Ну какъ же дѣло теперь?

— Адвокатъ говоритъ, коли ежели, на ваше счастье, муху утеряютъ—

А гуазокъ, гуазокъ—
Ни-забу-дочка!
Для неопытныхъ
Зуа-ая у-удочка...

— Да не пой ты, не терзай мою душу...

Его оправдали.

РАЗВЕСЕЛОЕ ЖИТЬЕ.

СЦЕНА.

Купецъ:

— Наслышаны мы объ васъ, милостивый государь, что, напримѣръ, ежели что у мироваго — сейчасъ вы можете человѣка оправить.

Адвокатъ:

— А у васъ дѣло есть?

— Дѣло, собственно, неважное, пустяки, выходитъ... Не мы первые, не мы послѣдніе... извѣстно глупость наша...

— Скандалъ сдѣлали?

— Шумъ легонькой промежду насъ былъ.

— Въ публичномъ мѣстѣ?

— Какъ слѣдуетъ... при всей публикѣ.

— Нехорошо!

— Дѣйствительно, хорошаго мало.

— Гдѣ-же это было?

— На Владимірской... такое заведеніе тамъ прилажено.

— Въ Орфеумѣ?

— Въ этомъ самомъ. (Молчаніе). Ежели я теперича, милостивый государь, человѣка ударю, что мнѣ за это полагается?

— Въ тюрьмѣ сидѣть.

— Такъ-съ!.. Долго?

— Смотря какъ... недѣли три... мѣсяцъ...

— А ежели я купецъ, напримѣръ, гильдію плачу.

— Тогда дольше: мѣсяца два, а то и три.

— Конфузъ!.. (Молчаніе). А ежели онъ, съ своей стороны, тоже дѣйствовалъ, и оченно даже... можно сказать, сокрушить хотѣлъ?

— Да разскажите мнѣ все, что было. Садитесь. Разскажите по порядку.

— Порядокъ извѣстный—напились и пошли чертить. Вотъ изволите видѣть: собралось насъ, примѣрно, цѣлое обчество, кампанія. Ну, а въ нашемъ званіи, извѣстно, разговору безъ напитку не бываетъ, да и разговоръ нашъ нескладный. Вотъ собрались въ коммерческую, ошарашили два графина, на шампанское пошли. А шампанское теперича какое? Одно только ему званіе шампанское, а такой составъ пьемъ—смерть! Глазъ выворачиваетъ... Который непривычный человѣкъ, этимъ ежели дѣломъ не занимается, съ одной бутылки на стѣну лѣзетъ.

— А не пить нельзя?

— Для восторгу пьемъ. Больше дѣлать нечего. Ну, заправились какъ должно—поѣхали. Путались-путались по Санктъ-Петербургу-то, метались-метались — въ Эльдорадо пріѣхали. Опять та же статья, съизнова. Поѣхали по домамъ-то, одинъ изъ нашего общества и говоритъ: „давайте, говоритъ, прощальный карамболь сдѣлаемъ, разгонную бутылку выпьемъ, чтобы всѣ чувствовали, что мы за люди есть“. Сейчасъ на Владимірскую. Мыслей-то ужъ въ головѣ нѣтъ, стыда этого тоже, только стараешься какъ бы все чуднѣй, чтобы публика надъ тобой тѣшилась. Набрали этого самаго женскаго сословія — тамъ его видимо-невидимо—угощать стали. Угощали, угощали—безобразничать. Подошелъ какой-то—не то господинъ, не то писарь: „нешто, говоритъ, такъ сь дамами возможно? Это, говоритъ, ваше одно необразованіе“. Кто-то съ краю изъ нашей кампаніи сидѣлъ, какъ свиснетъ его: „вотъ, говоритъ, наше какое образованіе“. Такъ тотъ и покатился. Ну, и пошло!.. Вся эта нація завизжала... Кто кричитъ „полицію“, кто кричитъ—„бей“!

— А вы били кого-нибудь?

— Раза два смазалъ кого-то... подвернулся.

— Прежде вы за буйство не судились?

— При всей публикѣ?

— Да,—у мироваго судьи?

— У квартальнаго раза два судился прежде. Тогда проще было: дашь, бывало, письмоводителю — и кончено. А теперича и дороже стало, и страму больше.

— Сраму больше.

— Въ газетахъ не обозначатъ?

— Напечатаютъ.

— А ежели, напримѣръ, пожертвовать на богадѣльню, или куда?..

— Ничего не поможетъ.

— Безпремѣнно ужъ, значитъ, сидѣть?

— Я думаю.

— Все одно, какъ простой человѣкъ съ арестантами?

— Да.

— Изъ-за пустого дѣла!.. Хлопочи вотъ теперь, трать-ся. Сейчасъ былъ тоже у одного адвоката, три синенькихъ отдалъ.

— За что?

— За разговоръ. „Я“, говоритъ, „твое дѣло выслушаю, только мнѣ, говоритъ, за это пятнадцать рублей и деньги сейчасъ“. Ну, отдалъ, разсказалъ все какъ слѣдуетъ...

— Что же онъ?

— Взялъ онъ эти деньги: „уповай“, говоритъ, „на Бога“.

— И больше ничего?

— Ничего! „Уповай“, говоритъ, „на Бога“, и шабашъ!

ТРАВІАТА.

РАЗСКАЗЪ КУПЦА.

А то разъ мы тоже съ приказчикомъ, съ Иваномъ Ѳедоровымъ, шли мимо каменнаго театру. Иванъ Ѳедоровъ почиталъ-почиталъ объявленіе: — понять, говоритъ, невозможно, потому не нашими словами напечатано.

— Господинъ, что на афишкѣ обозначено?

Прочиталъ. Говоритъ: „Фру-фру".

— Въ какомъ, говоримъ, смыслѣ?

— Это, говоритъ, на ихнемъ языкѣ обозначаетъ настоящее дѣло.

-- Такъ-съ! Покорнѣйше благодаримъ...

— Господинъ городовой, вы человѣкъ здѣшній, можетъ слыхали: какъ намъ понимать эту самую Фру-фру?

— Ступайте, говоритъ, въ кассу—тамъ все отлепортуютъ.

Пришли въ кассу.

— Пожалуйте два билета, на самый на верхъ, выше чего быть невозможно.

— На какое представленіе?

— Фру-фру.

— Здѣсь, говоритъ, опера.

— Все одно, пожалуйте два билета, намъ что хошь представляй. Иванъ Ѳедоровъ, трогай! Ступай!

Пришли мы, сѣли, а ужъ тальянскіе эти самые актера дѣйствуютъ. Сидятъ, примѣрно, за столомъ, закусываютъ и поютъ, что имъ жить оченно превосходно, такъ что лучше требовать нельзя. Сейчасъ г-жа Патти налила стаканчикъ красненькаго, подаетъ г-ну Канцеляри:

— Выкушайте, милостивый государь.

Тотъ выпилъ да и говоритъ:

— Оченно я въ васъ влюбленъ.

— Не можетъ быть!

— Вѣрное слово!

— Ну такъ, говоритъ, извольте идти куда вамъ требуется, а я сяду, подумаю объ своей жизни, потому, говоритъ, наше дѣло женское, безъ оглядки намъ невозможно...

Сидитъ г-жа Патти, думаетъ объ своей жизни, входитъ нѣкоторый человѣкъ...

— Я, говоритъ, сударыня, имени-отчества вашего не знаю, а пришелъ поговорить на счетъ своего парнишки: парнишка мой запутался, у васъ скрывается—турните вы его отседа.

— Пожалуйте, говоритъ, въ садъ, милостивый государь, на вольномъ воздухѣ разговаривать гораздо превосходнѣе.

Пошли въ садъ.

— Извольте, говоритъ, милостивый государь, сейчасъ я ему такую привелегiю напишу, что ходить онъ ко мнѣ не будетъ, потому я сама баловства терпѣть не могу.

Тутъ мы вышли въ калидоръ, пожевали яблочка, потому жарко оченно, разморило. Оборотили назадъ-то — я говорю:

— Иванъ Ѳедоровъ, смотри хорошенько.

— Смотрю, говоритъ.

— Къ чему клонитъ?

— А къ тому, говоритъ, клонитъ, что парнишка пришелъ къ ней въ своемъ невѣжествѣ прощенья просить:

— Я, говоритъ, ни въ чемъ не причиненъ, все дѣло тятенька напуталъ.

А та говоритъ:

— Хошà вы, говоритъ, меня при всей публикѣ острамили, но, при всемъ томъ, я васъ оченно люблю! Вотъ вамъ мой патретъ на память, а я, между прочимъ, померетъ должна...

Попѣла еще съ полчасика, да Богу душу и отдала.

БЛОНДЕНЪ.

РАЗСКАЗЪ КУПЦА.

Только приходимъ мы съ приказчикомъ, съ Иваномъ Ѳедоровымъ, смотримъ: народу видимо-невидимо, такъ валомъ и валитъ. Иванъ Ѳедоровъ говоритъ: тутъ одинъ на канатѣ ломается. Пойдемъ посмотримъ... что за важное дѣло...

Пришли въ кассу.

— Какое, другъ сердечный, представленіе?

— Грамотѣ, говоритъ, умѣете?

— По печатному разбирать можемъ. Иванъ Ѳедоровъ по печатному оченно превосходно...

Сейчасъ прочиталъ:

— Будетъ, говоритъ, великое восхожденіе по канату, съ нѣмцемъ, въ пятьсотъ фунтовъ.

— Что, другъ сердечный, вѣрно на афишкѣ обозначено, на чести, подвоху нѣтъ?

— Вѣрно, говоритъ.

— А нѣмца таскать будутъ?

— Будутъ.

— Живаго?

— Живаго.

— Почемъ билеты?

— Вамъ, почтенные, въ какія мѣста угодно?

— Которыя попроще...

Цѣлковый рубъ отдали.

Вышелъ сейчасъ этотъ Блонденъ и пошелъ... Шелъ, шелъ — сорвался! Барыни которыя такъ и завизжали!.. А вѣдь онъ, сударь мой, не упалъ... Слово что-ли такое знаетъ, али такъ счастье ему: зацѣпился штаниной, повисъ на воздусяхъ—виситъ! Я говорю:

— Иванъ Ѳедоровъ, когда-жъ нѣмца-то?

— Вишь тащутъ.

Смотрю: нѣмецъ какъ есть настоящій, и человѣкъ, надо полагать, степенный. Ну, думаю, шабашъ братъ, адью! Умора, сударь мой, какъ онъ его поволокъ: ухватилъ такъ-то... трогай!

— Батюшка, говоритъ, господинъ Блонденъ, пусти душу на покаяніе.

— Нѣтъ, говоритъ, Карла Иванычъ, сиди, а то уроню. Намъ, говоритъ, публику обманывать не приказано, вишь: квартальный стоитъ.

Протащилъ его, колѣно сдѣлалъ — ему фору, а мы, грѣшнымъ дѣломъ, въ трактиръ, по рюмкѣ померанцовой горечи перкувырнули — домой пошли.

СЪ ЛЕГКОЙ РУКИ.

РАЗСКАЗЪ ИЗВОЗЧИКА.

— На троичкѣ, ваше сіятельство, прокатилъ-бы... По первопутку-то теперь чудесно!..

— Къ Сергію.

— Можно-съ. Взадъ-назадъ? Долго ли тамъ пробудете?

— Часа три.

— А откеда васъ взять-то?

— Да вотъ сейчасъ и поѣдемъ.

— Десять рубликовъ положьте.

— Ужлй, сударь, на эфтой тройкѣ поѣдите?

— Молчи, желтоглазый! на твоей что-ли ѣхать?.. Развѣ у тебя лошади!..

— Далеча-ли ѣхать-то? Пожалуйте, мы на графскихъ доставимъ.

— Полно трепаться-то, дьяволъ! Пожалуйте, ваше сіятельство!..

— Со мной, ваше сіятельство!..

— За шесть рубликовъ доставлю, ваше сіятельство.

— Со мной пожалуйте... съ первымъ. Покрайности заслужу вашей милости.

— Садись.

— Покорми дорогой-то.

— Всю Расею не кормя проѣдемъ. Микитка, поправь шлею-то... съ Богомъ!.. Эхъ вы, милыя, дѣйствуй!..

— А ты—веселый.

— Я, ваше сіятельство, блажной!

— Какъ блажной?

— Такъ. Коли ежели который мнѣ баринъ пондравится — цѣну собью, а ужъ его повезу... въ убытокъ, значитъ... Обиждаются на меня на биржѣ-то, да ничего на подѣлаешь,— ндравъ у меня такой.

— А у тебя своя тройка?

— Собственная. У насъ заведенье свое... съ дядей мы пять троекъ держимъ.

— Славныя лошади.

— Бѣдовыя! Коли ежели кто охотникъ, садись теперича на эту самую тройку, да скажи: *„Локтевъ, дѣлай!"* — Ну и молись Богу!.. Птица! Намедни въ Колпино энарала возилъ — оченно онъ одобрялъ. Этой-бы тройкѣ, говоритъ, на моей эниральской конюшнѣ стоять, а не мужику владать ей.

— А ты водку пьешь?

— Нѣтъ, Богъ миловалъ, не пью. Господа ежели когда хорошенькимъ угощаютъ, ну, не брезгую.

— Какое-же это хорошенькое-то?

— Мадера тамъ что-ли... какъ она у нихъ прозывается...

— А мадеру любишь?

— Люблю. Купцовъ когда трафится возить съ дамочками, ежели заслужишь—угощаютъ...

— А купцы все съ дамочками ѣздятъ?

— И купцы, и офицеры... Кто-жъ съ ними не ѣздитъ... Баловниковъ тоже по Питеру-то много; только, ваше сіятельство, супротивъ прежнихъ годовъ, насчетъ этого тише стало...

— Отчего-же?

— Такъ ужъ, значитъ... времена такія подошли. А бывало тысячи на Средней Рогаткѣ проживали. Отецъ-покойникъ разсказывалъ...

— А у тебя померъ отецъ?

— Замерзъ. Зашибался онъ. Повезъ купца одного въ Красненькой, и все съ нимъ это они пили... Купецъ вѣдь, ежели онъ пьяный, нашимъ братомъ не гнушается— садись съ нимъ вмѣстѣ и все это... денегъ ежели у его

попросить, хоть умирай, не дастъ, а насчетъ пьянства — первый ты ему благопрiятель.

— А ты почему знаешь?

— Какъ намъ, ваше сiятельство, не знать. Десятый годъ ѣзжу, видалъ народу-то всякаго; опять же и отъ своего брата слышишь... На нашемъ дворѣ стоитъ Ванька, Талицкой онъ прозывается.

— Лихачъ?

— Лихачъ, ваше сiятельство! Такой-то сорванецъ, какъ есть оглашенный! Купчиху одну онъ все возилъ, такъ та, за его услугу, лошадь ему подарила; теперича, можетъ, первый извозчикъ сталъ по всему Питеру.

— Что же онъ?

— Инный разъ пойдетъ это свои оказiи разсказывать... страсть! Онъ такъ съ обнаковеннымъ человѣкомъ и не поѣдетъ — у его все знакомые; онъ и на биржу-то выѣзжаетъ такъ, чтобы побатвить только.

— Про что-же онъ разсказываетъ?

— Про разное...

— Да онъ вретъ, можетъ.

— Что-жъ ему врать — врать ему нечего.

— И деньги у него есть?

— Большiя.

— А у тебя, чай, тоже денегъ-то много?

— Какiя у насъ, сударь, деньги — изъ-за хлѣба на квасъ выручаемъ. Это кому счастье, а нашему брату Богъ-бы привелъ кое-какъ, да кое-какъ... Опять-же эти деньги... грѣха отъ ихъ оченно много.

— Отчего-же?

— Какъ, сударь, отчего? — Баловства съ ими много. Теперича все стараешься все-бы какъ лучше; а какъ есть у тебя въ мошнѣ — ни объ чемъ тебѣ не думается, все наровишь какъ бы въ трактиръ, да какъ бы что хуже еще...

— А ты женатый?

— Женатый. Да вѣдь какъ попадетъ въ голову-то, сударь, самъ съ собой не сообразишь. Нашъ братъ, извѣстно — дуракъ: коли ежели пьянъ напился, такъ ему все одно. Озорниковъ тоже много по нашей части... Эхъ вы, голубчики... дѣлай!.. Ухъ, тю-лю-лю!.. Фi—у!..

„Ужъ какъ за недѣлюшку,
„Ахъ, да сердце чуяло“....

— Не пой: горло простудишь.

— Мы, ваше сіятельство, простуды не имѣемъ... это у насъ безъ сумлѣнія.

„Оно бѣду слышало“...

— Держи правѣй-то!.. Держи, лѣшій... заснулъ!.. Экой обломъ!.. Не по чугункѣ ѣдешь.

— Что ты лаешься-то! Аль тебѣ дороги-то мало?!..

— Мало!.. Эхъ, молодчики!.. Барышня эта, сударь, съ офицеромъ... что сейчасъ-то насъ опередила...

— Что-же?

— Моя знакомая... Я и тетеньку ея знаю... Она и сейчасъ въ нѣмкахъ въ Средней Мѣщанской живетъ... въ ключницахъ у мадамы...

— А почемъ ты знаешь?

— Я-то? хмъ!.. Я знаю... Я съ ихней милостью ѣзжалъ. Первый сортъ барыня... обходительная... два серебромъ завсегда на чай даетъ.

— Очень ужъ много.

— Что-жъ, деньги у ей вольныя. Скажетъ своему барину: — душенька, требуется мнѣ, хошь-бы, напримѣръ, сто рублевъ... хошь сто, хошь двѣсти... ну и, значитъ, получай... отказу ей нѣтъ. Силу она надъ имъ большую имѣетъ.

— Надъ бариномъ?

— Да, надъ старикомъ-то.

— А онъ старикъ?

— Старикъ ужъ древній... пять домовъ у его здѣсь... Чинами его всякими жалуютъ... ужъ оченно богатый... А насчетъ гульбы какой!.. Даромъ что старый, молодой супротивъ его не можетъ потрафить, потому онъ два раза на войнѣ былъ, на страженьи.

— Такъ гулять любитъ?

— Шибко! Какъ закатится это когда къ цыганкамъ, али съ мадамами къ Дюсѣ: хочу, говоритъ, я, чтобы всѣ чувствовали, что я есть за человѣкъ на семъ свѣтѣ: требуй кому что желается—за все плачу. А мадамы эти вѣстимо... другой и вся цѣна-то грошъ, а сама себя за барыню почитаетъ, ну и требоваетъ.

— Такъ ты почему эту барыню-то знаешь, что проѣхала-то?..

— Да это вотъ какъ, сударь: годовъ десять назадъ, зимою дѣло было, только что дорога стала. Выѣхалъ я на

биржу, да и думаю — Богъ-бы привелъ починъ сдѣлать. Извѣстно, тройка — не одиночка, инный разъ и недѣлю такъ простоишь. Такъ этакъ въ вечерни, идетъ баринъ, высокой такой,—можетъ и купецъ, а по нашему, извѣстно, всякаго бариномъ обзываешь. „Тройку", говоритъ, „нужно".—„Далеча-ли ѣхать?" говорю. „Куда", говоритъ, „прикажу".—„Мы", говорю, „такъ не можемъ, а куда вашей милости угодно—вы скажите". Осерчалъ.—„Я", говоритъ, „съ тобой, дуракомъ, вниманію не хочу имѣть говорить-то".—„Помилуйте", говорю, „сударь, у насъ дѣло любовное: угодно вашей милости — повеземъ; а коли ежели неугодно — на биржѣ стоять будемъ". — „Я", говоритъ, „куда разсужу, туда и поѣду". — „Такъ на часы прикажите ѣхать". — „Ладно", говоритъ: „въ 7 часовъ, будь, братецъ, въ Гороховой, стой на углу Краснаго моста". Далъ задатокъ, посмотрѣлъ нумеръ — ушелъ. Въ семомъ часу я пріѣхалъ. Такъ этакъ черезъ полчаса идетъ мой баринъ,—надо быть купецъ по обличью-то.—„Стань", говоритъ, „къ сторонкѣ, и какъ я сейчасъ сяду, такъ ты и пошелъ на Красненькій". Вышли это двѣ барыни, — одна толстая такая, а другая молоденькая. Промежъ себя долго это они говорили; толстая взяла ее за ручку и ведетъ къ санямъ. Та говоритъ: „хоша вы меня, говоритъ, убейте, а я не поѣду". А баринъ-то ей: „отчего-жъ вы, говоритъ, съ вашей тетенькой ѣхать не желаете? Это, говоритъ, имъ будетъ даже оченно обидно. Мы, говоритъ, только прокатимся, по той причинѣ, что теперича оченно прекрасно, погода, говоритъ, чудесная". Тетка ей сейчасъ по-нѣмецкому, та ей тоже по-нѣмецкому, а сама въ слезы; а баринъ-то, должно, по ихнему-то не умѣетъ, стоитъ, словно-бы статуй какой. Поговорили, поговорили — сѣли. Баринъ-то сѣлъ съ молоденькой, а тетку посадили насупротивъ.—„Пошелъ! Старайся, говоритъ: три серебра, коли хорошо сдѣлаешь". А дамочка ко мнѣ это: „тише", говоритъ, „шагомъ ступай; я", говоритъ, „боюсь". Ладно, думаю: три серебра посулили... Подобралъ возжи-то, да какъ пустилъ голубчиковъ-то... Взвейся выше, понесися! Что тамъ они промежъ себя говорили, про какія такія дѣла—Господь ихъ знаетъ. Доставилъ! Тетка это съ купцомъ вышла, а барышня моя сидитъ.—„Вы, говоритъ, собственно меня, тетенька, передъ людьми срамить хотите! Я, говоритъ, этого не желаю и управу на васъ завсегда найду. Коли-бы ежели, говоритъ, человѣкъ мнѣ ндравился, то

никто мнѣ препятствовать не можетъ, а что я, говоритъ, не согласна". А тетка ей что-то по ихнему сказала:—пошли. Часу до четвертаго я ждалъ.

— А скучно дожидаться-то?

— Нѣтъ, мы къ этому привычны—ничего... то тебѣ дремлется, то думается.

— Объ чемъ думается?

— Все на счетъ своихъ дѣловъ: какъ-бы, значитъ, все лучше произойти, да чтобы, напримѣръ, супротивъ своего брата не острамиться... Вѣстимо, что по нашей части, то и думаешь. Поѣхали мы назадъ-то, нѣмка, подгулямши, должно, была,— всю дорогу пѣсни пѣла, а барышня все плакала, ровно-бы вотъ у нея мамынька родная померла. Оченно ужъ мнѣ ее жаль стало...

— А купецъ-то?

— Купецъ что?—купецъ ничего. Сѣлъ на козлы, подобралъ возжи: „самъ", говоритъ, „хочу надъ твоей тройкой хозяйствовать". Пристяжную замучилъ, три четвертныхъ отдалъ, слова не сказалъ.— Только, сударь, годовъ ужъ шесть прошло. Въ Петергофъ я господъ возилъ, зимой тоже, и дамочки съ ними были. Вышли они изъ гостинницы-то, а я стою у подъѣзда, трубку курю.

— А ты куришь?

— Балую; давно ужъ этому обучился. Дядя оченно за это ругается, да ничего не подѣлаешь. Курю это я трубку-то, а дамочка и говоритъ одному господину: „этого", говоритъ, „извозчика, я даже оченно хорошо знаю".—„Почемъ ты", говоритъ, „миленькая, его знаешь"?—„А потому", говоритъ, „я его знаю, что Гавриломъ его зовутъ".—„Точно-ли", говоритъ, „братецъ, барыня эта тебя знаетъ"?—„Не могу", говорю, „знать, ваше благородіе, потому мы господъ возимъ оченно много". А она сейчасъ: „а помнишь, говоритъ..." Тутъ я ее и призналъ.— „Дай", говоритъ, „ему, душенька, три серебра на чай, потому, я съ его легкой руки жить пошла". Господинъ мнѣ сейчасъ и отдалъ.

— А старика-то ея ты почемъ знаешь?

— Въ запрошломъ году всю зиму съ имъ ѣздилъ...

— Налѣво остановись.

— Слушаю, ваше сіятельство... Тпрру! Замаялъ тройку-то... Дорога-то больно... На чаекъ-бы съ вашей милости... Заслужилъ...

НАНА.

РАЗСКАЗЪ КУПЦА.

— Ну, какое же, Василій Иванычъ, теперича ваше положеніе опосля папашиной смерти?

— Хуже быть нельзя... острогъ! При тятенькѣ хоша и строгое положеніе было, а все терпѣть можно, а теперь... Ты думаешь — я купеческій сынъ? Арестантъ я и больше ничего! При тятенькѣ, помнишь, въ Парижъ разъ съ бухгалтеромъ ѣздилъ, въ Нижнемъ крутился... И не приберетъ ее Господь Царь небесный!

— Кого, сударь?

— Бабушку! Вѣдь она опекуншей назначена. Ну, и шабашъ! Ни направо, ни налѣво! Сидитъ съ монашенками, Библью али Чикминей по складамъ разбираютъ... Т.-е., завтра она умретъ, а послѣ завтра я всему оставшему капиталу рѣшеніе сдѣлаю... весь капиталъ, съ радости, пропью! Двухъ старцевъ теперича ко мнѣ приставили для наставленія. Одинъ-то еще ничего... пьетъ; а другой, окромя кровочистительныхъ капель, ничего не трогаетъ. Намедни они меня до̀ того довели:

— Бабушка, говорю, Маланья Егоровна, я очумѣю!

— Это, говоритъ, тебѣ на пользу...

— Вѣришь ты!.. (Плачетъ). Подъ векселя никто не даетъ — опасаются — несовершеннолѣтній, а этого случая надо еще два года ждать. За это время она мнѣ всю душу вымотаетъ. Сестру тоже поѣдомъ ѣстъ... Ну, той ничего! Та дѣвушка такая — за ней хоть въ подзорную трубу смотри — ничего не увидишь.

— Ну, а дяденька какъ?

— Тотъ дуракъ! Только кажетъ-то умнымъ, а заставь тремъ свиньямъ щи разлить—не съумѣетъ. Ужъ то возьми: въ баню идетъ—медаль надѣваетъ! Дуракъ естественный! Я всѣхъ умнѣй, всей нашей фамиліи, но только я самый что ни на есть несчастный человѣкъ!.. Вотъ хошь бы теперь въ бѣду попалъ — за что? Страмъ теперича пойдетъ по по всеему городу. Ужъ изъ „С.-Петербургскаго Листка“ приходили опрашивать. Дворникъ сказалъ дома нѣтъ, скрывается.

— Въ чемъ же бѣда-то ваша?

— Видишь ты, милый человѣкъ:—иду я по Невскому, смотрю—большое стеченіе публики. Къ городовому:

— По какому случаю?

— А по такому, говоритъ, случаю—картину разсматриваютъ.

А господинъ какой-то говоритъ:

— Нана выставлена.

Взошелъ, посмотрѣлъ—ничего нѣтъ удивительнаго, а какъ обнаковенно. Старичекъ только какой-то, въ черненькомъ парикѣ, хотѣлъ рукой погладить, да не досталъ.

И сейчасъ этотъ старичекъ оборотился ко мнѣ съ разговоромъ:

— Вы, говоритъ, еще не видали?

— Нѣтъ, говорю.

— А я, говоритъ, десятый разъ смотрю и все налюбоваться не могу.

— Что-жъ, говорю, Бабелина чудесная.

— А вы, говоритъ, романъ Нана читали?

— Нѣтъ.

— Почитайте, вамъ, какъ молодому человѣку, очень пріятно будетъ. Тамъ, говоритъ, всѣ обстоятельства обозначены во всю.

И глазъ это у него такъ и завертѣлся.

— И слова на ихъ счетъ такія, что и пропечатать на нашемъ языкѣ невозможно, надо по-французски.

И вонзилъ онъ мнѣ въ самое сердце такой кинжалъ—какъ ни старался — не могъ вытащить. Давай Нана да и шабашъ! Книжку купилъ, пошелъ къ одному знакомому приказчику въ Перинную линію, хвастался, что умѣетъ, по-французки. Тотъ словъ пять разобралъ — бросилъ: не при немъ писано. Ну, а мнѣ все одно хошь умирать!

И сказали мнѣ, что въ Казанской улицѣ живетъ съ матерью дѣвица и французскимъ языкомъ орудовать мо-

жетъ. Къ ней. Бѣдная, худая, волосы подрѣзаны въ скобку; мать тоже старуха старая, слѣпая... Видно, что дня три не ѣли... Грусть на меня напала! Вотъ, думаю, обдѣлилъ Господь.

— Можете, говорю, перевести на нашъ языкъ французскую книжку?

Посмотрѣла.

— Извольте, говоритъ.

— Что это будетъ стоить?

— Семьдесятъ пять рублей.

— Это, говорю, мы не въ силахъ... За пятнадцать рубликовъ нельзя-ли?

Она такъ глаза и вытаращила, а глаза такіе добрые, чудесные... Инда мнѣ совѣстно стало.

— Вы, говорю, не обижайтесь: мы этимъ товаромъ не торгуемъ, цѣнъ на него не знаемъ.

— Я, говоритъ, съ васъ беру очень дешево и то потому, что намъ съ мамашей ѣсть нечего... А по щекамъ слезы, словно ртуть, скатились.

Жалко мнѣ ее стало, чувствую этакой переворотъ въ душѣ.

— Извольте, говорю, только чтобъ переводъ былъ сдѣланъ на чести, чтобы всѣ слова и обстоятельства...

Покончили.

Зашелъ какъ-то черезъ недѣлю навѣдаться, смотрю сидитъ, строчитъ. Матери не въ зачетъ рубль далъ на кофій. Покончила она все это дѣло да, не дождамшись меня, на Калашникову и приперла. Вошла въ калитку-то, собаки какъ зальются—чужого народу къ намъ не ходитъ... А бабушку въ это время въ экипажъ усаживали, въ баню везти, бабковой мазью оттирать...

— Что за человѣкъ? Зачѣмъ? Къ кому? По какому случаю?...

Все дѣло-то и обозначилось.

Ужъ они меня съ дядей терзали, терзали, старцы-то меня точили, точили... Хотѣлъ удавиться!.. Сестра упросила глупости этой не дѣлать. Бабушка взяла эту книжку и тетрадку въ печку бросила. И Нана, и всѣ слова, и всѣ обстоятельства, все сгорѣло!..

Въ четвергъ повѣстка... къ мировому. Бабушку за безобразіе, меня должно, быть, а малодушество, а дядю, какъ онъ есть дикій, нескладный человѣкъ, за грубое обращеніе...

Ищу адвоката. Былъ у одного, но не пондравился.

— Чѣмъ, говорю, прикажете васъ вознаградить, потому какъ всю нашу фамилію судить будутъ?

Всталъ этакъ, выпрямился:

— Мнѣ кажется, говоритъ, что опосля изобрѣтенія денежныхъ знаковъ вашъ вопросъ совершенно лишній.

Въ домѣ теперь смятеніе. Бабушка боится, что ее будутъ къ присягѣ пригонять; дядя сумнѣвается насчетъ своихъ словъ нехорошихъ, а я третій день дома не ночую—пью безъ просыпа.

ВЪ ДЕНЬГАХЪ ВСЕ СЧАСТЬЕ.

РАЗСКАЗЪ КУПЦА.

Говорятъ: „не въ деньгахъ счастье“, а это, по нашему разсужденію, пустыя бабьи слова: въ деньгахъ все счастье, вся сила въ нихъ. Другому, по его положенію, цѣна грошъ, нестоющій онъ никакого вниманія, а ежели ему такая фортуна выдетъ: къ хозяину въ выручку хорошо слазитъ или другой какой оборотъ фальшивый сдѣлаетъ, ему сейчасъ и цѣна высокая.

Да вотъ на моей памяти случай былъ: хозяйская дочь — мальчикъ, безъ роду безъ племени, съ улицы въ домъ привели, — грамотѣ его обучила, а какъ сталъ подростать, сейчасъ его къ должности опредѣлили, спервоначалу хозяйскіе сапоги чистить, аль тамъ салопы въ театрѣ стеречь, а послѣ къ лавкѣ приставили. Смотримъ, паренекъ выходитъ шустрый, за получкой ежели небольшой къ покупателю пошлешь — изъ души вытянетъ. И такое ему далъ Богъ на счетъ этого понятіе, какъ съ покупателя деньги стребовать, даже намъ было удивительно...

Выровнялся паренекъ и сталъ во всей формѣ, хозяева стали его съ собой за столъ сажать, а тамъ и приказчикомъ сдѣлали. Хозяйка было ужъ ладила за него дочь отдать — кривобоконькая у нихъ одна была, никто не бралъ—только анбиція купеческая не позволяла, какъ есть изъ ничтожныхъ людей, голый мѣщанинъ.

А тотъ взялъ это себѣ сейчасъ въ понятіе и говоритъ хозяину:

— Вся ваша воля, а существовать безъ вашей дочки я не могу.

А та къ матери:

— Какъ Іуда, говоритъ, въ своемъ саду на яблонѣ удавлюсь, если за него не отдадите.

Подумали хозяева, со сродственниками посовѣтовались. Одинъ сродственникъ и говоритъ:

— Товаръ, сами видите, непервосортный, за стекло не выставишь. Отдавайте какъ есть, вы его благодѣтели— будетъ онъ для васъ стараться.

Дѣлать нечего...

— Обручается рабъ Божій Василій рабѣ Божіей Гликеріи...

И фукнулъ черезъ три года этотъ рабъ Божій Василій своего тестя раба Божія Тарасія по родственному, и такъ фукнулъ, что отъ него только пухъ полетѣлъ и супругу свою назадъ къ родителямъ прислалъ...

— Извольте обратно получить, больше не требуется... ублаготворенъ промежду арфистками, не въ примѣръ есть красивѣе.

Обругали его въ публикѣ спервоначалу разными словами, а опосля опять въ хорошіе люди записали.

Придетъ онъ въ клубъ, сядетъ за столъ, выставитъ бутылку шампанскаго, да какъ перепеловъ на нее мимоходящую публику и наманиваетъ: „Милости просимъ стаканчикъ"!.. „Покорнѣйше благодаримъ, очень пріятно"!

И такъ превозвысился на хозяйскія деньги, благотворительнымъ членомъ гдѣ-то сдѣлался, въ депутаціяхъ разныхъ сталъ ходить, слова за обѣдомъ говоритъ, на бѣгъ своихъ рысаковъ выпущать, въ трактирѣ комнату велѣлъ на свой вкусъ отдѣлать, чтобъ ему тамъ съ арфистками завсегда присутствовать, арапа какого-то заблудящаго въ холуи нанялъ... Смотримъ — въ банкъ директоромъ сѣлъ. Всѣ около него такъ и вьются, такъ и корчатся. Сила!

И сталъ онъ подчищать этотъ банкъ, сначала по маленьку, пока въ настоящую дѣловъ не распозналъ, а тамъ пошибче, а тамъ ужъ и въ газетахъ стали печатать, что въ банкѣ дѣло не чисто — года два печатали, а деньги тамъ все подсылали.

Кто-то догадался—*внезапную* назначили.

Собралась эта внезапная во французскомъ ресторанѣ, сговорилась какъ дѣйствовать и налетѣла въ банкъ.

— Пожалуйте книги!

— Извольте получить!

— Позвольте освидѣтельствовать наличность!

— Мы наличности не касались, мы подписывали, наличностью завѣдывалъ Василій Сергѣевичъ.

— Василій Сергѣевичъ, позвольте наличность.

Только носъ обтеръ—вотъ тебѣ и наличность!..

И завизжали вкладчики на двѣнадцать голосовъ...

Потащили директора въ судъ.

Прокуроръ говоритъ:

— Расхитилъ чужую собственность, тяжкимъ трудомъ и лишеніями скопленныя бѣднымъ народомъ деньги...

Защитникъ говоритъ:

— Никакъ невозможно, чтобы человѣкъ, самъ вышедшій изъ народа, воспитанный въ благочестивомъ купеческомъ семействѣ, рѣшился на мошенничество, покусился на народную собственность. Тутъ какое-нибудь недоразумѣніе...

Присяжные говорятъ:

— Воровалъ съ полнымъ разумѣніемъ...

Судъ говоритъ:

— Лишить его всѣхъ особенныхъ правъ и сослать въ мѣста не столь отдаленныя.

А директоръ себѣ говоритъ:

— Всѣ мои права при мнѣ, въ карманѣ, а *особенныхъ* намъ и не требуется.

И свезли его въ мѣста не столь отдаленныя и живетъ онъ тамъ припѣваючи, приговаривая:

— Чудесно въ сихъ отдаленныхъ мѣстахъ жить съ деньгами.

Общее собраніе общества прикосновенія къ чужой собственности.

РАЗСКАЗЪ.

Большая зала. Столъ, покрытый зеленымъ сукномъ. На столѣ противъ предсѣдательскаго мѣста, изящная малахитовая чернильница и колокольчикъ; противъ мѣста членовъ правленія—бумага и карандаши. Зала переполнена публикой. Раздается звонокъ предсѣдателя. Всѣ занимаютъ мѣста.

— Милостивые государи! Имѣю честь объявить общее собраніе открытымъ. Первый и главный вопросъ, который будетъ предложенъ вашему обсужденію, это—увеличеніе содержанія тремъ директорамъ; второй—сложеніе съ кассира невольныхъ прочетовъ; третій—преданіе забвенію, въ виду стѣсненнаго семейнаго положенія, неблаговиднаго поступка одного члена правленія; четвертый — о назначеніи пенсіи супругѣ лишеннаго всѣхъ особенныхъ правъ состоянія нашего члена; наконецъ, пятый—о расширеніи правъ правленія по личнымъ позаимствованіямъ изъ кассы.

Раздается голосъ:

— Ого!

Предсѣдатель:

— Что это за „ого?“ Прошу васъ взять назадъ это „ого“. Я не могу допустить никакихъ „ого“. Если вы позволите себѣ во второй разъ дѣлать подобныя восклицанія, я лишу васъ слова. Всѣ эти вопросы существенно необходимы, въ виду особенныхъ обстоятельствъ, которыя выяснятся изъ преній. Вамъ угодно говорить?

— Это я воскликнулъ „ого“, и не съ тѣмъ, чтобъ оскорбить васъ. Я сторонникъ расширенія всякихъ правъ и, услыхавъ вопросъ о расширеніи правъ правленія, воскликнулъ „ого“. Это значило, я доволенъ.

— Въ такомъ случаѣ, я беру назадъ свое замѣчаніе.

— Прошу слова. Какъ ежели директоръ, хранитель нашего портфелю, обязанный, напримѣръ, содѣйствовать, и все прочее... А мы, значитъ, съ полнымъ уваженіемъ... и ежели теперича директоръ, можно сказать, лицо... Я къ тому говорю: по нашимъ коммерческимъ оборотамъ...

— Вамъ что угодно сказать?

— Я хочу сказать, когда, напримѣръ, затрещалъ скопинскій банкъ...

— Дѣло идетъ не о скопинскомъ банкѣ. Вы задерживаете пренія и ставите ихъ на отвлеченную почву. Нельзя ли вамъ просто выразиться, такъ сказать, реально: да или нѣтъ.

— Когда, напримѣръ, разнесли скопинскій банкъ, ограбили вдовъ и сиротъ... можетъ вдовьи и сиротскія слезы и теперь не обсохли...

— Правленію нѣтъ никакого дѣла до сиротскихъ слезъ. Это область поэзіи. Встаньте на реальную почву.

— Мы не знаемъ этой вашей почвы, а *грабить не приказано*.

— Стало быть мы грабимъ?! Правленіе общества обращается съ протестомъ къ общему собранію.

Голоса:

— Вонъ его! Вонъ!

— Милостивые государи! Я позволилъ бы себѣ такъ понять это столкновеніе. Почтеннѣйшій членъ не совсѣмъ уяснилъ себѣ предложеніе предсѣдателя, не понялъ, такъ сказать...

— Какъ не понялъ! Я говорилъ насчетъ грабежу. У насъ отъ этого правленія въ одномъ карманѣ смеркается, а въ другомъ заря занимается.

— Господа! Ревизіонная коммисія...

— Въ милютиныхъ лавкахъ устрицы жретъ наша ревизіонная коммисія.

— Г-нъ предсѣдатель, прекратите этотъ печальный инцидентъ! Я прошу слова. Если провести демаркаціонную линію между правленіемъ и вкладчиками...

— Милостивые государи! Я прошу, я требую, я на-

стаиваю, чтобы общество выразило порицаніе члену, оскорбившему нашего предсѣдателя.

Голоса:

— Баллотировать! Шарами! Простымъ вставаніемъ... (Шумъ).

— Я ставлю вопросъ на баллотировку простымъ вставаніемъ. (Считаетъ). Разъ... два... семь... десять... За выраженіе порицанія десять. (За правленскимъ столомъ нѣкоторое смущеніе). Прошу приступить къ преніямъ.

— Милостивые государи! Вопросъ объ увеличеніи содержанія весьма важенъ. Къ важнымъ вопросамъ нельзя относиться халатно. Я полагалъ бы этотъ вопросъ оставить безъ обсужденія и передать его въ коммисію.

Голоса:

— Въ коммисію! въ коммисію!

— Невольные прочеты съ кассира взыскать или передать ихъ въ вѣдѣніе прокурорскаго надзора, а о неблаговидномъ поступкѣ одного изъ членовъ правленія приступить къ преніямъ. Нельзя ли насъ познакомить съ неблаговиднымъ поступкомъ члена правленія.

— Съ юридической точки зрѣнія поступокъ этотъ... наша юстиція очень рѣзко разграничиваетъ дѣянія, совершенныя...

— Слящилъ, вотъ тебѣ и естюція...

— Совершенныя въ злой волѣ..! Принимая во вниманіе семейное положеніе...

— Слящилъ, это вѣрно!

— Въ терминологіи нашей юстиціи нѣтъ слова — слящилъ.

— Ну, укралъ.

— Господа, гдѣ мы и что̀ мы? Насъ пригласили въ общее собраніе и хотятъ выворотить наши карманы. Намъ предлагаютъ увеличить директорамъ содержаніе. За что? Намъ предлагаютъ прикрыть хищеніе кассира. Почему? Насъ просятъ предать забвенію какой-то мерзкій поступокъ члена правленія. Просятъ отереть пенсіей слезы супруги лишеннаго правъ состоянія хищника; наконецъ, ходатайствуютъ о расширеніи правъ членовъ правленія...

— Отдай имъ сундукъ съ деньгами, а они туда тебѣ, за мѣсто ихъ, бронзовыхъ векселей наворотятъ... Чудесно!

— Бронзовые, какъ вы изволили выразиться, векселя нисколько не отягощаютъ кассу, если... (Сдержанный смѣхъ).

— Позвольте мнѣ докончить...

— Позвольте васъ остановить. Бронзовые векселя не имѣютъ ничего общаго съ предложеніемъ объ увеличеніи директорамъ содержанія. А такъ какъ этотъ вопросъ довольно преніями исчерпанъ, то я ставлю его на баллотировку. Не угодно ли вамъ, милостивые государи, приступить къ баллотировкѣ по вопросу объ увеличеніи гг. директорамъ содержанія. Предупреждаю васъ, что отказъ вашъ весьма невыгодно повліяетъ на наше прочно установившееся общество...

Подымается страшный шумъ. Голоса:

— Баллотировать!!...

Предсѣдатель звонитъ изъ всѣхъ силъ и закрываетъ собраніе.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЛѢСЪ.

СЦЕНЫ ИЗЪ НАРОДНАГО БЫТА.

(Ночь. Луговина въ лѣсу. Посерединѣ разложенъ костеръ).

ЯВЛЕНІЕ I.

Антонъ и Семенъ сидятъ у костра; Прохоръ поодаль лежитъ на армякѣ.

Антонъ (подкладывая хворостъ).

Ночь-то какая... Тихо!..

Семенъ.

Тихо!..

Прохоръ (зѣвая).

Время чудесное... (Молчаніе). Эко, братцы, это лѣсъ!.. Чего въ емъ нѣту: и трава всякая, и птица разная...

Антонъ.

Божье произволенье!..

Семенъ.

И кладъ, ежели когда попадается,—все въ лѣсу... Что

за причина, братцы: тетка Арина девять зорь ходила за кладомъ. Станетъ копать—все уходитъ, пойдетъ домой—опять покажется. Такъ и не дался.

Прохоръ.

Брать, значитъ, не умѣла. Безъ разума тоже не возьмешь.

Семенъ.

Я-бы сейчасъ ухватилъ!

Прохоръ.

Ухватилъ одинъ такой-то!.. Я тоже однова̀ ходилъ, ходилъ...

Антонъ.

Може, его и не клали...

Прохоръ.

Кладъ былъ... это вѣрно.

Семенъ.

Что-жъ, братецъ мой, во снѣ тебѣ это привидѣлось, али какъ? Тетка Арина сказывала, вишь, ей старецъ во снѣ объявился: хочу, говоритъ, я, раба Божья, счастье твое тебѣ сдѣлать; ступай ты, говоритъ, на зорѣ къ Ѳедькину дубу, только ты иди, а назадъ чтобы не оглядывайся. Придешь ты, говоритъ, къ Ѳедькину дубу, оборотись лицомъ къ зеленому лугу, отойди девять шаговъ и копай тутъ...

Прохоръ.

Нѣтъ, мнѣ бѣглый солдатъ означилъ... по его рѣчамъ я искалъ.

Антонъ.

Поймалъ ты, значитъ, его, солдата-то?

Прохоръ.

Поймалъ.

Семенъ.

Какой смѣлый!..

Прохоръ.

Чего робѣть-то?

Семенъ.

Какъ чего, братецъ мой! убьетъ.

Прохоръ.

Ничего. На войнѣ ежели—вѣстимо убьетъ; а въ лѣсу онъ ничего, потому отощаетъ. Въ лѣсу что онъ ѣстъ? Ѣсть ему нечего... Ягода... Ягодой, али корешкомъ какимъ ни на есть сытъ не будешь. Ну, и отощалъ человѣкъ, — силу, значитъ, забрать не можетъ. Опять же и ружья этого при емъ нѣту.

Антонъ.

А ты въ лѣсу его захватилъ?

Прохоръ.

Въ лѣсу; опричь лѣсу ему жить негдѣ. Шолъ я тогда на покосъ, только что солнышко встало: смотрю, голова, а онъ сидитъ это, муницію свою заправляетъ. Подошелъ я къ ему. Увидалъ это онъ меня—ровно-бы вотъ листъ затрясся.—„Какой ты такой есть человѣкъ?" говорю.—„Ступай", говоритъ, „дядюшка, своей дорогой, коли худа себѣ не хочешь."—„Зачѣмъ", говорю,—„идти мнѣ некуда: я здѣшній."—„Ничего ты", говоритъ, „сдѣлать мнѣ не можешь, потому", говоритъ, „я служу Богу и великому государю".—„Мнѣ", говорю, „твоя душа не нужна, а что собственно къ начальству я тебя предоставлю."—Испужался.

Семенъ.

Испужался?!..

Антонъ.

Испужаешься! За это ихняго брата не хвалятъ.

Прохоръ.

Гдѣ хвалить!.. „Дѣлать", говорю, „нечего, другъ мой сердечный, пойдемъ." — „Есть", говоритъ, „на тебѣ крестъ?"—„Есть", говорю. — „Крещеный ты", говоритъ, „человѣкъ, а своего брата не жалѣешь: мнѣ вѣдь", говоритъ, „наказанье великое будетъ".—„Я этому", говорю, „голубчикъ непричиненъ".

Семенъ.

Какъ-же, сейчасъ ему лопатки назадъ и закрутилъ?

Прохоръ.

Безъ этого нельзя... порядокъ. Завязалъ это я ему назадъ руки, повелъ къ становому. —„Пусти", говоритъ, „меня, дядюшка: — кладъ я тебѣ за это покажу, въ купцы

тебя произведу".—„Сказывай", говорю, „гдѣ? Коли вѣрно скажешь, помилую".—Сталъ это мнѣ сказывать примѣты, гдѣ и что, а ребята ваньковскіе намъ на встрѣчу.—„На войну, что-ли, говорятъ, господа честные, идете?" Обступили насъ, стали допрашивать, да такъ вплоть до становаго и шли. Опосля ужъ я искалъ, искалъ этого мѣста: ровно и похоже найдешь,—станешь копать: нѣтъ. Такъ и бросилъ.

Семенъ.

А кабы нашелъ—ладно-бы было.

Прохоръ (повернувшись на другой бокъ).

Пущай кто другой ищетъ. (Продолжительное молчаніе).

Антонъ.

Соловьи-то пѣть перестали. Очненно ужъ я люблю, коли ежели когда соловей поетъ.

Прохоръ (зѣвая).

Синица лучше.

Антонъ.

Гдѣ-жъ синицѣ!.. Синицѣ супротивъ соловья не сдѣлать.

Прохоръ.

Сдѣлаетъ...

Антонъ.

Невозможно!.. Да ты соловьевъ-то слыхалъ-ли?

Прохоръ.

Гдѣ слыхать! У насъ ихъ на мельницѣ тьма тьмущая, и домики для ихъ понадѣланы.

Антонъ.

Это скворцы!..

Прохоръ.

То бишь, скворцы... Все одно, и скворцы поютъ.

Антонъ.

Соловей, ежели теперича, когда пѣть ему, онъ сейчасъ... фіу, фію. (Подражаетъ пѣнью соловья; въ лѣсу раздается свистъ).

Семенъ (прислушиваясь).

Что свистишь-то?

Антонъ.

А что?

Семенъ.

Погоди... молчи... (Всѣ прислушиваются; опять раздается свистъ).

Прохоръ.

Разгуляться вышелъ...

Антонъ.

Кто?

Прохоръ (таинственно).

Кто?—Извѣстно, *кто*.

Семенъ.

Теперича, ежели табунъ гдѣ близко, весь табунъ угонитъ.

Прохоръ.

Ничего, стороной пройдетъ.

Антонъ.

Да что вы, черти!—это сычъ.

Семенъ.

Похоже!

Антонъ.

А то нѣтъ? Эхъ, вы!..

Прохоръ.

Коли свиститъ — ничего; а иной разъ ровно малое дитя плачетъ... какъ есть ребенокъ.

Семенъ.

У насъ лѣтось подъ самый Успленьевъ день табунъ угналъ.

Антонъ.

Ну, ври подъ пятницу-то!

Семенъ.

Вплоть до рѣки гналъ.

Прохоръ.

Какъ до рѣки догналъ, такъ и шабашъ, дальше не погонитъ, жалѣетъ тоже скотину-то.

ЯВЛЕНІЕ II.

Павелъ — лѣсникъ (выходитъ справа).

Павелъ.

Что-жъ огонь-то не гасите... не спите?

Семенъ.

Такъ, сами промежду себя разговариваемъ.

Павелъ.

Спать чай пора.

Прохоръ (тихо).

Самъ сейчасъ окликался.

Павелъ.

Въ обходъ ходилъ—не слыхалъ. Что-жъ, мы къ этому привычны... это намъ ничего.

Семенъ.

А мнѣ, братецъ ты мой, жутко стало.

Павелъ.

По первоначалу, какъ я въ лѣсъ пошелъ, и мнѣ жутко было. Привыкъ. Идешь, бывало, по лѣсу-то, все нутро въ тебѣ переворачиваетъ, а теперь ничего. Лихаго человѣка бойся, а лѣшой ничего тебѣ не сдѣлаетъ. Домовой хуже — тотъ наваливается; а лѣшой, коли онъ уже оченно когда разбалуется, такъ онъ только тебя обойдетъ. Опять же на него молитва такая есть... особенная. Коли кто эту молитву знаетъ, тому ничего.

Семенъ.

А ты, дядя Павелъ, знаешь?

Павелъ.

Намъ нельзя безъ этого. Я, окромя молитвы, заговоръ на его знаю. Куда хошь иди — не тронетъ.

Прохоръ.

Обучи насъ.

Павелъ.

Не переймете. Зря тоже этого не сдѣлаешь.

Семенъ.

Ему заговоръ ничего: заговору онъ не боится.

Антонъ.

А мнѣ, братцы, дворянинъ одинъ въ Калугѣ сказывалъ про лѣсовиковъ-то: ты, говоритъ, ничему этому не вѣрь, никакихъ лѣсовиковъ нѣтъ, это такъ зря болтаютъ.

Павелъ.

Много знаетъ твой дворянинъ-то!

Антонъ.

Ни лѣсовиковъ этихъ самыхъ, ни вѣдьмовъ—ничего, говоритъ, этого нѣтъ.

Павелъ.

Посадилъ-бы я его ночи на двѣ въ сторожку, такъ онъ-бы узналъ, какъ ихъ нѣтъ-то. Вотъ темныя ночи пойдутъ осенью, пущай придетъ — посидитъ. Нѣту! Да вотъ какъ разъ трафилось, слушай. Знаешь лапинскій оврагъ — мы тамъ рощу караулили. (Садится у костра). Дѣло близъ Покрова было. Объ эту пору ночи бываютъ темныя... Дожди пошли... холодно... смерть!.. Идешь по лѣсу-то, да думаешь, зачѣмъ мать на свѣтъ родила.

Семенъ.

Бѣда, сейчасъ умереть...

Павелъ.

Спимъ это мы... Часу такъ въ двѣнадцатомъ, слышу, братецъ мой, словно кто около сторожки ходитъ. Походилъ, походилъ—пересталъ. Орелка была у насъ собака... просто, бывало, отца роднаго не подпуститъ... волка разъ затеребила... Орелка раза два тявкнулъ, замолчалъ. Думаю: должно,— вѣтеръ. Только опять-то легъ, какъ Орелка завизжитъ, какъ завоетъ, вотъ надо быть кто ей задъ отшибъ. Такъ индо меня морозъ по кожѣ! Мартынъ проснулся. — „Выдь“, говоритъ, „Павелъ, посмотри“. Отворилъ я дверь-то: Орелка прижался къ косяку, сидитъ... Слышу, братецъ ты мой, около самой сторожки лошадь заржала... Такъ у меня волосья на головѣ поднялись. Хочу назадъ-то идти, ужъ и двери не найду. Ходилъ, ходилъ, индо лихоманка забила, а лошадь нѣтъ-нѣтъ да опять заржетъ.

Семенъ.

Страсть!.. Я бы убегъ!

Павелъ.

Да куда бѣжать-то? Окромя сторожки — некуда. Ввалился въ сторожку: „дядя Мартынъ“, говорю,—„у сторожки лошадь ржетъ, должно за лѣсомъ пріѣхали“. Заругался мой Мартынъ—мужикъ онъ былъ хворый, сердитый:—„убью“, говоритъ, „до смерти, кто попадется“. Вышли мы изъ избы-то, а по лѣсу топорище такъ и звенитъ.—„Слышь“, говорю, „дядя Мартынъ?“—„Слышу“, говоритъ... „убью сейчасъ!..“ Побѣжали мы. Сталъ я Орелку уськать—не лаетъ, идетъ сзади. Что, думаю, за причина? Далъ раза въ бокъ,—только заскучала.

Семенъ.

Слышь, ребята?

Павелъ.

Не трошь, пущай спятъ.

Семенъ.

Ну!

Павелъ (вполголоса).

Съ полверсты мы прошли: топоръ близко, а на слѣдъ не попадемъ, потому темно очненно. Шли, шли... рядомъ шли...—„Дядя Мартынъ“, говорю... Дядя Мартынъ голосу своего не подаетъ. Что за оказія! Крикнулъ это я: „дядя Мартынъ!“ Слышу, Мартынъ далече вправо... Я вправо забралъ, опять крикнулъ: „дядя Мартынъ!..“ Дядя Мартынъ далече влѣво... а топорище: тяпъ, тяпъ... Завернулъ я къ ему на голосъ-то, сталъ Орелку кликать и Орелка пропалъ!.. Ну, думаю: пущай всю рощу вырубятъ — пойду домой, потому страшно ужъ очненно стало, опять же и озябъ... такъ продрогъ... смерть! Повернулъ назадъ, пошелъ. Иду да и думаю: самъ не балуетъ-ли?.. Только, братецъ, это я подумалъ, какъ по всему-то лѣсу: „ого-го-го-го!!!“ Отродясь такого я крику не слыхивалъ. Такъ у меня руки-ноги подкосились! Хочу крестъ на себя положить—рученьки мои не владаютъ...

Семенъ (жмется).

Меня индо и теперь дрожь прохватила!

Павелъ.

Очувствовался—не знаю, куда идти.—„Батюшка", говорю, „Никола угодникъ, выручи..." Сотворилъ молитву, легче стало. Къ свѣту ужъ домой-то пришелъ: за пять верстъ онъ меня отъ сторожки-то угналъ, да въ самое бучило, въ оврагъ-то и завелъ. Кабы, кажись, маленько еще — утопъ-бы.

Семенъ.

Ахъ ты, Господи!

Павелъ.

Ну, думаю: какъ приду домой, этого самого дядю Мартына на части разорву. Сталъ ему выговаривать-то, а онъ говоритъ: „Ты, надо полагать, въ умѣ рехнумши. Я, говоритъ, всю ночь изъ избы-то не выходилъ".

Семенъ.

Онъ все, значитъ.

Павелъ.

Кому-жъ, окромя *его*. Шесть недѣль опосля этого я выхворалъ: всѣ волосья повылѣзли, разовъ пять отчитывали, на силу на ноги поставили. Сама энаральша Пальчикова лечила, корочки съ наговоромъ давала, ничего не дѣйствовало. Такъ вотъ, какъ ихъ нѣтъ-то!

Можетъ дворянина-то онъ не трогаетъ, а нашему брату отъ его шибко достается. (Встаетъ и потягивается).

Спать теперича.

Семенъ.

Кому спать, а намъ — Господи, благослови!.. По травушку, по муравушку. (Надѣваетъ армякъ). Очченно ужъ я люблю, когда разговариваютъ про чертей, али про разбойниковъ... просто, сейчасъ умереть, спать не хотца.

Павелъ.

Какъ же, не спамши-то?

Семенъ.

Я выспался. Я съ вечеренъ спалъ. (Подходитъ къ Антону и толкаетъ его ногой). Вставайте, ребята!

Антонъ.

Только было...

Семенъ.

Скотину, поди, ужъ выгнали

Прохоръ.

Господи, благослови!

Павелъ.

Жисть вамъ, ребята!

Семенъ.

Какая жисть!

Павелъ.

Покосъ подошелъ... коси да коси...

Антонъ (набивая трубку).

Акштафу на дорогу закурить, дѣло ходчѣй пойдетъ.

Всѣ.

Прощай, дядя Павелъ.

Павелъ.

Съ Богомъ... дай Богъ часъ.

БЕЗОТВѢТНЫЙ.

РАЗСКАЗЪ.

— Калина Митричъ, скажи ты мнѣ, отчего я такъ много доволенъ?

— Можетъ, выпивши...

— Стаканчикъ выпилъ, это вѣрно! А ты мнѣ скажи, отчего я такъ много доволенъ?

— Ну, отъ стаканчика и доволенъ.

— Стаканчикъ одинъ—ничего! А я оченно радъ! Видишь птичка сидитъ, и я радъ! Пущай сидитъ, голубушка!.. Оттого я много доволенъ, что хорошій я оченно человѣкъ! Такой я хорошій человѣкъ, по всей деревнѣ и людей такихъ нѣтъ! Чаю я не пью.,.

— А стаканчикъ-то...

— Въ первой отъ роду! Силкомъ влили! Давайте, говорятъ, мы Митѣ стаканчикъ поднесемъ. Священникъ заступился:—что вы, говоритъ, непьющему человѣку...

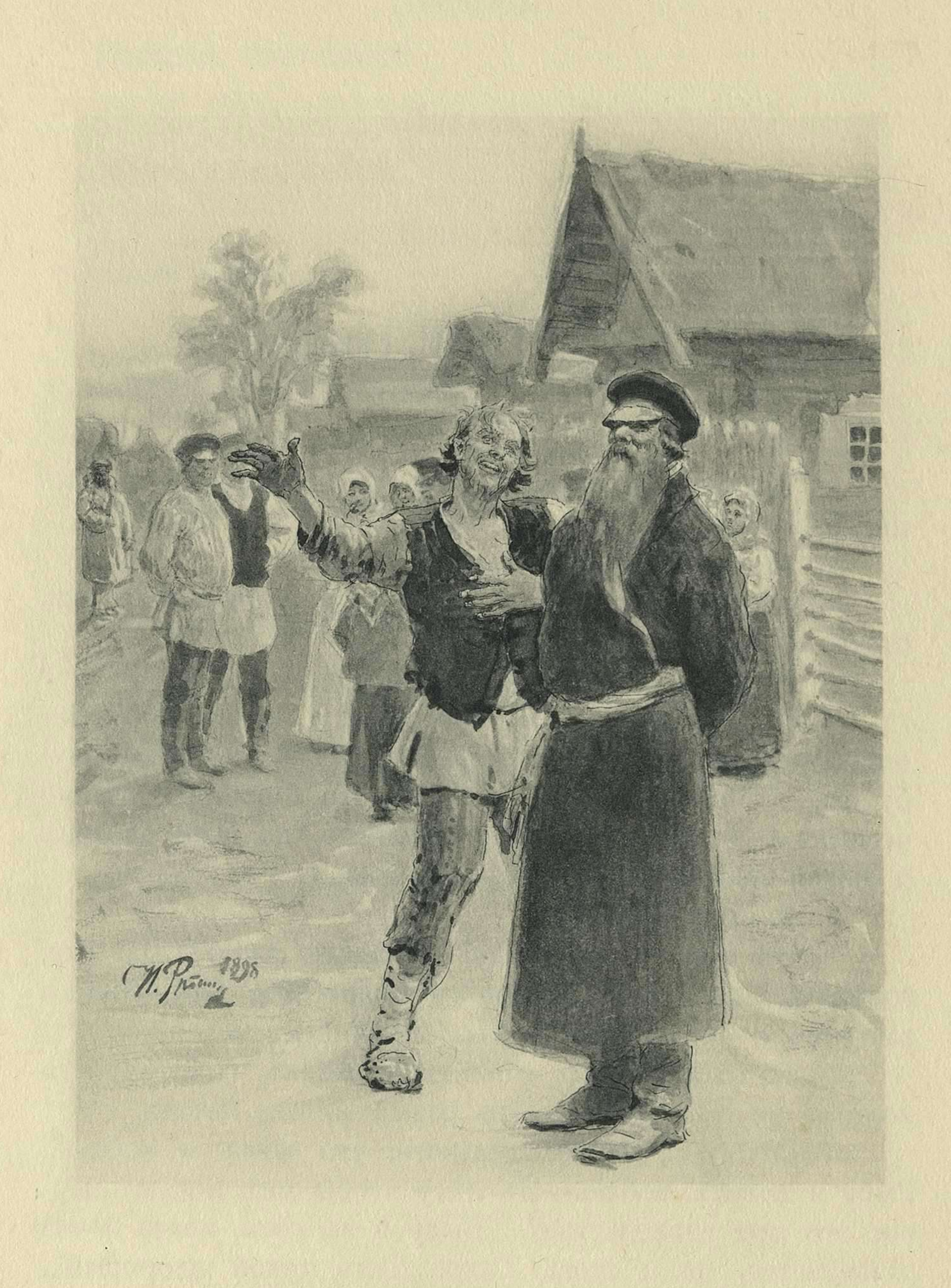
— То-то я смотрю: тихій ты человѣкъ, голосу твоего никогда не слыхать, а теперь разговаривать началъ.

— Оттого я много доволенъ, что всѣхъ я люблю!.. Рыбу я ловить люблю.—Въ лѣсу чтобы мнѣ ночью—первое это мое удовольствіе!... Выду я въ лѣсъ, когда почка развернется, да и стою. Тихо! Духъ такой здоровый!.. Мать ты родная моя, какъ я лѣсъ люблю? Ежели теперича въ лѣсу ночью гроза...

— Не боишься?

— Люблю! Какъ почнетъ это гроза... сосны съ корнями выворачивать... страсть! А опосля того духъ это по всему лѣсу и птица разная на разные голоса.

— Охотникъ ты большой!



— Большой я охотникъ! По нашему лѣсу вплоть до вантеевской мельницы—я всѣ гнѣзда знаю. А какъ меня рыба уважаетъ!.. Ухъ какъ она меня уважаетъ! Но только за мою эту охоту великое наказаніе было! И какъ это, Калина Митричъ, обидно! Хорошій я человѣкъ, чаю я не пью...

— Такъ что же?

— Жилъ я на фабрикѣ и какъ слободное время — сейчасъ я въ лѣсъ. Тамъ народъ—кто въ трактиръ, кто куда, а я въ лѣсъ. И сижу это я въ лѣсу и въ оврагѣ пѣночку наманиваю: фію... фію... и таково мнѣ хорошо — лучше требовать нельзя. Вдругъ, братецъ ты мой, откуда не возьмись — двое.

— Какой ты есть человѣкъ? По какому случаю?

— Пѣночку, говорю, наманиваю.

Поволокли меня къ становому.

— Помилуйте, говорю, за что же? Ни въ чемъ я не причиненъ... Ахъ, Калина Митричъ, какъ мнѣ это обидно!

Вышелъ становой и сейчасъ меня обыскивать.

— Сознавайся, говоритъ, тебѣ легче будетъ: — ты фальшивую монету дѣлалъ?

— Никакъ нѣтъ, говорю.

— За что вы, ребята, его взяли?

— Не можемъ, говорятъ, знать: сидитъ въ оврагѣ и взяли.

— Зачѣмъ, говоритъ, ты въ оврагѣ сидѣлъ?

— Птицъ, говорю, люблю, ваше благородіе. Я пѣночку наманивалъ!

— Вотъ тебѣ, говоритъ, двугривенный, ступай на всѣ четыре стороны.

— Вѣришь ты Богу, Калина Митричъ, какъ мнѣ это обидно!

Иду мимо церкви, хотѣлъ положить этотъ самый двугривенный въ кружку, а ужъ дѣло подъ вечеръ было, сейчасъ меня опять судить: ты, говорятъ, у храма Божьяго кружки ломать хочешь!..

— Пустите, говорю, голубчики:—сейчасъ меня судили. Вотъ двугривенный становой далъ. Человѣкъ я безотвѣтный, смирный!..

— А ну-ка покажи?

Взяли двугривенный...

Ушли.

ВЪ ДОРОГѢ.

Мы ѣхали проселкомъ. Ночь была темная, непроглядная.

— А вы что думаете, сударь, вѣдь мы, кажись, цѣликомъ ѣдемъ, и дорога-то отъ насъ ушла,—заговорилъ тревожно ямщикъ, соскакивая съ передка.

— Сбились?

— Да такъ-то сбились, что лучше требовать нельзя. Надо-бы теперича, по настоящему-то, ужъ въ Тѣшиловѣ быть, а мы середь поля путаемся. Слава Богу, вьюга-то утихла, а то-бы...

— Въ своихъ-то мѣстахъ, да дороги ты не знаешь!..

— Ничего не сдѣлаешь! Я разъ вплоть до свѣту около своего села ѣздилъ... Вы смотрите, какъ занесло-то, лошади не чувствуютъ.

Онъ прошелъ нѣсколько шаговъ взадъ и впередъ и окончательно убѣдился, что мы не на дорогѣ.

— Вотъ, поди-жъ ты,—началъ онъ, подбирая возжи: все, главная причина, оттого—задремалъ я маленько... Согрѣшилъ грѣшный—на горохъ навалился, горохомъ-то меня и разморило...

— Что-жъ ты теперь будешь дѣлать?

— А вотъ, надо полагать, къ заутренямъ скоро ударятъ, я въ тѣ поры сейчасъ пойму... Сейчасъ намъ дорога обозначится. Вы не сумлѣвайтесь.

— Да я и не сомнѣваюсь.

— Точно, что пріятности мало въ такой большой праздникъ въ снѣгу застрять...

— Дѣла своего ты не знаешь!

— Дѣло свое я оченно хорошо знаю, а это ужъ несчастье такое. Должность наша трудная! Я однова тоже красновидовскую экономку Матвѣевну въ пролуби потопилъ.

— Какъ потопилъ?

— Окунумши была значительно.

— Что-жъ тебѣ за это было?

— Да ничего не было! Не по характеру своему сдѣлалъ, а такъ Богу угодно. Плюхи три отъ управляющаго влетѣло...

Лошади шли съ трудомъ. Мнѣ становилось „страшно средь невѣдомыхъ равнинъ". Ямщикъ развлекалъ меня разсказами изъ ямской практики. Какъ онъ везъ купца и изъ-подъ моста на нихъ выскочили разбойники; какъ онъ на тройкѣ проскочилъ сквозь стадо волковъ; какъ провезъ станового черезъ лѣсной пожаръ, ужъ въ колесахъ спицы стали дымиться и пристяжнымъ хвосты опалило. Воображеніе его разыгралось до того, что онъ пересталъ чувствовать, что говоритъ необычайныя вещи. Я не мѣшалъ ему.

— А вы смоляного дождя не видали?

— Нѣтъ.

— А я видалъ... Страсть! Гоню это я просѣкой-то, лѣсъ-то горитъ, смола раскипѣлась — такъ и брызжетъ, такъ и брызжетъ!.. И такой трескъ идетъ... Становой кричитъ: „выручай!.."—„Сиди", говорю, „ваше благородіе, на своихъ лошадей я въ надеждѣ..."

— Ну, и выручилъ?

— Какъ есть выручилъ! Да со мной и не такіе разы бывали: на Окѣ на льдинѣ меня съ тройкой пятнадцать верстъ несло. Хотѣли мнѣ за это медаль пожаловать...

Я усумнился въ правдоподобности его разсказовъ и замѣтилъ ему это.

— Что вы, помилуйте! Зачѣмъ мнѣ врать, мнѣ душа нужна.

— Какъ-же это было?

— А вотъ видите: дѣло было опосля благовѣщеньева дня. Хорошо! И между прочимъ долженъ я былъ везти одного купца, значительнаго...

Вдругъ онъ прервалъ разсказъ, привсталъ на передкѣ и, указывая кнутомъ въ темное пространство, заговорилъ въ полголоса:

— Видите?

— Что?—спросилъ я, пристально вглядываясь въ непроницаемую темь.

— Волки! — отвѣтилъ онъ шепотомъ.—Къ лѣсу ударились.

— Я ничего не вижу.

— Не привычка ваша. А я волка за пять верстъ распознаю, какой онъ такой есть. Я разъ порожнемъ ѣхалъ и только сейчасъ смотрю, а онъ, значитъ, на самой дорогѣ воззрился и стоитъ. Коли ежели-бы, значитъ, ружье у меня было...

— А ты стрѣлять умѣешь?

— Не пробовалъ.

— Такъ что-жъ бы ты съ ружьемъ-то сдѣлалъ?

— Все, значитъ, ему острастка.

Вправо отъ насъ зашевелились темные силуеты, только это были не волки, а люди. Чувствовалось, что ямщикъ сконфузился: эффектъ, которымъ онъ хотѣлъ меня поразить, пропалъ.

— Что, братцы, такъ мы ѣдемъ на Тѣшилово?—обратился я къ нимъ.

— Такъ, родимый, такъ,—послышался отвѣтъ.

— Стало быть мы на дорогѣ?

— Цѣлика маленько забрали. По-правѣй маленько возьмите...

Мы свернули на торную дорогу, хотя очень занесенную снѣгомъ. Ямщикъ не вдругъ убѣдился, что мы на дорогѣ и ворчливымъ тономъ отнесся къ прохожимъ:

— Вы здѣшніе?

— Здѣшніе. Сами идемъ въ Тѣшилово къ утрени.

— А то мы знаемъ, какъ дорогу-то показываютъ. Мнѣ разъ вѣдьмежью указали.

— Какъ медвѣжью?—спросилъ я.

— По которой вѣдьмедя ходятъ: она имъ нигдѣ не заказана. Оба уха я въ тѣ поры отморозилъ.

— Одна у насъ здѣсь для всѣхъ дорога. Поѣзжай съ Богомъ.

Раздался унылый отдаленный звукъ колокола.

— Это въ Тѣшиловѣ?—обратился я къ ямщику.

— Не узнаешь,—отвѣчалъ онъ:—можетъ, въ Тѣшиловѣ, а можетъ, въ Новоселкахъ. Рядомъ, почитай, села-то. Надо быть, въ Тѣшиловѣ: въ Новоселкахъ колоколъ, словно, погуще. Трактирщикъ петербургскій слилъ. Тамош-

ній онъ крестьянинъ былъ, раздышался въ Петербургѣ, въ купцы произошелъ и слилъ. Кто говоритъ, что онъ пьянаго хозяина своего ограбилъ, а кто говоритъ—своимъ умомъ деньги нажилъ, неизвѣстно. Возилъ я его. Ужъ очленно ругается... Такъ ругается—нѣтъ никакой возможности! То предъясняетъ, что въ С.-Петербургѣ онъ оченно значительный. Я, говоритъ, при своемъ капиталѣ, кого хошь въ острогъ посажу.

— А вы и вѣрите?

— Какъ же не вѣрить? Можетъ, права такія имѣетъ... Мы этого не знаемъ... С.-Петербургъ отъ насъ далеко. Которые вотъ съ нашей стороны живутъ тамъ въ половыхъ, али по мастерству какому—придетъ въ деревню и сейчасъ себя такъ означаетъ, что съ нашимъ мужицкимъ разговоромъ и неподступишься. Но только и имъ попадаетъ. Новоселковскій старшина одному такому дикому барину, при всемъ селѣ, такую трепку задалъ, что любо два! Я, говоритъ, тебѣ покажу, какъ съ начальствомъ слѣдоваетъ... Куцая штука на емъ была надѣта — спинжакъ, что ли, по ихнему — и такъ онъ понималъ, что въ спинжакѣ въ этомъ вся сила, никто до его дотронуться не можетъ. Что смѣху было! Особливо дѣвки... Такъ и визжатъ. Бѣда эти санктпетербургскіе спинжаки. Другой горечь, а доказываетъ...

— А старшина у васъ сердитый?

— Баловства не любитъ, но только оченно человѣкъ правильный.

Звуки однократнаго колокола становились рѣзче и рѣзче. Изъ-подъ сугроба начали показываться вершинки загороди, овинъ, заколоченная избенка. Ямщикъ мнѣ разсказалъ, что въ этой избенкѣ жилъ колдунъ, портилъ бабъ, напускалъ страхъ на всю окружность, что нашелся смѣлый человѣкъ: на возжахъ протащилъ его по всему селу и, при всемъ народѣ, убилъ дубиной, „но только его, между прочимъ, за это за самое сослали на каторгу". Въ окнахъ мерцали огоньки, изъ трубъ валилъ дымъ, около храма уже толпился народъ. Мы остановились у постоялаго двора.

— Сергѣевна, ты на чистую половину веди, обратился ямщикъ къ женщинѣ, освѣщавшей намъ путь сальнымъ огаркомъ,—народу, поди, у васъ много скучилось?

— Къ утрени которые пришли... много...

— Что мудренаго: приходъ вашъ большой.

— Да есть ли еще гдѣ такой приходъ... подтвердила съ достоинствомъ Сергѣевна.

Мы вошли въ довольно опрятную комнату. Столъ былъ накрытъ бѣлымъ столешникомъ, передъ образами горѣла краснаго стекла лампада, на стѣнѣ московскаго издѣлія картинки, изъ которыхъ одна обратила мое особенное вниманіе: фигура въ синемъ фракѣ и желтыхъ брюкахъ виситъ въ петлѣ, подъ ногами у него разсыпаны деньги, внизу подпись: „желалъ самъ нѣкто быть удавленъ для спрятаннаго серебра". Необходимыхъ обывателей всякаго постоялаго двора—таракановъ не существовало. Воздухъ былъ чистый. Пока я раздѣвался, пока разсматривалъ картины, Сергѣевна втащила огромный самоваръ, изъ котораго могутъ достаточно напиться двадцать человѣкъ. Ямщикъ внесъ мои дорожныя вещи.

— Что ты какой большой самоваръ-то принесла — обратился я къ ней.

— Это, батюшка, у насъ середній, господскій, а для ямщиковъ который, такъ тотъ мнѣ и не поднять, мужику съ тѣмъ впору управляться.

— Самоваръ здоровенный, вмѣшался ямщикъ: пота четыре сойдетъ, пока его осилишь. Да вѣдь мы, сударь, пьемъ не по вашему, мы пьемъ по тѣхъ мѣстъ, пока тоска одолѣетъ.

— Сергѣевна, а ты вотъ что: торгуете?

— Чѣмъ?

— А энтимъ самимъ... понимаешь? Теперь бы съ морозу-то хорошо.

— Торгуемъ.

— А пакентъ у васъ есть?

— Какъ же возможно безъ пакенту.

— Ну, такъ давай... Съ пакентомъ завсегда лучше, словно бы какъ разрѣшенное; а безъ пакенту ежели пьешь, да оглядываешься: влетитъ тому, кто подноситъ, да и кто пьетъ-то и того тоже не похвалятъ. А ты мнѣ дай осьмушечку съ печатью, сейчасъ мы ее выпьемъ— нутренности-то у насъ и отойдутъ.

Вошелъ самъ содержатель постоялаго двора, благообразный, среднихъ лѣтъ мужикъ, щеголевато, на купеческую ногу, одѣтый.

— Не чаяли мы, сударь, началъ онъ, въ такой великій праздникъ гостей къ себѣ.

— Да, въ дорогѣ, Иванъ Никонычъ, чуть на застряли.

Съ самыхъ вечерень вчерашняго дня вьюга была и, между прочимъ, такъ дорогу занесло и въ тѣмъ числѣ я маленько проштрафился... на горохъ навалился...

— Въ церковь нашу не пожалуете ли? У насъ нынче престольный праздникъ,—отнесся ко мнѣ хозяинъ.

— Поютъ у нихъ, ваше благородіе, оченно хорошо, подхватилъ ямщикъ:—такъ поютъ, что, кажется, и невозможно...

— Поютъ у насъ чудесно, такъ что въ окружности нашей нигдѣ такъ не поютъ, поддакнулъ хозяинъ.

— Изъ кого же хоръ составленъ? спросилъ я.

— Да изъ нашего села пять человѣкъ, да фабричныхъ отъ Карла Ивановича человѣкъ десять, племянники поповскіе, трое ихъ, двое-то въ обученьи въ Москвѣ, а одинъ такъ... утокъ у насъ стрѣляетъ, фельдшеръ Петръ Никитичъ, а всѣмъ дѣломъ заправляетъ отецъ дьяконъ. Вчера у меня спѣвались, концертъ по нотамъ слаживали... превосходно! Мальчика одного, шпитомка, обучили дишкантомъ пѣть... такъ тонко выводитъ, что даже удивительно.

— Какой же они концертъ пѣли?

— Не могу ужъ вамъ доподлинно доложить, только мальченко этотъ съ фабричнымъ оченно выручаютъ. Фельдшеръ пробовалъ было подставать къ нимъ, но только нѣтъ, голосомъ такъ дѣйствоваться не можетъ, а разовъ пять принимался. Ну, а на лѣвомъ крылосѣ дьячекъ орудуетъ, у него тоже человѣкъ пятокъ мужичковъ, да бывшій нашего барина дворецкій слѣпой... при баринѣ онъ тоже на крылосѣ пѣлъ. Поютъ складно. Приходъ нашъ очинно богатый и храмъ у насъ великолѣпный.

— А что же это у васъ колоколъ...

— Колоколъ жидокъ, это истинная ваша правда. Колокольня не дозволяетъ, а то мы бы такого батюшку подняли... міру на удивленье! Атитекторы изъ Москвы были, размѣръ дѣлали—никакъ невозможно.

— А вотъ въ Новоселкахъ, говорятъ—отличный.

— Да онъ, сударь, не звонитъ.

— Отчего?

— Да какъ вамъ доложить? Нечистыя руки его подымали. Колоколъ не обманешь, онъ знаетъ... Другой годъ съ нимъ бьются—ничего нельзя сдѣлать. Кто позвонитъ, сейчасъ и оглохнетъ дня на три.

— Неужели это правда?

— Вѣрно вамъ говорю. Трактирщикъ поусердвовалъ. Спервоначалу своего хозяина дурманомъ опоилъ, капиталомъ его завладѣлъ, а после того колоколъ слилъ.

Я пошелъ вмѣстѣ съ хозяиномъ. Свѣтало. Небо было чистое. Звѣзды тускли. Небольшая каменная церковь не могла вмѣстить всѣхъ молящихся. Не смотря на довольно крѣпкій морозъ, многіе стояли на паперти съ непокрытыми головами.

— Ты бы мальчику-то шапку надѣла, обратился я къ одной женщинѣ, державшей на рукахъ лѣтъ четырехъ ребенка—простудится.

— Мы, сударь, простуды не имѣемъ, отвѣтилъ за нее осанистый мужикъ съ совершенно голою головою.

Оказалось, что хозяинъ мой былъ въ селѣ человѣкъ почетный: ему всѣ почтительно кланялись и давали дорогу. Мы стали у праваго клироса. Ризы на священнослужителяхъ золотыя, очень богатыя. Зажжено паникадило и всѣ мѣстныя свѣчи. По полу разбросанъ ельникъ. Обѣдня началась тотчасъ послѣ заутрени. Крестный ходъ съ хоругвями и образами направился къ Іордану, послышалось дружное пѣніе: „днесь водъ освящается естество и раздѣляется Іорданъ“... Миновавъ деревню, ходъ остановился подъ горой у ручья, на которомъ былъ вырубленъ четырехконечный крестъ, обсаженный ельниками. Началось служеніе. Всѣ сосредоточенно ожидали погруженія въ воду св. креста. „Во Іорданѣ крещающуся тебѣ Господи“ запѣлъ дребезжащимъ старческимъ голосомъ священникъ, погружая св. крестъ въ воду. Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, упали на колѣни. Угрюмыя лица просвѣтлѣли. По окончаніи священнодѣйствія, крестный ходъ тѣмъ же порядкомъ направился обратно. Мужики, бабы, дѣвки, мальчики затѣснились у Іордана, добывая святую воду. Кто обмакивалъ руку и мочилъ голову и глаза, кто черпалъ пригоршней и пилъ, кто лѣзъ съ кувшиномъ, кто съ бутылкой. Началась свалка. Затрещала хрупкая посуда.

Ямщикъ мой взялъ у бабы кружку, выпилъ всю, не переводя духа, примолвивъ:

— Совсѣмъ другой скусъ!.. Что значитъ...

Около прорубя, изъ котораго обыкновенно берутъ воду для домашняго обиходу, собралась толпа мужиковъ.

— Ты полѣзешь, — спрашиваетъ плѣшивый мужикъ одного коренастаго парня.

— Надо бы словно, да боязно.

— Коли рядился, такъ надо: по крайности очистишься.

— Холодно оченно...

— Холодъ въ такомъ случаѣ не дѣйствуетъ. Я почитай цѣлый кувшинъ выпилъ,—ничего, замѣтилъ кто-то изъ толпы.

— Да надо лѣзть, дѣлать нечего, рѣшилъ парень, снимая полушубокъ.

— Посторонись!

— Пущай лѣзетъ, мы тоже опосля.

— Бабы ступайте по домамъ.

— Хотимъ посмотрѣть, какъ окунаться будутъ,—проговорила одна бойкая бабенка.

— Ахъ, Марфушка, сколько въ тебѣ этой глупости, не приведи Богъ. Учить-то тебя некому. Не въ одежинѣ окунаться будутъ! Эхъ ты, образованіе!.. А еще мужъ въ солдатахъ служитъ!..

— Вы тутъ долго торговаться будете, - заговорилъ, протискиваясь сквозь толпу, уже раздѣвшійся парень:—а по нашему во какъ!.. И бросился въ прорубь.

Бабы взвизгнули... Черезъ мгновеніе на поверхности прорубя показалась голова съ посинѣвшимъ лицомъ и блуждающими глазами.

— Держи, держи, — закричала толпа, хватая за руки окунувшагося парня.

— Давай скорѣй сапоги!..

— Накидывай ему скорѣй полушубокъ-то!..

— А гдѣ-жъ рубаха-то?..

— До рубахи ли ужъ тутъ. Ишь стужа какая! Въ кабакѣ надѣнетъ.

Очистившійся бросился бѣжать.

— А ты, Ферапошка, будешь окунаться?

— Я не рядился...

— Какъ не рядился?

— Въ кабакѣ только меня маленько сажей намазали, не своей волей.

— Пусти, пусти!

Толпа опять разступилась, тѣмъ же порядкомъ бросился другой парень, за нимъ третій.

— Которые рядимшіе, ступайте,—вызывалъ одобряющимъ тономъ плѣшивый мужикъ.

— Сейчасъ, Микита Микитичъ, — отозвался рыженькой паренекъ изъ фабричныхъ:—я тебѣ это удовольствіе сдѣлаю. Долженъ я свои грѣхи смывать... Только ты

полушубокъ держи и какъ я сейчасъ — вылезу, такъ ты меня и покрывай.

Полураздѣвшись, онъ подошелъ къ проруби, попробовалъ рукой температуру воды и отошелъ, промолвивъ:

— Нѣтъ, не полѣзу.

Всѣ разсмѣялись.

— Эко, дуракъ! Вѣдь ты рядился!

— Такъ что-жъ что рядился! Тулупъ выворачивалъ! Какой же въ этомъ есть грѣхъ? У насъ въ запрошломъ году на фабрикѣ одинъ мѣщанинъ ухнулъ тоже въ прорубь, да такъ тамъ и остался... Цѣлый день мы пытали его ловить...

— Не поймали?

— Двухъ судаковъ поймали, а его нѣтъ. Въ полую воду у плотины вспылъ.

Когда я вернулся на постоялый дворъ, очистившіеся ужъ сидѣли, какъ ни въ чемъ не бывало, за щами со свининой.

— А что, братцы, должно быть холодно? — спросилъ я.

— Ничего, сударь! — Епекитъ опосля очень превосходный.

ГРОМОМЪ УБИЛО.

ДЕРЕВЕНСКІЯ СЦЕНЫ.

— Что тутъ за случай у васъ?

— Бѣда!.. теперь не раздѣлаешься!.. Теперича Лексѣевна, всѣ помремъ!

— Я ни въ чемъ не причиненъ: мы только идемъ, а онъ лежитъ...

— Гдѣ?

— У самаго у оврага. Растопырилъ глаза, да и лежитъ. вотъ грѣхи-то! Вотъ грѣхи-то наши тяжкіе.

— Я такъ полагалъ, что онъ грѣется на солнышкѣ; думаю: пущай грѣется...

— Вотъ погоди — становой пріѣдетъ.

— Что-жъ становой?.. Становой ничего.

— Становой-то ничего?!

— Всѣ помремъ.

— Батюшки!.. Господи!

— Бабы, смирно! Такой теперича случай, можетъ вся деревня отвѣчать будетъ, а вы визжите...

— Иванъ Микитичъ! можетъ грѣшная душа въ рай попасть? Ежели она очченно грѣшная.

— Поди, у попа спроси...

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи...

— Поди, проспись прежде...

— Мужички почтенные! Становой ежели пріѣдетъ — мы ничего не знаемъ. Петрухино это дѣло—онъ и отвѣчать долженъ.

— А теперича какое же ему разрѣшеніе?

— Кому?

— А Петрухѣ-то?

— Связать его теперича.

— За что?

— Какъ міръ... мнѣ все одно. По мнѣ хоть бѣги...

Я до него не касался: громомъ его убило.

— Громомъ?

— Громомъ, батюшка, громомъ!..

— Молоньей! Разъ и—готово!

— Вотъ ежели громомъ, въ такомъ случаѣ ничего, а я полагалъ—драка промежду васъ была.

— Какая, братецъ, драка! Промежду насъ окромя, что бывало онъ мнѣ стаканчикъ поднесетъ, а то я ему...

— А мы, вишь ты, ловили рыбу. Онъ и подошелъ къ намъ. Посидѣлъ, посидѣлъ.—Словно бы, говоритъ, мнѣ скучно. Третій день сердце чешется, да и отшелъ отъ насъ.

Сидимъ мы подъ ивой—вѣтерочекъ задулъ, такъ махонькой... вѣтерочекъ, да вѣтерочекъ. Смотримъ—по небу и ползетъ туча... отъ самаго отъ Борканова. Такъ и забираетъ... Страсть! Подошла къ рѣкѣ-то... Какъ завылъ это вѣтеръ, какъ засвистѣли ивы, словно бы ночь темная стала. Сотворили мы молитву, да и сидимъ. И сейчасъ — разъ! громъ, да опосля того —молонья. И пошла, братецъ, и пошла... Индо сердце захолодѣло.

И такой дождикъ полилъ... Свѣту Божьяго не видать. Съ полчаса или побольше мы сидѣли... Тише, тише... солнышко показалось и заметалась наша рыба, не успѣваемъ червей надѣвать... Головли такъ и сигаютъ... Вò какіе... Два ведра полныхъ наловили. Сажать некуда было.

Идемъ мимо оврагу-то, а онъ на самомъ бугрѣ и лежитъ, руки такъ-то раскинулъ и лежитъ. Смотри-ко... опосля дождя себя разогрѣваетъ. Подошли, а онъ ничуть. Ну, мы сейчасъ бѣжать.

— Нашелъ себѣ мѣсто, батюшка. Жизнь-то наша!

— А что его потрошить будутъ?

— Само собой: не по закону померъ—потрошить.

— А я однова̀ замерзалъ.

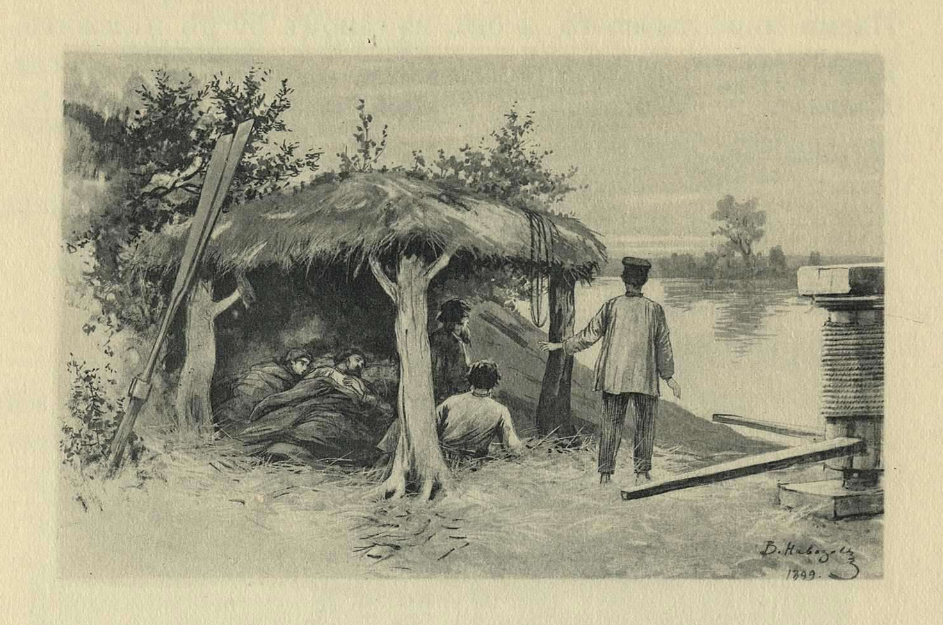
— Пьяный?

— Было маленько, только не то чтобы оченно. Спервоначалу все спать хотѣлось, и такъ мнѣ тепло стало. И вижу во снѣ, словно бы я въ трактирѣ въ какомъ, и народъ все чай пьетъ и пѣсни поетъ. А ужъ меня въ тѣ поры снѣгомъ оттирали.

— Становой! становой!

— Петрушка! голубчикъ, не погуби! Все на себя прими.

— Ваше благородіе! Петруньки это дѣло, мы ни въ чемъ непричинны.



УТОПЛЕННИКЪ.

СЦЕНА ИЗЪ НАРОДНАГО БЫТА.

Открытый шалашъ на берегу рѣки. На рѣкѣ паромъ. Занимается заря.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Потапъ, Кузьма, Матвѣй, Демка — работники на перевозѣ.
Никитка, племянникъ Потапа, 7 лѣтъ мальчикъ.

Кузьма.

Какъ книжка-то прозывается?

Матвѣй.

„Черный гробъ или Кровавая звѣзда“.

Потапъ.

Книжка занятная. Въ старину, говорятъ, и въ нашей сторонѣ тоже разбойникъ жилъ. Знаешь Булаткинъ лѣсокъ... тамъ просѣка-то...

Кузьма.

Какъ не знать.

Потапъ.

Тутъ онъ и жилъ. И грабилъ какъ... страсть! Проѣзду не было. Дѣдушка покойникъ сказывалъ,—онъ еще махонькой въ тѣ поры былъ: — бывало, говоритъ, соберетъ махонькихъ ребятишекъ къ себѣ въ лѣсъ, и ничего, не трогаетъ; не то, чтобы, къ примѣру, билъ, али что,— ничего. Ходи, говоритъ, ребята, завсегда.

Матвѣй.

Ребятъ онъ не трогаетъ. Парнишку махонькаго за что? Хошь-бы вотъ Микитку? Его за виски, коли онъ забалуется... вотъ его сейчасъ. (Беретъ Никитку слегка за волосы). Что, чертенокъ?

Никита (смѣется).

Больно!

Матвѣй.

А тебѣ не больно хотца? (Никитка смѣется). Постой, я тебя произведу. Богъ дастъ, подростешь,—рѣпу воровать обучу. Ишь ты вѐрченой!

Кузьма.

А ты, Микитка, скажи: я молъ и безъ тебя воровать-то умѣю.

Никита (смѣется).

Я и безъ тебя воровать-то умѣю.

Матвѣй.

Умѣешь?! Ахъ, ты, паршивой! Такъ ты умѣешь?!.. (Тянется къ нему; Никитка, съ звонкимъ смѣхомъ, прячется за Потапа).

Кузьма.

Микитка, скажи: жену молъ свою собственную на чаю пропилъ.

Никита.

Жену на чаю пропилъ.

Кузьма.

Свою собственную.

Никита.

Собственную.

Матвѣй.

Убью! За ноги, да такъ въ рѣку и брошу, и матери не скажу.

Никита.

Не смѣешь!

Потапъ.

Полно, дурашка! Ложись такъ-то. (Никита ложится на армякъ).

Матвѣй (одѣваетъ его).

Гдѣ такой воръ-парень родился, въ какомъ полку онъ служить будетъ, на какой народъ воевать пойдетъ?..

Потапъ.

Разъ дѣдушка съ ребятами пришелъ къ нему...

Кузьма.

Къ разбойнику-то?

Потапъ.

Да... въ лѣсъ-то. А онъ и говоритъ: скажи, говоритъ, старостѣ, чтобы безпремѣнно въ Спасовъ день на поклонъ приходилъ, а то, говоритъ, краснаго пѣтуха къ вамъ пущу. Староста заартачился, а онъ ночью село съ обѣихъ концовъ и зажогъ. Все тогда погорѣло! Церква была у насъ большая—и церква сгорѣла. Вотъ гдѣ теперь крестъ-то стоитъ, тутъ церква была. Въ тѣ-поры какъ она погорѣла, крестъ на самомъ на этомъ мѣстѣ и поставили, чтобы во вѣки вѣковъ стоялъ... Чтобы, значитъ, чувствовать.

Кузьма.

Чтобы мы это понимали.

Потапъ.

Да, извѣстно. Какъ, значитъ, тутъ церква была и вотъ теперича, напримѣръ, крестъ. — И это, дѣдушка сказывалъ, какъ эта самая церква загорѣлась, сейчасъ до самаго неба огненный столбъ всталъ... верстъ за пятьдесятъ его было видно. И стоялъ этотъ столбъ...

Демка (входитъ).

Словно бы по берегу кричитъ кто-то.

Матвѣй.

Что-жъ, пущай кричитъ.

Демка.

Можетъ, тонетъ кто.

Кузьма.

Мелко, не утонетъ.

Потапъ.

Коли ежели около дубу кто сорвался - утонетъ: тамъ глубоко!

Демка.

Лодку нешто отвязать...

Матвѣй.

Что-те коробитъ-то... чортъ!

Демка.

Да мнѣ все одно, я такъ сказалъ. (Садится).

Матвѣй.

Кто теперь на рѣку пойдетъ, кому нужно?

Демка.

Я, братцы, однова тонулъ.

Матвѣй.

Пьяный?

Демка.

Выпимши.

Матвѣй.

Выпимши нехорошо: долго на водѣ проваландаешься; а пьяный — любехонько: ровно бы ключикъ, такъ и опустишься да сядешь на донышко пузырики пущать.

Демка (вздрагиваетъ).

Страсть!

Матвѣй.

Рѣка никого не помилуетъ.

Кузьма.

Что говорить!

Потапъ.

А меня разъ на Волгѣ сомъ за ногу ухватилъ. (Всѣ смѣются).

Матвѣй.

Вотъ на чорта-то наскочилъ.

Потапъ.

Сейчасъ издохнуть! (Демка вздрагиваетъ).

Матвѣй.

Да ты что трясешься-то, аль съ фальшивымъ пачпортомъ по бѣлу свѣту гуляешь?

Демка.

Да такъ, братецъ мой, какъ вздумаю это я, какъ было утопъ-то, такъ индо лихоманка прохватываетъ.

Кузьма.

Да гдѣ-жъ ты это?

Демка.

Въ прокшинскомъ бочагѣ.

Матвѣй.

Экъ, тебя лѣшой-то куда занесъ!

Демка.

Были мы у кума на менинахъ, въ Прокшинѣ. Ну, извѣстно, напились. И такъ я этого хмѣлю въ свою голову засыпалъ—себя не помню. Кума прибилъ (всѣ смѣются), теткѣ Степанидѣ шаль изорвалъ... Просто, сейчасъ умереть, лютѣй волка сдѣлался. И съ чего бы, кажись: окромя настойки, ничего не пили. Кумъ-то: что-жъ ты, говоритъ, мою хлѣбъ-соль ѣшь, а самъ... да какъ хлясь меня въ ухо, хлясь въ другое!.. И такъ мнѣ пьяному-то обидно показалось, кажись бы такъ вотъ зубами весь потрохъ изъ его выворотилъ! Вышибъ я окно, выскочилъ на улицу, да бѣжать. Дѣло-то въ самое въ Воздвиженье было. Ночь темная, дожикъ такъ и хлещетъ. Выскочилъ-то я въ одной рубахѣ, да и бѣгу ровно очумѣлый, и не знаю куда бѣгу, больно ужъ злость-то меня одолѣла. А собаки со всего-то Прокшина за мной... Батюшки мои! просто на части рвутъ.

Кузьма.

Вотъ оказія-то!

Демка.

Бѣжалъ, бѣжалъ... разъ! Сорвался въ оврагъ, да колесомъ вертѣлся, вертѣлся... бултыхъ!..

Потапъ.

Въ самый этотъ бочагъ?

Демка.

Да.

Кузьма.

Ну, чудо!

Демка.

Помню маленько: рукой это по водѣ-то бью, а голосу ужъ этого во мнѣ нѣтъ. Ровно бы очувствовался, да и думаю: тону. Какъ вздумалъ я это, такъ ко дну и пошелъ.

Потапъ.

Значитъ, испужался.

Демка.

Мырнулъ опять на верхъ-то, ударилъ рукой-то, должно плыть хотѣлъ,—въ руку мнѣ ровно-бы что-то попало. Весь хмѣль соскочилъ! Кустъ тутъ былъ; прутъ отъ его мнѣ въ руку-то и попалъ; за кустъ-то я и уцѣпился. Тутъ ужъ въ разумъ пришелъ. Вижу, братецъ: ночь темная, хошь глазъ выколи, вѣтеръ такъ и воетъ. Висѣлъ, висѣлъ на кусту-то,—слышу: собаки залаяли и огонекъ показался. И закричалъ-же я, братцы, огонечекъ-то увидамши!.. Давай теперича тысячу рублевъ — такъ не крикнешь. Два года опосля глотка болѣла. Слышу и тамъ кричатъ... Народъ прибѣжалъ съ фонарями.

Матвѣй.

Какъ-же нашли-то?

Демка.

По собакамъ, собаки означили. Жена за мной выскочила, а за ей и гости, которые побѣжали. Вытащили меня, привели къ куму, опять я этой настойки выпилъ три стаканчика, согрѣлся... (Прислушивается). Взаправду, кричатъ... (Выбѣгаетъ изъ шалаша и снова возвращается). Выходи всѣ! (Всѣ выходятъ). Слышь! (Всѣ смотрятъ другъ на друга вопросительно; съ противоположнаго берега слышится глухой стонъ).

Матвѣй.

Далече!..

Потапъ.

Окрикни.

Матвѣй.

Держись!.. Держи-ись! (Снова слышится стонъ).

Демка.

Тонетъ, братцы!

Потапъ.

Постой. (Прислушивается). Да! Чья-то душа Богу понадобилась. Отвязывай лодку.

Матвѣй.

Эка, наша рѣка блажная! Сколько она за лѣто народу переглотаетъ. (Берутъ весла, отвязываютъ лодку. Матвѣй съ Демкой садятся).

Потапъ.

Садись живо. Матюха, отчаливай. Права держи... Наголосъ ступай. Ахъ ты, Господи!.. (Лодка быстро отваливаетъ).

Кузьма.

Гдѣ найти: долго больно держался-то! Демка-то еще когда сказывалъ, что кричитъ.

Потапъ.

Поди-жъ ты!

Кузьма.

Славу Богу, что ночь-то свѣтлая. Ишь ты зоря-то... бѣлый день... Да вонъ, вонъ... видишь — плещется...

Потапъ.

И то!

Кузьма (кричитъ).

Вправо забирай!.. (Съ лодки слышатся голоса:) „держи-ись! держи-ись!“

Потапъ.

Богъ милостивъ. Видишь... окунулся. Вонъ... опять выскочилъ. (Слѣдятъ внимательно).

Кузьма.

Сохрани, Господи, всякаго человѣка.

Потапъ.

Не видать?

Кузьма.

Опустился!.. Должно, конецъ его душенькѣ...

Потапъ.

Кричитъ что-то. (Долго смотрятъ съ напряженнымъ вниманіемъ).

Кузьма.

Вонъ поплылъ, вонъ поплылъ... Должно вытащили. Какъ-то Богъ далъ. (По рѣкѣ раздается неясный говоръ; всходитъ солнце: Потапъ и Кузьма крестятся; лодка подходитъ къ берегу).

Потапъ.

Что, братцы?

Матвѣй.

Подержи лодку-то. Чуть было самъ не утопъ. Какой тяжелой, Богъ съ нимъ. Принимай ребята. (Потапъ съ Кузьмой выносятъ трупъ на берегъ).

Потапъ.

Не опущай на земь. Качай такъ.

Матвѣй.

Ничего не подѣлаешь,—мертвый.

Кузьма.

Взаправду, мертвый.

Потапъ.

А можетъ... (Начинаютъ откачивать). Только, ребята, чтобы не разговаривать, не пужать.

Демка.

Нѣтъ, братцы, смотри-ко: спина-то у его какъ посинѣла. (Всѣ смотрятъ).

Кузьма.

Да.

Потапъ.

Воды много наглотался.

Демка.

Долго очченно. (Кладутъ трупъ на рогожу).

Матвѣй.

Какъ ухватилъ-то я его, еще онъ, ровно бы, живъ былъ.

Демка.

Подошли-то какъ мы, еще онъ держался.

Потапъ.

Мы видѣли.

Матвѣй.

Долго очченно въ водѣ-то я его искалъ. (Выжимаетъ подолъ рубашки). Продрогъ какъ... Ухватилъ я его за волосья-то, словно бы маненько шевелился.

Потапъ.

Какой здоровенной парень-то.

Кузьма.

Надо быть — купецъ.

Демка.

Купецъ и есть: ишь какая одежина-то.

Матвѣй.

И какъ, братцы, это онъ попалъ?

Потапъ.

Какъ попалъ! Можетъ ограбили да бросили. Большая дорога по той сторонѣ-то пошла...

Кузьма (покрываетъ трупъ рогожкой).

Отмаялся ты на семъ свѣтѣ, голубчикъ. (Никитка выходитъ изъ шалаша; слышится звонъ колокола).

Потапъ.

Въ монастырѣ къ заутрени ударили. (Всѣ крестятся). Упокой, Господи, душу раба твоего.

Всѣ.

Упокой, Господи.

Матвѣй (къ Никитѣ).

А ты, что-жъ не крестишься? Крестись.

Никита (безсознательно).

Упокой, Господи, душу раба твоего.

Потапъ.

Что-жъ, ребята, теперь ступай къ становому. Объявить надо, такъ и такъ...

Кузьма.

Затаскаютъ насъ, братцы, теперича.

Демка.

Да, не помилуютъ. Пожалуй, и въ острогъ влетишь!

Кузьма.

Хитраго нѣтъ.

Матвѣй.

За что?

Демка.

А за то.

Матвѣй.

За что — за то!

Демка.

Тамъ ужъ опосля выйдетъ разрѣшенiе...

Матвѣй.

Коли ежели такъ, я его опять въ рѣку сволоку.

Демка.

Экой дуракъ! Ты крещеный-ли?

Матвѣй.

Да какъ-же! За что-жъ меня въ острогъ...

Демка.

Я сидѣлъ разъ въ острогѣ-то, за подозрѣніе. Главная причина, братцы, говори всѣ одно, не путайся. Мѣсяца два меня допрашивали. Сейчасъ приведутъ тебя; становой скажетъ: „вотъ, братецъ, человѣка вы утопили; сказывай, какъ дѣло было". Ничего молъ, ваше благородіе, это я не знаю; а что собственно, услыхамши мы крикъ, и теперича, какъ человѣкъ ежели тонетъ—отвязали мы, значитъ, лодку...

Кузьма.

Ну вотъ, ребята, слушай да и помни. Чтобъ всѣмъ говорить одно.

Матвѣй.

Отвязали мы лодку, подошли къ энтому самому мѣсту и, значитъ, вытащили.

Кузьма.

Мертваго?

Матвѣй.

Вѣстимо мертваго.

Кузьма.

То-то.

Демка.

А на счетъ того, что откачивали — молчи. Потому, скажетъ: какъ ты смѣлъ до его дотронуться? Какое ты полное право имѣешь? Коли ежели человѣкъ померъ, опричь становаго никто не можетъ его тронуть. Такъ вы это и понимайте.

Матвѣй.

Ишь ты, лохматый чортъ, какъ онъ судейскія-то дѣла произошелъ.

Демка.

Я, молъ, какъ свѣча горю передъ вашимъ благородіемъ, прикажите хоть огни подо мной поджигать,—я ничего не знаю. Я, скажетъ, братецъ, вѣрно знаю, что это *ваше дѣло*. Говори одно: какъ вашей милости будетъ угодно, я этому дѣлу не причиненъ.

Потапъ.

Такъ, значитъ, всѣ такъ и говори. Бабъ-то нѣтъ, некому надъ тобой и поплакать-то.

Демка.

Можетъ, матушка родная по емъ теперича плачетъ.

Матвѣй.

Кто-жъ, ребята, пойдетъ?

Демка.

Да я пойду.

Потапъ.

Ступай, братъ. Ты на счотъ разговору лучше.

Демка.

Я разговаривать съ кѣмъ хошь могу. (Идетъ въ шалашъ).

Кузьма.

Ахъ, господинъ честной, хлопотъ намъ твое тѣло бѣлое понадѣлало.

Потапъ.

Богу тамъ за насъ помолитъ.

НА РѢКѢ.

СЦЕНА ИЗЪ НАРОДНАГО БЫТА.

ДѢИСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Дѣдушка Степанъ, старикъ, лѣтъ 60, сторожъ опустѣвшей барской усадьбы.

Иванъ, крестьянинъ, егерь.

Владиміръ, Ардаліонъ — лакеи.

Вася, Настя, Гришка, Дема и другіе — Крестьянскія дѣти изъ ближайшаго села.

Жареный, 16 лѣтъ, учился въ Петербургѣ у портнаго, отданъ родственникамъ по приговору Окружнаго суда.

На берегу рѣки, поросшемъ ивой, землянка. Изъ рѣки выдался въ берегъ большой камень. На противуположномъ крутомъ берегу старый барскій домъ, съ заколоченными окнами.

ЯВЛЕНІЕ I.

Дѣдушка Степанъ сидитъ у землянки, чинитъ сапогъ. Иванъ подходитъ.

Иванъ.

Богъ помощь, дѣдушка Степанъ.

Дѣдушка Степанъ.

Спасибо, милый человѣкъ, спасибо тебѣ. Что Богъ далъ?

Иванъ.

Плохо!... Пару чирятъ... (къ собакѣ). Кушъ, ляжь тутъ, подлая!

Дѣдушка Степанъ.

Что мало?

Иванъ.

Съ ружьемъ что-то... оченно отдавать стало... нѣтъ никакой возможности. Утрось зайца хлестанулъ, насилу самъ на ногахъ устоялъ... Въ кузницу надо зайти, казенникъ отвернуть... Ильичъ не проходилъ?

Дѣдушка Степанъ.

Выпалилъ тутъ кто-то по рѣкѣ.

Иванъ.

Должно онъ, окромя его некому. Надо полагать, онъ теперича къ Кривому колѣну ударился.

Дѣдушка Степанъ.

Отошелъ онъ, значитъ, отъ генерала-то?

Иванъ.

Отошелъ, мѣста ищетъ.

Дѣдушка Степанъ.

А житье, кажись, ему было хорошее.

Иванъ.

Умирать бы ненадо, но только и терпѣть нѣтъ никакой возможности.

Дѣдушка Степанъ.

Ну!

Иванъ.

Оченно ужь дерется... Такъ дерется — страсть! Ежели онъ теперича стрѣляетъ и какъ, напримѣръ, мимо — сейчасъ егоря въ ухо. Лучше не стой близко... Сапожки гоношишь?

Дѣдушка Степанъ.

Да, парнишкѣ Мавриному,.. починить просилъ...

Иванъ.

Это черненькій-то?

Дѣдушка Степанъ.

Да, черненькій. Вчера прибѣжалъ: дѣдушка, говоритъ, почини. Такой шустрый мальчишка, я такихъ и не видывалъ. Даромъ что махонькой, отъ земли не видать, а пойдетъ говорить—складнѣе барскаго сына. Ежели бы его въ ученье въ какое хорошее...

Иванъ.

Ты ребятъ ужь больно балуешь, сказываютъ.

Дѣдушка Степанъ.

Цѣлый день они у меня тутъ. Вотъ жаръ-то посвалилъ, всѣ сейчасъ прибѣгутъ. Васютка ужь вонъ тамъ подъ ивой старается, удитъ. Съ большимъ мнѣ, другъ, хуже, вѣрно тебѣ говорю... не люблю... а парнишко придетъ—первый онъ у меня человѣкъ. Ты думаешь — парнишко что? Онъ все понимаетъ, все смыслитъ, только ты его не бей, не огорчай его...

Иванъ.

Что ты, дѣдушка Степанъ, развѣ возможно ихъ не бить? Первое дѣло—безъ этого онъ не выростетъ, а второе дѣло—ежели его не бить, онъ тебя почитать не станетъ... Не оченно чтобы бить, а такъ потрепать инный разъ—это оченно имъ въ пользу.

Дѣдушка Степанъ.

Стало быть, ты словъ не умѣешь, коли малаго ребенка бьешь...

Иванъ.

Да я не бью, мнѣ, примѣрно, все одно, только словно бы безъ этого невозможно... Насъ тоже лупили порядочно... Въ фалеторы меня махонькаго взяли, такъ бывало кучеръ тебя прибьетъ, да дворецкій тебѣ накладетъ... а въ трактиръ-то въ ученье отдали, тамъ пять годовъ сряду били... Оченно ужь разъ мнѣ пришлось, пошелъ хозяину жаловаться, такъ меня сейчасъ за бунтовство въ часть отправили, да чуть было на поселеніе не сослали, цѣлый день у хозяина въ ногахъ валялся... (Собака бросается за птичкой). Еси сюда, подлая!... Убью!...

Дѣдушка Степанъ.

Хорошаго мало, милый человѣкъ.

Иванъ.

Ну, постой! Такъ будемъ говорить: наше дѣло простецкое, а по купечеству теперича, не къ намъ ихъ къ мужикамъ приравнять:—теперича я на фабрику къ купцу Гладкову дичь представляю къ механику къ англичанину, такъ вотъ я тебѣ что скажу: такъ этотъ купецъ своихъ дѣтей жучитъ, что лучше требовать нельзя. А купецъ значительный, дочь у его за полковникомъ... Значитъ, слѣдуетъ.

Дѣдушка Степанъ.

Бьетъ шибко, а дѣти всѣ пьяницы повышли.

Иванъ.

Пьяницы какъ есть, это что говорить... Пьяницы настоящіе. Намедни было фабрику пьяные сожгли... а Семенъ Митричъ вотъ изъ этого самаго ружья у тѣшиловскаго мужичка лошадь застрѣлилъ. Блажной!... Опухъ теперь весь и хозяйка отъ его сбѣжала, въ Москвѣ путается... (Раздается выстрѣлъ). Это Ильичъ!... Прощай, дѣдушка Степанъ...

Дѣдушка Степанъ.

Дай Богъ часъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Вася показывается изъ-за куста.

Вася.

Дѣдушка, ребята идутъ, должно тоже рыбу ловить...

Иванъ (закуривая трубку).

А ты, Васютка, умѣешь рыбу-то ловить?

Вася.

Умѣю.

Иванъ.

Врешь?!

Дѣдушка Степанъ.

Хорошо ловитъ, старается.

Вася.

Я намедни такую щуку выворотилъ, индо удилище затрещало... За три гривенника мы продали...

Дѣдушка Степанъ.

Щуку важную ухватилъ! Рыболовъ будетъ чудесный...

Иванъ.

Ну, помогай Богъ... Прощайте... (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же, безъ егеря.

Вася.

Дѣдушка, мы ихъ сюда не пустимъ, они только рыбу пужаютъ.

Дѣдушка Степанъ.

Рыбы въ рѣкѣ, батюшка, много. Въ рѣкѣ рыба, въ лѣсу птица — все на пользу намъ далъ Господь Царь небесный.

Вася (всматриваясь).

Дѣдушка, и портной съ ними.

Дѣдушка Степанъ.

Я этого портнаго... Приди онъ только! Я ему покажу, какъ рыбу травить. Ты и не знайся съ имъ, батюшка: окромя худаго отъ него ничему не обучишься.

Вася.

Онъ намедни въ матку въ свою камнемъ запустилъ... Ужь и драли же его за это. Матка-то завыла, мнѣ, говоритъ, съ имъ не совладать, а сусѣдъ его и поймалъ... Ужь онъ его вожжей хлесталъ, хлесталъ...

Дѣдушка Степанъ.

Ишь ты, въ родительницу!..

Вася.

Онъ говоритъ, она ему не мать, а сродственница; у меня, говоритъ, нѣтъ ни отца, ни матери; меня, говоритъ, изъ воспитательнаго дому сюда оборотили...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Подходятъ нѣсколько ребятъ.

Всѣ.

Здравствуй, дѣдушка Степанъ.

Дѣдушка Степанъ.

Здорово, молодчики! Далеча ли срядились?

Гришка.

Корье, дѣдушка, драли, домой идемъ.

Дѣдушка Степанъ.

Рыбу завтра ловить приходите.

Гришка.

Неколи. Нонѣ корье драли, а завтра лекарь съ фабрики велѣлъ, чтобы безпремѣнно мать-мачиху рвать *).

Дѣдушка Степанъ.

Тамъ у старой плотины ее тьма тьмущая.

Гришка.

Мы туда и пойдемъ. Мы и лѣтось тамъ же рвали.

---

*) Лекарственная трава.

Дема.

Да и за пьянымъ боромъ, по ручью, сколько хошь.

Вася.

Мы туда завтра за муравлиными яицами...

Дѣдушка Степанъ (къ портному).

А ты слышишь: ежели ты будешь окормокъ *) въ рѣку кидать, рыбу травить, я тебя, знаешь... Ишь ты непутный!..

Жареный (становясь въ позу).

Не страшно!..

Дѣдушка Степанъ.

Ты у насъ тутъ всю рыбу потравилъ, озорникъ этакой! Рыбу Богъ намъ на потребу создалъ, а ты ее травишь. Безстыдникъ! Вася, поро̀й, батюшка, червячковъ, а я пойду вершу погляжу... Я тебя такъ пугну отсюда, что ты у меня и своихъ не узнаешь. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ-же безъ дѣдушки.

Жареный (вслѣдъ Степана).

Старый чортъ! (Ребята смѣются).

Вася.

Что-жъ ты дѣдушку-то ругаешь, онъ постарше тебя.

Жареный.

Стара у попа собака! Я всѣ ваши верши перерѣжу... а сторожку сожгу... ей Богу, сожгу... (Кидаетъ въ воду камень).

Гришка.

Что рыбу-то пужаешь! Чортъ!

Жареный.

Ноньче ночью я къ попу въ садъ за яблоками...

---

*) Кукельванъ.

Дема.

Не поспѣли еще... зеленыя...

Жареный.

Печеныя они ничего, скусно.

Дема.

А шея-то у тебя крѣпка?

Жареный.

Крѣпкая, крѣпче твоей!... Когда я въ Обуховской больницѣ лежалъ, со втораго этажу меня спустили...

Гришка.

За что?

Жареный.

За бѣльемъ мы съ товарищемъ у Вознесенскаго мосту на чердакъ залѣзли, а дворники насъ и выждали... Пашкѣ сейчасъ лопатки назадъ, а я, пока его крутили, хотѣлъ шмыгнуть—старшій дворникъ какъ звизнетъ меня, такъ я и покатился... (Всѣ смѣются). Сейчасъ въ больницу. Доктора эти мяли меня, мяли,—нутромъ, говорятъ, здоровъ, только въ ребрахъ у него поврежденіе.

Дема.

Вотъ такъ приладилъ!

Жареный.

Порядочно!.. Вылечили меня и сейчасъ въ острогъ. Слѣдователь допрашивать сталъ: повинись, говоритъ, скажи, какъ дѣло было? Ничего, говорю, я не знаю, потому какъ мнѣ дворники память отшибли и поэтому случаю я въ больницѣ лежалъ. Опосля этого въ судъ повезли... народу, братецъ ты мой, жендары... Сейчасъ всѣхъ присягу примать заставили. Ты, говоритъ, какой вѣры? Здѣшней, говорю. Воровалъ бѣлье? Никакъ нѣтъ, а что дворники меня били оченно и даже теперь рукой владѣть не могу.

Дема.

Я бы, кажись... (Смѣется). Ужь оченно страмъ!..

Жареный.

А ужъ меня въ острогѣ одинъ мѣщанинъ обучилъ,— ты, говоритъ, главная причина, говори одно: били да и шабашъ. И вышло намъ такое разрѣшеніе: Пашку въ арестанскія роты служить, а меня въ деревню по етапу. Къ Покрову, Богъ дастъ, я опять въ С.-Петербургъ уйду.

Гришка.

А ежели опять поймаютъ, такова жару зададутъ.

Жареный.

Тамъ канпанія большая — ничего. Уже оченно тамъ жисть хорошая... слободно... Разъ мы въ кіятрѣ у одного барина... (Изъ кустовъ показывается дѣдушка Степанъ). Старый чортъ этотъ опять идетъ... Пойдемъ, братцы... (Къ Васѣ). А ты ему скажи: будетъ онъ меня помнить! Я ему покажу. Въ кіятрѣ мы разъ у одного барина... (Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Вася садится на камень и закидываетъ удочку. На противоположному берегу показывается Настя.

Настя.

Васька, матушка велѣла домой чтобы...

Вася (насаживая червя).

Я заночую здѣсь.

Настя.

Матушка серчаетъ. Совсѣмъ, говоритъ, отъ дому отбился.

Дѣдушка Степанъ.

Скажи, голубка, дѣдушка, молъ, завтра самъ приведетъ. Они, молъ, къ вершамъ пойдутъ.

Настя.

Раньше приходите. Прощайте.

Дѣдушка Степанъ.

А ты бы... тово... рыбу-то бы съ собой захватила, сковородки на двѣ у насъ будетъ. Скажи матери, Васютка все наловилъ.

Настя.

Да онъ ловить-то не умѣетъ.

Дѣдушка Степанъ.

Нѣтъ, ловитъ важно.

Вася.

Я сейчасъ головля поймалъ...

Дѣдушка Степанъ.

Свѣжая она теперь... Поужинаете...

Настя.

Завтра на покосъ пойдемъ, обжаримъ...

Дѣдушка Степанъ.

А косить-то еще много?

Настя,

Росы на двѣ еще хватитъ. Спасибо, дѣдушка. Прощайте.

(Вася отталкиваетъ лодку на противоположный берегъ и возвращается).

Вася.

Щука давя плеснула вонъ у энтаго куста... здоровая!..

Дѣдушка Степанъ.

Лукавая эта рыба-то... Что-то Богъ намъ въ верши послалъ...

Вася.

А далече, дѣдушка, отсюда?

Дѣдушка Степанъ.

Нѣтъ, недалече... Вотъ мы поужинаемъ да и поѣдемъ... Тихо теперь, хорошо... (рѣжетъ хлѣбъ). Садись, батюшка... (садятся). Господи, благослови. Ѣшь, во славу Божью. Ты бы лучку погрызъ, посоли-ка его да хорошенько... Вотъ такъ.

Вася.

Дѣдушка, намедни къ намъ посредственникъ прiѣзжалъ, народъ на сходку сколачивали, чтобы съ души по полтиннику и ребятъ, значитъ, всѣхъ грамотѣ обучать. А опосля того волостной всѣхъ ребятъ собиралъ. Я, говоритъ, тетка Варвара, Васютку перваго возьму. Три копеечки мнѣ далъ...

Дѣдушка Степанъ.

Это за твою добродѣтель...

Вася.

А мужики которые, мы, говорятъ, ребятъ своихъ не выдадимъ... Въ кабакѣ подрались. Коряга ужъ оченно кричалъ.

Дѣдушка Степанъ.

А волостной-то что?

Вася.

Долго онъ съ ними ругался, а Корягѣ говоритъ: я тебя, говоритъ, въ солдаты отдамъ. А Коряга ему: — я, говоритъ, три затылка заростилъ, — меня отдать невозможно...

Дѣдушка Степанъ.

Это, батюшка, хорошо. Ежели ты обучишься—первый человѣкъ будешь. Кто перомъ умѣетъ, такому человѣку завсегда просвѣтъ есть. Не токма по нашему по крестьянскому дѣлу, а ежели и господинъ, который необученый... Доѣдай, доѣдай, голубчикъ, простынетъ.

Вася.

Я ужъ сытъ.

Дѣдушка Степанъ.

Ну, и слава тебѣ, Господи. Богъ напиталъ, никто не видалъ!..

Вася.

Темно какъ стало!

Дѣдушка Степанъ.

Темно. Теперь лихому человѣку хорошо, теперь ужъ лихой человѣкъ на дорогу вышелъ. Возьми-ка ведерочко, залей огонь-то.

Вася (заливаетъ).

Я боюсь ночью-то...

Дѣдушка Степанъ.

Чего, голубчикъ, бояться. Доброму человѣку бояться нечего, лихихъ людей здѣсь нѣтъ, они теперича на проѣзжей дорогѣ, али къ городу гдѣ поближе, гдѣ народъ ходитъ, а здѣсь имъ дѣлать нечего — люди мы съ тобой, бѣдные, взять съ насъ нечего.

Вася.

Страшно очненно. Разъ мы съ матушкой за хворостомъ ѣздили да въ оврагѣ къ ночи-то и застряли...

Дѣдушка Степанъ.

Испужались!

Вася.

Страсть!.. А въ барскомъ домѣ, дьячекъ сказывалъ, никому невозможно ночью пройти...

Дѣдушка Степанъ.

Ну!..

Вася.

Сейчасъ умереть!

Дѣдушка Степанъ.

Чтожъ тамъ?

Вася.

А старый баринъ тамъ по ночамъ ходитъ.

Дѣдушка Степанъ.

Зря болтаютъ, батюшка. Самъ я ему, голубчику, и могилку-то копалъ и косточекъ-то его, поди, нѣтъ теперь.

Вася.

Нѣтъ, дѣдушка, видѣли—ходитъ... Сердитый...

Дѣдушка Степанъ.

Полно, глупенькой, врать-то...

Вася.

Очненно ужъ мнѣ жутко, дѣдушка.

Дѣдушка Степанъ.

А ты сотвори молитву... Садись въ лодку.

Вася (садится).

Темь какая по рѣкѣ-то... Тихо...

Дѣдушка Степанъ (зажигая фонарь).

Ночь, батюшка... Ночью завсегда тихо. А ты вотъ что: ты рѣки ночью не бойся... Я съ малыхъ лѣтъ на рѣкѣ живу, съ малыхъ лѣтъ я ее знаю... Говорятъ ежели что, ты этому не вѣрь, мало что бабы болтаютъ. Вотъ

ежели въ лѣсу, тамъ страшно—и звѣрь попадется и все... а въ рѣкѣ окромя рыбки голубушки никого нѣтъ и та спитъ теперь. Вотъ мы верши посмотримъ да въ стогу и заночуемъ... сѣно-то свѣжее... чудесно!..

(Отпихиваетъ лодку отъ берега).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Иванъ, Владиміръ, Ардальонъ.

(За сценой).

Степанъ Архипычъ, погоди, насъ на ту сторону перетолкнешь.

Иванъ.

Я имъ на устрѣтъ пошелъ, а они тутъ.

Дѣдушка Степанъ.

Охотничкамъ, егерямъ почтеннымъ.

Владиміръ.

Степану Архипычу самое низменное!

Дѣдушка Степанъ.

Здравствуй, Володюшка, здравствуй. (Къ Ардальону). И ты съ ними бродишь?

Владиміръ.

Скуки ради и онъ съ нами. Человѣкъ безъ дома — тоска одолѣетъ. Сверни папиросочку.

Ардальонъ.

Сейчасъ, Владиміръ Николаичъ.

Владиміръ.

Мы вѣдь собственно не охотиться, а для развлеченія... даже гитару съ собой носимъ.

Ардальонъ.

Извольте, Владиміръ Николаичъ.

Владиміръ.

А вы тутъ огонекъ разложите.

Дѣдушка Степанъ.

Безъ огня скучно.

Владиміръ.

Да съ огнемъ еффехтнѣй, это твоя правда. А ежели можно у тебя рыбы какой достать и уху намъ сейчасъ приготовить? Я бы теперь порціонную стерлядку по-русски съѣлъ.

Иванъ.

А то по какому-же ее ѣсть?

Владиміръ (съ ироніей).

Дуракъ!

Иванъ.

Посмотрю я на тебя, Владиміръ Николаичъ, бариномъ тебя назвать нельзя, а говоришь ты...

Владиміръ.

Поживи въ обществѣ и ты будешь говорить подругому... Такъ можно относительно рыбы?

Дѣдушка Степанъ.

Сейчасъ, батюшка, гость дорогой. Вася, поди-ко съ ведерочкой, сочекъ возьми... Зацѣпи тамъ... сейчасъ, батюшка, сейчасъ. Давно ты не бывалъ у меня... Прежде все бывало...

Владиміръ.

Обстоятельства разныя... да и некогда.

Иванъ.

Опять это и баринъ его таперича прогналъ, мѣста искать надо... А мѣста нынче поди-ко сунься.

Владиміръ.

Насъ никто не прогонитъ, мы сами уйдемъ, но бить себя не позволимъ... Не тронь! Не то время! Другой коленкоръ, вотъ что!.. (къ Ардальону). Дай огня.

Ардальонъ.

Сейчасъ, Владиміръ Николаичъ.

Дѣдушка Степанъ.

Что у васъ за дѣла съ нимъ вышли?

Владиміръ.

Самъ посуди, Степанъ Архипычъ, человѣкъ ты умный: нѣтъ никакой возможности. При моемъ положеніи и вдругъ...

Иванъ.

Въ ухо!

Владиміръ.

Вѣдь это чортъ знаетъ, что такое!..

Дѣдушка Степанъ.

Хорошаго мало.

Владиміръ.

У меня крестный отецъ титулярный совѣтникъ, крестная мать... какими они глазами на меня смотрѣть должны... Нѣтъ, шалишь!.. Не позволю!

Ардальонъ.

Ежели надъ собой позволять...

Владиміръ.

Сверни папироску.

Ардальонъ.

Сейчасъ, Владиміръ Николаичъ.

Владиміръ.

Разъ ему спустилъ, два спустилъ, на третій говорю: нѣтъ, говорю, ругаться вы можете сколько угодно, а оскорблять дѣйствіемъ я себя не позволю. Не тотъ коленкоръ! Поѣхали мы зимой на медвѣдя, а я въ это самое время влюбленъ былъ и какъ нарочно въ этотъ день свиданье назначилъ. Ты знаешь, что значитъ дѣвушкѣ свиданье назначить и между прочимъ обмануть. И ее въ конфузъ поставить, и самому стыдно. Смерть мнѣ ѣхать не хотѣлось, но дѣлать нечего. Стали на номера. Морозъ, страсть! Прислонился я къ дереву да и думаю: жуируетъ она теперича жизнію, дѣлаетъ променажъ по Невскому, безъ друга... а я здѣсь зябну, какъ собака. И такъ мнѣ грустно стало, такія мечты пошли...

Ардальонъ.

Извѣстно, въ этакомъ положеніи.

Владимiръ.

Дай огня.

Ардальонъ.

Сейчасъ, Владимiръ Николаичъ.

Владимiръ.

Думаю: какъ бы мнѣ было прiятно заключить ее въ своихъ объятiяхъ, въ это время медвѣдица, пудовъ четырнадцать... фюить!.. За линiю... Такъ я и замеръ...

Иванъ.

Ну, а онъ тебя сейчасъ клочить — не зѣвай... Я бы тебя не такъ; я бы тебя...

Вася (входитъ).

Два головля, четыре окуня, а плотву я не считалъ.

Владимiръ.

Заправляй скорѣй... (Къ Ардальону). Ну-ко, сдѣлай колѣнце (играетъ). Али пѣсню спѣть... Затягиваю. (Поютъ).

Не шумите-ко вы,
Да вы вѣтры буйные!
Не бушуйте-ко вы,
Да вы лѣса темные!
Ты не плачь-ко, не плачь,
Душа красна-дѣвица...

Иванъ.

Нѣтъ, постой, вотъ что: помнишь ты въ кабакѣ дѣйствовалъ...

Владимiръ.

Въ какомъ кабакѣ?

Иванъ.

Пьяный въ тѣ поры... въ Саюкинскомъ... Пѣлъ онъ, Степанъ Архипычъ, пѣсню с.-петербургскую, какъ чудно... страсть!..

Владимiръ.

Я не помню.

Иванъ.

Да объ Покрову... Ну еще тебѣ лопатки назадъ скрутили... И что вы, черти, въ тѣ поры водки сожрали... Кажинный по стаканчику поднесъ, пѣсня-то очень складная.

Владимiръ.

Играй. (Ардальонъ играетъ).

Я по травкѣ шла,
Тяжелехонько несла —
Коромысло да валекъ
Еще милаго платокъ.
Я на камушекъ ступила,
Чулокъ бѣлый замочила.
Мнѣ не жалко туфелька—
Жалко бѣлаго чулка.
Я съ хозяиномъ разсчелся,
Ничего мнѣ не пришлось.

Иванъ.

Жизнь вамъ, холуямъ, умирать не надо.

ДЕРЕВЕНСКІЯ СЦЕНЫ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Сергѣй Ильичъ Боркановъ, генералъ отъ кавалеріи, безвыѣздно живущій въ своемъ помѣстьи, 70 лѣтъ.

Татьяна Васильевна, его дальняя родственница, институтка, только что окончившая курсъ въ одномъ изъ петербургскихъ институтовъ.

Серафима Александровна Ржищева, вдова сановника, двоюродная сестра Борканова, 50 лѣтъ.

Анатоль—16 лѣтъ
Жоржъ—15 лѣтъ } ея сыновья.

Аркадій Николаевичъ Чугрѣевъ, отставной корнетъ, 40 лѣтъ.

Евграфъ Матвѣевичъ Гусаковъ, маіоръ, управляющій имѣніями Борканова, бодрый, живой, крѣпкій старикъ, лѣтъ 70-ти.

Семенъ Петровичъ, крестьянинъ, мельникъ, 85 лѣтъ.

Егоровна, его жена, старуха.

Настя, ихъ родственница, 20 лѣтъ.

Иванъ Андреевъ Тѣльновъ, торгующій крестьянинъ, 40 лѣтъ.

Пахомка, мальчикъ, слуга.

Парѳенъ Сергѣевичъ, старикъ, бывшій барскій поваръ.

Большая полянка въ густомъ сосновомъ лѣсу, на которую ведетъ узкая просѣка, налѣво избушка.

ЯВЛЕНІЕ I.

Семенъ Петровичъ выноситъ столъ, накрываетъ его скатертью, Егоровна кладетъ ковригу хлѣба, Настя ставитъ чашку съ медомъ.

Семенъ Петровичъ.

Ну, все въ порядкѣ, какъ быть слѣдуетъ... Авось, не проштрафимся. (Осматриваетъ столъ). Хлѣбъ-отъ я подниму, а ты медъ неси, а ты, Настасья, стой да причитай: „милости, молъ, просимъ, ваше превосходительство, благодаримъ покорно, что нами не побрезговали... очення намъ это... примѣрно... все одно, какъ отца родного...“ И сейчасъ въ ноги.

ЯВЛЕНІЕ II.

Татьяна Васильевна показывается на просѣкѣ, въ амозонкѣ.

Татьяна Васильевна.

Здравствуйте, Семенъ Петровичъ. Здравствуйте... (Всѣ почтительно кланяются).

Семенъ Петровичъ.

Спасибо, родненькая, что не погнушалась нами — пожаловала. Люди мы темные, въ лѣсу живемъ, а ты намъ просвѣтъ сдѣлала... Пошли тебѣ, Господи. Садиться милости просимъ. (Отираетъ рукой скамейку).

Татьяна Васильевна.

Какъ у васъ здѣсь темно.

Семенъ Петровичъ.

Лѣсъ, матушка, Божій лѣсъ,—завсегда въ немъ темно. Еще теперь солнышко стоитъ, а какъ закатится — тьма тьмущая, зги не видать! Мы ужъ привычные, а и то осенью жутко бываетъ.

Татьяна Васильевна.

А волки здѣсь есть?

Семенъ Петровичъ.

Заходятъ когда, по осени, — освѣдомляются.

Татьяна Васильевна.

Я никогда волковъ не видала.

Семенъ Петровичъ.

Гдѣ-жъ, матушка, тамъ у васъ въ Питерѣ-то! Онъ въ лѣсу живетъ. Пріятности въ немъ никакой нѣтъ; воръ, разоритель!

Татьяна Васильевна.

А вы не боитесь волковъ?

Егоровна.

Нѣтъ, сударыня.

Татьяна Васильевна.

Какъ-же? Они къ самому вашему дому подходятъ?

Семенъ Петровичъ.

Нѣтъ, голубушка, онъ хитрый, близко не подходитъ, а кругомъ все ходитъ, да озирается, нѣтъ-ли чего по близости — теленка, или овцы, а то и собаки, ежели зазѣвается, ну, ужъ тутъ шабашъ... готово! А ежели нѣтъ ничего—обижается, воетъ.

Татьяна Васильевна.

Какъ страшно! Это дочка ваша?

Егоровна.

Въ плюмянницахъ у насъ живетъ. Сирота,—ни отца, ни матери нѣтъ. Спервоначалу они погорѣли, а тамъ Господь и по душу по ихнюю послалъ. Самъ-то близъ Петрова дня отошелъ, а мать-то въ самый Покровъ.

Семенъ Петровичъ.

Мы ея къ себѣ и приспособили. Жалко!

Егоровна.

Сиротка...

Татьяна Васильевна.

Какая хорошенькая!..

Егоровна.

Какая ужъ, матушка, хорошенькая — чумазая!..

Семенъ Петровичъ.

Всѣмъ-бы дѣвка хорошая, и грамотѣ дотошница — письмо ежели написать, все прочее... просьбу — большое ей Богъ далъ понятіе. Намедни отъ всего міра губернатору просьбу составила, такія слова подобрала, плакали даже. Пѣсни пѣть ежели теперича, плясать — первая по всей волости, а ужъ работы—не хвали.

Настя.

Я работаю, дѣдушка.

Егоровна.

Надо правду говорить—не работница. Въ книжку все читаетъ.

Семенъ Петровичъ.

Да коли-бы ежели божественную какую, а то...

Татьяна Васильевна.

Какую же книжку читаете?

Настя (застѣнчиво).

Такъ-съ!..

Семенъ Петровичъ.

Ну, говори, коли барышня спрашиваетъ.

Татьяна Васильевна.

Какую?

Настя.

Курсъ акушерства.

Семенъ Петровичъ.

Вишь ты, какія слова-то!

Настя.

Меня земскій врачъ въ акушерскій институтъ готовитъ, въ Санктъ-Петербургъ.

Семенъ Петровичъ.

Вотъ ты и поди съ ней! И что это, матушка, за народъ теперича сталъ. Молодые ребята изъ подъ отцовской воли повышли, въ церковь Божью не ходятъ, а придетъ

ежели—статуемъ стоитъ и лба не перекреститъ, а такъ— одному святому кивнулъ, другому моргнулъ, а третій самъ догадается. И святые у нихъ не наши, а ихніе — симоны-гулимоны, да погуляи-мученики. Да ужъ и ваша-то сестра наровитъ...

Настя.

Что-жъ, дѣдушка, я обучусь, да опять въ деревню приду.

Семенъ Петровичъ.

Да, ищи тебя тамъ по Питеру-то!.. Тамъ тебѣ такъ хвостъ-то прищемятъ, что ты и не вырвешься. Какая ужъ тебѣ послѣ Питера-то деревня! Ты бы насъ, стариковъ, успокоила, ничѣмъ пустыми дѣлами заниматься. На эту должность и безъ тебя много.

ЯВЛЕНІЕ III.

Входитъ Чугрѣевъ, въ военной фуражкѣ, въ крайнѣ изношенной венгеркѣ въ болотныхъ сапогахъ.

Чугрѣевъ.

Правда, Семенъ, я слышалъ, что у тебя сегодня на мельницѣ генералъ будетъ?

Семенъ Петровичъ.

Ожидаемъ его, батюшку, съ покосу хотѣлъ заѣхать, да вотъ что-то замѣшкался... Барышня пріѣхала, а его нѣтъ...

Татьяна Васильевна.

Сейчасъ пріѣдетъ. Его какіе-то крестьяне погорѣлые остановили, прошенье подали.

Семенъ Петровичъ.

Это, должно, гривскіе, двадцать дворовъ у нихъ выгорѣло. Пора рабочая, всѣ на полѣ, долго-ли грѣху быть.

Чугрѣевъ.

Позвольте мнѣ имѣть честь представиться: бывшій здѣшній помѣщикъ, обломокъ, такъ сказать, разбитаго корабля. (Татьяна Васильевна молча кланяется). Изъ Петербурга изволили пожаловать?

Татьяна Васильевна.

Да.

Чугрѣевъ.

Никогда въ здѣшнихъ мѣстахъ не бывали?

Татьяна Васильевна.

Нѣтъ.

Чугрѣевъ.

Да! Я вамъ не завидую. Прямо съ роскошнаго бала въ благородномъ собранiи попасть на водяную мельницу—переходъ ощутительный. Не правда-ли? (Татьяна Васильевна молчитъ). Быть окруженной блестящею молодежью, роскошными дамами, фрейлинами, звѣздоносцами, кавалергардами и вдругъ очутиться въ мурьѣ! Разумѣется, вы сюда не надолго прiѣхали? (Татьяна Васильевна молчитъ). И здѣсь было весело, и здѣсь, т. е. и въ здѣшнихъ мѣстахъ, гремѣла музыка, рѣкой лилось шампанское, но когда? (Закуриваетъ папироску). Но когда? Когда здѣсь жили люди со вкусомъ, люди родовитые, люди образованные, прошедшiе, если такъ можно выразиться, черезъ прессъ воспитанiя, когда не были осушены рѣки, не вырублены лѣса, когда на барскихъ домахъ развѣвались флаги съ гербами, когда къ крыльцу подъѣзжали экипажи, запряженные рысаками. А теперь что? Гдѣ баринъ? Да вотъ недалеко ходить: вотъ теперешнiй баринъ, теперешнiй помѣщикъ—вотъ онъ. (Изъ просѣки выходитъ Тѣльновъ).

ЯВЛЕНIЕ IV.

Тѣльновъ.

Такъ точно, здѣшнiй помѣщикъ, — Иванъ Андреевъ Тѣльновъ.

Татьяна Васильевна.

Семенъ Петровичъ, можно посмотрѣть мельницу? Я никогда не видала.

Семенъ Петровичъ.

Пожалуй, красавица, пожалуй. Настасья проводитъ.

Настя.

Пожалуйте, сударыня, тутъ недалечко.

Чугрѣевъ.

Какъ бы я былъ счастливъ, если бы вы позволили мнѣ вамъ сопутствовать.

Татьяна Васильевна (сухо).

Благодарю васъ.

Семенъ Петровичъ.

Нѣтъ, баринъ, не ходи: у меня примѣта—у тебя глазъ не хорошъ. Намедни ты за утками на плотинѣ охотился, такъ опосля тебя такъ жернова забаловали, насилу справили. (Татьяна Васильевна уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ-же.

Чугрѣевъ.

Такъ ты помѣщикъ?

Тѣльновъ.

Вѣрное ваше слово—помѣщикъ.

Чугрѣевъ (осматриваетъ его съ ногъ до головы).

Не похоже!

Тѣльновъ (осматривая себя).

Чѣмъ же-съ?

Чугрѣевъ.

Да всѣмъ!

Тѣльновъ.

Спинжакъ такой же, какъ и у другихъ прочихъ, палталоны также на выпускъ носимъ.

Чугрѣевъ.

Ну, какой ты помѣщикъ? Ты—орясина.

Семенъ Петровичъ (смѣется).

Послѣ дяди Гарасима.

Тѣльновъ.

Напрасно! Если я на своей землѣ орудую, значитъ— я помѣщикъ форменный. Чинами насъ только не жалуютъ, а что торговыя права мы плотимъ и торговлю, значитъ...

Чугрѣевъ.

Какая твоя торговля—кабакъ!

Тѣльновъ.

Безъ кабака никакъ невозможно, потому въ немъ вся сила. Точно что баловникъ другой, по глупости своей, черезъ силу, наши матеріалы потребляетъ—тому вредъ; а ежели кто пьетъ резонно, съ разумомъ, тому, окромя пріятности, ничего нѣтъ. Возьметъ сороковочку, обольетъ свою душеньку, ему и свѣтъ-то Божій съ другой стороны покажется.

Чугрѣевъ.

Мужикъ послѣдній кафтанъ къ тебѣ несетъ...

Тѣльновъ.

Зачѣмъ? Цѣны у насъ, супротивъ другихъ прочихъ, самыя унизительныя.

Чугрѣевъ.

Напьется, исколотятъ его.

Тѣльновъ.

Напрасно! Мы никакой революціи въ своемъ заведеніи не допущаемъ.

Чугрѣевъ.

Мошенникъ!

Тѣльновъ.

На все, сударь, мозги требуются.

Чугрѣевъ.

Какіе у тебя мозги?

Тѣльновъ.

Мозги у меня, по нашему дѣлу, очень большіе. Еще когда я маленькій былъ, въ ученьи, такъ хозяинъ даже очень моими мозгами любовался: я изъ фунта икры четыреста ботинбротовъ выгонялъ. Теперь здѣсь у меня въ

окружности десять кабаковъ, да вотъ у енерала хочу просить, чтобы раздѣлюціи онъ не дѣлалъ—одиннадцатый на его землѣ поставить. Такое дѣло безъ мозговъ нельзя, тутъ мозгами только пошевеливай. Земля ихняя, значитъ, клиномъ на большую дорогу вышла — тутъ намъ мѣсто самое способное—и трактиръ можно, и постоялый дворъ—торгуй только.

Чугрѣевъ.

И ты думаешь, чтобы полный генералъ, георгіевскій кавалеръ, заслуженный воинъ, благодѣтель всей окрестности, позволилъ тебѣ поганить его землю кабакомъ?

Тѣльновъ.

Вы нашихъ дѣловъ не понимаете... И утку безъ мозговъ не убьешь, а народъ ублаготворить...

Чугрѣевъ.

Кабакомъ?

Тѣльновъ.

Не въ кабакѣ сила, тутъ, главная причина, торговая операція.

Чугрѣевъ.

Спаивать мужика?

Тѣльновъ.

Да мы за воротъ его къ себѣ не тянемъ. Ндравится кому этотъ предметъ, онъ своей волей идетъ.

Чугрѣевъ.

Да, такъ ты думаешь? Если въ лѣсу поставить кадушку съ медомъ, такъ медвѣдь мимо пройдетъ?

Тѣльновъ.

Такъ вѣдь онъ спервоначалу обнюхаетъ,—такъ онъ ѣсть не станетъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Пахомка (входитъ).

Что-же это ты свои бѣгунцы-то поперекъ просѣки поставилъ. Какъ же генералъ въ шерабантѣ-то проѣдетъ?

Тѣльновъ.

А ты поверни, да выведи на лужайку.

Пахомка.

Нѣтъ, ужъ это зачѣмъ же! Самъ промнись. Мы генералу служимъ.

Тѣльновъ.

Горечь! Стракулистъ — точены лапки. Вся цѣна тебѣ пятиалтынный.

Пахомка.

Генералъ! Бѣги живо! (Тѣльновъ уходитъ).

Чугрѣевъ.

Развѣ генералъ не верхомъ?

Пахомка.

Нѣтъ, они съ Серафимой Васильевной въ вѣнскомъ шерабантѣ, Татьяна Васильевна верхомъ, Евграфъ Матвѣичъ на бѣговыхъ, а барчаты въ долгушѣ.

Чугрѣевъ.

Такъ, значитъ, генералъ со всѣмъ семействомъ...

Семенъ Петровичъ.

Праздникъ у насъ нынче большой. Конюха съ неводомъ пришли, на берегу костеръ зажгутъ, повара уху дѣйствовать будутъ, а барчаты за рѣкой феверки спущать. Веселье у насъ большое.

Чугрѣевъ.

Ну, значитъ, я здѣсь лишнiй, долженъ ретироваться. Прощай, старикъ.

Семенъ Петровичъ.

Съ Богомъ, милый человѣкъ, съ Богомъ. (Чугрѣевъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

На просѣку въѣзжаетъ Боркановъ съ Серафимой Александровной. Семенъ Петровичъ беретъ хлѣбъ, Егоровна медъ и идутъ на встрѣчу.

Боркановъ.

Здорово, старики мои почтенные. Здравствуй, Семенъ Петровичъ, старина моя стародавняя.

Семенъ Петровичъ.

Здравствуйте, батюшка, ваше превосходительство. Полюби нашу хлѣбъ-соль. (Подаетъ хлѣбъ, генералъ принимаетъ и передаетъ Пахомкѣ. Старикъ кланяется въ ноги).

Боркановъ.

Что ты, что ты, старикъ! (Приподнимаетъ и цѣлуетъ въ лобъ). Ну, вотъ мы съ сестрой къ тебѣ въ гости пріѣхали.

Семенъ Петровичъ.

Ужъ такая-то намъ радость, такая-то радость, что кажется... Садиться милости просимъ... Пожалуйте, матушка, сударыня.

Боркановъ.

Ну, какъ дѣла, дѣдъ?

Семенъ Петровичъ.

Ужъ такъ-то, батюшка, хорошо, что не придумаешь, за что насъ взыскалъ Господь Царь небесный. Яблоковъ, всего прочаго, уродилась такая-то сила... меду теперича... Пчелы такъ стараются... Господи! И годовъ такихъ не помню... Покушайте, сударыня, нашего медку-то...

Боркановъ.

Ты бы, Семенъ Петровичъ, вотъ что:—ты бы намъ молочка по стаканчику далъ. (Къ Серафимѣ Александровнѣ). Хочешь?

Серафима Александровна.

Нѣтъ, мнѣ вредно. Я недавно лѣкарство принимала.

Боркановъ.

Брось ты этотъ вздоръ. Какое теперь лѣкарство? Теперь только дыши. А гдѣ Татьяна Васильевна?

Семенъ Петровичъ (къ Егоровнѣ).

Бѣги скорѣй. На мельницу, батюшка, пошла полюбопытствовать.

Боркановъ.

Вотъ, матушка, человѣкъ-то: въ свое время подковы разгибалъ, на медвѣдя верхомъ садился. Было это, Семенъ Петровичъ?

Семенъ Петровичъ.

Было, батюшка, ваше превосходительство, было. На упокойника Митрія Иваныча онъ изъ мерлоги выскочилъ, а я на пнѣ съ ихней пистолеткой стоялъ... выскочилъ, а я прыгнулъ на него верхомъ, схватилъ за ухо, да въ загривокъ ему—бухъ. Такъ онъ и распластался. Въ становую жилу, значитъ, ему попалъ. Митрій Иванычъ въ тѣ поры, дай ему Богъ царство небесное, на волю меня выпустилъ, а товарищъ его, князь какой-то значительный, два золотыхъ мнѣ далъ, лобанчики въ тѣ поры ходили.

Серафима Александровна.

А теперь ты здоровъ?

Семенъ Петровичъ.

Лучше требовать нельзя, матушка. Вотъ, бываетъ, что плечо ломитъ. Это годовъ сорокъ тому, тоже Митрія Иваныча съ супругой съ ихней, въ коляскѣ четверкой, я въ городъ повезъ. Только что на пришпектъ выѣхали, лошади-то и прихватили. Вижу, что погибать моимъ господамъ надо. Намоталъ возжи—разъ! Такъ всю четверку и зарѣзалъ. Господа изъ коляски-то вышли, а меня садовники съ козелъ-то сняли, да подъ руки домой и сволокли. Мѣсяца три опосля этого я руками не дѣйствовалъ, а тамъ прошло. Теперича ежели когда что—выпаришься въ печи, а лѣтнее дѣло старуха плечи-то крапивой похлещетъ, али дегтемъ натретъ и любехонько.

Серафима Александровна.

Въ печкѣ париться ужасно вредно. Ты знаешь, что тамъ температура...

Боркановъ.

О, матушка, знаютъ они, что такое температура!..

Семенъ Петровичъ.

Мы, сударыня, по Божьему. Настасья у насъ тоже эти хитрыя слова говоритъ.

Серафима Александровна.

Можно простудиться.

Семенъ Петровичъ.

Мы, матушка, простуды не имѣемъ. Это ежели жидкій какой человѣкъ, котораго отъ рожденья его въ хлопки завертываютъ, а мы на снѣгу родились, подъ снѣгомъ и косточки наши лежать будутъ.

Серафима Александровна.

Я тебѣ, на всякій случай, лѣкарства пришлю. Это такія зернышки, маленькія, какъ макъ. Взять четыре зернышка...

Семенъ Петровичъ.

А дѣйствительны онѣ, сударыня?

Серафима Александровна.

Удивительно! Удивительно!

Семенъ Петровичъ.

А то вотъ тоже, парень у меня на мельницѣ жерновъ передвигалъ, да и надорвался, такъ его тоже барыня изъ Алешина крупинками лѣчила...

Серафима Александровна (восторженно).

Ну, что?

Семенъ Петровичъ.

Померъ! Спервоначалу его солдатъ лѣчилъ, толченымъ кирпичемъ поилъ.

Боркановъ.

Вѣроятно, вы хотите ему дать ваше излюбленное средство—apis?

Серафима Александровна.

Ну да, apis.

Боркановъ.

Гранъ цѣлебнаго вещества, растертаго въ кускѣ сахара, равнаго земному шару, увеличенному въ семь разъ. Это средство дѣйствительное! Ахъ, Серафима Александровна! Вы только посмотрите на этого мастодонта. Да онъ всю вашу гомеопатическую аптеку проглотитъ и ему ничего не сдѣлается. Всѣ! И бріонію, и аписъ, и иппекакуану, и еще какія тамъ у васъ сильно дѣйствующія вещества. Да вы его мышьякомъ не проймете...

Семенъ Петровичъ.

У насъ, ваше превосходительство, одна бабенка съ ундеромъ однимъ въ грѣхѣ была, такъ она своему мужу, въ работникахъ у меня жилъ, въ лепешку мышьяку подсыпала — мы его на мельницѣ молокомъ отходили. Опосля того зимой въ пролубь попалъ—вытащили, откачали, и теперь работаетъ.

Боркановъ.

На медвѣдя люди верхомъ садятся, четверку бѣшеныхъ лошадей осаживаютъ, изъ проруби живыми выходятъ, а вы имъ крупинки... Тебѣ, Семенъ Петровичъ, сколько лѣтъ?

Семенъ Петровичъ.

Не считалъ, батюшка, не знаю.

Боркановъ.

Да француза-то помнишь?

Семенъ Петровичъ.

Махонькой былъ, молоденецъ, почитай, годковъ шести. Чуть помню, вошелъ родитель въ избу, а мы обѣдали: „сряжайтесь, говоритъ, скорѣй всѣ — Москва горитъ“. Тутъ меня матушка въ лѣсъ и потащила. Чуть помню... (Слышится выстрѣлъ).

Боркановъ.

Кто это стрѣляетъ?

Серафима Александровна.

Вѣроятно, Жоржъ — я его съ ружьемъ видѣла.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Татьяна Васильевна (входитъ) съ Настей.

Боркановъ.

Ахъ, вотъ и Татьяна Васильевна. Здравствуй, Настя, здравствуй, будущій докторъ медицины. Занимаешься у доктора-то? (Настя молчитъ). Учись, учись... Въ Москву тебя отправимъ. (Къ Татьянѣ Васильевнѣ). Ну, разсказывай, что ты видѣла?

Татьяна Васильевна.

По порядку?

Боркановъ.

По порядку.

Татьяна Васильевна.

Во-первыхъ, меня понесла лошадь, потому что m-r Жоржу угодно было выстрѣлить въ ворону.

Боркановъ.

Ай да егерь!

Серафима Александровна.

А я думаю, отъ того васъ понесла лошадь, что вы ѣздить не умѣете.

Боркановъ.

Она то? Это, матушка, такой кавалеристъ, что ой, ой, ой! Ну, потомъ?

Татьяна Васильевна.

Здѣсь я встрѣтила какого-то господина...

Боркановъ.

Кто же это такой?

Семенъ Петровичъ.

А вотъ этотъ... изъ Пищалина... Какъ онъ прозывается?

Боркановъ.

Ахъ, это Чугрѣевъ. Значитъ, онъ опять въ нашихъ мѣстахъ показался... Третью тетку пришелъ объѣдать.— Что онъ еще похожъ на человѣка-то? Образъ-то Божій на немъ есть еще?

Семенъ Петровичъ.

Да ужъ на барина почитай что не похожъ...

Боркановъ.

Несчастный!

Татьяна Васильевна.

Да встрѣтила я здѣсь какого-то помѣщика...

Боркановъ.

Какого помѣщика?

ЯВЛЕНІЕ IX.

Входитъ Тѣльновъ.

Тѣльновъ.

Это меня, ваше превосходительство.

Боркановъ (смотритъ съ изумленіемъ).

Помѣщикъ?!

Тѣльновъ.

Здѣшній помѣщикъ, Иванъ Андреевъ Тѣльновъ.

Боркановъ.

Всѣхъ своихъ добрыхъ сосѣдей-помѣщиковъ знаю, а такого не слыхивалъ. Давно въ нашихъ мѣстахъ?

Тѣльновъ.

Отъ самаго отъ рожденія.

Боркановъ.

Фамилiи такой не слыхивалъ. Странно!

Тѣльновъ.

Оченно можетъ быть, потому что съ малыхъ лѣтъ воспитывался въ Парижѣ. Спервоначалу папаша нашъ все скопировалъ, меня свезли въ Парижъ, и въ тѣмъ числѣ, какъ они померли...

Боркановъ.

Кто?

Тѣльновъ.

Папаша.

Боркановъ.

Ничего не понимаю! Вы говорите, что вы воспитывались въ Парижѣ...

Тѣльновъ.

Такъ точно, на Солянкѣ, у купца Евстигнѣева.

Боркановъ.

Ахъ, это значитъ трактиръ Парижъ?

Тѣльновъ.

Точно такъ-съ!

Боркановъ.

Ну, теперь понятно! (Хохочетъ). Что же вамъ, г. помѣщикъ, отъ меня нужно?

Тѣльновъ.

Какъ, значитъ, теперича у васъ есть участокъ земли и упирается онъ клиномъ подъ самое село Гривки, такъ намъ желательно этотъ клинушекъ у васъ купить.

Боркановъ.

Не продаю.

Тѣльновъ.

За цѣной не постоимъ.

Боркановъ.

Не продаю.

Тѣльновъ.

Очень бы намъ лестно учредить тамъ торговое заведеніе.

Боркановъ.

А чѣмъ ты торгуешь?

Тѣльновъ.

Всякими крестьянскими потребностями.

Семенъ Петровичъ.

На счетъ кабаковъ больше орудуетъ.

Тѣльновъ.

Въ тѣмъ числѣ, ваше превосходительство...

Боркановъ.

Съ Богомъ! Вотъ если бы ты вздумалъ на моей землѣ часовню поставить, я бы тебѣ даромъ отдалъ, а подъ питейное заведеніе...

Тѣльновъ.

Что-жъ... Часовня ежели она... Такъ будемъ говорить...

Боркановъ (строго).

Ступай съ Богомъ.

Тѣльновъ.

Счастливо оставаться.

Боркановъ.

И тебѣ тоже... (Тѣльновъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ X.

Боркановъ.

Хорошъ помѣщикъ!.. Ну, такъ что-жъ ты на мельницѣ видѣла?

Татьяна Васильевна.

Видѣла я плотину, видѣла я огромное колесо, на него падаетъ вода, это колесо вертитъ жернова, а жернова мельчатъ муку...

Боркановъ.

Которую мы съ тобой ѣсть будемъ.

Татьяна Васильевна.

Которую мы съ тобой ѣсть будемъ. Потомъ я видѣла, какъ садовники неводъ закидывали, видѣла я разъѣзжающаго верхомъ по берегу Евграфа Матвѣевича... Ну, вотъ и все, что я видѣла... (Раздается выстрѣлъ).

Боркановъ.

Фу ты, Господи!..

Серафима Александровна.

Что-жъ, если у него страсть.

Боркановъ.

Скверная страсть! Отвратительная! Что ворона ему сдѣлала? Надо быть совершенно пустымъ и глупымъ человѣкомъ, чтобы лишать жизни несчастную птицу. Ну, что, скажите пожалуйста, что ему ворона сдѣлала?

Серафима Александровна.

Коли вамъ поведеніе дѣтей моихъ не нравится, они могутъ отсюда уѣхать.

Боркановъ.

Никуда они не уѣдутъ, здѣсь будутъ балбесничать. Мальчишки по два года въ одномъ классѣ сидятъ...

Серафима Александровна.

Не забудьте, пожалуйста, эти мальчишки мои дѣти.

Боркановъ.

Тѣмъ хуже! Дѣти знатной дворянской фамиліи...

Серафима Александровна (къ Пахомкѣ).

Лошадей мнѣ!..

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ-же и Жоржъ.

Жоржъ.

Maman, какъ я сейчасъ ворону ссадилъ! На самой макущкѣ сидѣла... я ее восьмымъ номеромъ... Разъ!.. а она...

Боркановъ.

Что она тебѣ мѣшала?

Жоржъ.

Нѣтъ, она на самой макушкѣ сидѣла.

Боркановъ.

Я знаю. За что-жъ ты ее убилъ? Что она тебя обидѣла, что-ли?

Серафима Александровна.

Ну, довольно!

ЯВЛЕНІЕ XII.

Пахомка.

Лошади поданы.

Серафима Александровна.

Жоржъ, ты со мной домой поѣдешь.

Жоржъ.

Maman, я никогда не видалъ, какъ рыбу ловятъ.

Серафима Александровна.

Нисколько не интересно. А гдѣ Анатоль?

Жоржъ.

Онъ тамъ, на берегу, съ деревенскими бабами разговариваетъ.

Серафима Александровна (къ Пахомкѣ).

Поди, скажи Анатолію Алексѣевичу, чтобы онъ ѣхалъ со мной домой.

Жоржъ.

Maman, я никогда не видалъ, какъ рыбу ловятъ.

Серафима Александровна.

Я ужъ тебѣ сказала, что это нисколько не интересно.

Жоржъ.

Отчего ты не хочешь, чтобы я смотрѣлъ?

Боркановъ.

Зачѣмъ вы лишаете его удовольствія? Ловля рыбы— занятіе благородное, это не воронъ стрѣлять.

Серафима Александровна.

Позвольте мнѣ...

Жоржъ.

Maman, позволь мнѣ смотрѣть, какъ рыбу ловятъ.

Серафима Александровна.

Ты меня выводишь изъ терпѣнія.

Жоржъ.

Maman, я только посмотрю.

Пахомка.

Анатолій Алексѣевичъ на ту сторону на лодкѣ переѣхалъ.

Серафима Александровна.

Ахъ, Господи! (Идетъ).

Жоржъ (слѣдуетъ за нею).

Анатоль будетъ смотрѣть, а я не буду смотрѣть... Maman, это несправедливо... Ты сама говорила. (Уходятъ).

Боркановъ.

Несчастная мать! Несчастныя дѣти!

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Гусаковъ (входя).

Ваше превосходительство, пожалуйте! Мрежи брошены, костеръ пылаетъ, берегъ усѣянъ окрестными поселянами, покинувшими свои убогія жилища для эстетическихъ наслажденій. Позвольте представить, ваше превосходительство, оперную труппу маіора Гусакова. (Выходятъ дѣвки и парни, впереди идетъ Парѳенъ Сергѣевичъ со скрипкой. Становятся въ рядъ). Пахомка, давай мою цѣвницу. (Пахомка подаетъ кларнетъ) А сей старецъ, ваше высокопревосходительство, мой дирижеръ и первая скрипка. Не смотря на свои преклонные годы, онъ играетъ на ней, какъ Паганини. Былъ онъ у своего барина поваромъ. Слава о его кулебякахъ гремѣла далеко за предѣлами здѣшней губерніи. Старики говорятъ, что его кулебяки дышали, когда ихъ подавали на столъ. Былъ драматическимъ актеромъ, былъ опернымъ пѣвцомъ, былъ... еще кѣмъ ты былъ, Парѳенъ Сергѣевичъ?

Парѳенъ.

Всѣ должности у своихъ господъ произошелъ. Поварскому искусству господа въ аглицкой клубъ обучаться отдавали, а на скрипкѣ и всему прочему самъ баринъ натаскивалъ.

Боркановъ.

А чей ты былъ?

Парѳенъ.

Господина Бешметева, Александра Дмитрича.

Гусаковъ.

А что ты у него въ театрѣ игралъ?

Парѳенъ.

Больше все царей игралъ, потому голосъ у меня былъ басистый. Цампу опять же, Александра Македонскаго... да много... ужъ теперь не помню. Выѣздной у насъ лакей былъ Родивонъ, косой на одинъ глазъ, хорошо Александра Македонскаго разыгрывалъ и меня обучалъ. Бывало, соберутся господа, графы, начальство всякое, а мы мѣсяца два все твердимъ, чтобы какъ лучше, чтобы все въ понятіе взять. Ну вотъ, бывало...

Боркановъ.

А стряпать еще можешь?

Парѳенъ.

Нѣтъ, ваше превосходительство, только вкусъ у меня остался: могу разобрать, что хорошо, а самъ сдѣлать не могу. Да ужъ теперь такъ господа не кушаютъ, да и господъ настоящихъ-то мало осталось, все купецъ забралъ. У нашего Александра Дмитрича какое имѣніе-то было! Двѣ церкви — теплая, да холодная. Домъ что дворецъ, шестьдесятъ комнатъ, театръ... Въ Бозѣ почивающая императрица Екатерина у дѣдушки нашего барина въ гостяхъ была... Наполеонъ со своими генералами въ нашемъ домѣ два дня жилъ, когда на Москву шелъ. И теперича еще въ диванной на стѣнахъ патреты висятъ, всѣ пулями прострѣлены. Это въ тѣ поры народъ-то весь ушелъ, а они, со злости, по патретамъ стрѣлять стали. За столъ у насъ садились по сту человѣкъ, а то и больше. Бывало, покойникъ съ генералами придетъ ко мнѣ въ кухню. „Парѳенъ, говоритъ, ублаготвори! Сдѣлай такъ, чтобы всѣ чувствовали, какой ты у меня поваръ есть“. (Сквозь слезы). Ну, ужъ тутъ душу свою и кладешь! Какая есть у тебя душа — вся она на плитѣ, да въ кострюлѣ. Одинъ значительный графъ — божанину я ему съ чеснокомъ потрафилъ — при

всѣхъ меня, крѣпостного человѣка, въ лобъ поцѣловалъ, купить меня у Александра Дмитрича хотѣлъ, большія деньги давалъ, а тотъ ему:—„нѣтъ, говоритъ, мы съ Парѳеномъ умремъ вмѣстѣ". Очень меня обожалъ, дай Богъ ему царство небесное. Купцу теперича это имѣніе досталось — все раззорилъ: аллею вырубилъ, флигеля кавалерскіе сломалъ, половину дома подъ товаръ занялъ.

Гусаковъ.

А ты такъ при имѣніи и остался?

Парѳенъ.

Такъ и пребываю. Онъ добрый купецъ, и она дама хозяйственная, подъ барыню подражать желаетъ, а крылья-то коротки, летать высоко не можетъ. Вотъ когда гости соберутся, хочется ей себя показать, сейчасъ ко мнѣ: „ну-ка, Парѳенъ Сергѣичъ, убери столъ по господскому". Ну, и уберешь—сервировку сдѣлаешь, цвѣты на столъ поставишь, духами покуришь... А гости у нихъ бываютъ самые обыкновенные. Какъ вспомнишь, кто въ этой самой залѣ кушали, кому мы служили — графы, князья, фрелины... Съ трепетомъ, бывало, кушанье на столъ отпущаешь.

Гусаковъ.

Что-жъ при должности какой-нибудь у купца-то?

Парѳенъ.

Вся птица на моихъ рукахъ. На скрыпкѣ когда играю. Самъ-то музыку любитъ, и какъ ежели случится запьетъ, безъ музыки спать не ляжетъ. Сперва ему играй танцы, а послѣ заплачетъ и запоетъ „Помощникъ и покровитель", а ты ему на скрыпкѣ подлаживай!

Гусаковъ.

Ну, хоръ!

Татьяна Васильевна.

Какую вы пѣсню будете пѣть?

Гусаковъ.

„Молодку".

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Жоржъ (входитъ).

Maman разсердилась и приказала мнѣ идти сюда.

Боркановъ.

Значитъ, ты свою Maman довелъ до бѣлаго каленія.

Жоржъ

Я только говорилъ, что это несправедливо: Анатоль будетъ смотрѣть, какъ рыбу ловятъ, а я нѣтъ.

Гусаковъ.

Ну-съ! (Запѣваетъ).

Молодка, молодка, молодая,
Разлапушка, свѣтикъ, дорогая!

(Всѣ направляются къ рѣкѣ; Баркановъ съ Татьяной Васильевной идутъ за хоромъ. Навстрѣчу имъ изъ кустовъ выходитъ Тѣльновъ).

Тѣльновъ.

Можетъ, раздумаете, ваше превосходительство?

Боркановъ.

Отстань! Тутъ поэзія, а онъ съ кабакомъ лѣзетъ...

Тѣльновъ.

Слушаю, ваше прев...

НА ПРАЗДНИКѢ.

СЦЕНЫ ИЗЪ НАРОДНАГО БЫТА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Кондратій Ильичъ, достаточный крестьянинъ.
Слезкинъ, Васька Роговъ, Степка, — фабричные.
Дѣвушки и парни.
Трофимъ, крестьянинъ.
Мавра, его жена.

Дѣйствіе происходитъ въ селѣ, въ день храмоваго праздника. Слобода; направо отъ зрителей кабакъ; въ глубинѣ раскинуты палатки.

ЯВЛЕНІЕ I.

Кондратій Ильичъ идетъ слѣва, Слезкинъ выходитъ изъ кабака.

Слезкинъ.

Кондратій Ильичъ! Теперича я всѣ порядки справилъ, какъ должно. Какъ, значитъ, отъ обѣдни пришелъ, въ радости дождамшись, разговѣлся—спать легъ, а теперича я гулять вышелъ. Все, какъ слѣдоваетъ!..

Кондратій Ильичъ.

У обѣдни-то ты былъ: а слышалъ-ли, какъ батюшка проповѣдь сказывалъ?

Слезкинъ.

Слышалъ, братецъ мой! Великій нонѣ праздникъ, и нѣтъ его больше!.. Очення мнѣ это чувствительно!

Кондратій Ильичъ.

Великій праздникъ!..

Слезкинъ.

Великій. (Молчаніе). Какъ, братецъ мой, тамъ теперича на небѣ... что, напримѣръ?.. Премудрость это, Кондратій Ильичъ! Странникъ это у насъ съ книжкой ходилъ, сказывалъ: „Всякая, говоритъ, теперича, звѣзда означаетъ... и все, говоритъ, я это понимать могу".

Кондратій Ильичъ.

Не понять намъ грѣшнымъ этого.

Слезкинъ.

Потому всѣ мы—грѣшники. Вѣрно твое слово.

Кондратій Ильичъ.

Странникъ, твой, може, и такъ болталъ, зря. Много ихъ даромъ по бѣлу свѣту ходятъ, насъ, темныхъ людей, обманываютъ.

Слезкинъ.

Много, братецъ мой! Потому нашего брата обмануть очення способно, а особливо ежели выпимши.

Кондратій Ильичъ.

Другой прельщеніемъ наровитъ тебя...

Слезкинъ.

Всякаго народа бываетъ. А странникъ этотъ теперича, за свои дѣла за хорошія, въ острогѣ сидитъ.

Кондратій Ильичъ.

Ишь ты!

Слезкинъ.

Въ острогѣ, братецъ мой, потому больно плутъ. Не плошь Васьки... такой-же разбойникъ. Они съ Васькой благопріятели были, бабъ все портили.

Кондратій Ильичъ.

Богъ съ ими, другъ сердечный.

Слезкинъ.

Главная причина не осуди человѣка. Такъ-ли я говорю? Ежели человѣкъ супроти тебя что сдѣлалъ—обидѣлъ, значитъ... ну, и кончено! Дай Богъ всякому!.. Что намъ дѣлить? Намъ дѣлить нечего! Ты мнѣ теперича скажи... Кондратій Ильичъ, скажи ты мнѣ: Слезкинъ! наслѣжу я слѣдовъ—ходи по нимъ... а я ходить буду. Такъ я это и понимаю. Ежели теперича я выпимши...

Кондратій Ильичъ.

Пей, да ума не пропей.

Слезкинъ.

Зачѣмъ, братецъ мой! Я самую малость... шкаликъ!.. И слава те Господи, съ меня и будетъ.

Кондратій Ильичъ.

Знаемъ мы вашу малость-то! Съ утра до вечера въ кабакѣ сидите.

Слезкинъ.

Для Петрова̀-дни! Безъ этого уже невозможно. Земляки пришли... фабричные... ну, и, значитъ, съ праздникомъ честь имѣемъ поздравить! Порядокъ! Вишь, народъ идетъ хороводы водить.

Кондратій Ильичъ.

Ко дворамъ пора. (Идетъ).

Слезкинъ.

Кондратій Ильичъ, не побрезгуй, пойдемъ—поднесу.

Кондратій Ильичъ.

Ну те къ Богу!

Слезкинъ.

Одинъ стаканчикъ!.. За премудрость за твою...

Кондратій Ильичъ.

Нѣту, другъ сердечный, не стану.

Слезкинъ.

Для праздника! (Кондратій Ильичъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Слезкинъ (одинъ).

Ну, я, значитъ, самъ по себѣ пойду. (Запѣваетъ).

Несчастная наша доля:
Никто, никто не любитъ!
Полюбила молодчика...

Васька (подхватываетъ).

Съ Полянки дворянка.

ЯВЛЕНІЕ III.

Васька Роговъ, Степка, дѣвушки и парни.

Васька.

Становись, дѣвки, давай хороводы водить.

Слезкинъ.

Господамъ фабричнымъ... почтеніе!

Васька.

Съ пальцемъ девять! Ты что-жъ оттеда ушелъ?

Слезкинъ.

Такъ, братецъ мой, грустно! Съ Кондратьемъ Ильичемъ, хошь-бы на счетъ дѣловъ, говорили... Ты, говоритъ...

Васька.

Надо полагать, ребята, этотъ Кондратій Ильинъ—мужикъ фальшивый.

Степка.

Подхалимъ!

Слезкинъ.

Нѣтъ, братцы, мужикъ важный Кондратій Ильичъ! Ежели теперича, когда придешь къ ему, сейчасъ тебѣ житіе прочитаетъ, али такъ что отъ божества скажетъ. Мужикъ онъ оченно умный.

Васька.

Сказываютъ, у его денегъ залежныхъ много. Вотъ, ребята, кабы нашему брату теперича деньги—не стали-бы мы такъ-то трепаться, задали-бы форсу! Я-бы сей трактиръ снялъ, али-бы...

Степка.

Привычку надо по этой части.

Васька.

Я, братъ, всѣ степени произошелъ! Въ какихъ я мастерствахъ не находился, въ какой я должности не жилъ! Это намъ ничего!.. Женился-бы на купчихѣ.

Степка.

На купчихѣ жениться важно!

Васька.

На что лучше!

Слезкинъ.

А намъ хоть-бы на мѣщаночкѣ Богъ привелъ. Есть въ Москвѣ эдакія, которыя, значитъ, по мастерству по какому...

Васька.

Хошь, я тебѣ твою фортуну сдѣлаю — женю тебя? Ундерову дочь возьмешь? (Все смѣются). Вотъ, братцы, сказывалъ я вамъ, аль нѣтъ? Чудно ужъ оченно! Такъ, голова, какъ вздумается мнѣ это когда, просто, сейчасъ умереть — смѣхъ!.. Жилъ насупротивъ нашей фабрики ундеръ. Только разъ въ воскресенье, вышелъ я за ворота, гляжу—у его подъ окошкомъ сидитъ дамочка и смотритъ на меня. Я у воротъ-то и сѣлъ. Часу такъ въ десятомъ, гляжу, эта самая дамочка машетъ мнѣ платочкомъ. Вотъ

я къ окошку-то и подшелъ.—Погода, говоритъ, оченно прекрасная... гулять вышли?—Такъ точно, говорю, потому теперича гулять оченно вольготно.—Вышла-бы, говоритъ, и я, да компанію мнѣ водить не съ кѣмъ.—Пожалуйте, говорю, съ нами—мы вамъ обиды никакой не сдѣлаемъ.—Нельзя, говоритъ, этого, потому тятенька увидитъ. Вы по какой части?—Такъ и такъ говорю: у своего хозяина въ плюмянникахъ живемъ... Слышь?.. (Всѣ смѣются).

Слезкинъ.

Ужъ такова проходимца, какъ Васька Роговъ, не найдешь!

Васька.

А вы, говорю, по какой?—Я, говоритъ, при своемъ тятенькѣ живу, потому, какъ мой тятенька ундеръ. А коли вы желаете, чтобы промежду насъ знакомство было—завсегда къ намъ пожалуйте. Завели мы съ ей это знакомство...

Степка.

Пондравилась!

Васька.

Какое къ чорту пондравилась! Блажь одна! Только я разъ къ окошку-то къ ей подшелъ, а ундеръ-то оттеда—пожалуйте, говоритъ, въ горницу.

Слезкинъ.

Значитъ, бока наминать?

Васька.

Никто Васькѣ Рогову боковъ не намнетъ.

Слезкинъ.

Смирный, должно, ундеръ-то. А то есть, попадаются изъ ихняго брата... бѣда!.. замучаетъ!..

Степка.

Бывалъ, знать, ты у нихъ въ передѣлѣ-то?

Слезкинъ.

Трафилось! За мѣщанку за одну.

Васька.

Вошелъ къ имъ. Краля-то моя сидитъ, на гитарѣ разыгрываетъ. Ундеръ сейчасъ сладкой водки поставилъ, по рюмочкѣ чкнули... Намъ, говоритъ, очення пріятно, ежели вы съ нами канпанію имѣете. Наслышанъ, говоритъ, я отъ дочки, такъ какъ вы у своего хозяина въ плюмянникахъ живете... — Такъ точно, говорю. — Коли ежели, говоритъ, вамъ моя дочка не противна, я съ ея воли не сымаю.

Одна изъ дѣвушекъ.

Ахъ, ты песъ экой!

Васька.

Вы погоди, постой, что было. Вотъ, сейчасъ, нарядилась она въ шелковое платье, шляпку надѣла, въ правую ручку зонтикъ взяла,—гулять мы съ ней пошли. Очення ужъ она мнѣ въ тѣ поры пондравилась, хоть сейчасъ жениться. Ну ужъ мы эвту политику московскую знаемъ... Пожалуйте, говорю, въ трактиръ. — Вы, говоритъ, какъ обо мнѣ понимаете? Я, говоритъ, не то что, къ примѣру, какая... Я, говоритъ, со всякимъ могу разговоръ имѣть, никого не острамлю. — Намъ, говорю, это очення лестно, по той причинѣ, что намъ такую и требуется. — Я, говоритъ, съ любымъ офицеромъ потрафлю, какъ что должно, потому я всему этому обучена; я бы, говоритъ, можетъ на разные языки умѣла, да тятенька не пожелалъ. — Такъ

въ трактиръ и не пошла. Ну, вотъ, голова, цѣлое лѣто я къ имъ ходилъ; опричь жениха мнѣ и званья не было: женихъ да женихъ; рублевъ сорокъ денегъ я у ундера-то забралъ; поддевку онъ мнѣ новую сшилъ, да она мнѣ кошелекъ бисерный подарила; а ужъ что мы съ этимъ ундеромъ сладкой водки выпили!.. Она, бывало, романцы поетъ, а мы пьемъ да про войну разговариваемъ. Пошелъ я тогда на Покровъ въ деревню — всю эту канитель-то и бросилъ.

Одна дѣвушка.

А какъ-же краля-то твоя?

Васька.

Чортъ ее возьми, много ихъ! Плакала послѣ, сказывали...

Дѣвушка.

Плакала! Самъ, гляди, около ее коровой ревѣлъ. Плакала!.. Должно, и въ правду тебѣ ундеръ бока-то намялъ.

Васька.

Сказалъ бы я тебѣ одно словечко, да ужъ такъ... для праздника словно бы нехорошо...

Дѣвушка.

Пришелъ съ Москвы-то, думаетъ, ни вѣсть онъ кто! Бахвалъ! Становись, дѣвки. Запѣвайте. (Дѣвушки запѣваютъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ-же и Мавра.

Мавра (съ плачемъ).

Чтой-то, батющки!.. Дѣвыньки, не видали-ль хозяина?

Дѣвушки.

Нѣтъ, тетка Мавра, не видали.

Слезкинъ.

Какова хозяина?

Мавра.

Моего хозяина, Трофима Иваныча.

Слезкинъ.

Видѣли.

Мавра.

Гдѣ онъ, батюшка?

Слезкинъ.

Давай два двугривенныхъ — скажу, а то такъ ты и помрешь безъ его.

Мавра.

Неколи мнѣ тутъ съ тобой...

Дѣвушка.

Да говори, дьяволъ!

Слезкинъ.

Скажи сама—можетъ ты лучше...

Дѣвушка.

Да я не знаю; я бы сказала.

Слезкинъ.

Хозяинъ твой теперича — такъ будемъ говорить... (Указывая на кабакъ). Окромя энтаго мѣста, ему негдѣ быть. (Трофимъ выходитъ изъ кабака). Вишь ты! Значитъ, такъ точно.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ-же и Трофимъ.

Мавра.

Что проклажаешься-то? Мало тебѣ что-ли?

Трофимъ.

Нѣтъ, я много доволенъ... Очённо доволенъ... Огни у меня теперича... разные огни ходятъ... Душеньку мнѣ всю распалило... Православные! Дай вамъ Господи! (Плачетъ). Пошли вамъ Царь милостивый на вашу долю...

Мавра.

Что домой-то нейдешь?

Трофимъ.

Будемъ дома, объ этомъ ты не сумлѣвайся... дома мы будемъ. А вотъ что на міру намъ скажутъ. (Къ Васькѣ). Ты фабричный?

Васька.

Фабричный.

Трофимъ.

Можешь по писанію?

Васька.

Могу.

Трофимъ.

Значитъ, не къ намъ, дуракамъ, тебя приравнять. Былъ ты въ Старомъ Ерусалимѣ?

Васька.

Далече больно, не былъ.

Трофимъ.

А есть нонѣ разрѣшеніе?

Васька.

Есть.

Трофимъ (къ женѣ).

Слышь, что онъ говоритъ! Ну, я и разрѣшилъ... А теперича ты мнѣ вотъ что скажи: дьявольское это наважденіе, али такъ—-дурь человѣческая?

Васька.

Насчетъ чего ты говоришь-то?

Трофимъ.

Все насчетъ того-же: давеча я былъ человѣкъ, а теперича, видишь, я не въ своемъ разумѣ. Для чего это я? Мнѣ это оченно стыдно.

Мавра.

Да пойдемъ домой, батюшка.

Трофимъ.

Погоди!.. Да, мнѣ оченно стыдно. Дѣвки веселятся, радуются, а я домой пойду, спать лягу, а тамъ, — твори Богъ волю свою. Такъ-то!.. По закону мнѣ положено и шабашъ. Чужого намъ не надо. Я много доволенъ! Прощенья просимъ! Простите меня, окаяннаго. Согрѣшилъ я грѣшный... (Уходитъ).

Слезкинъ.

Всѣ мы, должно, для праздника-то согрѣшили. (Запѣваетъ)

Графъ Башкевичъ ариванскій
Подъ Аршавой состоялъ...

(Всѣ смѣются).

ВИЗИТЪ.

СЦЕНЫ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Никита Николаевъ, управляющій, изъ крѣпостныхъ.
Прасковья Петровна, жена его.
Алексѣй Алексѣевъ, лакей, кумъ Никиты, 45 лѣтъ, росту 2 арш. 9 верш., рябой, постоянно на-веселѣ.
Елена Дмитріевна, жена его, изъ горничныхъ; бывала за-границей; имѣетъ претензію на щегольство; говоритъ въ носъ.
Иванъ Петровичъ Клыгинъ, молодой человѣкъ, барскій камердинеръ, жилъ въ Петербургѣ.

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ.

Небольшая комната; на стѣнахъ виситъ нѣсколько литографированныхъ картинъ; на столѣ стоитъ самоваръ, закуска и водка.

ЯВЛЕНІЕ I.

Никита читаетъ „Ключъ къ таинствамъ натуры“ Эккартсгаузена. Прасковья Петровна хлопочетъ около стола.

Никита (оставляя книгу).

Вотъ все прочиталъ, а въ голову забрать ничего не могу, потому науки не знаю... не обучонъ.

Прасковья.

Экъ вы когда хватились насчетъ науки. Въ науку-то съ малыхъ лѣтъ отдаютъ... Барчатъ тогда въ офицеры-то обучать по десятому году свезли.

Никита.

Если-бы и меня съизмалѣтства обучали, и я-бы до всего дошелъ.

Прасковья.

Вы господамъ служили, а господину зачѣмъ ваша наука?.. Науки вашей ему не нужно.

Никита (строго).

Много ты смыслишь! Человѣкъ, который ежели обучонъ, онъ все можетъ. Баба ты... молчать должна, коли съ тобой говорятъ. На сердце только наводишь.

Прасковья.

Чѣмъ-же я васъ на сердце навожу?

Никита.

Тѣмъ-же!

Прасковья.

Я вамъ ничего такого обиднаго не сказала. Извѣстно, хошь бы по вашей, по лакейской части, ученья этого вамъ совсѣмъ не нужно. Опять же покойница барыня, царство ей небесное, терпѣть не могла кто книжки читаетъ.

Никита.

Ну, и молчи, потому понимать ты ничего не можешь...

Прасковья.

Вы только все понимаете!

Никита.

Я все понимаю.

Прасковья.

А намедни дьячку отвѣта не могли сдѣлать.

Никита.

Пошла вонъ!

Прасковья (робко).

Завсегда только себя разстроиваете.

Никита.

Не говори со мной!

Прасковья.

Мнѣ Богъ съ вами!.. Вонъ садовникъ читалъ, читалъ книги-то, да безъ вѣсти и пропалъ.

Никита.

Отъ книгъ что-ли онъ пропалъ-то?

Прасковья.

Извѣстно.

Никита (смѣется).

Ахъ ты, дурацкій разумъ! Твое дѣло бабье—ты и понимай это. Зачѣмъ ты на свѣтъ создана, знаешь-ли?

Прасковья.

Зачѣмъ?

Никита.

Покоряться. Ну, ты и покоряйся!

Прасковья.

Я и такъ во всемъ вамъ покоряюсь... иной разъ отъ простоты что скажешь...

Никита.

А ты лучше молчи. Вотъ Алексѣй съ женой пріѣдетъ, говори съ ней что хочешь.

Прасковья.

Гдѣ ужъ мнѣ съ ней разговоръ имѣть; люди мы простые...

Никита.

А она-то что?

Прасковья.

Извѣстно, ужъ на дворянскую ногу все...

Никита.

Не велика птица... тоже барыня—чьихъ господъ... Только форсу-то задаетъ, а все одно—ничего... не страшно.

Прасковья.

Все-таки...

Никита (смотритъ въ окно).

Вотъ и они подъѣхали... (Идутъ на встрѣчу).

ЯВЛЕНІЕ II.

Алексѣй Алексѣевъ, Елена Дмитріевна и Клыгинъ.

Алексѣй (въ дверяхъ).

Куманечекъ, побывай у меня!
Животочекъ, побывай у меня!

Елена Дмитріевна (тихо).

Вѣчно съ пошлостями!

Алексѣй.

Куму! (цѣлуется). Прасковья Петровна ручку... (цѣлуетъ руку).

Елена Дмитріевна.

Мое почтеніе, Прасковья Петровна. (Протягиваетъ руку).

Алексѣй (къ Клыгину).

Иванъ Петровъ, поди сюда! (Клыгинъ подходитъ). А это, кумъ мой любезный, нашего петербургскаго барина камардинъ... Вотъ онъ... вишь ты...

Никита.

Вы съ бариномъ изволили пріѣхать?

Клыгинъ.

Нѣтъ-съ, я его оставилъ; промежду насъ неудовольствія вышли. Онъ мнѣ не потрафилъ, а я ему не уважилъ.

Алексѣй.

Его, братецъ ты мой, — какъ бы тебѣ сказать не солгать, —баринъ прогналъ.

Елена Дмитріевна.

Ну, что ты врешь-то!

Алексѣй.

Прогналъ!.. Потому, онъ молодой человѣкъ, а насчетъ услуги не можетъ.

Клыгинъ.

Какъ же вы говорите, не разузнамши дѣла?

Алексѣй.

Алексѣй Алексѣевичъ не знаетъ?!

Клыгинъ.

Довольно это для меня странно...

Алексѣй.

Ну, теперь мы выпьемъ. (Подходитъ и пьетъ).

Никита (къ Еленѣ Дмитріевнѣ).

Вы что-то похудѣли, сударыня.

Елена Дмитріевна.

Я все хвораю, все грудь болитъ. Такая ужъ слабая конплекція.

Прасковья Петровна.

А вы бы на ночь груднаго чайку попили... говорятъ, помогаетъ... А то взять...

Алексѣй.

Ничего не надо. Къ доктору, къ Филиппу Іонычу.

Елена Дмитріевна.

Твой Филиппъ Іонычъ только вѣдь мужиковъ можетъ лечить.

Алексѣй (закусывая).

Онъ отъ сорока восьми недуговъ знаетъ лечить. „Я, говоритъ, только черепъ поднимать не могу, а то все... по наукѣ". (Садится къ столу).

Елена Дмитріевна.

Еще меня теперь деревенскій воздухъ поправилъ. (Къ Клыгину). Вы, вѣроятно, Иванъ Петровичъ, забыли мои папиросы взять? Знаете, что я безъ нихъ жить не могу.

Клыгинъ.

Какъ же я могъ забыть, когда было на то ваше приказаніе. Зачѣмъ вы такъ несообразно говорите? (Подаетъ папиросы).

Елена Дмитріевна.

Дайте мнѣ огня.

Клыгинъ (съ улыбкой).

Какого-съ?

Елена Дмитріевна.

Пожалуйста безъ комплементовъ. (Закуриваетъ папироску) Деревенскій воздухъ на меня очень подѣйствовалъ. А когда мы были съ княгиней за границей, такъ я такъ была больна, что всѣ лучшіе доктора отказались: „она“, говорятъ, „не можетъ вынести этой боли, потому что нѣжнаго воспитанія“.

Прасковья, (подавая чай).

Позвольте васъ просить.

Алексѣй.

А меня, кумушка, чаемъ ты не подчуй, мы съ кумомъ... Куманекъ, ну-ка! (Наливаетъ водки). Иванъ Петровъ, приложись и ты.

Елена Дмитріевна.

Не будетъ ли, Алексѣй Алексѣичъ?

Алексѣй.

Я тебѣ скажу, когда будетъ.

Елена Дмитріевна (съ ироніей).

Ужасно глупо!

Алексѣй.

И я такъ полагаю. (Пьютъ всѣ). Скажи мнѣ, куманекъ мой любезный, читалъ ты вѣдомости? Правда ли описываютъ, что гдѣ-то, братецъ ты мой, городъ провалился?

Никита.

Есть этому описаніе... въ книжкѣ я читалъ... давно ужъ это...

Алексѣй.

Недавно! Господа за столомъ нонче говорили.

Никита.

Нѣтъ, про это не писано.

Алексѣй.

А про что же?

Никита.

Прописано, что короли тамъ ихніе...

Алексѣй.

А много тамъ королей?

Никита.

На каждую землю по королю. А въ Туречинѣ султанъ... онъ все одно—король, а султаномъ прозывается... И вѣра у нихъ турецкая.

Алексѣй.

И языки у нихъ у всѣхъ разные?

Елена Дмитріевна.

Насмотрѣлась на нихъ за-границей...

Прасковья.

Я думаю, Елена Дмитріевна, за-границей за этой все иначе, какъ у насъ?

Елена Дмитріевна (съ презрѣніемъ).

Какое же сравненіе, Прасковья Петровна! Тамъ вы выѣзжаете туда, сюда, и все это такъ деликатно. А здѣсь что? Здѣсь всякій считаетъ себя тебѣ равнымъ, норовитъ на твой счетъ сказать что-нибуть этакое... язвительное, а тамъ все рѣшительно изъ-подъ политики.

Прасковья.

Хоша я, Елена Дмитріевна, воспитанья большаго не получила, а все это очень хорошо понимаю. У насъ въ домѣ теперь лакеи никому проходу не даютъ, все какъ бы въ насмѣшку, да какъ бы все въ критику...

Елена Дмитріевна.

Конечно, и тамъ есть критиканты, безъ этого нельзя же...

Прасковья.

Опять же, вотъ я вамъ что доложу: охальства у ихняго брата, у лакея, очень много...

Алексѣй.

Это намъ все равно! Я свою часть знаю! Барыня говоритъ: „ты“, говоритъ, „Алексѣй, хмѣлемъ занимаешься, а я на тебя не огорчаюсь“. Вотъ оно что! Напримѣръ, сто персонъ кушаютъ: тутъ ума много нужно—гдѣ, какъ, что... а я могу! и насчетъ сервировки, и насчетъ услуги—все могу. Нонче, матушка Прасковья Петровна, нѣтъ настоящихъ лакеевъ, нѣту ихъ! Нонче лакей барину тарелку подаетъ, а самъ выше себя поднимать хочетъ... Сдѣлалъ бы онъ это при покойникѣ, при Прокофьѣ Абрамычѣ... въ землю бы его живаго покойникъ зарылъ—и стоитъ! Ежели господинъ кушаетъ, ты долженъ, чтобы все въ настоящемъ видѣ, стрѣлой летать долженъ... фить, фить! (Ходитъ по комнатѣ и дѣлаетъ разные жесты).

Елена Дмитріевна.

Вообразите, Прасковья Петровна! Никакъ не могу его отучить—только у него и словъ, какъ господа кушаютъ! Не все-ли равно какъ я, какъ...

Алексѣй.

Далеко! Какъ настоящіе господа—нельзя!..

Елена Дмитріевна (съ презрѣніемъ).

Да что съ тобой, дуракомъ, говорить...

Алексѣй.

И я полагаю, что молчать лучше...

НА БОЛЬШОЙ ДОРОГѢ.

СЦЕНЫ ИЗЪ НАРОДНАГО БЫТА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Потапъ, бѣдный крестьянинъ.
Матрена, его сестра.
Степка, 7 лѣтъ } его дѣти.
Серега, 6 лѣтъ }
Дементій, его сосѣдъ, 30 лѣтъ.
Рогонокъ } безпаспортныя личности, одѣтыя въ дубленые полушубки.
Клеймо }
Вавиловна, прохожая старушка.

Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ, на большой дорогѣ. Деревенская изба.

ЯВЛЕНІЕ I.

Рогонокъ (подпоясываясь).

Справляйся скорѣй.

Клеймо.

Я сейчасъ, за мной дѣло не станетъ. Пущай лошадь-то пожуетъ маленько, умаялась, чай. (Смѣется).

Рогонокъ.

Да ужъ задали ей жару! Долго помнить будетъ.

Клеймо.

Чай, ужъ теперича хватился.

Рогонокъ.

Какъ не хватиться: часа три мы гнали, да часъ, пожалуй, здѣсь сидимъ... Чай, ужъ навылся до-сыта.

Клеймо.

Экой у насъ народъ глупой.

Рогонокъ.

Мы тоже лѣтось въ Питерѣ у чухонца лошадь угнали; опосля я его увидалъ, недѣли черезъ двѣ: худой такой сталъ...

Клеймо.

Грустно, значитъ. (Смѣется).

Рогонокъ.

Всѣмъ-бы хороша наша должность, кабы острога не было, а то попадешься—томятъ, томятъ...

Клеймо.

Я разовъ шесть въ уголовной-то парился, да Богъ миловалъ, одинъ разъ только въ сильномъ подозрѣніи оставили. А ужь однова какъ приходилось: если-бы попался, миногами-бы накормили.

Рогонокъ.

На темную что-ль кого взялъ?

Клеймо.

Нѣтъ, я рукъ не кровянилъ и бить чтобы очення кого тоже не приходилось; разъ только одного нѣмца потре-

палъ маленько. А это, братецъ, вотъ какъ было: ушелъ я тогда съ этапу, на родину меня послали. Ну, какъ ушолъ, прямо сейчасъ въ Питеръ... Къ Лаврюшкѣ—въ части! къ Гуську—въ острогѣ! Что дѣлать? Къ Никонычу: „нѣтъ“, говоритъ, „братъ, ступай, я больше вашего брата не пущаю, потому, говоритъ, меня самого затаскали“. Дня четыре я путался по Питеру-то коѐ-чѣмъ да кòе чѣмъ пробавлялся. Только иду разъ по Обуховскому, смотрю: часовня. Подошелъ, помолился, копѣечку въ кружку опустилъ, а самъ замокъ пощупалъ. Думаю, постараться можно. Три ночи сбирался, да все какъ-то опасился. На мое счастье дождикъ, и ночь такая темная—зги не видать. Извѣстное дѣло, въ такую пору не токма дворниковъ—собаки на улицѣ не найдешь. Пошолъ. До костей меня прохватило, покуда я дошолъ-то. Только что я перекрестился да ломъ за обручъ-то запустилъ, какъ меня сзади дубиной разъ!.. два!.. Караулъ!.. Стрѣла такъ не летитъ, какъ я бросился!.. И ничего, т. е. никакой боли не чувствую. Слышу: карета ѣдетъ, я маленько остановился: только что она поровнялась со мной, я разбѣжался да на задкѣ и повисъ, да вплоть до Сѣнной и ѣхалъ

Рогонокъ.

Чисто!

Клеймо.

Да такой штуки въ другой разъ, пожалуй, не сдѣлаешь. Опосля самому смѣшно стало. Ужъ и досталось-же мнѣ! Вѣдь какъ пришлось-то! Кабы это на сухопараго человѣка,—до смерти-бы на мѣстѣ убилъ, и я то двѣ недѣли не разгибался! (Надѣваетъ полушубокъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же и Матрена.

Матрена.

Въ дорогу справляетесь?

Рогонокъ.

Да, тетушка, замѣшкались.

Матрена.

А вы откелева?

Рогонокъ.

По хозяйскимъ дѣламъ...

Матрена.

Дальніе?

Клеймо.

Нѣтъ, тутошные...

Матрена.

Погода завернула, неспособно вамъ ѣхать-то. Мятелица такая, что—и!..

Рогонокъ.

Доѣдемъ. Прощенья просимъ.

Матрена.

Дай Богъ часъ, господа честные.

Клеймо.

Ужли, тетушка, мужиковъ-то у тебя нѣтъ, одна живешь?

Матрена.

Какъ, касатикъ, безъ мужиковъ — безъ мужиковъ нельзя. Въ городъ самъ-то уѣхалъ, да вотъ что-то нѣтъ долго (Клеймо и Рогонокъ переглядываются).

Рогонокъ (тихо).

Не здѣшняя-ли лошадь-то?

Клеймо.

Прощай, тетушка.

Матрена.

Не посвѣтить-ли голубчики?

Рогонокъ.

Нѣтъ, не требуется. (Быстро уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Матрена, потомъ Дементій, Степка и Серега.

Матрена.

Нѣтъ, должно, нонѣ не пріѣдетъ, заночуетъ. (Зѣваетъ). Эхъ, грѣхи, грѣхи! Куда скучно въ экую погоду-то.

Дементій (входя).

Вотъ я тебѣ, тетушка Матрена, ребятъ привелъ. (Серега, при входѣ въ избу, быстро бросается на печь).

Матрена.

Ты-бы ноги-то въ сѣнцахъ околачивалъ. Ишь ты что снѣгу-то въ избу наворотилъ. Некому тутъ за вами прибирать-то!

Дементій.

Мой что-ли снѣгъ-то? На лопатѣ я тебѣ его что-ли принесъ... Ты погляди-ко, что на дворѣ-то: свѣту Божьяго не видать. Потапъ Митричъ не бывалъ еще?

Матрена.

Нѣту-тка. Сказывалъ, около вечеренъ пріѣдетъ, а нѣтъ.

Дементій.

Не застрялъ-бы въ дорогѣ-то. Ну ребята, спать чтобы! А Серега-то гдѣ-жъ? (Степка смѣется).

Матрена.

На печи. На печь забился... Да не уйдешь, песъ, не уйдешь!

Дементій.

Аль опять провинился?

Матрена.

У насъ съ нимъ одна вина-то — житья отъ его никому нѣтъ.

Степка.

Афроськѣ давеча голову было проломилъ.

Дементій.

Что-жъ, за это выстегать надо. Какъ, Степа, полагаешь: за такія дѣла надо стегать, аль нѣтъ?

Степка.

Надо. (Смѣется).

Дементій.

А коли надо, такъ кончено! Справляйся, тетушка Матрена. Сейчасъ мы его оттедова стащимъ, да своимъ судомъ... Я подержу, а ты опустишь сколько слѣдоваетъ. (Серега заревѣлъ во все горло). А! не любишь! Баловать такъ твое дѣло, а какъ...

Серега.

Я ее не трогалъ! Она меня сама все за виски дергала

Матрена.

Что те рѣжутъ что-ли, окаяннаго, прости Господи! Что ты ревешь-то?

Дементій.

Полно, дурашка! Съ тобой шутки шутятъ, а ты думаешь взаправду. Ступай сюда, не тронемъ. (Серега начинаетъ хныкать). Утрись, да и слѣзай.

Серега.

Не слѣзу.

Дементій.

Говорятъ, не трону.

Степка.

Не тронетъ. (Серега робко высовываетъ голову съ печи и опять прячетъ).

Дементій.

Полно, ступай! Я сказку сказывать буду. (Ложится на лавку; Степка садится у него въ головахъ). Вотъ, братцы, въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, жилъ былъ царь. А у этого царя было три дочери: одна глухая, другая

нѣмая, третья безрукая. Только вотъ царь и говоритъ своимъ дочерямъ: „дочери мои милыя, изъ разныхъ земель короли ко мнѣ понаѣзжаютъ“... (прислушивается). Что это, словно-бы воетъ кто? Ужли вѣтеръ! Тетушка Матрена, труба-то у васъ закрыта-ли?

Матрена.

Какъ же, закрывала давеча. Энтотъ озорникъ-то не открылъ-ли?

Дементій.

Серега, ты трубу не открылъ-ли?

Серега.

Открылъ.

Матрена.

Ахъ ты, песъ экой! Вотъ баловень-то зародился. Закрой сейчасъ! (Серега, молча, исполняетъ приказаніе).

Дементій.

Нечего ему дѣлать-то, вотъ онъ и балуется. Степка, давай выкинемъ его въ сугробъ, пушай его волки растерзаютъ на части. Что его, сорванца, жалѣть-то!

Серега.

Выкинулъ одинъ такой-то!

Дементій.

Что?! Ты у насъ молчи лучше, насъ вѣдь здѣсь двое. Вѣдь мы съ нимъ сладимъ, Степа?

Степка.

Сладимъ.

Дементій.

Значитъ, тебѣ, востроносому, супротивъ насъ ничего не подѣлать. „Ну вотъ“, говоритъ, „изъ разныхъ земель короли понаѣзжаютъ“...

Степка.

А ты лучше про вѣдьму разскажи.

Дементій.

Про кеивскую? Изволь. (Серега сползаетъ съ печи). Да ступай, миляга, слушай.

Серега.

Прибьешь?

Дементій.

Не трону.

Серега.

Побожись.

Дементій.

Сейчасъ умереть, не трону.

Серега.

Нѣтъ, ты скажи: провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ.

Дементій.

Провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ! (Серега робко слѣзаетъ съ печи и подходитъ къ Дементью). Я вишь какой человѣкъ: сказалъ не трону,—и кончено! И никому, значитъ, не позволю тебя обиждать. Садись на меня теперича хошь верхомъ, и то ничего. Ты вѣдь озорничать не будешь?

Серега.

Не буду.

Дементій.

Ну, значитъ, ты милой человѣкъ, а милыхъ людей я оченно люблю. И будемъ мы съ тобой жить, пока Богъ грѣхамъ нашимъ терпитъ. Садись на меня верхомъ. (Серега робко садится, думая, не обманываетъ-ли его Дементій). Хошь, я тебя теперича въ Москву свезу, али въ Питеръ, куда хошь—мнѣ все равно. (Качаетъ Серегу). Жизнь, тетушка Матрена, малолѣтнимъ-то! Хошь бы денечекъ по ихнему-то пожилъ. Ничего это они не чувствуютъ, какъ должно... Вотъ хотьбы теперича Серега. Ну, что ты, пострѣлъ понимать можешь? Что ты можешь чувствовать? Какая такая твоя должность?

Матрена.

Должность его извѣстная: всталъ ни свѣтъ-ни заря, не умымши, Богу не помолимши—шасть изъ избы, да и мается день-то денской нѣвѣсть гдѣ.

Степка.

Что-жъ ты про вѣдьму-то?

Дементій.

Не токма что тебѣ про вѣдьму, а какъ я тебя за твою добродѣтель оченно люблю, потому ты парнишко смирной, я тебѣ къ Святой пару голубей достану.

Серега.

И мнѣ!

Дементій.

Тебѣ, братъ, нѐ за что. А можетъ, мы тебя къ Святой-то въ солдаты отдадимъ. (Серега смотритъ на него вопросительно). Что глядишь-то? Это вѣрно! Свяжемъ, значитъ, свеземъ къ становому: вотъ, скажемъ, ваше благородіе, Серега у насъ оченно балуется, прикажите ему лобъ забрить. (Степка смѣется). А Степкѣ пару голубей предоставлю... Синицъ съ нимъ пойдемъ ловить. Синицъ много въ тѣ-поры поналетитъ.

Серега (сквозь слезы).

А я баловать не буду.

Дементій.

Коли ежели не будешь, значитъ и мы съ тобой будемъ компанію водить, а то въ солдаты.

Матрена.

Ты самъ, посмотрю я на тебя, ровно махонькой—городитъ нѐвѣсть что.

Дементій.

Больно ужъ ребятъ-то, тетушка Матрена, люблю, потому они очень смѣшные.

Степка.

А вонъ дьячковы дѣти лѣтось воронье гнѣздо раззорили.

Дементій.

Потому, они кутейники. Нешто они могутъ понимать? А вы, ребята, гнѣзда не трогай. Грѣхъ великій, ежели кто гнѣздо раззоритъ. Коли найдешь гнѣздо съ яичками—не тронь, пущай выводитъ. А кутейники эти, вѣстимо, голодные: они не токма̀ яица—они и голубей лопаютъ.

Матрена.

Тьфу! какъ это имъ въ душу-то лѣзетъ!

Дементій.

Жрать хочется!

Матрена.

Да вѣдь голуби-то непоказанное?

Дементій.

Мало-ли что непоказанное! А вы, ребята, коли ежели мнѣ пріятели, — коли кто примѣтилъ гнѣздышко: сейчасъ покажи мнѣ. (Молчаніе). А вотъ, братцы, Богъ дастъ, полая вода придетъ, рыбу пойдемъ ловить. Какъ занятно!

Матрена.

Ну, этимъ рыбакамъ-то спать пора. Снуютъ, снуютъ день-то деньской, умаются.

Дементій.

Что-жъ скажи, ребята: за нами дѣло не станетъ, мы и спать можемъ. (Встаетъ и почесывается). Погода, значитъ, самого-то задержала... Оченно ужь вьюга-то. Теперешнее дѣло, какъ разъ съ дороги собьешься. Бѣда, тетушка Матрена, объ эту пору въ дорогѣ! Не приведи-то Господи! Стужа! Глазыньки тебѣ это всѣ залѣпитъ, борода обмерзнетъ, злой сдѣлаешься, животину бьешь, ровно-бы она причинна! Все это, значитъ, Божья власть, а ты въ ту-пору ничего этого чувствовать не можешь, потому сердце въ тебѣ больно раскипится. (Потягивается).

Матрена.

Хозяина-то дома нѣтъ, словно бы и страшно одной-то.

Дементій.

Точно что одной-то жутко.

Матрена.

Да мнѣ нонѣ цѣлый день что-то не по себѣ, ровно бы я что потеряла, аль такъ душенька ноетъ. (Съ улицы въ окно слышится стукъ).

Дементій.

Не самъ-ли?

Матрена.

Кому-жъ, опричь его. (Выходитъ изъ избы).

Дементій (къ ребятамъ).

А вы что-жъ не ложитесь? У меня спать чтобы, а то вѣдь я сердитый, наказывать стану.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ-же и Вавиловна.

Вавиловна.

Пустите, православные, душу на покаяніе. (Садится въ изнеможеніи на лавку).

Дементій.

Ишь ты, какъ тебя занесло-то! Въ самую мятель-то ты, значитъ, и попала...

Вавиловна.

Охъ, батюшки мои!...

Дементій.

Ты ноги не ознобила-ли?

Вавиловна.

Моченьки моей нѣтъ.

Матрена.

Раздѣнься, голубка. (Помогаетъ ей раздѣться). Ишь ты, на тебѣ одного снѣгу-то пудовъ пять будетъ.

Вавиловна.

Не чаяла я ужь живой-то быть; думала, помру, въ чистомъ полѣ, не замоливши грѣховъ своихъ.

Дементій.

Что хитраго помереть въ экую стужу! Въ экую стужу и мужику только въ пору, а ужь вашей сестрѣ гдѣ. Ты теперича на печь ступай.

Вавиловна.

Ноженьки-то въ снѣгу-то вязнутъ, идти-то неспособно, а тороплюсь поспѣть засвѣтло.

Дементій.

А ты далеча-ли пробираешься-то?

Вавиловна.

Въ Москву, батюшка. Сыночекъ у меня въ Москвѣ живетъ.

Дементій.

По какой части?

Вавиловна.

По пачпорту ходилъ, а теперича приписался.

Дементій.

А вы господскіе были?

Вавиловна.

Господскіе, батюшка, господскіе.

Дементій.

Чьихъ?

Вавиловна.

Семенъ Иваныча Батурина. (Продолжительное молчаніе).

Дементій.

Отъ господъ-то отошли теперича?

Вавиловна.

Слободные, батюшка.

Дементій.

Вѣдь тебѣ, баушка, чай все равно: ты старый человѣкъ. Вѣдь тебѣ годовъ, чай, много?

Вавиловна.

Много, батюшка.

Дементій.

Ты французское-то раззореніе помнишь-ли?

Вавиловна.

Помню, голубчикъ, все помню. Въ тѣ-поры, какъ ему придти-то, французу-то, на небѣ все столбы ходили. Небо это загорится, и пойдутъ столбы, и пойдутъ столбы. Думали тогда, къ мору, анъ ждемъ-пождемъ — онъ и пришолъ и двѣнадцать языковъ съ собою привелъ.

Дементій.

Двѣнадцать языковъ—это ты вѣрно. Видимо-невидимо, говорятъ, ихъ привалило тогда. Дѣдушка намъ сказывалъ.

Вавиловна.

Въ тѣ-поры нашъ энералъ кресты свои, медали всѣ понавѣсилъ, да ночью, съ Васильемъ фалеторомъ на войну и уѣхалъ.

Матрена.

На страженіе?

Вавиловна.

Да, матушка. Прощайте, говоритъ, православные, ѣду я проливать свою энеральскую кровь. И могилку батюшкѣ велѣлъ себѣ выкопать у церкви. Да Богъ его помиловалъ, голубчика, опять къ намъ пріѣхалъ. Какъ это у французовъ землю эту ихнюю подъ нашего царя подвели, въ нашу вѣру правую ихъ всѣхъ перегнали—онъ и пріѣхалъ, и помню это, нѣмца съ собой привезъ; барчатъ онъ тогда, сказывали, на разные языки обучалъ по-ихнему.

Дементій (потягиваясь).

Ишь ты, старинные-то люди, тетушка Матрена, все знаютъ! Ну, прощайте. Ты, бабушка на печь бы шла. (Хочетъ идти. Съ улицы слышится невнятный разговоръ; всѣ прислушиваются). Что это, тетушка, словно какъ самъ пріѣхалъ. (Молчаніе). Да, онъ и есть! Его рѣчи-то. Что за причина! (Разговоръ становится внятнѣе).—„Да тутъ, въ Алешинѣ".—„Да какъ-же ты прозѣвалъ?"—„Надо бы бѣжать".—„Въ экую вьюгу много-ли набѣжишь, зги Божьей не видать". (Всѣ въ недоумѣніи; Дементій смотритъ на Матрену вопросительно). Отпирай, ступай! (Матрена бѣжитъ и возвращается съ Потапомъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ-же и Потапъ, окоченѣвшій отъ холода.

Матрена.

Чтой-то, батюшка!

Потапъ.

Божеское попущеніе.

Дементій.

Что ты, Потапъ Митричъ?

Потапъ.

Ограбили!

Дементій.

Какъ ограбили!

Потапъ.

Лошадь угнали!!

Дементій.

Что ты!!

Матрена (воетъ).

Ай, батюшки! Чѣмъ мы Бога прогнѣвали? За что на насъ экое наказаніе!...

Потапъ.

Раззорили меня, съ малыми дѣтьми раззорили! Взяться теперь нечѣмъ. Словно и свѣтъ Божій мнѣ все одно, хошь руки на себя накладай. (Обратившись къ образу). Батюшка, Царь милостивый! Твоя воля, Твой предѣлъ, Отецъ нашъ небесный! (Плачетъ). Легче бы хворость какую лютую выхворалъ, ничѣмъ это дѣло. Ахъ ты, Господи!

Матрена.

Чуяла моя душенька, что быть нехорошему. Цѣлый-то денечекъ нонѣ не спалось мнѣ, не ѣлось...

Дементій.

Да какъ-же, братецъ, кое мѣсто угнали-то? Можетъ, еще мы на слѣдъ попадемъ...

Потапъ.

Гдѣ попасть, гдѣ попасть! Не на то воруютъ лихіе люди...

Вавиловна.

Кабы маленько я не поспѣла, и меня бы ограбили.

Дементій.

Постой, баушка, что съ тебя взять! Что-жъ дѣлать, Потапъ Митричъ?

Потапъ.

Что дѣлать!.. Ложись да умирай!

Дементій.

Зачѣмъ умирать, умирать не слѣдъ. Да какъ дѣло-то было?

Потапъ.

Прозябъ я оченно, погода-то больно завернула, да въ Алешинѣ въ кабакъ и заворотилъ; отъ кабака-то и угнали. Цѣловальникъ сказывалъ, что двое какихъ-то сидѣло. Одинъ, говоритъ, кривой, а другой рыжій такой. Опричь ихъ, говоритъ, некому.

Матрена.

Батюшки!.. Касатики!.. Выньте изъ меня мою душеньку!... Они здѣсь были... (Ребятишки просыпаются и смотрятъ въ недоумѣніи).

Дементій.

Кто?

Матрена.

Воры-то, воры-то! И лошадь-то наша у насъ на дворѣ была!... Давя, какъ тебѣ съ ребятами-то придти, я ихъ только что спустила. Ой, смертушка моя!

Дементій.

Это двое-то выѣхали?

Матрена.

Они, они самые. Кривой одинъ.

Дементій.

Ну такъ, Потапъ Митричъ, не сумлѣвайся. Они ночью по экой погодѣ далеча не уѣдутъ. Вотъ погода перестанетъ мы ихъ нагонимъ.

Потапъ.

Какъ-же тебѣ не въ догадъ? Ужли ты нашей лошади не знаешь?

Матрена.

Не въ догадъ, батюшка, не въ догадъ! Всѣ глазынки залѣпило... (Воетъ).

Потапъ (къ дѣтямъ).

Вотъ, ребятушки, лошадь нашу угнали. Пропащій я теперича съ вами человѣкъ! (Плачетъ и опускаетъ голову на столъ).

ПОСТОЯЛЫЙ ДВОРЪ.

СЦЕНЫ ИЗЪ НАРОДНАГО БЫТА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Романъ Игнатьевичъ, содержатель постоялаго двора.
Алена, кухарка.
Евсюха, Пашка, Никита, Бубенъ — извозчики.
Странница.
Странникъ.

На сценѣ большая деревенская изба: въ углу столъ; по стѣнамъ лавки; налѣво изразцовая печь.

ЯВЛЕНІЕ I.

Кухарка (собираетъ со стола).

Нѣтъ хуже народу этихъ ямщиковъ! Насорятъ, надрызгаютъ!.. тьфу!..

Евсюха (входя).

Благодаримъ покорно, Алена Митривна, зà хлѣбъ зà соль.

Кухарка.

Ну, за щи съ квасомъ! Проваливай! Моченьки моей нѣтъ съ вашимъ братомъ.

Евсюха (подпоясываясь).

Точно что оно теперича вамъ трудно: народу много идетъ.

Кухарка.

Такъ валомъ и валитъ. Барыня-то вышла?

Евсюха.

Срядились. Съ полчаса ужъ въ тарантасѣ сидитъ, ругается. Прощенья просимъ!

Кухарка.

Что-жъ, на дорожку-то?

Евсюха.

Да Богъ ее знаетъ, Алена Дмитривна, пить-ли?.. Ну, пожалуйте... веселѣй ѣхать будетъ...

Кухарка наливаетъ стаканъ водки и подаетъ.

Евсюха.

Терпѣть вѣдь я его не могу... этого вина!.. Съ наступающимъ! (Пьетъ).

Кухарка.

И васъ также. Кушайте на здоровье. Дай Богъ благополучно.

Евсюха.

Благодаримъ покорно. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Странница (отворяя дверь).

Пущаютъ, матушка, странныхъ?

Кухарка.

Отчего-жъ не пущать, у насъ всѣхъ пущаютъ: постоялый дворъ на то.

Странница.

Бѣдная я, матушка, неимущая, Христовымъ именемъ иду.

Кухарка.

Войди, раба Божья, милости просимъ. Въ пустынь?

Странница.

Въ пустынь, голубушка.

Кухарка.

Къ угоднику?

Странница.

Къ угоднику, матушка.

Кухарка.

Много къ ему, батюшкѣ, народу идетъ. Какъ же ты, матушка, по обѣщанью?

Странница.

По обѣщанью, сестрица. Слышала, голубушка, я во снѣ звукъ трубный.

Кухарка.

Ай, матушка!.. Чего сподобилась! Разскажи, голубка... Ты, можетъ, потребляешь этого-то (показываетъ на водку). Поднесу...

Странница (стыдливо).

Не брезгую мірскимъ даяніемъ. Коли ваша милость будетъ.

Кухарка.

Стыда тутъ нѣтъ, матушка. Вамъ безъ этого нельзя— хóдите.

Странница.

Много мы ходимъ, матушка, круглый годъ, почитай, ходимъ. (Пьетъ). Благодарю покорно, матушка, пошли вамъ Господи на вашу долю.

Кухарка.

Какъ же ты сонъ-то, красавица, видѣла?

Странница.

А это ночевала я въ кельѣ у матушки у Илларіи, и все она разсказывала мнѣ про божественное, и какъ все

насчетъ жизни, и что, напримѣръ, какъ жить мы должны. И такой на меня, раба Божья, глубокій сонъ нашелъ — такъ сидѣмши и уснула. Вижу, будто, я въ пространной пещерѣ, и вся она, будто, позлащенная, а на полу все каменіе самоцвѣтное... И иду, будто, я по этой пещерѣ, а за мной старцы, все, будто, старцы. И говоритъ мнѣ одинъ старецъ: „почто ты“, говоритъ, „странная, пришла въ нашу обитель?“ Хотѣла я, будто бы, руками-то вотъ такъ... (дѣлаетъ жестъ руками) и слышу, голубка, звукъ трубный... Тутъ я и проснулась.

Кухарка.

А вотъ мы въ міру-то никогда такихъ сновъ не видимъ.

Странница.

Это, сестрица, отъ жизни.

Кухарка.

Нѣтъ ужъ, матушка, Богъ знаетъ—отчего. Моей старой хозяйкѣ,—я у купцовъ прежде жила,—то-ли не жисть была, а все, бывало, во снѣ видитъ, что будто ее рѣжутъ, да будто ее топятъ... Такія страсти все снились, не дай Богъ никому.

Странница.

А ты по купечеству прежде жила?

Кухарка.

Я все по купечеству. Какъ хозяина въ некрута сдали, такъ и пошла по этой части. Сперва наперво у аптекаря два года жила, у армянина невступно годъ жила, а тамъ и пошла все по купцамъ.

Странница.

У купцовъ житье хорошее.

Кухарка.

На что лучше: первый сортъ житье! Мнѣ, по моему характеру, только и жить у купцовъ: женщина я набалованная, кусокъ люблю хорошій, чай мнѣ чтобы безпремѣнно, ну, а по купечеству насчетъ этого слободно.

Странница.

И нашу сестру они странную любятъ.

Кухарка.

Любятъ. У насъ, бывало, у Павла Матвѣича, отъ вашей сестры, да отъ нищей братіи отбою нѣтъ.

Странница.

Для души спасенья это, матушка, хорошо.

Кухарка.

Со всего свѣта ходили, грѣхи его замаливали.

Странница.

А померъ ужъ?

Кухарка.

Пора помереть! Годовъ пятнадцать безъ рукъ, безъ ногъ сидѣлъ, травами его отпаивали.

Странница.

Отчего же это онъ, голубушка?

Кухарка.

Господь его вѣдаетъ.

Странница.

И дѣтки были?

Кухарка.

Какже, матушка, три дочки; всѣ на моихъ глазахъ повыросли; и сынокъ былъ, Митрій Павлычъ... женить ужъ хотѣли, да не продлилъ Богъ его вѣку: пропалъ бѐзъ-вѣсти.

Странница.

Безъ-вѣсти?!

Кухарка.

Да, матушка. Поѣхалъ на ярманку, да тамъ и остался. Большія деньги старикъ-то давалъ, кто отыщетъ — не нашли, ровно въ воду канулъ.

Странница.

Убили, должно.

Кухарка.

Убили, матушка, убили. Шесть недѣль онъ опосля, голубчикъ, къ намъ ходилъ. Какъ, бывало, ночь, такъ онъ весь домъ и обойдетъ. Что страху-то было! А то это, вздумается ему когда, возьметъ да свѣчи по всему дому зажжетъ.

Странница.

Это, сестрица, душенька его приходила.

Кухарка.

Да ужъ извѣстно.

Странница.

По родителямъ тосковала. А живъ у тебя хозяинъ-то?

Кухарка.

Господь его вѣдаетъ. Какъ тогда ихъ угнали на Капказъ, такъ и слуховъ объ емъ нѣтъ... должно, къ австріякамъ попалъ.

Странница.

Жалко, поди?

Кухарка.

По первоначалу-то жалко было, а теперя ничего. За вѣру правую пущай кровь свою проливаетъ.

Странница.

Такъ, такъ, матушка.

ЯВЛЕНІЕ III.

Романъ Игнатьевичъ, нѣсколько извозчиковъ и странникъ.

Никита.

Народу много идетъ къ празднику-то.

Романъ.

Много! А ты, старецъ, тоже къ угоднику?

Странникъ.

Къ угоднику.

Романъ.

Издалеча?

Странникъ.

Дальній. Въ первой отъ роду въ вашихъ мѣстахъ. Въ Кіевѣ былъ, у Соловецкихъ Чудотворцевъ два раза сподобился, по окіянъ-рѣкѣ плавалъ.

Пашка.

А людоѣдовъ ты видалъ-ли? Говорятъ, въ той сторонѣ людоѣды живутъ.

Странница.

Какъ ихъ не видать!—Я видѣла.

Пашка.

Что же, они, тетушка, одноглазые?

Странникъ.

Одноглазые.

Пашка.

За что же они людей-то жрутъ? Али ты, можетъ, врешь?

Странница.

Что-жъ намъ врать, мірской человѣкъ, врать намъ нечего. И въ книжкахъ есть этому описаніе: коли ты грамотный — въ книжкахъ прочитай. Потому какъ они одноглазые и по ихнему закону все можно.

Никита.

Привелъ бы Богъ пораньше уѣхать: балуютъ у насъ по дорогѣ-то.

Романъ.

Шалятъ. Дорога у насъ бойкая, баловства много. А ежели въ сумерки, мимо Жукова оврага и не ѣзди — обчистятъ, потому мѣсто оченно глухое. Намедни туда все село ворошили смотрѣть: одного за убивство наказывали — въ семи душахъ повинился... Начальству сталъ въ ноги кланяться — не помиловали, наказанье великое было.

Никита.

За что миловать!

Романъ.

Потому кровь христіанскую проливалъ, а вѣдь она, извѣстно, кровь-то христіанская, вопіетъ.

Никита.

Вопіетъ! Ежели душу загубилъ,—конечно!..

Бубенъ.

Нѣтъ, меня Богъ миловалъ; годовъ пятнадцать ѣзжу, на лихаго человѣка не натыкался. Въ запрошломъ году только въ кабакѣ у меня, у пьянаго, полушубокъ украли, а то ничего.

Романъ.

Это по нашей дорогѣ часто.

Пашка.

И какъ можно, братцы, убить человѣка? За что? Кажись, какъ бы на меня кто наскочилъ — въ клочки бы я изорвалъ.

Никита.

Въ избѣ-то говорить не страшно, а въ лѣсу попадется—въ ногахъ наваляешься.

Пашка.

Я-то?

Никита.

Ты-то!..

Пашка.

Зачѣмъ баловать! Я человѣкъ смирный, животину не бью, а за свою душу до смерти ушибу.

Романъ.

Полно, Павлуха, батвить-то! Лихой человѣкъ на то пошелъ... разбойникъ вѣдь онъ — въ лѣсу со звѣремъ живетъ, звѣря не боится; можетъ кажинную ночь руки кровянитъ,—что ты можешь такому человѣку?

Бубенъ.

Ничего не подѣлаешь!

Никита.

Безъ году недѣлю въ извозчикахъ-то ѣздитъ, да разговариваетъ! Я всю Расею произошелъ, большую-то до-

рогу знаю. Зря говорить нечего! Звѣря лютаго, кажись, такъ не успужаешься, какъ разбойника! Замретъ твоя душа, охолодаешь весь... не дай Богъ никому!

Бубенъ.

А тебѣ трафилось? (Кухарка ставитъ на столъ ужинъ).

Кухарка.

Ну, господа честные, пожалуйте. Садись, матушка... Садись, старичекъ почтенный... Пріятнаго вамъ апекиту. (Всѣ садятся за столъ).

Никита.

Я вотъ буду сказывать, а ты слушай: каковы эти люди есть.

Кухарка (садясь рядомъ съ Никитой).

Сказывай, батюшка, сказывай. Люблю я старинныхъ-то людей слушать.

Никита.

Въ Озеркахъ, у насъ, у покойника у дѣдушки, станція была. Мнѣ тогда годовъ двадцать было. Ночью, какъ теперь помню, подъ самое подъ Воздвиженье, пришелъ къ намъ на дворъ тарантасъ съ купцомъ на сдаточныхъ. Моя череда была. Смерть ѣхать не хотца. Я купцу-то и говорю, „переночуйте“, говорю, „ваша милость: оченно темно, овраги у насъ тутъ, въ тарантасѣ ѣхать неспособно“.— „Нѣтъ“, говоритъ, „я и такъ на ярманкѣ замѣшкался... Трогай! Господи, благослови!“ Съѣхали мы со двора-то— зги Божьей не видать!—„Ваше степенство“, говорю: „воля милости вашей, а ѣхать намъ страшно, обождемъ до свѣту“.—„Ступай, ступай“, говоритъ. Верстъ пять проѣхали—ничего. Какъ въѣхали въ Легковскій лѣсъ, и купецъ мой испужался. —„Не заплутайся“, говоритъ, „темно“.— „Богъ милостивъ“, говорю, „коли поѣхали, надо ѣхать“. Ѣдемъ мы лѣсомъ-то, смотрю, ровно-бы огонекъ показался, такъ махонькой....

Бубенъ.

Волкъ?

Никита.

Погоди!— „Ваше степенство“, говорю, „вы ничего не видите?“—„Нѣтъ“, говоритъ, „а что?“—„Огонекъ“, говорю, „въ лѣсу показался... сумнительно мнѣ оченно“.— „Что-жъ ты“, говоритъ, „сумлѣваешься?“—„Да такъ“, говорю, „не лихой-ли человѣкъ насъ съ тобой дожидается?“— „Сотвори“, говоритъ „молитву“. Творю это я молитву, а огонекъ этотъ опять.—„Видѣлъ“, говоритъ, „братецъ, и я“.

Кухарка.

Это купецъ-то?

Никита.

Купецъ-то.—„Душу свою“, говорю, „намъ-бы здѣсь не оставить“. — „Что ты“, говоритъ, „дуракъ, меня пужаешь? Кому наша душа нужна!..“ — „Садись“, говорю, „сударь, со мной на козлы—не такъ жутко будетъ“. Сѣлъ онъ со мной рядомъ, а самъ ровно-бы вотъ листъ трясется.—„Чего-же вы такъ, ваша милость“, говорю: „робѣть намъ нéчего! Коли ежели что—насъ двое“. А у самаго, братецъ мой, духъ захватило, руки отымаются.

Пашка.

Тетушка Алена, плесни еще щецъ-то. Щи-то нонѣ у тебя жирныя, облопаешься. (Кухарка поспѣшно наливаетъ щей и садится).

Никита.

Ѣхали, мы ѣхали,—слышу: съ правой стороны ровнобы окрикнулъ кто. Такъ у меня подъ сердце и подкатило! Я къ купцу: „ваше степенство“, говорю „мы пропали!“—„Что ты“, говоритъ, „милый человѣкъ!“—„Вѣрно“, говорю... Подобралъ возжи, да и думаю: всю тройку зарѣжу, а въ руки не дамся. Только хотѣлъ кнутомъ-то... Стой!.. Двое повисли на пристяжныхъ, да такъ всю тройку и осадили, а одинъ подошелъ къ тарантасу: „аль больно скоро нужно?“ говоритъ.—„Скоро“, говорю.—„Съ ярманки, что-ли?“—„Какіе вы такіе люди есть“, говорю, „коли вамъ требуется?“ — „А далеча-ли вамъ ѣхать-то?“—„Далеча“.— „Мы говоритъ, къ вамъ на устрѣтъ вышли... мѣсто здѣсь больно глухое...“ А купецъ мой и языкомъ владѣть пересталъ.

Бубенъ.

Оробѣлъ!

Романъ.

Какъ, батюшка, не оробѣть—оробѣешь. Ну!..

Никита.

Только, братецъ мой, смотрю: лѣвую пристяжную ужъ отпрягли. Выскочилъ я изъ тарантаса-то, да хотѣлъ за лошадь-то уцѣпиться, какъ онъ меня хлясь!.. (Кухарка взвизгиваетъ, какъ будто ее самое ударили).

Никита.

Такъ я и покатился!.. Въ глазахъ огни пошли... Слышу: и купецъ мой застоналъ, и такъ этотъ купецъ застоналъ—нутренная моя вся поворотилась... а опосля ужъ ничего и не помню.

Пашка.

Чѣмъ же онъ тебя съѣздилъ-то—струментомъ какимъ, аль такъ?

Никита.

Надо полагать, закладкой.

Бубенъ.

Закладкой—бѣда! Меня разъ въ Москвѣ на стѣнкѣ закладкой тоже приложилъ, такъ я годъ въ больницѣ вылежалъ, кажиный день помирать изготовлялся, насилу отдыхалъ. (Всѣ встали изъ-за стола. Странникъ ложится на полу).

Кухарка.

Какъ же ты, батюшка, очнулся-то?

Никита.

Очнулся-то я въ лѣсу, съ дороги-то они насъ въ лѣсъ сволокли. Утренничкомъ меня прохватило, ровно бы маленько я и очувствовался. Хочу головушку поднять—моченьки моей нѣту. Сталъ купца обзывать: „господинъ купецъ, господинъ купецъ!“ А купецъ мой ничуть. Доползъ я къ нему, а ужъ онъ Богу душу отдалъ и лица на немъ распознать нельзя. (Кухарка утираетъ слезы). Ну, думаю, и мнѣ, должно, въ дремучемъ лѣсу помирать надо; въ останный разъ хошь Богу помолюсь за родителевъ.

Уцѣпился за дерево, всталъ, да опять, ровно снопъ, ударился. Въ полдни кое-какъ выползъ на дорогу-то; гляжу: тарантасъ мой въ канаву спихнули и кожу съ его всю ободрали...

Романъ.

А домой какъ ты попалъ, батюшка?

Никита.

Проѣзжій одинъ баринъ доставилъ.

Бубенъ (взглянувъ въ окно).

Ужъ и туча-же, братцы, какая лютая заходитъ! Безпремѣнно гроза будетъ.

Пашка (разстилая по полу армякъ).

А и, братцы, эта гроза! Насъ однова въ лѣсу застала, дрова мы рубили.... страсть! Какъ ударила молонья въ сосну, вотъ надо быть зубомъ дерево-то перекусила.

Бубенъ.

Потому стрѣла у ей оченно тонкая... у молоньи-то!.. И никуда ты отъ ей не уйдешь. И ежели тебѣ отъ грозы помереть нужно, такъ ты отъ грозы и помрешь.

Романъ.

Помереть, голубчикъ, отъ всего можно.

Бубенъ.

Это точно, что... какъ не помереть.

Странница.

Завсегда къ этому готовиться надо.

Странникъ (сквозь сонъ).

Въ помышленіи держать.

Бубенъ (значительно).

Вѣрно.

Странникъ.

Ходимъ мы по разнымъ мѣстамъ, а не знаемъ, гдѣ наша смерть будетъ.

Пашка (зѣвая).

Гдѣ ни на есть, тетушка, а ужъ помрешь, помяни ты мое слово. (Раздается ударъ грома; всѣ крестятся). Лѣшему-то теперича смерть! (Молчаніе).

Бубенъ.

А что?

Пашка.

Оченно онъ грозы боится. Ужъ теперь онъ подъ деревомъ жмется.

Бубенъ (ложится на полъ).

Не любитъ.

Пашка.

Она его теперича по лѣсу-то гоняетъ. Ты, тетушка, лѣшихъ-то видала-ли?

Странница.

Гдѣ ихъ, батюшка, видѣть.

Пашка.

Мы разъ видѣли: одна ноздря у него, а спины нѣту.

Романъ.

Полно врать-то, дурацкой твой разумъ!

Пашка.

Сейчасъ умереть, Романъ Игнатьичъ, кого хошь спроси. Онъ только показывается не всякому, а кого ежели оченно любитъ.

Никита.

Что-жъ, ребята, я запрягать пойду.

Бубенъ.

Съ Богомъ.

Никита.

А вы утромъ?

Пашка.

Мы чѣмъ-свѣтъ.

Никита.

За хлѣбъ за соль...

Романъ.

Ступай, справляйся.

Странница.

Съ меня, хозяинъ, съ неимущей, что положите?

Романъ.

Что съ тебя класть? Класть съ тебя нечего. Богу за насъ помолись.

Странница.

Спаси тебя, Господи, рабъ Божій.

Романъ.

Ну, ребята, спать чтобы у меня крѣпче...

Пашка.

На счетъ этого, Романъ Игнатьичъ, не сумлѣвайся, вплоть до пѣтуховъ проспимъ. Спать нашему брату очення въ пользу.

НА ПОЧТОВОЙ СТАНЦІИ.

НОЧЬЮ.

— Ямщики! Эй, ямщики! Тарантасъ подъѣхалъ...

— Вставай... чья череда-то?

— Микиткина...

— Микитка!.. Слышь!.. Микитка, гладкій чортъ! тарантасъ подъѣхалъ...

— Сичасъ!..

— Да какъ-же ты теперича поѣдешь-то?

— А что?

— Ночью-то?!..

— Ну?

— Такъ что-же?

— По косогорамъ-то?

— Такъ тарантасъ-то вляпаешь!..

— Вляпаешь! Пятнадцать годо̀въ ѣзжу, да вляпаешь!..

— Ваше благородіе! Тутъ у насъ на 7-й верстѣ къ Озерецкому-то косогоры, такъ вотъ отъ поштоваго епартаменту обозначено, чтобъ сумлѣнія не было...

— Помилуйте, ваше благородіе, я пятнадцать годовъ ѣзжу...

— Онъ-тѣ въ загривокъ-то накладетъ...

— Наклалъ!.. Мазали чтолича?

— Смазано!..

— Извольте садиться, ваше благородіе! Эхъ вы, голубчики!..

— Смотри осторожнѣе...

— Помилуйте, сударь, я пятнадцать годовъ ѣзжу. Ямщики, извѣстно, со смотрителемъ за одно... Смотрителю только-бы самовары наставлять, пользоваться...

— Тпру!!.

— Что?

— Вотъ этотъ самый косогоръ-то и есть.

— Осторожнѣй!

— Помилуйте, сударь, я пятнадцать годовъ ѣзжу. Не извольте сумлѣваться...

— Смотри!

— Точно что оно, опосля дождя, тутъ жидко...

— Держи!..

— Господи, ужли въ пятнадцать-то годовъ дороги не знаю...

(Тарантасъ падаетъ).

— Что-жъ, ты, чортъ тебя возьми!..

— Поди-жъ ты! Кажинный разъ на этомъ мѣстѣ...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

стр.
Изъ Московскаго захолустья 1
Затменіе солнца 21
Воздухоплаватель 25
Сцена у пушки 28
Мастеровой 30
У квартальнаго надзирателя 32
Изъ Московскаго захолустья. I. Иверскіе юристы 40
II. Широкія натуры 48
Изъ прошлаго 59
Птицеловъ 66
Спичи 75
Живемъ въ свое удовольствіе 79
Купеческое житіе 93
Съ широкой масляницей 103
Сцены изъ купеческаго быта I. Смотрины 107
II. Сговоръ 116
Просто—случай 125
На ярмаркѣ 137
Самодуръ 147
Жестокіе нравы 214
Спрятался мѣсяцъ за тучи 217
Тенерифъ 219
У мирового судьи 222
Старое вино 226
Развеселое житье 229
Травіата 232
Блонденъ 234
Съ легкой руки 236
Нана 242
Въ деньгахъ все счастье 246
Общее собраніе общества прикосновенія къ чужой собственности 249

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

	стр.
Лѣсъ	255
Безотвѣтный	265
Въ дорогѣ	268
Громомъ убило	277
Утопленникъ	280
На рѣкѣ	292
Деревенскія сцены	309
На праздникѣ	333
Визитъ	344
На большой дорогѣ	352
Постоялый дворъ	368
На почтовой станціи	383

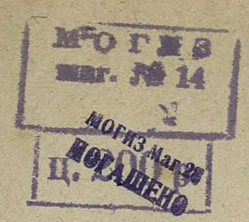
ПЕРЕЧЕНЬ РИСУНКОВЪ.

Передъ выходнымъ листомъ внѣ текста портретъ И. Ѳ. Горбунова. Офортъ Н. З. Панова.

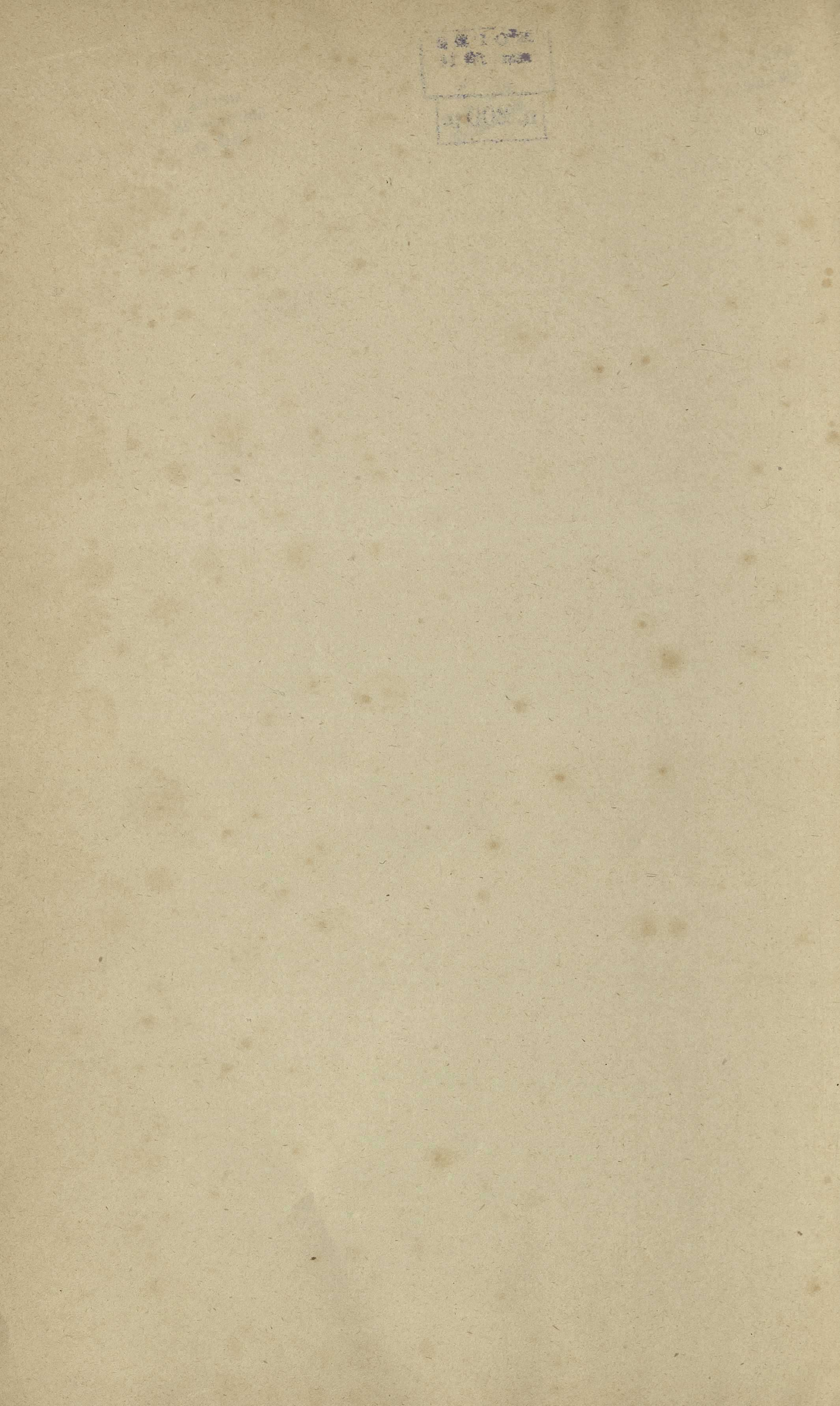
стр.
1. А. Рябушкинъ. Московское захолустье.
8. А. Чикинъ. Изъ Московскаго захолустья.
15. А. Чикинъ. Изъ Московскаго захолустья.
18. А. Аѳанасьевъ. Изъ Московскаго захолустья.
21. А. Чикинъ. Затменіе солнца.
23. А. Чикинъ. Затменіе солнца.
25. А. Аѳанасьевъ. Воздухоплаватель.
27. А. Аѳанасьевъ. Воздухоплаватель.
28. А. Аѳанасьевъ. Сцена у пушки.
30. А. Аѳанасьевъ. Мастеровой.
31. А. Аѳанасьевъ. Мастеровой.
32. А. Аѳанасьевъ. У квартальнаго надзирателя.
39. А. Аѳанасьевъ. У квартальнаго надзирателя.
48. А. Рябушкинъ. Широкія натуры.
52. А. Рябушкинъ. Широкія натуры.
58. А. Рябушкинъ. Широкія натуры.
59. А. Чикинъ. Изъ прошлаго.
76. А. Рябушкинъ. Спичи.
79. В. Навозовъ. Живемъ въ свое удовольствіе.
90. В. Навозовъ. Живемъ въ свое удовольствіе.
107. А. Рябушкинъ. Смотрины.
138. А. Аѳанасьевъ. На ярмаркѣ.
210. А. Чикинъ. Самодуръ.
218. А. Аѳанасьевъ. Спрятался мѣсяцъ за тучи.
234. А. Чикинъ. Блонденъ.
236. В. Навозовъ. Съ легкой руки.
255. А. Чикинъ. Лѣсъ.
266. И. Рѣпинъ. Безотвѣтный.
277. В. Навозовъ. Громомъ убило.

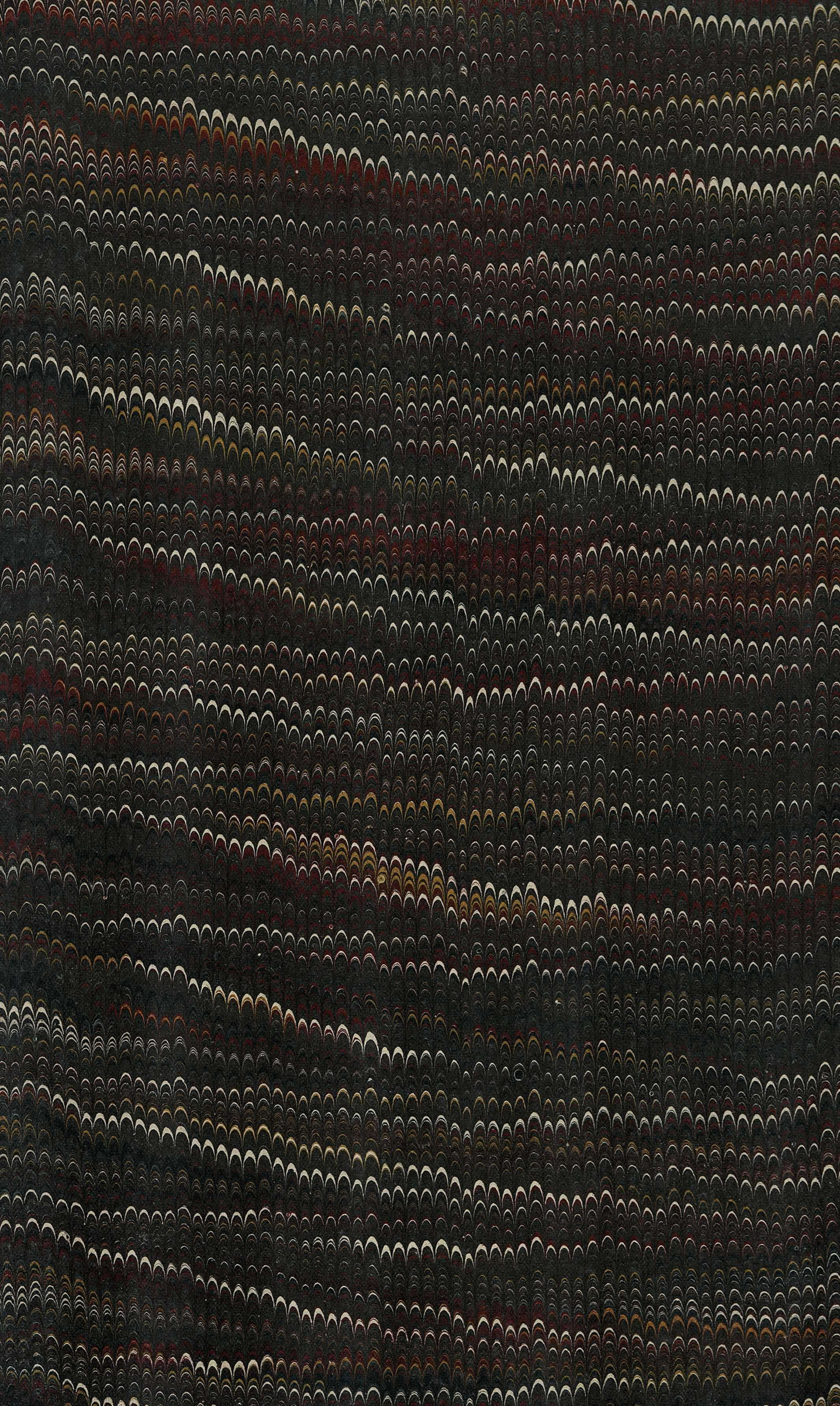
279. В. Навозовъ. Громомъ убило.
280. В. Навозовъ. Утопленникъ.
287. В. Навозовъ. Утопленникъ.
292. А. Чикинъ. На рѣкѣ.
333. В. Навозовъ. На праздникѣ.
338. В. Навозовъ. На праздникѣ.
352. А. Чикинъ. На большой дорогѣ.
367. А. Чикинъ. На большой дорогѣ.
371. А. Аѳанасьевъ. Постоялый дворъ.
375. А. Аѳанасьевъ. Постоялый дворъ.

МОГИЗ Маг 28
ПОГАШЕНО



МОГИЗ
Магазин 28
150 р.





2022530733